

*Москва
слезам не верит*

ВАЛЕНТИН ЧЕРНЫХ

Валентин Черных

Москва слезам не верит

ЧИТАТЬ [МОДНО]

Валентин Черных

*Москва
слезам
не верит*

Санкт-Петербург

RedFish
ТОРГОВО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «АМФОРА»

2005

УДК 882
ББК 84 Р7
Ч 49

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнеры»*

Черных, В.

Ч 49 Москва слезам не верит : [роман] / Валентин Черных. — СПб. : Ред Фиш. ТИД Амфора, 2005. — 671 с. — (Серия «Смотрим фильм — читаем книгу»).

ISBN 5-901582-56-X

Вряд ли в нашей стране найдется человек, который не смотрел и не любил бы кинофильм «Москва слезам не верит». История провинциальной девушки Кати, приехавшей покорять Москву, знакома уже не одному поколению российских телезрителей. А вот литературному произведению «Москва слезам не верит» повезло гораздо меньше. Мало найдется читателей, которые с уверенностью могли бы сказать, что им знакомы герои и события, не вошедшие в кинофильм. А жаль. Валентин Черных — известный российский автор и сценарист (фильмы «Любовь земная», «Любить по-русски», «Выйти замуж за капитана» и другие) — блестяще умеет увлечь читателя неожиданным развитием сюжета или несколько иной, непривычной характеристикой полюбившегося персонажа.

**УДК 882
ББК 84 Р7**

ISBN 5-901582-56-X

© Черных В., 1994
© Оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2004

Глава 1

Списки поступивших в химико-технологический институт были вывешены в фойе перед актовым залом. Возле них толпились абитуриенты. От стендов со списками многие отходили энергично-решительно — они уже студенты, значит, жизнь на пять лет вперед определена.

Катерина протиснулась, нашла фамилии на «Т», мгновенно вобрала их взглядом. Были Тихонов, Тишков, Тахадзе, Тимурзалиев, Тагизаде, Татарцева. Она еще раз медленно прошла по списку, читая каждую фамилию от начала до конца, могли ведь поставить не точно по алфавиту. Дважды прочитав весь список, отошла. Фамилии «Тихомирова» не было. Можно возвращаться в общежитие. Катерина проваливалась уже второй раз. Теперь оставалось позвонить и сообщить о случившемся. Она прошла мимо нескольких телефонов-автоматов, оттягивая неприятный разговор, потом остановилась, решила и набрала номер.

— Академик Тихомиров, — ответили ей громко и быстро.

Академик сразу задавал тон: излагайте конкретно, по существу и коротко.

— Я провалилась, — сообщила Катерина.

— Какой проходной балл? — спросил Тихомиров.

— Двадцать два.

— Сколько набрала ты?

— Двадцать один.

— Приезжай, — почти приказал Тихомиров.

— Я буду поступать в следующем году, — начала было Катерина.

— Приезжай, — повторил Тихомиров и повесил трубку.

Академик Тихомиров был ее родственником. Отец Катерины доводился ему племянником.

В прошлом году, уезжая в Москву поступать в институт, Катерина запретила отцу писать об этом академику. Училась она хорошо, лучше почти всех в классе, во всяком случае девчонок, и представляла, как уже студенткой подойдет к Тихомирову в институте и скажет:

— Я — Катя Тихомирова, дочь Александра Ивановича Тихомирова из Красногородска.

Академиком в Красногородске гордились. В городском музее стоял стенд с его портретом, двумя его книгами, тремя брошюрами и

краткой биографической справкой. Более знаменитым из красногородских был только генерал Стругалев, который погиб в битве за Берлин. Именем Стругалева называли улицу и крахмало-паточный завод. В музее под стеклом лежала фуражка Стругалева, его ордена и пистолет «ТТ».

Тихомиров в Красногородск не приезжал уже больше двадцати лет, а родственники из провинции к нему заезжали, оставались ночевать. Но это было раньше, при первой жене Тихомирова и на старой квартире. Потом он развелся с женой (тоже родом из Красногородска), женился на москвичке, стал академиком, получил квартиру в высотном доме, и родственники перестали у него бывать. Новая жена завела новый порядок. Чтобы переночевать у академика, надо было заранее, не менее чем за месяц, написать письмо, предупредить о приезде и получить ответ, что вас ждут. Некоторые пытались игнорировать эти правила, без предупреждения прямо с вокзала ехали в высотный дом. Их поили чаем, расспрашивали о родственниках, но ночевать не оставляли.

Катерина позвонила Тихомировым только через полгода после того, как в первый раз провалилась на вступительных экзаменах. Она уже жила в общежитии, работала штамповщицей на фабрике металлической галан-

тереи, о чем и сообщила академику. Он и в тот раз, как сегодня, коротко приказал:

— Приезжай!

Тогда она вошла впервые в московскую квартиру, которая для нее стала и мечтой, и образцом. В трех комнатах стояла мебель, которую она видела только в иностранных фильмах. Потом, не сразу конечно, в одном из разговоров с женой Тихомирова Изабеллой она узнала, что мебель и была иностранной. Тихомиров привозил ее из Львова, из Риги: немецкие серванты, настоящие венские стулья. Кожаные кресла он купил в Самборе, на Западной Украине, после войны, когда все еще жили голодно, мебель продавали дешево. Во время войны — а Тихомиров был сапером — он побывал в Германии, жил в домах, в которых добротная мебель стояла веками, и сказал себе однажды: и у меня будет такая. Он всегда ставил перед собой конкретные цели и добивался их. Как только появились деньги, стал покупать мебель — не антикварную, но добротную, конца прошлого века или начала нынешнего, которой в России сохранилось немного. Ее сожгли в помещичьих усадьбах в первые годы революции, растащили по коммунальным квартирам и не хотели продавать ни за какие деньги: мебели в стране делали мало, в основном для контор, казарм, общежитий.

Катерине все это еще предстоит узнать, когда она начнет обставлять мебелью собственную квартиру. Правда, к тому времени все станет проще. Появятся готовые гарнитуры: «гостиная», «спальня», «кухня». Их бросятся покупать, и во многих квартирах будут стоять стандартные стенки, стандартные кресла, ножки от которых выпадали уже через год. Функционально задуманные диван-кровати раскладывались с трудом, основательность и прочность исчезали из жизни. У Тихомирова и через двадцать лет стояла прежняя мебель, и она не выходила из моды, а новая — с ее геометрическими резкими пропорциями — устаревала, ломалась, и при жизни человек менял ее несколько раз. А ведь мебель, как и дома, должны служить, и когда-то служили, нескольким поколениям. Получая в наследство комод или шкаф, человек знал, что ему не надо будет беспокоиться о новом комоде или шкафе всю оставшуюся жизнь. И мебель даже перейдет к его детям и внукам.

Катерина вошла в громадный холл, поздоровалась с вахтершей.

Прошла к лифту, не останавливаясь, как это делал Тихомиров, и вахтерша ответила ей уже вслед: «Добрый день» — и не спросила, к кому она идет. Вряд ли ее запомнили, у Тихомировых она бывала редко, подействовала, вероятно, уверенность, с какой здороваются

только жильцы. Да и одеждой Катерина не отличалась от девушек из этого дома: модная юбка-«колокол», белая кофточка, туфли на каблуках, не высоких и не низких, удобных для ходьбы по улицам. Она присматривалась к обуви московских женщин: они не экономили на туфлях, покупали в основном чешские или румынские, которые в последние годы появились в московских магазинах и отличались от грубоватых советских.

Дверь открыла Изабелла, подбадривающе улыбнулась — за этот год у них установились доверительные отношения. У Тихомирова не было детей, и Изабелле после сорока вдруг захотелось воспитывать и передавать другим свой опыт. Выяснив, что Катерина не болтлива, она многое рассказывала ей о московской жизни, правда, никогда не говорила о себе. Она всегда ссылалась на опыт подруг и обычно начинала: «Был такой случай с одной моей подругой...»

— Обедать будешь? — предложила Изабелла.

— Спасибо. Если только чайку.

Изабелла принесла чай в кабинет Тихомирова. Академик сел на вращающееся кресло за столом, Катерина на диванчик, Изабелла устроилась в кресле.

— Я звонил в деканат, — сообщил Тихомиров. — Сейчас уже ничего сделать невозможно.

— Я знаю, — подтвердила Катерина. — Буду поступать на следующий год.

Тихомировы переглянулись.

— А почему именно химия? — поинтересовался Тихомиров.

— Мне нравится химия, — ответила Катерина.

— А почему не сельскохозяйственный, не педагогический, не медицинский, строительный, полиграфический? Есть еще как минимум три тысячи замечательных профессий. Ты хочешь заниматься химией как наукой?

— Я еще не знаю, — призналась Катерина.

— Или ты хочешь стать химиком-технологом? Ты была хоть раз на химзаводе или комбинате?

— Не была.

— Я тебе устрою экскурсию, — пообещал Тихомиров. — И это, может быть, раз и навсегда отобьет у тебя охоту заниматься химией.

— Может быть, на филологический? — предложила Изабелла. — У меня там есть знакомые. Можно нанять репетиторов, и за год тебя натаскают.

— Мне это неинтересно. Я люблю физику, химию, математику, — ответила Катерина.

— Поразительно, — искренне удивилась Изабелла. — Я в этом ничего не понимаю. Никогда не понимала. С пятого класса списывала

у наших мальчишек и домашние задания, и контрольные.

— Я всегда решала сама, — сказала Катерина. — Но вы ведь стали химиком, и вам это нравится? — Катерина смотрела на академика, не очень понимая, к чему этот разговор.

— У меня так получилось, — Тихомиров помолчал, размышляя, наверное, стоит ли быть откровенным. — Я мог стать кем угодно: метростроевцем, инженером, офицером, летчиком. Но я попал на строительство химкомбината, закончил вечернюю школу, стал рабфаковцем. Химкомбинат дал мне направление в химико-технологический институт. С таким же успехом я мог попасть в военное училище, в строительный институт. Я только в институте понял, что такое химия. Тогда особенно не задумывались над тем, что, выбирая профессию, выбираешь себе жизнь. Хотелось только выгучиться чему-нибудь.

— А я знаю, почему Катерина хочет быть химиком, — включилась Изабелла.

Она подошла к схеме. На стене кабинета висел большой лист картона с родословной Тихомировых, которая начиналась с 1790 года. Вначале, правда, шли Кирилловы, Александровы, Ивановы. В русских деревнях не было постоянных фамилий. Сын Кирилла становился Кирилловым, а дети его сына Александра уже Александровыми. Первый Тихомиров

был зафиксирован в родословной в 1870 году как мещанин Красногородска. От него шли ответвления. На дочерях линия Тихомировых заканчивалась вместе с переменной фамилии. Академик отслеживал только родственников с фамилией Тихомиров. Среди них были военные, но не выше подполковника, строители, зоотехники, учителя — обычный набор профессий, которые выбирают сельские школьники. В Москве среди Тихомировых были начальник главка, водитель автобуса, начальник районного отделения милиции; был кружок, куда академик вписал и Катерину, обозначив только год рождения, ожидая, вероятно, когда Катерина определится с профессией.

— И почему же химиком? — обратился академик к Изабелле.

— А ты будто не догадываешься? — улыбнулась Изабелла. — Кто самый знаменитый из Тихомировых? Ты. А кто ты? Химик. И девочка решила, что она пойдет по уже проверенной дорожке. И связи будут, и подтолкнуть могут, особенно вначале, и от ошибок предостерегут. Это нормально. Если бы этого не было, надо было бы организовывать самому. Лучшее продолжение дела — семейное продолжение. Мне кажется, ты мало что сделал, чтобы ей помочь.

— Она была на контроле, — возразил Тихомиров, — но ты права. Можно было сделать

и больше. Она второй раз не добивает баллов по литературе и языку. Надо, значит, брать репетиторов.

— Я сама подготовлюсь, — заверила Тихомировых Катерина.

— Если бы можно было готовиться самим, то не было бы репетиторов, а они существуют уже несколько столетий. Зачем пренебрегать опытом человечества? Ты это возьмешь на себя? — спросил Тихомиров Изабеллу.

Та кивнула.

— Все. Я завтра выступаю оппонентом на защите докторской диссертации. Мне надо подготовиться. Остальные вопросы в следующий раз. — Тихомиров придвинул к себе толстую папку с рукописью.

Катерина с Изабеллой ушли на кухню. Изабелла заварила кофе, достала бутылку ликера, плеснула себе и девушке в рюмки. Катерина попыталась отказаться.

— Тебе это сейчас надо, — посоветовала Изабелла. — Успокаивает и приводит мысли в соответствие с ситуацией.

Они пили кофе с ликером. Катерине и впрямь стало легче и веселее. Изабелла закурила сигарету, предложила Катерине. Катерина уже пробовала несколько раз курить, но у нее не получалось, першило в горле. Она взяла необычно длинную сигарету с фильтром. Изабелла щелкнула зажигалкой. Катерина за-

тянулась и не закашлялась. Голова приятно закружилась.

— Первый раз куришь?

— Первый, — призналась Катерина.

— Будем считать, что в последний. Никотин меняет цвет лица. К тому же многие мужчины считают, что целовать курящую женщину — все равно что пепельницу. — Изабелла отобрала у Катерины сигарету. — У тебя есть парень?

— Нет, — ответила Катерина, но поправилась, — нет постоянного, ухаживают многие, ну, не многие, но два-три парня есть. Наверное, я им нравлюсь.

— Наверное, — согласилась Изабелла, — но знаешь, какую самую большую глупость ты можешь совершить?

— Какую?

— Выйти замуж за одного из этих троих, которым ты нравишься.

— Я не собираюсь замуж, — заверила Катерина Изабеллу. — Я вначале хочу поступить в институт, закончить его.

— Если хочешь выбраться из той жизни, какой ты живешь, можно все, кроме замужества. Выйдешь замуж, пойдут дети, и уже никакого института тебе не видать. А те ребята, которые за тобой ухаживают, они кто? Маляры? Штукатуры? Каменщики?

— Один — сантехник, один — шофер.

— Одной тебе мы еще сможем помочь, — заметила Изабелла, — но тянуть еще и сантехника, и двоих детей, которых ты ему родишь, — сантехники всегда хотят как минимум двоих. Если родишь девочку, то обязательно нужен еще и мальчик, наследник, так сказать. Хотя что наследовать-то? Комнату в общежитии и две пары ботинок — одни на работу, другие на выход по воскресеньям! — Изабелла долила в рюмки ликеру себе и Катерине. — А ты с кем спишь — с сантехником или с шофером?

Катерина не сразу поняла вопрос, а поняв, почувствовала, что краснеет, и поспешно ответила:

— Ни с кем.

— Это довольно приятное занятие — спать с мужиками. Не со всеми, правда. Но если будет уж очень невтерпеж и не устоишь, предохраняйся. Я тебе дам таблетки.

— Спасибо. Не надо, — заверила ее Катерина.

— Надо, — твердо сказала Изабелла.

— Я пойду. — Катерина поднялась.

— Осенью начнешь заниматься с репетитором по языку и литературе, — заявила, как об уже решенном, Изабелла. — Я заплачу. У меня к тебе просьба. Мы едем на юг в санаторий. Ты сможешь пожить у нас в квартире, пока мы будем в Ялте? Надо поливать цветы и выгуливать Чапу два раза в день: утром и вечером.

У нас вечная проблема с собакой. Академик вырос среди собак, свиней и коз.

— Конечно я поживу, — заверила ее Катерина. — Можете не беспокоиться.

— Я и не беспокоюсь, — улыбнулась Изабелла.

В прихожей она взяла с полочки под зеркалом свою сумочку, достала яркий пакетик и протянула Катерине.

— Что это? — спросила Катерина.

— Противозачаточные.

— Мне не надо. Не надо!

— Возьми, — потребовала Изабелла. — За пятнадцать минут до начала акта. И не в рот, а, — Изабелла распахнула полы халата и ткнула в низ живота, — сюда. Вначале немного пощиплет. Не обращай внимания.

— Но я не планирую никакого акта до свадьбы. А она пока не предвидится.

— Ну, как знаешь, — усмехнулась Изабелла. — Но я бы на твоём месте не зарекалась.

Катерина вышла из высотного дома и заспешила в метро. Она уже переняла привычку москвичей экономить время на транспорте, но вдруг осознала, что спешить особенно некуда. Раньше после работы она бежала в библиотеку, через три-четыре часа неслась из библиотеки в общежитие, ужинала кефиром с булочкой и ложилась спать. Рабочий день на фабрике начинался в восемь утра, сорок минут

уходило на дорогу, столько же нужно было, чтобы одеться и позавтракать. Катерина вставала в шесть. Она старалась лечь пораньше, потому что если спала меньше восьми часов, то после работы на фабрике ей хотелось прилечь и поспать хотя бы час, а это означало, что она не попадала в библиотеку. Теперь все закончилось, во всяком случае на время, пока Изабелла не найдет репетиторов.

Катерина не заметила, как вошла в привычный свой ритм, она уже неслась к метро, лавируя среди прохожих, которые никуда не торопились в этот теплый летний вечер. Остановись, приказала она себе. И не вошла в метро, а присела на скамейку, чтобы обдумать случившееся. Раньше все было просто. Надо было закончить школу и поступить в институт — это главное. Но ведь даже если она поступит в институт — это только оттяжка на четыре года. А где жить потом? Молодые специалисты, закончившие институт, получали в общежитии привилегию — отдельную комнату. Но потом они женились, рождались дети, и в одной комнате жили втроем и вчетвером по десять лет, пока не получали постоянную московскую прописку. Тогда их ставили на очередь. В отдельные квартиры переселялись ближе к пятидесяти, когда у сыновей и дочерей появлялись свои дети, и отдельная квартира, о которой мечтали всю жизнь, превращалась снова в общежитие.

Посидев на скамейке в невеселых этих размышлениях, Катерина вошла наконец в метро. В вагоне напротив сидели двое парней лет по семнадцати. Они явно рассматривали ее. Катерина машинально одернула юбку, парни усмехнулись, наверное, им понравилось, что их воспринимают как взрослых. Московские — определила она. Белые крахмаленные рубашки, узконосые модные ботинки, хорошо отглаженные узкие брюки. Отцы давали деньги на одежду, матери за ней следили. Москвичи отличались от ребят из общежития, которые сами стирали, и их рубашки никогда не становились такими белыми. Катерина машинально посмотрела на часы. Если вовремя подойдет автобус, от станции «Сокол» до общежития она доберется минут за сорок. День заканчивался, но впереди был еще длинный незаполненный вечер.

Людмила лежала, закинув ноги на спинку железной кровати. Ноги у нее были стройные, хорошо тренированные, чуть полноватые в икрах. Когда по многу часов стоишь на стройке с мастерком или у конвейера, икры увеличиваются, как у тяжелоатлетов. А ей пришлось постоять и на стройке, и на конвейере. Через несколько лет на ногах уже проступят вены, потом узлы сосудов — из-за них пожи-

лые сотрудницы даже в жару ходили в плотных чулках. Людмила подтянула полы халата и осмотрела бедра. Тоже начинают полнеть. Надо худеть, подумала она с тоской. Теперь она работала на хлебозаводе, а там в столовую работницы обычно не ходили, обедали сдобными булками и молоком. Людмила следила за фигурой, каждый день вставала на весы. Она боялась превратиться в тетеху с покатыми, как у молотобойца, плечами, с животом, за складками жира которого нарастала мускулатура и от этого живот становился огромным. Мужчины скрывали свои животы пиджаками, куртками, а женщины надевали легкие платья и не стеснялись своего разбухшего тела, потому что вокруг ходили такие же — не лучше и не хуже. Людмила приехала в Москву четыре года назад. Она закончила ФЗО — школу фабрично-заводского обучения, проучилась шесть месяцев и стала маляром-штукатуром. Но работу эту выдержала только одну зиму. Она с детства терпеть не могла холода, а в шлакоблочных коробках новых домов было еще холоднее, чем на улице. Следующей зимой она уже работала на конвейере автозавода. Тяжелая, тупая, изнуряющая работа, но зато в тепле. Заканчивать среднюю школу и институт — на что потребовалось бы минимум восемь лет — в ее планы не входило. Она хотела выйти замуж, но не просто замуж — у нее были

вполне конкретные требования к будущему спутнику жизни. Во-первых, он должен быть москвичом, и не потому, что московские парни отличались от иногородних. Москвичи, конечно, побойчее, поразворотливее, но главное — москвичи имели постоянную прописку. Со своей временной лимитной она могла работать только на стройках, на конвейерах, в литейных цехах, на тех самых тяжелых работах, на которые не шли москвичи. И поэтому в Москву допускали до ста тысяч молодых людей и девушек по лимиту. Они селились в общежитиях, обычно в комнатах на троих, как сейчас жила Людмила. А это — три кровати, три тумбочки, платяной шкаф, три стула и стол. Все казенное с инвентарными номерами. Выход отсюда был только один: замуж за москвича. За Людмилой ухаживали хорошие парни — спокойные, работающие, непьющие, но как только она узнавала, что они такие же лимитчики, тут же прекращала знакомство.

В каждом женском общежитии существовали мифы об удачных замужествах. Рассказывали, например, что одна из девчонок познакомилась на танцверанде в Сокольниках со студентом института международных отношений, вышла замуж и уехала с ним в Америку. Людмила тоже ездила на танцверанду в Сокольники, но ей студенты института международных отношений почему-то не попадались.

На танцы ходили студенты строительных институтов, такие же иногородние, как и она. Они тоже мечтали познакомиться с москвичками, чтобы после окончания института остаться в Москве.

Были еще курсанты военных училищ, похожие на парней со стройки, только в военной форме. Конечно, можно было выйти замуж за курсанта. Те, у кого на рукаве мундира четыре полосы — что значило четыре года обучения, — были особенно активными. Учеба заканчивалась, предстояло распределение в дальние гарнизоны, и парни торопились: кому охота ехать в тайгу или пустыню без женщины? За Людмилой ухаживал один из училища погранвойск. Но она, взвесив все, отказалась от его предложения. Лейтенанты начинали службу на заставах, в горах или в тайге. В лучшем случае через несколько лет они могли перебраться в районный городок, но из такого же Людмила уехала в Москву, чтобы никогда туда не возвращаться. Будущий пограничник ей нравился, но, приняв решение, она перестала ездить на танцы в Сокольники, а адрес общежития никогда никому не давала. Людмила вообще предпочитала поменьше рассказывать о себе, потому что москвичи настороженно относились к лимиту. Она уже обжигалась на своей доверчивости. На стройке работал молодой прораб. Она бы и не обратила на него внимания, если бы не узнала, что он коренной москвич и жи-

вет с родителями в отдельной двухкомнатной квартире. Прораб познакомил ее с родителями и объявил им, что женится. Родители не возражали, но прописать ее отказались. «Поживите, снимайте комнату, присмотритесь друг к другу, — сказала будущая свекровь. — А мы присмотримся к тебе». Не поверили, что она, такая красивая, влюбилась в их низкорослого сына, к тому же прихрамывающего — он в детстве сломал ногу, нога неправильно срослась, из-за этого его даже не взяли в армию. Чтобы она стала его женой, прораб согласился снимать комнату, по вечерам ремонтировать частные квартиры, зарабатывать на первый взнос в кооператив. Он наметил целую программу, как выбиться из этой жизни. За пять лет он собирался внести первый взнос на квартиру, в следующие пять — купить телевизор, холодильник, необходимую мебель. Выходило, что десять лет надо было вкалывать не разгибаясь, подрабатывать вечерами и еще десять лет выплачивать за квартиру. А она хотела получить все сразу.

Сегодня у Людмилы не было постоянного, верного и влюбленного в нее парня. Впрочем, слова «парень» Людмила не любила. «Парень» — это что-то деревенское. Лучше «мужчина», «поклонник», может, даже «любовник», как в книгах и кино. Чтобы он приезжал за ней на машине, водил в рестораны и снимал для нее квартиру — пусть небольшую, одно-

комнатную. Такие мужчины были где-то рядом, но ей не попадались. Они не ходили на танцы, ездили на своих машинах, а не в метро. За четыре года в Москве она так и не смогла вырваться из круга тех, кто работал на стройках, стоял у конвейеров, водил по улицам Москвы автобусы, грузил контейнеры на вокзалах. Среди ее знакомых было несколько москвичей, но никто из них не знал, что Людмила лимитчица, живет в общежитии и работает на хлебозаводе формовщицей. Она представлялась студенткой или медсестрой — несколько месяцев она проработала санитаркой в психиатрической больнице и получила кое-какие медицинские познания. Только в исключительных случаях давала знакомым телефон общежития, только тем, кто был особенно настойчив и к тому же нравился ей.

Людмила посмотрела на часы. Через пятнадцать минут должен позвонить Вадик. Но он мог позвонить и через полчаса. Значит, минут сорок ей придется ждать на вахте. От этого настроение у нее испортилось еще больше. К тому же раздражала Антонина, которая, напевая, гладила платье, ожидая своего Николая.

Людмила, Антонина и Катерина приехали в Москву из маленького районного городка Красногородска Псковской области. Из Крас-

ногородска чаще уезжали в Ленинград, все-таки поближе, чем Москва. В Ленинград ездили продавать мясо, когда осенью забивали свинью, в Ленинград ездили за покупками. Но еще в тридцатые годы первые красногородские пробрались в Москву на строительство шарикоподшипникового завода. И после них уже каждый год кто-нибудь уезжал в Москву к дальним родственникам или бывшим соседям. И те пристраивали вновь прибывших на стройки и заводы.

Людмила, Катерина и Антонина учились в одной школе, в одном классе. Первой после седьмого класса в Москву уехала Людмила. Она писала такие замечательные письма о магазинах, театрах, метро, высотных зданиях, что вслед за ней через год в Москву уехала Антонина, повторив путь Людмилы. Та же самая школа ФЗО, и Антонина уже штукатур-маляр на стройке. Сильная, ловкая, она сразу стала хорошо зарабатывать. Ее уважали, а тяжелая работа для нее была не в новинку: в Красногродске, как старшая дочь в семье, она занималась уборкой дома, возилась в огороде, летом на поливку носила по сорок ведер воды за вечер — семья большая, и огород держали большой. Антонина тоже не собиралась учиться, не ставила она и цели выйти замуж за москвича. Кого полюбит, за того и выйдет, ну и чтобы он ее любил.

С Николаем Антонина познакомилась, не прилагая особых усилий: он работал электриком на той же стройке, что и она. Ей нравилось, что Николай простой, веселый и заботливый. Нравилось, что он старше ее и уже отслужил в армии. Он служил в военной авиации на тяжелых бомбардировщиках электромехаником и интересно рассказывал про Дальний Восток. Парни, отслужившие в армии, и в Красногородске, и в Москве считались наиболее надежными: после армии они относились к женитьбе всерьез. Конечно, за нею ухаживали и другие парни, но близости ни с кем из них Антонина пока не допускала — боялась забеременеть. В общежитии и недели не проходило, чтобы не делали аборт. Дня три отлеживались, клялись, что «больше никогда, ни с кем», и снова «залетали». Напарница Антонины за три года работы на стройке уже сделала пятый аборт.

С Николаем Антонина ходила в кино, а на днях он сказал, что хотел бы познакомить ее с родителями. Родители Николая приехали в Москву перед войной, как и все, вначале жили в общежитии, потом в коммунальной квартире, а год назад получили отдельную двухкомнатную в новом блочном доме — одном из тех, которые впоследствии назовут «хрущобами». Николай родился уже в Москве.

Антонина гладила платье, поглядывала на Людмилу, которая лежала, задрав ноги на

спинку кровати, мазала лицо раздавленными ягодами клубники и молчала — значит, у нее плохое настроение. Антонина попыталась ее разговорить:

— Что-то Катерина задерживается. А вдруг поступила?

— Держи карман шире, — ответила Людмила, и Антонина замолчала, опасаясь, что Людмила начнет кричать и швырять все, что попадет под руку. С ней такое бывало.

Общежитие находилось в новом микрорайоне Химки-Ховрино. Большое четырехэтажное здание тянулось вдоль улицы. Вначале в нем жили только девушки, и поэтому его прозвали «Кошкин дом». Теперь здесь были комнаты и семейные, и для молодых специалистов. Из раскрытых окон неслась музыка. Радиолы, электропроигрыватели транслировали на улицу модных в то лето Нину Дорду, Марка Бернеса, Ива Монтана. Из одного окна доносился легкий перебор гитары, и Булат Окуджава пел «Полночный троллейбус». Значит, появился катушечный магнитофон — у кого-то из молодых инженеров. Магнитофоны покупали или собирали из деталей только инженеры.

Катерина прошла мимо вахтерши. Раньше вахтерши не пускали парней в общежитие, сейчас, когда все перепуталось, они в основном сидели у телефона, чтобы вызвать мили-

цию в случае драки или «скорую помощь», если дело дойдет до серьезных неприятностей.

Антонина слонялась по коридору, поглядывая в окна, ожидая Николая. Ей не хотелось, чтобы он заходил в комнату: у Людмилы дурное настроение и неизвестно, что она скажет. Антонина обрадовалась Катерине, бросилась к ней:

— Поступила?

И, не получив ответа, начала утешать:

— Ничего, позанимаешься еще, и на следующий год обязательно поступишь.

Она шла рядом, вздыхала, пыталась взять подругу за руку.

— Какие люди! И без охраны! — прокомментировала Людмила, когда они вошли в комнату.

— Сейчас не получилось, в следующий раз получится, — успокаивала Антонина.

— Кто же спорит? — немедленно прокомментировала Людмила. — В институты до скольких лет принимают? До тридцати пяти. У нее еще уйма попыток.

— Ты бы хоть клубнику с себя сняла! Николай же сейчас придет, мы с ним в концерт идем, — попыталась урезонить Людмилу Антонина.

— В концерт! — передразнила Людмила. — Тетеха! Три года в Москве живешь! «В концерт!»! «На концерт» надо говорить.

— А почему же говорят «в кино», а не «на кино»? — удивилась Антонина.

Но Людмила ей ответить не успела: в дверь постучали.

— Войдите! — пропела Людмила.

В комнату вошел невысокий, коренастый парень лет двадцати пяти.

— Здравствуйте, — сказал он. Увидел обнаженные почти до трусиков ноги Людмилы, ее красное лицо и, не очень понимая, что все это значит, попятился к двери.

— Куда же вы? — засмеялась Людмила, поднимаясь.

— Я подожду там... в коридоре, — и Николай захлопнул дверь.

— Ну что ты его пугаешь! — возмутилась Антонина. — Он не такой, как твои знакомые. Он скромный.

— Да уж, — согласилась, вставая, Людмила. — Интеллектом явно не изуродован. И стоило тебе в Москву ехать! Такого ты и в соседней деревне могла бы найти.

Антонина хотела что-то ответить, но махнула рукой и выскочила в коридор.

— Ну что ты к ней цепляешься? — укорила ее Катерина. — Может быть, это ее счастье.

— Да ну, — отмахнулась Людмила, — не знаешь ты, что такое настоящее счастье.

— А ты знаешь?

— Я знаю, — заявила Людмила.

— Может, расскажешь? — предложила Катерина.

— Я тебе покажу, — пообещала Людмила.

Николай и Антонина спустились по лестнице и оказались возле вахтерши как раз в тот момент, когда зазвонил телефон.

— Общежитие слушает, — сказала в трубку вахтерша. — Какую Людмилу? Здесь Людмил много...

Антонина все поняла и бросилась вверх по лестнице. Через несколько секунд, теряя на ходу тапочки, бежала к телефону Людмила. Она вдохнула и выдохнула несколько раз, чтобы говорить не запыхавшись, взяла трубку.

— Я слушаю. Кто? Вадик! Какое общежитие? Это моя бабушка так шутит. К нам сейчас гости приехали из Новосибирска, так она нашу квартиру общежитием стала называть. Не говори! Все в Москву лезут, будто она резиновая... Нет, сегодня не могу, сегодня у папы день рождения. Завтра? Может быть. Хорошо, я тебе тогда сама позвоню, а то я весь день в институте буду. Чао!

Людмила повесила трубку и набросилась на вахтершу:

— Что, обязательно надо говорить, что это общежитие?

— Мне так комендант приказал, — оправдывалась вахтерша.

— А почему просто не ответить «алло»? — наседала Людмила.

Вахтерша не нашлась что ответить и сама перешла в наступление:

— Тогда дежурь у телефона, когда тебе звонят, — я старая, не могу бегать по этажам. И вообще, в общежитие нельзя звонить по личным вопросам.

— А по каким можно? — спросила Людмила.

— По делу.

— А мне только по делу и звонят, — заявила Людмила. — Сегодня, может быть, решалось важное дело. А вы его могли разрушить одной неосторожной фразой, и я на всю жизнь могла остаться несчастной. Вы этого хотите, чтобы я была несчастной?

— Я хочу, чтобы вы все были счастливыми, — примирительно ответила вахтерша.

Людмила укоризненно покачала головой, грустно улыбнулась и начала подниматься по лестнице. Снова позвонил телефон. Людмила остановилась. Вахтерша сняла трубку и сказала:

— Алло! — и, зажав трубку ладонью, попросила Людмилу: — Позови Варенцову из двадцать третьей.

Людмила вернулась в комнату. Катерина сидела за столом и плакала.

— Поедем в Москву? — предложила Людмила.

— А мы разве не в Москве? — не поняла Катерина.

— Мы на выселках. Поехали в центр. Целый вечер впереди. Чего здесь киснуть?

Катерина подумала и согласилась.

Девушки вышли из метро на площади Революции и пошли вверх по улице Горького. В те годы выходили на улицы просто погулять: этот обычай принесли с собой жители маленьких городков и поселков. Москва интенсивно заполнялась провинциалами уже несколько десятилетий. Вначале приезжали на строительство заводов, метрополитена. После войны приток был небольшим, но, когда колхозникам стали выдавать паспорта, Москва стала быстро расти. И с окраины вечерами и в праздники бывшие жители маленьких городков и деревень съезжались в центр, чтобы пройти по главной улице, на людей посмотреть и себя показать.

По тротуарам двигалась довольно плотная толпа, кто-то останавливался у витрин. Магазины уже закрылись. Все магазины в Москве открывались и закрывались одновременно. Где-то издавалось распоряжение, и миллионы

принимали его как должное: если так, значит, так и надо.

Возле входа в кафе «Молодежное» толпилось около сотни жаждущих. Кафе открылось недавно. В нем подавали мороженое, пирожные, и говорили, что можно даже заказать коктейль. О коктейлях знали только из зарубежных фильмов и книг. Попробовать, что это такое, хотели многие, поэтому попасть в кафе было трудно.

— Бесплезно, — оценила ситуацию Людмила. И они пошли дальше.

В витрине магазина стояли две модели телевизоров — «Рекорд» и «Чайка». Они практически ничем не отличались друг от друга, но по ним транслировались разные программы. По одной передавали футбольный матч, по другой пел хор имени Пятницкого. Звук через толстое витринное стекло не доходил, но мужчины, толпившиеся у витрины, и без звука все понимали, комментировали удачи и просчеты игроков.

— Послушай, — сказала вдруг Людмила, — пять лет над учебниками горбатиться — и что? Все равно рабочие больше инженеров получают.

— Инженером интереснее, — возразила Катерина.

— Тоже мне интерес, — не согласилась Людмила, — снизу работяги жмут, сверху

начальство давит. Да и химия — наука скучная, одни формулы.

— Химия — будущее человечества, — заявила Катерина. Так считал академик Тихомиров.

— Ты не о будущем человечества, а о своем настоящем думай, — посоветовала Людмила.

За ними пристроились двое парней. Обычно девушки ходили по двое, парни тоже предпочитали ходить вдвоем, в случае драки легче биться, да и знакомиться удобнее. Один начинает, другой подхватывает.

— Эй, девчонки! — бодро начал один из парней.

— Топай, топай! — осекла его Людмила.

Парни, вероятно, такого ответа не ожидали и притормозили.

— Ты чего так строго? — спросила Катерина. — Ребята вроде ничего.

— Вот именно, ничего, — ответила Людмила. — Лимитчики, вроде нас. За версту видно.

— А по нам видно разве? — удивилась Катерина.

— Не видно, пока рот не раскроем. Но это только для очень проницательных, а таких немного, — успокоила ее Людмила.

Они дошли до памятника Маяковскому. Вокруг памятника собралась толпа. Молодые поэты читали стихи. Вероятно, в первый раз, когда возле памятника стали читать стихи, толпу

не успели разогнать, не было на этот случай указаний, и теперь поэты читали каждую субботу и воскресенье.

Людмила и Катерина постояли в толпе. Было плохо слышно и не очень понятно. Катерина стала рассматривать хорошо одетых молодых парней: в серых костюмах, серых галстуках и до блеска начищенных ботинках. Аккуратно подстриженные, хорошо выбритые. Ей нравились такие, которые следят за собой и своей одеждой.

— Чего ты на них пялишься? — прошептала Людмила.

— Симпатичные, — шепотом ответила Катерина.

— Дура! Какая ты дура! — вздохнула Людмила. — Это же комитетчики, они здесь на работе.

— А что такое «комитетчики»?

— Чекисты.

Один из парней придвинулся ближе, видимо, хотел расслышать, о чем они шептались. Людмила вытащила Катерину из толпы и пошла вниз мимо театра «Современник» по Садовому кольцу.

— Пойдем в Дом кино, — предложила она. — Там сегодня французский фильм, может, кто проведет.

— А зачем проводить? — опять удивилась Катерина. — Билеты купим.

— Там кино без билетов смотрят, — объяснила Людмила.

Катерина не очень поняла, как можно ходить в кино, не покупая билета, но переспрашивать не стала. Она хотела понять про чекистов.

— Ты с ними знакома? — спросила Катерина.

— С кем?

— С чекистами.

— С ними знакомиться не надо, и так видно.

— А как? — все не могла понять Катерина.

— По взгляду. У них глаз крутится. Лицо неподвижно, а глаз туда-сюда. А костюмы ты их видела?

— Ну, видела.

— Им их в одном ателье шьют. И не модные, и не старомодные, а где-то посередине, чтоб в глаза не бросались.

— Но ты же заметила.

— Мне один знакомый объяснил. И ботинки у них до блеска начищены. Военная привычка. Они еще когда в училище учатся, их приучают следить за обувью. Потом они привыкают и не могут ходить в пыльных ботинках.

— Культурные люди — ботинки чистят, стихи любят.

— Ты в самом деле дура или притворяешься? — не выдержала Людмила.

Катерина не притворялась, она всегда хотела знать точно. Почему, как, зачем?

— Стихи они любят, — передразнила Людмила. — Мало ли что могут эти поэты сказать! А вдруг что-нибудь антисоветское?

— А я еще ни разу не слышала ничего антисоветского, — призналась Катерина.

— Еще услышишь. Какие твои годы!

Они дошли до улицы Воровского, там, в бывшем доме политкаторжан, разместился Дом кино, где собирались московские кинематографисты. Подкатывали «Победы», «Москвичи», нескольких полных немолодых мужчин с очень молодыми женщинами привезли на «ЗИМах». Они вышли, и машины тут же отъехали.

Казалось, здесь все знали друг друга. Здоровались, целовались. Людмила пыталась договориться с несколькими одинокими мужчинами, но те улыбались, разводили руками, извиняясь. Они ждали своих женщин или приятелей.

Катерина стояла в толпе и смотрела на актеров, знакомых по фильмам. Она узнала Ланового. Высокий, красивый, он поднимался по лестнице, чуть откинув голову, надменный и отрешенный. Катерина представила его на улицах Красногородска, такого медлительно-значительного, с откинутой головой, и рас-

смеялась. Так ходил местный красногородский сумасшедший Ванечка.

— Ты чего? — спросила Людмила. Ей так и не удалось никого уговорить, чтобы их провели, и она присоединилась к Катерине.

— Ой, Румянцева! — Катерина показала на Надежду Румянцеву.

Людмила осмотрела улыбающуюся актрису.

— Лет через пять будет похожа на Зинку — знаешь, которая в Красногородске на рынке пирожками торгует.

У Людмилы был приметливый и недобрый взгляд. Конечно, Румянцева напоминала Зинку, но та была толстая и глупая. Появились Ларионова и Рыбников. Ларионова была красива настоящей российской красотой: круглолицая, румяная, с ясными синими глазами. Рыбников оказался простоватым парнем, похожим на тех, которых он играл в недавно вышедших фильмах «Весна на Заречной улице» и «Высота». Песни, которые он пел в фильмах, пели теперь парни в их общежитии.

— Эти недолго проживут вместе, — прокомментировала Людмила.

— Почему? — удивилась Катерина.

— Уведут ее у него, — Людмила была категорична. — Таких красивых всегда уводят.

И никто тогда не знал, что проживут они вместе еще тридцать лет и Ларионова похоронит Рыбникова и останется вдовой.

Рыбников, проходя мимо них, подошел к высокому, не очень молодому, явно за тридцать, мужчине:

— Ты кого-нибудь ждешь?

— Жду, — раздраженно ответил мужчина, — Ленку. У нее пропуск.

— Сейчас я выпишу тебе пропуск, — пообещал Рыбников.

— А вы тоже артист? — спросила Катерина, когда Рыбников отошел.

— Начинаящий, — усмехнулся мужчина.

— Поздновато начинаете, — заметила Людмила.

— А как ваша фамилия? — поинтересовалась Катерина.

— Неважно. Я только в одном фильме снялся. Вы этот фильм не видели.

— Скажите! — попросила Людмила. — А вдруг мы его увидим.

— Ну, Смоктуновский, — ответил мужчина.

Эту фамилию девушки не слышали. Но Катерина ее запомнила. Потом этот актер будет много сниматься, а в театр зрители будут приходить «на Смоктуновского». Через двадцать лет Катерина на заседании в Моссовете напомнит ему об их первой встрече на лестнице Дома кино, он улыбнется:

— Как же, как же. Помню.

И перейдет к интересующей его проблеме. Актеры хотели построить кооперативный

дом на берегу канала недалеко от Икши. Это место в свое время выбрали летчики-испытатели для дачного поселка. Они облетели на самолетах все Подмосковье и остановились на Икше. Позже здесь построили себе дачи первые космонавты. Они начинали как летчики-испытатели, приезжали сюда к своим знакомым и, как только появилась возможность самим построить дачи, выбрали места рядом с поселком. Говорили, что в тех лесах был какой-то особенный микроклимат. Комиссия Моссовета, в которой заседала Катерина, решила вопрос положительно для актеров — те получили участок и начали строить дом. Смоктуновский, уходя, улыбнулся и повторил:

— Как же, помню, помню.

На следующей встрече он ее не узнал. Она не обиделась. Человеческая память не могла вместить тысячи лиц, которые видел каждый день актер. Но до этой их встречи оставалось более двадцати лет.

Людмила сделала еще несколько попыток попасть в Дом кино, ей не удалось, и они двинулись в обратный путь. И тут они услышали, как через громкоговоритель объявили:

— Машину боливийского посла — к подъезду.

Они свернули на улицу Герцена. Мягко подкатил приземистый, почти распластанный по земле «форд». Из подъезда посольства вышел темноволосый господин с дородной женщиной в блестящем платье. И снова громкоговоритель потребовал:

— Машину военно-морского атташе, командора...

Далее следовала непонятная, довольно длинная фамилия.

— Как, как его фамилия? — не поняла Катерина.

— Фамилия не имеет значения, — отмахнулась Людмила.

Она наслаждалась блеском никеля на машинах, сиянием драгоценностей на женщинах, сверканием орденов на мундирах.

— Вот это — настоящее, — восхитилась Людмила.

— Что настоящее? — не поняла Катерина.

— Все это!

— Ну да, — возразила Катерина. — Я недавно в оперетту ходила. Там точно такие же мундиры и платья показывали.

— Ну и дура же ты! — хмыкнула Людмила. — Именно это и есть жизнь. Настоящая жизнь. Для этой жизни мы в Москву и приехали, потому что Москва сегодня — большая лотерея. Можно выиграть сразу и по-крупному.

Москва — это... это дипломаты, внешторговцы, ученые, художники, артисты, писатели — и все это мужчины.

— Ну и что?

— А мы — женщины!

— А мы-то зачем нужны этим писателям, дипломатам, артистам? — удивилась Катерина. — У них свои женщины есть.

— А мы не хуже ихних.

— А где мы дипломатов и артистов встретим? — трезво рассудила Катерина. — Они на хлебозаводе и галантерейной фабрике не работают.

— Да, — подтвердила Людмила. — Ты смотришь в самый корень. Главный вопрос: где найти? А везде! Приходится быть щукой с раскрытой пастью. Чтобы твой карась не проплыл мимо тебя. Надо быть всегда наготове, чтобы схватить его. Ты почитай книги. Во всем мире в столицы приезжают молодые, чтобы завоевать их. Мужики идут одним путем, мы другим.

— А мы каким? — спросила Катерина.

— У нас один путь. Через мужиков. Мы им нужны. Так природа устроила. Я тебе столько раз твердила: не вяжись с лимитой. Замуж надо выходить за москвичей. Ух, как я их ненавижу!

— Кого? — не поняла Катерина.

— Москвичей! Но они выбирают. Они — как дворяне, которые захотят или не захотят

жениться на нас, барышнях-крестьянках. Им такое право дало это сволочное государство. Оно им дало прописку. Они рождаются сразу с пропиской. Это их главная привилегия. И даже если они живут в коммуналках, у них есть своя площадь. Они могут переходить с работы на работу, их никто не выкинет из общежития, как нас. Они могут даже временно не работать. Переждать, выбрать. Деньги? У них есть родители, которые всегда помогут. Они не работают на этих черных, грязных, тяжелых работах, как лимита. Сидят в теплых конторах, торгуют в магазинах и презирают нас. За что? За то, что мы работаем на них. За то, что мы бесправные рабы! У нас нет выхода из рабства, кроме как замуж. Мы должны выходить за этих колченогих, дутых идиотов!

— Нет уж, — подумав, решила Катерина, — это не для меня. Лучше обратно в Красногородск.

— Фигушки! — выкрикнула вдруг Людмила. На них стали оборачиваться, и она заговорила чуть тише, но все так же темпераментно. — Нет уж, я выйду замуж за колченогого, за идиота, за старого пердуна. Я пропишусь. Если надо, я потерплю. А потом разойдусь и разменяю квартиру. Пусть даже в коммуналку, но чтобы постоянная прописка. Потом можно поднакопить денег и обменяться на отдельную, приплатив конечно. Вся Москва против

нас, а мы против нее. Кто кого! Мы все равно победим.

— Почему? — спросила Катерина.

— А потому, что нам отступать некуда.

— Ты как героиня панфиловцы, — рассмеялась Катерина. — Велика Россия, а отступать некуда.

— А я и не отступлю, — подтвердила Людмила. — Сучья Москва еще будет меня уважать. У меня будет все, что имеют московские выродки.

Они шли по Москве. В квартирах уже зажигались огни. Окна были открыты, дома за день нагрелись в июльскую жару. В квартирах двигались мужчины в майках, за одним из окон женщина лежала на диване и читала книгу. Светились экраны телевизоров. Нет, размышляла Катерина, успокаивая себя, совсем не обязательно выходить замуж за старика. Она закончит институт, ее распределят на работу, как молодому специалисту ей вначале, конечно, выделят комнату в общежитии. Дальнейшую свою жизнь она представить пока не могла.

Глава 2

Общежитие просыпалось рано.

Блондинки, брюнетки, худенькие, полные, выбегали из подъезда общежития, поеживаясь от утренней свежести, бежали к автобусной остановке. У остановки на лавочке в этот утренний час всегда сидел пожилой мужчина, а невдалеке от него гулял старый толстый фокс-терьер. К мужчине привыкли, с ним здоровались, хотя никто не знал, кто он и где живет. Он отвечал на все приветствия, а тех, кто уже долго жил в общежитии, называл по именам.

Катерина поздоровалась с ним, мужчина приподнял кепку. Никто не задумывался, почему он здесь сидит каждое утро. Он выгуливал собаку, но выгуливать ведь можно и в других, более удобных местах. Катерине он казался стариком.

...Через двадцать лет, когда она уже стала директором комбината химволокна, она как-то утром проезжала мимо своего бывшего общежития, увидела стайку девушек на остановке и попросила шофера остановиться. Ничего

не изменилось. Только общежитие перекрасили в зеленый цвет. А невдалеке от остановки сидел все тот же старик. Он почти не изменился, только поседел и подсох. И фокстерьер был таким же толстым и старым. Но ведь прошло двадцать лет, подсчитала она. Значит, старику тогда было не так уж и много лет, та собака, конечно, умерла, это — другая собака, а может быть, уже третья, собачий век короток. И девушки из общежития другие...

Что влекло сюда старика? И она вдруг поняла: старик получал удовольствие, рассматривая юных женщин. Такого не увидишь больше нигде: одновременно так много молодых женщин.

Один знакомый Катерины говорил: «Я люблю всех молодых женщин. Я бы и эту, и эту, и ту. Я хотел бы переспать со всеми. У этой такая замечательная грудь, у этой замечательная подпрыгивающая попка». Катерине это казалось непонятным. Попка и есть попка. У мужчин она замечала небритость, мятые лацканы пиджаков, стоптанные каблуки ботинок, тусклые, засаленные галстуки. Она уже не обращала внимания ни на лицо, ни на фигуру, если видела плохо сшитый костюм, несвежую рубашку. В толпе она могла выделить только одного, и то если он сам отличал ее взглядом, если показывал свою заинтересованность. Ее подруги по общежитию мечтали

познакомиться с высоким и красивым. Для нее рост не имел значения. Ей, конечно, нравились высокие мужчины — когда идешь с высоким, на тебя обращают внимание, — но нравились и плотные, коренастые, если от них исходила сила и уверенность. И это всегда был один. Только один.

...У Катерины будет несколько любовников и ни одного мужа, но это все потом, в те двадцать лет, которые еще впереди.

А пока она и Людмила протиснулись в переполненный автобус.

Стройка, где работала Антонина, была недалеко от общежития. Микрорайон застраивался уже несколько лет.

Антонина дошла до блочного двенадцатиэтажного дома с одним подъездом, поднялась на шестой этаж — лифт еще не работал, — приготовила инструменты.

Ее напарница Полина, как всегда, опаздывала, но опоздать на стройку было невозможно: придя, мужчины курили, готовили инструменты и, хотя смена начиналась в семь утра, раньше восьми к работе не приступали.

Полина добралась до шестого этажа и села перекурить на площадке. Наверху, на седьмом этаже, курили электрики. Иванов — сорока-

летний, широкоплечий, с кривоватыми ногами (он всегда ходил в зеленых армейских га-лифе и брезентовых сапогах), Николай — в чистом комбинезоне, такие выдавали авиационным механикам, и запасливый Николай привез их несколько из армии, и Борщ — тридцатилетний электрик, имени которого никто не запоминал, потому что нормальная украинская фамилия была редкостной и необычной для русских и его все звали по фамилии. Электрики говорили о женщинах. Борщ спросил Иванова:

— Ты Нинку вчера трахнул?

Антонина почувствовала, что краснеет. Полина насторожилась и загасила сигарету. С Ивановым у Полины была многолетняя связь. Они то расходились, то снова сходились. Сейчас они не разговаривали друг с другом, вернее, не разговаривала Полина. Она сделала аборт от Иванова, а тот даже не зашел ее проведать, когда она отлеживалась в общежитии.

— Не я ее, а она меня, — ответил Иванов.

— И как?! — спросил Борщ.

— А никак, — мрачно бросил Иванов.

— А кто из них злее, — продолжал спрашивать Борщ, — Полина или Нинка?

— Полина — царица! — вздохнул Иванов. Полина задержала дыхание, ожидая продолжения. — Она одна на Москву и Московскую область. Я как-то подсчитал: у меня было две-сти двадцать пять баб. А лучше ее не было.

— А чем она лучше других? — поинтересовался Николай.

— Это объяснить нельзя. Я иногда думаю: если бы ее снять на кино, то такой фильм можно было бы показывать как учебное пособие у нас в стране и даже за рубежом. У нее талант к этому делу.

Полина не выдержала и улыбнулась. Антонина хотела ее о чем-то спросить, но Полина прижала палец к губам.

— Преувеличиваешь, — с сомнением произнес Борщ. Полина хмыкнула. — А ты, Коль, со своей Антониной уже переспал? — Борщ переключился на Николая.

— У нас с Тоней всерьез, — ответил Николай.

— А ты и загони всерьез, — посоветовал Борщ. — Дело это серьезное. Тонька вполне готова. Вчера смотрю, бежит вниз по лестнице, а у нее груди вверх-вниз, как воздушные шары, еще немного — и поднимут ее.

— Закрыли эту тему, — потребовал Николай. — У меня с Антониной всерьез. Если бы я сейчас про грудь твоей жены стал расписывать, как бы ты на это посмотрел?

— Посмотрел — и сразу по рожу, — признался Борщ.

— И ты можешь схлопотать, — предупредил Николай.

— Не заводитесь, мужики, — прервал их Иванов. — Пошли работать.

И они пошли в комнаты.

— Молодец твой Николай, — похвалила Полина. — Мужик. Ты ему уже дала?

— У нас с ним всерьез, — Антонина покраснела.

— Замуж, что ли, предлагает? — спросила Полина.

— Намекает. Скоро к родителям поведет знакомиться.

— Родители — не самое главное, — Полина закурила чинарик. — Главное — он. С ним жить. Я бы на твоём месте переспала с ним.

— После свадьбы, — ответила Антонина на давно для неё самой решённый вопрос.

— После свадьбы поздно может быть. А если он как мужик никакой? Ты думаешь, чего Борщ так заводится? Было у меня с ним один раз. Нормальный трехминутка.

— Ты это про что? — не поняла Антонина.

— А про то, что его хватает на три минуты. Только разогреешься, а он уже все закончил. С таким жить — одно мучение, каждое утро вставать будешь с больной головой.

— А Иванов? — спросила Антонина.

— Это мастер, — улыбнулась Полина. — Однажды на выходные его жена с дочкой уехала к своей матери. Я к нему пришла — в девять утра легла и только в девять вечера встала. Представляешь, двенадцать часов! Последний раз полтора часа, на тумбочке бу-

дильник у них стоит, я время засекала. Думала, что не выдержу, один раз в обморок даже провалилась. Очнулась, а он чешет и чешет. Не торопится. Он ласковый. За такого замуж — и больше ничего не надо.

— А он не предлагает?

— Он дочку любит... Давай работать. — Полина залила краску в бачок краскопульта.

Этот разговор, в котором Антонина не все поняла, распалил ее. Она сняла спецовку, но все равно было жарко. Спустилась во двор, выпила две кружки холодной воды из бочки, которую привозили каждое утро для рабочих. Николай увидел ее с седьмого этажа, и она услышала, как он бежал вниз, шлепая подошвами по ступенькам. Николай подошел к бочке, улыбнулся, тоже выпил две кружки воды. Она посмотрела на него. Его глаза не отрывались от ее груди. Она была в обтягивающей футболке с короткими рукавами. Что бы ответила Полина, если бы ее вот так рассматривали, в упор, не стесняясь?

— Все твое будет, — пообещала она Николаю, но посчитала все-таки нужным уточнить: — Со временем.

— Да уж скорее бы, — вздохнул Николай.

— Это от тебя зависит, — заметила Антонина.

— Да я хоть сегодня.

— Ты с Ивановым посоветуйся, — произнесла Антонина и подумала: если это так важно, взрослые мужики могли бы молодым рассказать, как это все делается, чтобы и ей и ему было хорошо. Надо ей самой откровеннее поговорить с Полиной, пусть расскажет, как надо все делать, — если ее так хвалили, значит, она знает такое, чего не знают другие. Она побежала на шестой этаж. Ее груди и вправду поднимались и опускались, как воздушные шары, она прижала их ладонями. Сверху спускался прораб, ему было за пятьдесят, на него уже не смотрели, как на мужчину, но Антонина заметила, что он оглядел ее с головы до ног.

Катерина работала на прессе в цехе металлической галантереи. Работа была нехитрая: положить — снять, снова положить и снова снять. Она штамповала основания для подсвечников, которые в то время начинали входить в моду.

Не оглядываясь, по изменившемуся звуку, она поняла, что у соседки пресс начал корезить заготовку. В этой смене работал плохой и медлительный наладчик. Значит, пресс будет остановлен на полдня. Катерина оглянулась. Работница смотрела в ее сторону. Грузная, пожилая, проработав в этом цехе лет двадцать, она так ничего и не понимала в станке,

а действовала механически — положить, нажать на педаль, снять, снова положить.

Катерина уже через три месяца сама могла обнаружить причину брака, наладить пресс. Вот и сейчас Катерина встала, взяла сумку с отвертками и ключами, открыла крышку пресса, отрегулировала механизм, положила заготовку, нажала на педаль. Пресс работал точно. Работница начала было благодарить, Катерина улыбнулась ей и отошла. Ее в цехе уважали и почему-то побаивались. Уважали, наверное, за то, что работала хорошо, а побаивались из-за ее уверенности в себе. Она не боялась ни мастера, ни нормировщика. Проверяла заполненные наряды, находила ошибки, даже с бухгалтером цеха спорила: бухгалтерские премудрости оказались не такими уж сложными. Ей нравилось узнавать новое. И начальство заметило ее после того, как она выступила на собрании. Начальник цеха, бестолковый, крикливый, капризный, держал работниц в страхе. Мог уволить — и увольнял, а женщины держались за место, потому что жили рядом и работа не требовала квалификации, ее осваивали за несколько дней.

Собрание тщательно готовили — ждали секретаря райкома партии, того, что отвечал за промышленность и строительство в районе. Трех работницам заранее написали речи. И они в основном говорили о том, что подво-

дят смежники, не хватает комплектующих деталей, протекает крыша, что станки старые, а на соседней фабрике — с программным управлением. Секретарь райкома записывал. И тогда вышла Катерина.

— Для штамповки подсвечников, ложек и пепельниц не нужны станки с программным управлением, — заявила она. — Нужно отремонтировать те, что имеем. И вовремя наладживать их. А наладчиков не хватает, потому что уважающий себя человек не будет работать с таким начальником цеха. Если бы кто-то хоть один раз где-нибудь на улице так нахамил, как начальник хамит каждый день в цехе, его посадили бы как хулигана на пятнадцать суток. А здесь не только не сажают, а даже выписывают премии. В газетах пишут о развитом социализме, а у нас... Вот, посмотрите: и в президиум село почему-то одно начальство. Насколько я понимаю, президиум выбирают. А здесь вышли и сели, как у себя в квартире.

Зал вначале замер. Потом разразился хохотом. Катерина видела, что секретарь райкома покраснел. Но он был опытным и понимал, что надо переломить ход собрания, и тут же задал ей вопрос:

— Какие у вас конкретные предложения?

— Освободить от должности начальника цеха. Ведь над его глупостью весь цех смеется!

— И кого же назначить? — поинтересовался секретарь. — Может быть, вас?

Он оглядел зал. Он ждал реакции. Это был проверенный, много раз опробованный ход. Работницы должны рассмеяться. Нелепое же предложение.

Но работницы не смеялись. Они ждали, что ответит Катерина.

— Назначить предлагаю Леднева, начальника первого участка. И через неделю в цехе будет порядок, — спокойно произнесла она.

Работницы с мест начали выкрикивать: «Леднева! Леднева!»

Собрание кое-как закончили. В следующую зарплату денег Катерине начислили меньше всех, и она узнала, что кто-то приходил к коменданту общежития узнавать, как она себя ведет. Начальник обвинил ее в халатности, вынес выговор за поломку станка. Ее явно выжиwali. Она не могла уйти — лишилась бы общежития. Работницы при встрече отводили глаза. Они ничем не могли ей помочь.

Катерина решила посоветоваться с академиком. Тихомиров выслушал и сказал:

— Есть два пути. Я могу позвонить в свой райком партии, оттуда позвонят в райком вашего района, из вашего райкома позвонят на фабрику и попросят отстать. И от тебя отстанут. Но этот вариант прибережем на будущее. А сейчас пойдем по стандартному пути.

И он продиктовал Катерине жалобу, где была указана фамилия секретаря райкома, который был у них на собрании. Жалоба была о расправе за критику. Академик подсказал, чтобы она написала о недостатках на производстве и свои предложения по их ликвидации. Он дал ей несколько листов бумаги и отослал на кухню. Потом прочитал написанное, кое-что переделал, взял газету «Правда», вставил несколько фраз из передовой статьи, заставил ее переписать начисто. И письмо ушло.

Через несколько дней в их цехе появился директор фабрики в сопровождении парторга. Они остановились недалеко от Катерины, и парторг кивнул в ее сторону.

Директор фабрики, сорокалетний, коренастый, вполне еще мужчина, рассматривал ее с явным интересом. И она улыбнулась директору. Директор от неожиданности тоже улыбнулся, подошел к ней и спросил:

— Как дела?

— Хорошо. А у вас как?

— Так себе, — сказал директор. — Сама знаешь. Оборудование изношенное.

— На нем еще можно работать, если работу наладить.

— И ты считаешь, что Леднев наладит?

— Наладит, — подтвердила она. — Леднев и производство знает, и деликатный. У нас, когда наладчик запивает, он подойдет ко мне

и скажет: «Катенька, голубка, помоги». Да я для него все сделаю.

И директор рассмеялся. Но глаза оставались серьезными. И вдруг он спросил:

— Письмо в райком сама писала или кто помогал?

— Помог, — призналась она. — Дядя. Он академик.

— Ты москвичка?

— Я псковская, — Катерина улыбнулась. — Я только год в Москве.

— А я смоленский, — признался директор. — Почти соседи.

Директор протянул ей руку.

Директорская ладонь оказалась жесткой и сильной, и она подумала, что этот смоленский парень работал и руками. И тоже, наверное, пробивался.

Катерина оглянулась. Работницы смотрели в их сторону.

— Меня зовут Николаем Степановичем.

— А меня Катериной.

— Катерина, я подумаю о твоём предложении.

— Подумайте, предложение-то хорошее, — убежденно сказала Катерина.

— Учиться не собираешься?

— В этом году завалила. На будущий год буду поступать.

— Я тоже только с третьей попытки поступил, — признался директор. — Ты поступишь! Мы, из провинции, упорные.

— Наверное, — согласилась Катерина. — Как говорит моя подруга Людмила, нам отступать некуда.

— Она верно говорит. Если будут проблемы — заходи. Смоленские всегда помогали псковским, а псковские — смоленским.

— Мне неудобно, — смутилась Катерина.

— Тебе — удобно, — сказал директор и пошел.

Катерина смотрела ему вслед. Невысокий, коренастый, длиннорукий. Он ей напоминал псковских деревенских мужиков. Они ходили так же, чуть сутулясь, будто их руки тянулись к земле.

Через неделю на фабрике было партийное собрание, где директор критиковал их начальника цеха. Еще через неделю начальника перевели в отдел снабжения, и на его место назначили Леднева. После этого пожилые работницы начали здороваться с Катериной. На цеховом комсомольском собрании ее выдвинули комсоргом цеха. Она отказалась. Леднев вызвал ее в свою контору, закрыл дверь и спросил:

— Ты не хочешь мне помогать?

— Я хочу, но мне надо готовиться в институт.

— Пойми, — убеждал ее Леднев, — я должен сформировать свою команду, чтобы меня поддерживали. И начальники участков, и парторг, и комсорг. Иначе меня сожрут. Ты присматривайся к производству. Осенью я тебя в начальники участка выдвину.

— Не утвердят, — возразила ему Катерина. — Надо хотя бы техникум закончить.

Катерина уже разбиралась в иерархии руководства цеха.

— В порядке исключения — можно, — заверил ее Леднев.

— С чего бы ради меня делать исключения? — засомневалась Катерина.

— Директор утвердит, — уверенно сказал Леднев. — Вы же земляки.

— Мы почти соседи. Я псковская, а он смоленский.

— И оба не любите москвичей. Это вас и объединяет.

— Почему мы должны не любить москвичей? — удивилась Катерина.

— Москвичей нигде не любят. Я в армии служил, так все были против москвичей. Слишком мы бойкие и разворотливые. Москва — жесткий город. Знаешь пословицу — «Москва бьет с носка»?

— Я и другую знаю — «Москва слезам не верит».

— Тоже правильная пословица. Ведь в России, если поплачешься, — пожалеют. А в Москве слезам не верят. Но ты ведь не из плаксивых.

Катерина обо всех этих событиях рассказала Изабелле и академику. Они слушали, уточняли, задавали вопросы. Катерина заехала к ним перед майскими праздниками помочь Изабелле убрать квартиру.

— На Первое мая ты поздравь директора, — подсказала Изабелла и достала яркую открытку.

— Мне неудобно, — стала отказываться Катерина.

— Поздравить всегда удобно, — возразила Изабелла.

— А что я напишу?

— Пиши, — Изабелла начала диктовать. — Дорогой Николай Степанович!

— Никакой он мне не дорогой. Можно — уважаемый. Я его уважаю.

— Нет, именно дорогой, а не уважаемый, — настаивала Изабелла. — Уважаемый — это ты сразу устанавливаешь возрастную дистанцию. Ты — молодая, а он уже уважаемый.

— Он не молоденький, — подтвердила Катерина

— И не старик. Всего-то лет на двадцать постарше тебя. Ты за него замуж можешь выйти.

Катерина не удержалась и рассмеялась.

— Ничего смешного. Академик старше меня на двадцать два года. Это вполне нормально. Раньше во Франции аристократы женились только после сорока. После сорока — это возраст женихов! Пиши: «Дорогой Николай Степанович! Поздравляю вас с праздником весны. Желаю счастья, удачи. Я рада, что вы есть». «Вы» напиши с большой буквы. И подпишись: Катерина псковская.

— Секретарша же прочтет эту открытку! Что она подумает?

— Пусть думает, что хочет, — отмахнулась Изабелла.

— Я лучше фамилией подпишусь, — попросила Катерина.

— Пиши, как я сказала, — рассердилась Изабелла.

Катерина написала, как велела Изабелла, и отправила открытку.

В профкоме ей предложили путевку в дом отдыха в Ялту. За треть стоимости. Она отказалась: надо было готовиться к экзаменам. К ней проявляли внимание. Она это чувствовала. Иногда она думала: а вдруг директор в нее влюбился? И пугалась этой мысли. На фабрике все знали, что у директора есть любовница — технолог из цеха кожаной галантереи, высокая блондинка. Только не это, решила Катерина. Она старалась даже не про-

ходить мимо здания фабричного управления, чтобы не встретить директора.

...Потом она поймет, что ее просто пытались приручить. Она и сама будет приручать бойких и агрессивных работниц, когда станет директором комбината. Энергию надо направлять в нужное русло. Так делали всюду. Недовольных, если они были умны и энергичны, выдвигали. И бывшие бунтари становились начальниками цехов, инструкторами райкомов.

Через несколько лет, когда Леднев станет директором фабрики, а Николай Степанович будет работать в Моссовете, они не раз встретятся на городских активах, в моссоветовских комиссиях, и Катерина будет во всем поддерживать и Леднева, и директора. Эти двое мужиков не бросят ее, когда на нее посыплются несчастья, они помогут ей в самые трудные годы, когда она останется одна с ребенком...

А пока Катерина ставила куски латуни, нажимала на педаль, и пресс выдавливал основание для подсвечника. Корпус подсвечника штамповали на соседнем станке. Катерина посмотрела на часы. До конца смены оставалось меньше часа. Она могла и не смотреть на часы — время определялось по усталости, на-

капливавшейся к концу смены. Деревенели руки, болели плечи. Она все чаще вставала со своего табурета, чтобы разогнуть поясницу.

И на хлебозаводе заканчивалась смена. Людмила достала из сумки туалетное мыло «Земляничное» и пошла в душ. Работницы в душе пользовались хозяйственным мылом: зачем мыться своим, если дают казенное — огромные серые кубы, которые не умещались на ладони. Их разрезали стальной проволокой на несколько частей. У хозяйственного мыла был специфический запах гнилых фруктов. Людмила этот запах опознавала среди сотен других. Даже не глядя на женщину, она определяла в ней работницу, особенно летом: запахи в жару становились навязчивыми. В самом начале своей работы на заводе она ехала в метро. Рядом с ней сидел молодой мужчина в костюме, при галстукe, в начищенных черных ботинках. Даже в жару он не мог себе позволить рубаху навыпуск и сандалеты. Это означало, что он работал в приличном месте, может быть, даже был связан с иностранцами. Мужчина повернулся к ней, несколько раз вздохнул и сказал:

— Вы с Трехгорки?

— С чего это вы взяли? — с вызовом откликнулась Людмила.

— Извините, — сказал мужчина. — Здесь обычно садятся девушки с Трехгорки. Меня ввел в заблуждение запах хозяйственного мыла. Я начинал в цехе, и нам выдавали такое мыло. Очень специфический запах. Его невозможно забыть.

С того дня Людмила никогда больше не пользовалась хозяйственным мылом. Стоя под душем, она намылилась своим «Земляничным», пустила горячую воду, потом холодную, потом снова горячую, чувствуя, как проходит усталость в плечах.

Пожилые работницы любили посидеть после душа. Охлаждали пиво под струей холодной воды. Выпивали по три-четыре кружки. И от этого еще больше полнели. Никто из них ни о какой диете не думал. Те, что были замужем, считали, что они пристроены и мужья должны принимать их такими, каковы они есть, да и дети к тому же еще на ноги не поставлены. Уйти может только подлец. Правда, такие подлецы находились. Уходили к другим женщинам. К этому относились как к судьбе. И уже не надеялись выйти замуж второй раз. Молодыми и то выходили не сразу, сколько усилий требовалось, чтобы мужчина согласился зарегистрировать брак. Получив штамп в паспорт, женщины сразу успокаивались. Даже если разведется, все-таки замужем побывала, не стыдно перед другими. А если есть

дети, то алименты будет платить. Людмила с тоской смотрела на эти разбухшие плечи, вислые задницы, животы в складках. Это были не женщины, а просто механизмы из плоти, уже выполнившие свои функции: родили, выкормили детей и перестали быть женщинами.

Людмила выскочила из душа одной из первых. Быстро оделась. За нею попыталась увязаться новенькая, работавшая всего вторую неделю.

— Может быть, сходим в кино? — предложила она.

— У меня дела, — ответила Людмила.

— Подожди меня, поедем вместе.

— Извини, нам не по пути, — отрезала Людмила и пошла, не оглядываясь.

Девушка покраснела. Пожилые работницы ее успокоили.

— Она с нами не ездит.

— А почему?

— Может, брезгует. Не хочет показывать, что такая же рабочая, как и мы.

Людмила вышла из метро в центре, на площади Революции. Зашла в несколько магазинов, купила губную помаду, крем для рук. Двинулась по улице Горького. В легком коротком платье, в легких туфлях, она шла не спеша, ловя взгляды мужчин, обращавших на нее внимание. Кое-кто из них притормаживал свой бег, оглядываясь, она это замечала и иногда,

чтобы убедиться, оглядывалась сама. Некоторые мужчины делали вид, что приостановились случайно, один ей улыбнулся, один помахал, показал на часы и развел руками: рад бы познакомиться, но время не терпит! Людмила ему тоже помахала и тоже показала на часы. Пусть не думает, что он ей интересен, и без него дел навалом. Но никаких дел у нее не было, а в общежитие возвращаться не хотелось — вечер совсем пустой, никто ей звонить не обещал. Можно, конечно, посмотреть по телевизору фильм в красном уголке — большой комнате, где висели портреты членов Политбюро и стенгазета, выпущенная перед майскими праздниками. Газету выпускали два раза в год: к майским и к октябрьским праздникам. Телевизор она начала смотреть в Москве. В Красногорске, когда она оттуда уезжала, телевидения еще не было.

К телевизору собирались заранее. Некоторые приходили часа за два до начала вечерних передач, занимали самые удобные места, ближе к экрану. Те, кто опаздывал, обычно стояли сзади.

На площади Маяковского Людмила снова спустилась в метро. Напротив нее сидел молодой крепкий парень в новых джинсах, в синей в мелкую белую клетку рубашке и остроносых модных ботинках. На нем все было заграничное, поэтому она и обратила на него внимание.

А во внешности ничего особенного: коротко стриженный, лицо самое заурядное, но широкоплечий и с крепкими ногами, которым было тесновато в джинсах.

И вдруг она услышала, что два парня, сидевшие рядом с ней, говорили явно о нем.

— Это же Гурин из челябинского «Трактора».

— Он перешел в молодежную сборную?

— Ненадолго. Возьмут в основной состав.

— Да, защитник толковый.

Людмила увидела, что этот Гурин из челябинского «Трактора» смотрит на нее. Слегка одернула подол платья и бросила на него быстрый взгляд. Через несколько секунд снова посмотрела, уже пристальнее: прием отработанный, внимание надо закреплять. Следующий взгляд ее был еще более продолжительным, с вопросом: чего тебе от меня надо? Гурин улыбнулся. Она улыбнулась ему и достала из сумки книгу. Пусть думает, что она смутилась, а книга — хороший повод для начала разговора. Получилось, как она хотела. Парни, сидевшие рядом с ней, вышли на станции «Белорусская». Гурин пересел на освободившееся место и спросил:

— Что вы читаете?

— «Три товарища», — ответила она.

В этот год издательства стали выпускать Ремарка и Хемингуэя. Их читали все. И она

купила книгу Ремарка. Гурин посмотрел на часы, и она поняла, что он сойдет на следующей остановке, у стадиона «Динамо». Времени оставалось несколько секунд, а Гурин явно не мог придумать второго вопроса. За эти несколько секунд Людмила просчитала всю свою дальнейшую жизнь. Это же уникальный шанс! Парень из провинции, у него наверняка еще нет девушки в Москве. Конечно, пока он живет в общежитии, но, если возьмут в один из хоккейных клубов, в основной состав, и если в команду «Динамо» или ЦСКА, квартиру дадут в течение года.

Она встала на секунду раньше, чем встал он, и пошла к двери. Он двинулся за ней. Людмила быстро соображала, какой выход ему нужен. Краем глаза она отметила, как он дернулся влево, и пошла к левому выходу. Он тут же пристроился рядом.

— Значит, и вы здесь выходите? — спросил Гурин.

Нормальный идиот, подумала Людмила. У нее в запасе оставались еще две-три минуты, а надежда на то, что Гурин успеет с ней познакомиться и договориться о следующей встрече, уменьшалась с каждой секундой. В такие моменты Людмила принимала решение мгновенно.

— А я вас знаю, — сказала она. — Вы — Гурин из челябинского «Трактора».

Гурин даже остановился от неожиданности. Его узнавали в Челябинске, но чтобы в Москве, да еще такая красивая девушка...

— Вы интересуетесь хоккеем? — удивился он.

— Очень, — с жаром ответила Людмила. — Хоккейная игра — это как рыцарские поединки. Кто кого!

Людмила один раз видела хоккейный матч по телевизору и не очень поняла: то ли хоккеисты на большой скорости на коньках не могли остановиться и поэтому натыкались друг на друга, то ли специально сшибались, чтобы остановить нападение на ворота.

— Я очень рад, что вы так думаете, — сказал Гурин.

— А вы за границу уже выезжали? — поинтересовалась Людмила.

— Один раз. В Чехословакию. Но скоро собираемся в Швецию.

— Как я вам завидую! — воскликнула Людмила. Это была чистая правда.

— Ничего интересного, — отмахнулся Гурин. — Утром физическая подготовка, потом тренировочная игра, а вечером — матч. Я Прагу и не видел.

— Еще увидите и Прагу, и Париж.

— В Париже чемпионатов не проводят.

— Очень жаль.

— А как вас зовут? — спохватился Гурин.

— Людмила. — Она протянула Гурину руку и он пожал ее.

— Может быть, мы встретимся еще раз? — спросил Гурин и покраснел, наверное испугался собственной смелости.

— А где?

Но Гурин замолчал. Он потратил слишком много эмоциональной энергии, ему явно требовалась передышка. Надо приходить на помощь, решила она. Гурин уже дважды смотрел на часы.

— Давайте завтра в кафе «Молодежном», — предложила Людмила. Наконец-то узнаю, что такое коктейль, подумала она.

— Завтра не могу. Мы едем на базу, на тренировки. Это восемьдесят километров от Москвы. И у нас режим.

— Тогда позвоните, когда освободитесь, — и Людмила на книжной закладке написала номер телефона общежития. И тут же пожалела об этом. Телефонный номер общежития теперь знали шестеро. А это грозило неуправляемостью процесса; вахтерша никогда не запомнит, кому из них что надо отвечать.

— А я могу позвонить вам? — спросила Людмила.

— Я в общежитии, — ответил Гурин. — У нас один телефон на этаж.

У нас один на четыре этажа, подумала Людмила.

— Лучше я вам буду звонить, — решил Гурин и, пожав ей руку, бросился в сторону стадиона.

С этим может получиться, размышляла Людмила. У нее улучшилось настроение. Появилась конкретная и вполне реальная цель. Остальные знакомые — только знакомые, шансов на замужество практически никаких. Недавно она познакомилась с телевизионным оператором. Телевизионщики входили в моду, как когда-то летчики.

Рудольф рассказывал о знаменитостях, которых он показывал в передачах, о телецентре на Шаболовке, рассказывал с восторгом — он был рядом с ними, они запоминали его имя, здоровались с ним. Официант, думала о нем Людмила. Обслуживает. Подает не тарелки, а лица, но готовят еду все равно другие.

Был еще поэт, злой, нищий. Он доставал иногда контрамарки в театр и приглашал Людмилу. Она его за это и любила. Вместе с ним смотрела почти все новые спектакли в московских театрах.

Еще был заместитель начальника главка, самый пожилой из ее знакомых, уже за пятьдесят. Но он себя старым не чувствовал, потому что долго служил клерком, как он сам это называл, и руководящую должность получил совсем недавно.

С этим может получиться, размышляла Людмила о Гурине. Говорить ему, что она лимитчица и живет в общежитии, не стоило. Надо произвести впечатление. И не запутаться, не завратиться. Конечно, если все всерьез, то надо говорить правду, но говорить правду не хотелось. Ведь роман с формовщицей хлебозавода он мог завести и в Челябинске. Вот если бы влюбился по-настоящему (а парни из провинции, недавно поселившиеся в Москве, влюблялись по-настоящему — может быть, от одиночества, да и трудно одному в Москве, нужна подружка, вдвоем всегда легче), тогда можно будет рассказать о себе все. С детьми придется подождать, но не до бесконечности. Она уже сделала два аборта, и врач заводской поликлиники предупреждала ее:

— Рожать надо, Людмила! Два раза обошлось, в третий может не повезти. Ты свой лимит на аборт исчерпала.

С Гуриным могут возникнуть сложности интимного порядка. Обычно провинциалы воспринимали просьбу надеть презерватив как личное оскорбление. Они стеснялись покупать эти предметы в аптеках. Людмила однажды достала из своей сумочки пакетик с презервативом, и на этом ее отношения с поклонником закончились: он принял ее за профессиональную проститутку. Москвичи были сговорчивее, может быть, кто-то из них уже прошел

через унижение венерологического диспансера. К тому же Москва наполнилась слухами. Иностранцев стало больше, венерических болезней тоже. Этот хоккеист наверняка еще не привык к свободным московским нравам, у них в провинции девушки соглашаются лечь в постель только после свадьбы...

В общежитие Людмила вошла в хорошем настроении. И крем купила, и губную помаду, и познакомилась.

Антонине пришлось задержаться на стройке — попросил прораб, пообещав отгул. Вместе с Полиной они закончили побелку потолков, покрасили трубы в ванной и туалете, завтра с утра можно клеить обои. Они спустились во двор. Николай ждал ее. Антонина знала, что так и будет. И все равно обрадовалась, даже покраснела — она краснела мгновенно. Полина сразу отстала, а Антонина и Николай, не торопясь, пошли к остановке автобуса.

— Тося, — сказал Николай, — мать говорит, чтобы ты в субботу на дачу к нам приехала.

Антонина ждала этого предложения, но не так скоро. Суббота ведь уже завтра.

— Ты чего молчишь? — забеспокоился Николай.

— Боюсь, — призналась Антонина.

— Чего бояться-то? — удивился Николай.

— Страшно...

Как ему объяснить? К ней будут присматриваться, прислушиваться, как ответит, что скажет. Она знала, что его родители — заводские рабочие, но они москвичи, уже давно, с довоенных времен. А она почти деревенская, Красногородск только недавно стал называться городом, а раньше был поселок Красногородск.

— Знаешь что, — решил Николай, — захвати на первый раз девчонок, чтобы веселее было. Да и им на пользу, свежим воздухом подышат.

Антонина обрадовалась. С подругами не страшно. И поддержат, и прикроют, и самой не надо про себя рассказывать, про нее расскажут все самое хорошее. А плохого и не было. Себя соблюдала, парней не подпускала, даже не целовалась ни с кем. Они дошли до остановки. Подъехал автобус, как обычно, переполненный. Один из парней на остановке поцеловал девушку. У них это получилось легко и складно. И Антонина решила тоже. Она коснулась губами щеки Николая, которая оказалась очень колючей. Николай заулыбался, обнял ее, ткнулся губами в ее нос. Потом ухватился за поручни, втиснулся в автобус, оглянулся, попытался помахать ей рукой. У него это не очень-то получилось, его уже сжали со всех сторон. Антонина тоже помахала рукой не очень умело и оглянулась, смущаясь, но никто на нее не смотрел.

Антонина шла между блочных пятиэтажек, посматривая в окна первых этажей. Скоро и она будет жить в точно таком же доме. У них с Николаем будет своя, отдельная комната. Как у них все получится в первую ночь? Но у всех же как-то получается. Все-таки надо поговорить с Полиной, как себя вести, что позволять, а чего не позволять. Николаю, наверное, старшие мужики уже все рассказали и объяснили, мужики ведь откровеннее друг с другом.

В субботу девушки встали пораньше. В душевой еще никого не было — в выходные все отсыпались. Выходным днем суббота стала недавно, рабочий люд привык управляться со своими делами за воскресенье, и поэтому еще один свободный день казался праздником.

Подруги погладили платья, позавтракали яичницей. Обычно завтрак готовила Антонина, но в этот раз ее освободили, и завтраком занималась Катерина. Людмила уложила Антонине косы, предложила покрыть ногти лаком, но Антонина отказалась. Она каждую минуту выскакивала в коридор и смотрела через окно на дорогу. Наконец увидела, что возле общежития остановился «Москвич», из него вышел Николай, оглядел себя, подтянул брюки и двинулся к подъезду.

— Приехал! — сообщила Антонина. — Можем идти!

— Пусть поднимется, — попросила Людмила. — Не будем показывать, что мы его ждем. — И она раскрыла книгу.

Николай вошел, поздоровался.

— Мы готовы! — тут же сказала Антонина.

— Не совсем, — поправила ее Людмила. — Но сейчас будем.

Она отложила книгу, осмотрела себя в зеркальце, подкрасила губы и наконец разрешила:

— Можем идти.

Когда они проходили мимо вахтерши, зазвонил телефон.

— Общежитие слушает, — ответила вахтерша. — Кого? — переспросила она. — Людмилу?

Людмила мгновенно оказалась рядом, выхватила трубку.

— Да! Кто? Рудольф, с телевидения? Помню, конечно! Это у нас бабушка шутница. К нам сейчас гости из Риги приехали, так она нашу квартиру общежитием стала называть.

Вести разговор при Николае ей было явно неудобно, она махнула рукой в сторону двери, подружки поняли, но Николай не стронулся с места и слушал подчеркнуто заинтересованно, даже ладонь к уху приложил.

— Нет, сегодня не могу, — продолжала Людмила, уже с вызовом глядя на Николая. —

Сейчас мы всей семьей на дачу едем. По какой дороге?

Людмила лихорадочно соображала.

— По асфальтированной, — подсказал Николай.

— По Дмитровке, — нашлась Людмила. — Пока, Рудик, папа торопит. Извини, он такой зануда, вечно ворчит. Я до сих пор не могу понять, как за него замуж можно было выйти. — Она уставилась на Николая и, положив трубку, сказала: — Это я про тебя.

— Побрякушка ты, — беззлобно ответил Николай.

— Не учи меня жить, а лучше помоги материально. — И Людмила двинулась к выходу.

Возле подъезда стоял «Москвич» выпуска первых послевоенных лет — точная копия немецкого автомобиля «опель-олимпия». На конвейере автозавода, у которого еще недавно стояла Людмила, уже собирали другую модель — советскую.

Людмила оглядела «Москвич»:

— Не развалится? По возрасту он старше тебя.

— Не бойсь, — заверил ее Николай, — ему всего пятнадцать лет.

Людмила и Катерина сели на задние сиденья, Антонине оставили место впереди, рядом с Николаем.

По Ленинградскому шоссе Николай доехал до выезда из Москвы и свернул на окружную кольцевую дорогу.

— Так ты, оказывается, богатый жених, — рассуждала Людмила. — Машина, дача... Если бы я раньше знала, ты бы сейчас не Антонину к родителям вез, а меня.

— Успокойся. Ты не в моем вкусе, Фанера Милосская, — ответил Николай. — А дача — пока это название одно. Садовый участок!

— Тогда нам это не подходит. Поворачивай назад, — потребовала Людмила.

— Да ладно тебе! — попросила ее Катерина. — Посмотри на Тоньку, на ней лица нет от страха.

— Не трусь, Тонька, — весело подбодрила Людмила. — Это еще неизвестно, кто кому сейчас смотрины устроит — они нам или мы им!

— При чем тут смотрины? — смутился Николай. — Просто в гости едем.

— В гости у нас есть к кому ездить, — оборвала его Людмила. — Мы едем посмотреть, стоит ли отдавать в эту семью нашу лучшую подругу. Вы думаете, если вы москвичи, так вам все лучшее? Мы еще устроим свой совет в Филях и долго будем думать — отдавать вам Антонину без боя или устроить Бородино.

Они въехали в дачный поселок. Некоторые владельцы уже подвели дачи под крышу, но на большинстве участков стояли деревянные

временки, многие без окон, больше напоминающие сараи, чем дома. Кое-где строились всерьез, возводили кирпичные стены. Во дворах на временных печках готовили еду. На патефонах крутили пластинки, электричество к поселку еще не подвели.

На участке, возле которого Николай притормозил, стояла временка, сколоченная из досок. Родители Николая появились, как только Николай заглушил мотор. Ждали — приоделись к такому случаю. Они рассматривали трех девушек, пытаясь угадать, какую из них выбрал сын.

Людмила улыбнулась им, помахала рукой, приветствуя. И мать, и отец, неуверенно улыбаясь, смотрели на сына.

— Принимайте гостей, — Николай начал бодро представлять — Людмила, Катерина, — и, выдержав паузу, почти торжественно произнес, — Антонина.

Антонина вышла из-за спин подруг и опустила глаза, но, увидев, что родители Николая улыбаются, тоже улыбнулась и сразу включилась в приготовления к обеду. Катерину и Людмилу освободили от хозяйственных забот. Людмила тут же стала раздеваться, чтобы позагорать — не пропускать же такую редкую возможность.

— Не надо, — сказала ей Катерина, — мы же не на пляже.

— Мы на природе, — возразила ей Людмила. — Ты посмотри по сторонам, все раздеты.

И вправду, по участкам ходили женщины в ситцевых шароварах и лифчиках, мужчины тоже разделись, некоторые, правда, оставили майки для приличия.

Людмила сбросила платье, легла. Николай и отец ставили забор. Чтобы увидеть Людмилу, надо было оглянуться. Николай оглянулся только один раз, но отец его оглядывался часто. Давно, наверное, не видел оголенной молодой женщины.

Потом они обедали. Мать разлила вермишелевый суп. На второе была вермишель с консервированной свиной тушенкой.

Отец Николая разлил водку по рюмкам. Женщины отказались, а Николай с отцом выпили, закусили, еще выпили.

Катерина посматривала на оживленную улыбающуюся Антонину. Ее явно одобрили, и она радовалась, что все определилось. Но почему только мужчина должен принимать решение, если у нас равенство? Катерина из-за этого не любила ходить на танцы. Стоять, подпирать стены и ждать, пока тебя выберут и пригласят. Даже если тебе не нравится приглашающий, ты должна идти с ним. Если не согласишься, могут обругать, а если ответишь не так, можно и схлопотать по физиономии. И они выбирали — кривоногие, небритые,

пахнущие водкой, пивом, потными рубашками с несвежими воротничками, в мятых штанах и нечищенных ботинках. А чистенькие девушки в накрахмаленных кофточках, наглаженных юбках, нарядных платьях радовались, что их выбрали. Стыдно ведь стоять, когда все танцуют.

Женщина должна ждать, когда ее пригласят на танец, когда пригласят в кино и, наконец, когда сделают предложение выйти замуж. А за кого выходить-то? Чему они могут научить будущих детей? Николай — один из лучших: добрый, заботливый, детей плохому не научит, хозяйственный. Наверное, Антонине все-таки повезло.

— Антонине повезло! — заявила Катерина, когда они с Людмилой после обеда снова улеглись на траве.

— Чего же хорошего? — удивилась Людмила. — Теперь для нее все заранее известно: сначала будут откладывать деньги на телевизор, потом на гарнитур, потом холодильник купят, стиральную машину. Все, как в Госплане, на двадцать лет вперед расписано. Глухо как в танке!

— Но так ведь все люди живут, — возразила Катерина.

— А я так жить не хочу. Я тебе уже говорила: жизнь — лотерея! Пока могу, я в нее буду играть! Может, повезет...

— А если не повезет? — спросила Катерина.

— У меня есть еще запас времени. Лет до тридцати поиграю в эту лотерею, а не получится — такие электрики Николай или сантехники Пети никуда от меня не денутся!

— Но им тоже будет под тридцать, — возразила Катерина. — У них уже по двое детей будет к этому времени. Так ты семью, что ли, разбивать будешь?

— Если будет разбиваться, почему бы не разбить? А ты так далеко не загадывай. Ты что, как партия и правительство хочешь жить? Все заранее расставить по пятилеткам? В жизни ведь так не бывает. У меня один знакомый физик был. Он говорил, что жизнь состоит из атомов. Они бегут — вверх, вниз, в разные стороны. И соединяются абсолютно случайно. Именно случайность порождает порядок. Как он говорил, это краеугольный камень современной физики.

— Значит, от нас ничего не зависит? — Катерина перевернулась на спину и зажмурилась от солнца.

— Поэтому, я тебе уже говорила, надо, как щука, плавать всегда с раскрытой пастью, чтобы своего не пропустить.

— И ты уверена, что не пропустишь?

— Абсолютно, — подтвердила Людмила.

— Что-то у тебя пока не очень получается, — усомнилась Катерина.

— Пока варианты не сходятся. Вот вчера я познакомилась с одним хоккеистом, восходящей, так сказать, звездой. И я чувствую: у меня с ним получится. Я даже вижу, как мы с ним въезжаем в однокомнатную квартиру.

— Лучше в двухкомнатную!

— Нет. Я вижу пока однокомнатную. Я вижу, как встречаю его в международном аэропорту. Они прилетают из Праги.

— Лучше из Парижа.

— В Париже чемпионатов по хоккею не бывает.

— А ты видишь, как вы уже стали стариками и у вас внуки?

— Этого не вижу и видеть не хочу. Я всегда буду молодой.

Подвыпивший отец Николая водил Антонину по участку и показывал яблони, маленькие, в рост девушки.

— Это антоновка, это белый налив, это золотой ранет.

— Здесь можно картошку посадить, — предложила Антонина.

— Обязательно посадим. — Отца Николая шатнуло, и Антонина, подхватив его, повела к дому.

— Все. Скоро Тонька станет нормальной московской жлобихой. Каждую субботу и вос-

кресенье — на участок, на свои огороды. Ненавижу! Я и дома огород ненавидела. Весну, лето, осень вкалываешь за пять мешков картошки да десятков банок огурцов. Все это можно купить. За гроши. И не надо горбатиться.

— Значит, у тебя дачи не будет? — спросила Катерина.

— Будет. Двухэтажная, восемь комнат, с сауной. Ты была когда-нибудь в сауне?

— Не была.

— Свою, — пообещала Людмила.

Им предлагали остаться ночевать, но Людмила не согласилась: всем пришлось бы спать на полу — в домике стоял только один топчан, вернее, противоснеговой щит из досок, накрытый старым матрацем.

— Я привыкла спать только в своей кровати, — заявила Людмила.

— Всегда? — спросил насмешливо Николай. Ему не хотелось ехать вечером в Москву и наутро снова возвращаться на участок.

— Всегда, — подтвердила Людмила, хотя иногда неделями не ночевала в общежитии.

На следующее утро Николай рано заехал за Антониной. Она собиралась тихо, но Катерина проснулась и тоже начала собираться.

Уже год она жила в Москве, но на московские театры, концерты, музеи, выставки у нее не хватало времени. С утра — на работу, потом в библиотеку. После прошлогоднего

провала на экзаменах в институт она занималась упорно и методично. В районной библиотеке у метро «Сокол» скоро обнаружила таких же девчонок из других общежитий. Они сдружились, доставали и передавали друг другу образцы сочинений, билеты по математике, по химии. Библиотека закрывалась в девять вечера, и они еще успевали на последний сеанс в кинотеатр «Сокол».

...Потом их пути разойдутся. Через двадцать лет одна из них станет преподавать в университете на геолого-почвенном факультете, другая уедет в Израиль. Катерина только тогда узнает, что рыжая Милка — еврейка. Она приехала из Белоруссии, работала на фабрике резинотехнических изделий, занималась по воскресеньям в аэроклубе, потом закончила авиационный институт. В Израиле Милка стала летчиком-истребителем и, как говорили общие приятельницы, одной из первых израильских женщин-генералов. В это Катерине не очень верилось, хотя Галя — тоже из давней компании, — которая вышла замуж за румына, как-то переслала письмо и подарок от Милки — серебряный браслет. Все это Катерине передал румын, даже не назвавший своего имени. Он позвонил, договорился о встрече в метро. Улыбнулся, протянул Катерине сверток и исчез. А Катерина весь вечер перечитывала письмо от Милки и вспоминала прошлое...

Но все это будет только через двадцать лет, а сегодня утром Катерина собиралась пойти в Третьяковскую галерею. Живя в Красногородске, она думала, что все москвичи постоянно ходят в театры, в консерваторию, на выставки, но уже через полгода поняла, что столичные граждане живут так же, как красногородцы. Во всяком случае, те женщины, с которыми она работала на фабрике. С утра — на работу, после работы — по магазинам, потом домой — приготовить еду и заняться хозяйством. По воскресеньям ездили на садовые участки или в Серебряный бор на пляж. Те, кто помоложе, иногда ходили по вечерам в ближайший кинотеатр. Никто из ее знакомых никогда не был в Большом театре. В театры ходили, если фабком закупал билеты и устраивал культпоход. Вместе с фабричными Катерина побывала однажды в оперетте и один раз в театре имени Пушкина.

Она составила для себя культурную программу, но осуществить ее оказалось трудно. Случайно Катерина достала один билет в Большой на «Пиковую даму». В этот день она не успела поспать после ночной смены и стала засыпать уже в середине первого акта. Она вообще хорошо засыпала под музыку. Опера ей не понравилась. Что-то старомодное и неестественное увидела она в том, что вместо нормальных разговоров все поют.

Еще в первый месяц жизни в Москве она побывала в Третьяковской галерее, но приехала туда уже перед закрытием, за полчаса обошла все залы, нигде не задерживаясь, и твердо решила, что обязательно придет сюда в воскресенье с утра и проведет весь день. Это воскресенье наступило только сегодня.

— Ты куда? — спросила Людмила, проснувшись.

— В Третьяковскую галерею. Поедем вместе, — предложила Катерина.

— В Третьяковской одни командировочные и гости столицы, — зевнула Людмила.

— Я же не на людей иду посмотреть, а на картины, — возразила Катерина.

— Это не для нас, — Людмила усмехнулась. — Я лично в научный зал Ленинской библиотеки поеду, — сообщила она.

— Ты в библиотеку? — удивилась Катерина.

— А ты знаешь, какой там контингент? — заявила Людмила. — Доктора наук, академики, аспиранты.

— Будешь смотреть, как они читают?

— Не я на них, а они на меня смотреть будут, — многозначительно заметила Людмила.

— Чтобы записаться в научный зал, надо высшее образование иметь, — сказала Катерина.

— У меня высшее жизненное. Ты знаешь, сколько работницы библиотеки получают? Не знаешь! Меня за пару шоколадных конфет записали. Могу и тебе пропуск достать.

— То, что мне надо, есть и в районной библиотеке.

— Эх ты! — вздохнула Людмила. — Как была, так и останешься девушкой районного масштаба.

Людмила могла и приврать, но Катерина уже знала, что ее странные идеи иногда приносили самые невероятные плоды.

Катерина доехала на метро до центра, прошла мимо ресторана «Националь», где толпились иностранцы. Она определила, что это немцы, — в школе она изучала немецкий язык. Постояла невдалеке, но не смогла ничего понять из их оживленного разговора. К гостинице подкатил автобус, иностранцы зашли в салон. Мужчины пропустили вперед женщин, одетых в яркие блузки. Женщины были в основном старые, да и мужчины тоже молодые. Наверняка воевали в последнюю войну, подумала Катерина, и, может быть, против нас. Она родилась уже после войны и немцев видела только в кино. Но, приехав в Москву, как-то увидела двух молодых немецких офицеров. Их форма так была похожа на ту, из кино, что она даже пошла за ними. Молодые немцы с одинаковыми желтыми портфелями

шли, разговаривая громко и оживленно. Прохожие постарше замедляли движение, смотрели на них с удивлением, некоторые растерянно. Катерина вспомнила, как тихо выматерился пожилой мужчина, зашарил по карманам в поисках папирос.

Закурил, повторяя:

— Как же так? — и прибавил слова про их немецкую мать.

Об этой встрече она рассказала академику и Изабелле.

— Почему они не изменяют форму? Ведь еще и через пятьдесят лет будут живы люди, которые воевали. Они же их запомнили.

— Нас Европа тоже запомнила, — заметил академик. — И тоже будет помнить не одно десятилетие.

— Но мы же их освободили, — возразила Катерина. — А они нас хотели завоевать.

— Это мы так считаем, что освободили, — сказал академик. — А они считают, что мы их завоевали.

— Не говори глупостей, — оборвала Изабелла академика, — она еще маленькая и неправильно тебя поймет.

Катерина шла мимо старого университета, небольшого и уютного. Она очень удивилась, когда увидела старый Московский университет. Для нее существовал только один, новый, на Ленинских горах, — похожее на гигант-

ский торт высотное здание, изображения которого встречались на почтовых открытках, в туристических проспектах, в учебниках истории. На следующий же день после приезда в Москву она поехала на Ленинские горы, обошла университет, но не рискнула войти внутрь здания. Она сразу решила для себя: поступить сюда наверняка невозможно. Это для других, для москвичей, для иностранцев, для особо способных и умных. Здесь, наверное, учатся только избранные. Она подала документы в химико-технологический институт, в котором когда-то учился академик. Если в нем уже учился один красногородский, значит, и у нее есть шанс. В университете никто из знакомых и земляков не учился.

У Манежа Катерина свернула к Кремлю. В Кремле на экскурсии она уже была и вычеркнула его из своего списка мест, обязательных для посещения. При случае она о Кремле, о Царь-пушке и Царь-колоколе уже могла рассказать. Она прошла вдоль Александровского сада, пересекла Москву-реку и, свернув влево, переулками стала добираться до Третьяковской галереи.

В этот утренний час в Замоскворечье было пусто и жарко. Во дворах играли дети, женщины развешивали выстиранное белье. У цистерны с пивом скопилась очередь мужчин. Мужчины в сатиновых шароварах и майках,

небритые, помятые с субботнего похмелья, курили и стучали костяшками домино. Совсем как в Красногородске. Казалось, что здесь столичная жизнь ничем не отличалась от провинциальной. Женщины варили воскресный обед, летом все делали окрошку, только ставили ее в холодильники, а не в погреба, как в Красногородске.

После воскресного обеда детей отправляли гулять и давали денег на дневной сеанс в кино, а взрослые заваливались спать.

— А почему взрослые по воскресеньям днем ложатся спать? — как-то спросила Катерина Людмилу, когда они учились в четвертом классе.

— Да не спят они, — ответила Людмила, которая всегда почему-то знала больше, чем Катерина и Антонина. — Они трахаются!

О сексуальных отношениях между мужчинами и женщинами Катерина кое-что знала, но не в подробностях. В кино их никогда не показывали. Герои только целовались. Кое-что узнавали от старших сестер, от взрослых женщин, когда они выпивали и становились откровенными. Катерина много узнавала от Людмилы, хотя они были ровесницами и Людмила в школе училась плохо, на одни тройки, не могла решить даже самой простой задачи по арифметике и всегда списывала у Катерины.

В это воскресное утро в Третьяковской галерее посетителей было мало. Несколько мужчин, явно командированных, в костюмах и при галстуках, несмотря на жару, двигались из зала в зал, и Катерина шла вместе с ними. На осмотр каждого из залов у них уходило одинаковое количество времени — несколько минут. Иногда Катерина отставала, иногда отставали командированные, но все равно в одном из залов они сходились снова.

В зале с иконами почти никто не задержался. Катерина тоже осмотрела иконы мельком. Святые на иконах лишь отдаленно напоминали живых людей, и Катерина подумала — то ли иконописцам запрещали рисовать святых похожими на людей, то ли тогда еще не умели рисовать. Иконы ей напоминали детские рисунки: вроде бы и похоже, но очень уж неумело. И цвета были без полутонов, в основном золотое, синее и красное.

Залы с картинами восемнадцатого века она прошла, почти не задерживаясь. Лица на портретах отличались от сегодняшних спокойствием и невозмутимостью. Им-то о чем было беспокоиться? И деньги не надо рассчитывать от получки до получки, и откладывать не нужно целый год, чтобы купить пальто.

Катерина задерживалась у картин, которые она знала по репродукциям. Она долго рассматривала «Утро в сосновом бору» Шиш-

кина. Красногородск окружали леса, и всегда жители боялись медведя-шатуна. В рассказах медведь всегда был один. В то, что собралось такое количество медведей в одном месте, Катерине поверить было трудно, но художники, как и писатели, тоже имеют право на вымысел, на преувеличение — так говорила им учительница литературы.

Катерина постояла у картины Пукирева «Неравный брак». По урокам истории она знала, что помещик мог выдать замуж крепостную девушку за того, кого выбирал сам, потому что в России существовало крепостное право, практически рабство, и было это почти сто лет назад. Катерина быстро подсчитала, и вышло, что ее прадед был рабом. Она посмотрела на дату на табличке. В это время крепостное право уже отменили, к тому же невеста, судя по одежде, явно не из крестьянок. Катерина читала, что девушек раньше выдавали замуж по расчету насильно, за богатых. В это она тоже не очень верила, в конце концов, можно было и сопротивляться, устроиться на работу. Катерина записывала в большую тетрадь афоризмы и красивые выражения, в основном про любовь. Многие девочки имели такие тетради, выписывали чаще не из книг, которые читали, а переписывали одна у другой. Тетрадка Катерины начиналась с выражения: «Умри, но не давай поцелуя без

любви». Потом шла запись: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях» — Долорес Ибаррури. Уже в общежитии Людмила перечитала эту цитату и сказала:

— У нас на заводе говорят по-другому, лучше дать стоя, чем на коленях.

Катерина перешла в залы с картинами советского периода. Люди на картинах мало напоминали живых. Очень мускулистые мужчины и очень грудастые женщины. Таких в жизни встретишь одного на тысячу. А лица чем-то напоминали святых на иконах, такая же строгость и торжественность.

Катерина почувствовала, что устала, ей не хотелось больше смотреть, хотя она прошла еще только залы с живописью тридцатых годов. Она решила досмотреть в следующий раз и направилась в буфет: утром она выпила одну кружку молока с булкой и сейчас хотела есть. В буфете взяла сосиски, хлеб и чай.

Командированные, с которыми она переходила из зала в зал, уже сидели за столиком. Один из них, самый молодой (не старше тридцати, определила Катерина), поймав ее ищущий взгляд, показал на свободное место за их столиком. Катерина подошла, улыбнулась и поблагодарила.

— Я вам завидую, — сказал молодой человек. — Вы можете хоть каждый день ходить в галереи и театры. Вы ведь москвичка?

— Да, — ответила Катерина, — я москвичка.

И поняла, что ответила, как отвечает Людмила, и даже улыбнулась в ее манере. Она решила поправиться и сказать, что в Москве всего год, но не успела. Командированный уже задал следующий вопрос:

— Вы учились в художественном институте или училище?

— Почему вы так решили? — удивилась Катерина.

— По тому, как вы смотрели на картины. У одних мастеров вы останавливались, мимо других пробегали. Я не ошибся?

Катерина растерялась. Людмила, наверное, ответила бы, да, вы не ошиблись, но она еще не умела, как Людмила, поддерживать разговор, выслушивая собеседника и пересказывая его же рассуждения только другими словами.

— Нет, — призналась Катерина. — Я к искусству не имею отношения.

— А к чему имеете?

— Ни к чему, — Катерина решила не врать. — Я поступала в химико-технологический и провалилась.

— Я тоже поступил со второй попытки. Закончил автодорожный. Знаете, тот, что рядом с метро «Аэропорт».

— Знаю, — ответила Катерина. — Я живу в Химках-Ховрино.

— Этот район начал застраиваться, когда я учился в институте. Меня зовут Андрей, — представился ее новый знакомый.

— Меня Катерина.

Двое других командированных поглядывали на них, но молчали. Потом поднялись:

— Мы в гостиницу. — И ушли.

— Деликатные люди. — отметил Андрей. — Заметили, что вы мне понравились, и отошли.

— Вы в командировке?

— Да. Я живу в Брянске. Распределили после института. Я сам брянский.

Катерина хотела было признаться, что она псковская, но почему-то не сделала этого. Они вышли с Андреем из галереи и пошли по Пятницкой к центру. Андрей рассказал, что работает инженером на авторемонтном заводе, не женат и живет с родителями. Катерина шла рядом со взрослым мужчиной. И он принимал ее за взрослую. Я и есть по-настоящему взрослая, думала Катерина, мне восемнадцать лет, даже по закону я уже имею право выйти замуж. Как выяснилось, Андрей старше ее на десять лет, но академик старше Изабеллы больше, чем на двадцать, и отец старше матери почти на десять лет. Катерина представила, как они начнут переписываться, потом она при-

едет к нему в Брянск и останется у него, конечно, вначале они зарегистрируют брак в загсе. И уже ничего не надо решать, все за нее решит он, потому что он старше и мужчина.

— А кто ваши родители? — интересовался Андрей.

— Отец химик, мать филолог, — ответила Катерина, понимая, что начинает запутываться. Химиком был академик, а филологом Изабелла. Отец Катерины закончил строительный техникум, а мать работала лаборантом на молокозаводе.

— А вы живете с родителями?

— Конечно. — Катерина заметила, что говорит с интонацией Людмилы.

— В коммунальной или в отдельной квартире? — продолжал расспрашивать Андрей.

— В отдельной. Но очень небольшой, — ответила она, вспомнив разговоры Антонины о квартире родителей Николая. — Двадцать восемь квадратных метров.

— Это стандарт для нынешних двухкомнатных квартир.

Андрей не жаловался, но сожалел, что не смог после института остаться в Москве. Столица — центр автостроения, и он мог бы стать конструктором новых автомобилей. Андрей вспоминал о годах учебы, о выставке картин Дрезденской галереи. И Катерина вдруг поняла, что он хотел бы вернуться в Москву. Конечно, она ему понравилась, но, наверное,

прежде всего его интересовала возможность остаться в столице. И чем больше он говорил о Москве, тем больше Катерине хотелось признаться, что она его обманула, и рассказать, что никакая она не москвичка, а обыкновенная лимитчица и живет в общежитии, и работает на галантерейной фабрике. Но никак не могла набраться смелости. Катерина представила, как все это скажет, как он замолчит, а потом выругается матом — чего с ней, обманщицей, церемониться. Может даже ударить. С нею однажды такое случилось на танцах в Сокольниках. Она не хотела идти танцевать с парнем, он ее выматерил и попытался ударить. За нее заступились курсанты-пограничники, с одним из которых тогда встречалась Людмила. С курсантами старались не связываться. Они дрались всерьез и очень умело, ломая руки и ноги, их побаивалась даже милиция.

— Мне пора, — заметила Катерина. — Родители меня ждут. Сегодня мы едем на дачу.

Андрей растерялся от неожиданности — Катерина прервала его рассказ о дипломном проекте.

— Может быть, мы еще погуляем? — неуверенно предложил Андрей.

— Извините, не могу, — Катерина прикрыла глаза, как это делала Людмила, сразу становясь неприятно надменной.

— Я часто бываю в командировках в Москве. И если вы позволите, — он вдруг перешел на «вы», хотя называл ее уже на «ты», — я мог бы вам позвонить.

— Позвоните, — разрешила Катерина и продиктовала телефон общежития, изменив последнюю цифру. Она представила, как он будет звонить из Брянска по междугородней связи и в какой-то квартире скажут, что здесь Катерины нет и никогда не было. Однажды, когда Людмила при ней дала парню телефон, намеренно изменив последние цифры, Катерина ей сказала: «Зачем так обманывать, лучше вообще не давать никакого номера. Это же подло!»

Я поступаю подло, подумала Катерина и бросилась в метро. Она несколько раз оглянулась, не идет ли за ней Андрей, но никто не шел. Она посмотрела на часы. День только начинался. Она приедет в общежитие и ляжет спать, вечером в красном уголке будет смотреть телевизор. Можно, конечно, пойти на пляж, но одной идти не хотелось, и она впервые за последние месяцы пожалела, что у нее нет своего парня, с которым сейчас можно встретиться, погулять, вечером пойти в кино.

Что-то у меня не получается с парнями, подумала Катерина, они меня обходят. Тебя считают зазнайкой, как-то сказала ей Антонина.

Катерина знала, что никакая она не зазнайка, просто, если парни привирали, она об этом говорила прямо. Еще она не любила, когда от парней пахло водкой, а от них вечерами всегда пахло, и они становились развязно-болтливыми. Это они от робости, пояснила ей Людмила, они еще более неуверенные, чем мы. Нам даже проще: мы сидим и ждем, когда нас пригласят, когда с нами заговорят. А ведь им страшно: пригласишь на танец, она откажет, а кругом все видят, что тебе отказали.

Нам не лучше, возражала Катерина. Стоишь, подпираешь стену и ждешь, когда тебя пригласят. Мы же не выпиваем для храбрости. Скорей бы уж я кому-нибудь понравилась, и он бы мне понравился, думала Катерина в вагоне метро, вышла бы замуж, все ведь выходят замуж. Напротив нее сидели мужчины. Пожилые, за сорок, под рубашками навывпуск бугрились животы. Мужчины вытирали пот уже мокрыми платками. Неужели таких тоже любят? — думала Катерина.

Глава 3

А Людмила в это время ехала в противоположном направлении — в Ленинскую библиотеку. В этой библиотеке занимались аспиранты, кандидаты наук, был зал для профессоров и академиков. Она однажды зашла в этот зал. За столиками сидели в основном старики. Обычно, когда она входила, мужчины обращали на нее внимание, но здесь читали сосредоточенно. Один поднял голову, глянул мельком и снова вперился в книгу. Она поймала взгляды библиотекарей — так обычно смотрят продавцы в отделах самообслуживания, за всеми сразу и обязательно за кем-то одним, кто вызывал опасения. В этом зале она явно вызывала опасения. К ней уже собиралась направиться одна из библиотекарей. Людмила фыркнула, одернула кофточку, поправила прическу. Долго собираешься, подумала Людмила и вышла. Она бы могла сказать этой тощей селедке в очках, что о ней думает, но ничего говорить не стала. Зачем ей скандал, раз-

бирательства, выяснения, как и почему она получила пропуск?

Людмила прошла в третий научный зал, положила тетрадку и очки на один из свободных столов и пошла заказывать литературу. Обычно она в карточке выписывала шифры нескольких книг, даже не вчитываясь в названия. Книги укладывались на стол для видимости. На открытых стеллажах она обычно брала журналы — «Огонек», «Работницу» и еще журнал «Польша», где всегда на нескольких страницах была показана модная одежда, какую начинали носить в Европе. Когда такая одежда появлялась в московских магазинах, Людмила уже знала, что покупать.

В этот раз она просмотрела журналы и пошла в курилку. Она курила уже два года. Начала для форсу в компаниях, чтобы казаться современной, к тому же в эти годы в Москве появились болгарские и албанские сигареты в красивых пачках. Приятно вытащить сигарету, щелкнуть зажигалкой, которые еще не продавались в Москве — их, как и шариковые ручки, привозили из-за рубежа. Теперь Людмила курила постоянно. Вначале об этом не знали ни на заводе, ни в общежитии. На заводе некоторые пожилые работницы курили еще с войны — папиросы «Беломорканал», к которым привыкли. И Людмила после обеда стала

выходить с ними в подсобку, чтобы выкурить длинную сигарету «Фемина».

В курилке библиотеки среди мужчин всегда сидели несколько молодых женщин. Здесь многие уже знали друг друга, некоторых знала и Людмила. Она достала сигарету, к ней протянули зажигалки сразу двое. Одного она знала — этот инженер писал здесь реферат для поступления в аспирантуру. Иногда Людмилу спрашивали, над чем она работает. Она обычно отвечала: над собой, опасаясь откровенного вранья, — здесь всегда мог найтись специалист по психиатрии. В последнее время она обычно представлялась студенткой медицинского института, которую интересуют психиатрия.

В эту библиотеку она записалась вполне сознательно. В библиотеке, особенно в курилке, знакомились легко. Она знала постоянных посетителей, но каждый раз в курилке возникали новые мужчины. За первый год в Москве у нее не появилось ни одного знакомого, который не работал бы на стройке или конвейере автозавода. На танцах она знакомилась с курсантами военных училищ, все с той же лимитой из общежитий. А ей нравились интеллигентные молодые люди, они всегда рассказывали что-нибудь интересное. У них в классе физику преподавал бывший фронто-

вик, он закончил институт после войны и получил распределение в их школу. Единственный мужчина-учитель на всю школу. И все учительницы, которые еще не вышли замуж — а учительнице выйти замуж еще труднее, чем маляру со стройки, особенно в маленьком городке, — влюбились в физика. А он женился на продавщице из овощного ларька, красивой цыганистой Аньке, которая — единственная из всех женщин райцентра — не носила лифчика. Летом в жару она ходила в майке, и мужчины, когда их посылали за овощами, всегда шли в ее ларек, чтобы посмотреть на эту перекачивающуюся под майкой грудь. Физик ее увидел, потом его увидели с ней в парке, а потом физик переехал в дом, где она жила с матерью. После окончания учебного года сразу четыре учительницы уволились из школы. Какой смысл работать, если ты пришла в новой кофточке, но никто, кроме малолеток, не замечает. Когда есть мужчина, есть и надежда, особенно если мужчина неженатый.

Теперь Людмила тоже не носила лифчика. И чувствовала на себе взгляды мужчин, особенно когда надевала тонкую крепдешиновую блузку. Здесь, в библиотеке, она познакомилась с начинающим поэтом, и зимой, и летом он ходил в одной и той же вельветовой куртке. Он подарил ей журнал «Юность», который не-

давно стал издаваться, со своими стихами. В курилке его знали и относились с внимательным почтением. Как и к длинноволосому седому сумасшедшему, который в библиотеку приходил, как на работу, с утра.

Людмила выкурила сигарету. Здесь же в курилке были установлены телефоны-автоматы, и она позвонила Еровшину, с которым познакомилась в бассейне, услышала частые гудки — занято — и повесила трубку.

Прожив год в Москве, Людмила выделила для себя несколько мест, где можно завязывать знакомства. Она просчитала все варианты и остановилась на танцверандах, стадионах, библиотеках и бассейнах; зимой годились катки.

На танцверандах она знакомилась с молодыми парнями. Стадионы давали большой выбор: и молодые, и вполне зрелые болельщики в основном мужчины, и появление на стадионе молодой женщины не оставалось незамеченным. Людмила осознала, что в знакомстве на случайность рассчитывать не следует. Для знакомства надо создавать особые условия. Во-первых, в местах знакомства женщин должно быть меньше, чем мужчин. На танцах все-таки девушек было больше, чем парней. Танцверанда — это нормальный вариант для безынициативных. И матери, и отцы знакомились на танцах.

Но Москва предоставляла значительно большие возможности для знакомств. Эти возможности Людмила использовала вполне целеустремленно. Она ходила и на футбольные матчи. Изучила особенности и составы игроков разных команд, чтобы можно было поддерживать разговор, потом стала понимать, что происходит на поле, и даже получать удовольствие от игры. Людмила выбрала себе команду — она болела за «Динамо». Эту команду содержало Министерство внутренних дел, и среди ее болельщиков, как определила Людмила, было много состоятельных и солидных людей.

Стадион дал ей несколько знакомств, и каток на Пионерских (бывших Патриарших) прудах тоже себя оправдал. Но самый интересный знакомый у нее появился, когда она стала ходить в бассейн военно-морского флота, находившийся недалеко от общежития.

Самые ранние и самые поздние — перед закрытием — часы посещения бассейна считались неудобными, и на них было легко достать билеты. Людмила купила абонемент на самое позднее время. В это время в бассейн приходила молодежь, в основном старшеклассники, живущие по соседству, и начальники, которые допоздна задерживались на работе.

В этот вечер, как обычно, Людмила приняла душ, натянула купальник и вошла в зал. На крайних дорожках резвились школьники, посредине плавал мужчина с мощными пле-

чами. Он проплывал от стенки до стенки, разворачивался и, не отдыхая, в том же ритме возвращался. Как машина, подумала тогда Людмила. Она не знала, как называется этот стиль плавания, когда пловец только на долю секунды поднимал голову из воды, чтобы вдохнуть воздух. Лица мужчины она не могла разглядеть. Людмила не торопясь плавала, держась у стенки за поручень, делала под водой упражнения для живота, а пловец, не увеличивая и не уменьшая скорости, работая руками, как молотами, переплывал бассейн снова и снова. Этот приходит сюда не для удовольствия, а работать, подумала Людмила, теряя к нему интерес. Крепкий, но старый, решила она. Когда он проплыл близко, она увидела, что из-под шапочки торчат седые волосы. Но пловец, подплыв к бортику, остановился и обратился к ней:

— Привет! Ты новенькая?

— Есть поновее меня, — ответила Людмила. — Я здесь второй месяц.

— Ты псковская? — спросил он.

— Я московская, — ответила Людмила и испугалась: может, знакомый, может, тоже из Красногородска.

— Ты псковская, — улыбнулся он. — В этом нет ничего плохого, но ты растягиваешь гласные не по-московски. Со временем это пройдет.

— У вас прошло?

— У меня прошло. А ты рядом живешь?

— Не совсем, — ответила Людмила неопределенно.

Он ей понравился уверенностью и улыбчивостью. И не такой уж старьй. За сорок, конечно, но в хорошей форме, наверное, из спортсменов, подумала она.

— Темнишь, — усмехнулся он. — Зря. Я сегодня добрый. Я на машине, могу подвезти.

— Согласна, — решила Людмила.

Он посмотрел на часы. Это были особые часы для подводного плавания — Людмила увидела такие впервые.

— В двадцать один сорок пять у выхода, — предложил он.

Людмила вышла из воды до окончания сеанса, чтобы одеться не торопясь. Краем глаза она заметила, что новый знакомый перестал плавать и рассматривает ее. Она остановилась и тоже посмотрела на него.

— И как? — заметила она.

— Замечательно.

Он показал рукой, чтобы она повернулась. Она, подражая манекенщицам, прошла по бортику, развернулась. Теперь на нее смотрели и старшеклассники. Она помахала им, и они, выкрикивая «бис!» и «браво!», зааплодировали. Ее ровесники — она старше лишь на три года. Кое-кто пытался с ней познаком-

миться. Она сразу отмела эти попытки — не хватало только тратить время на малолеток.

У входа в бассейн стояла «Волга» с частными номерами (в номерах ее научил разбираться курсант милицейской школы). Новый знакомый вышел в дубленке, которые начинали входить в моду. Людмила заметила его взгляд, мгновенно подметивший и ее легкое, не по погоде, пальто, и поношенные полусапожки. Он повернул ключ зажигания, включил радиоприемник.

— Сейчас будет тепло, — пообещал он. — Как тебя зовут?

— Людмила.

— Меня — Петр Петрович.

Потом она узнала об этом обычае представляться вымышленными именами: Николай Николаевич, Михаил Михайлович. Настоящее его имя она узнала позже, когда он разрешил ей звонить домой и на работу.

— Ты из военных? — спросила Людмила. Когда ей говорили «ты», она тоже переходила на «ты». Тем, кто был старше ее, это даже нравилось.

— Как определяешь?

— Ты сказал «в двадцать один сорок пять». Нормальные люди говорят обычно «без пятнадцати десять».

— Понял. Запомню. Молодец.

Он достал сигареты с фильтром, предложил ей. Они закурили, пока прогревался салон автомашины. Сигареты были с ментолом, легкие.

«Волга» мягко тронулась с места.

— Показывай, — велел он.

Она показала, где свернуть с Ленинградского шоссе.

Так бы и ехала далеко-далеко, подумала она. Но они доехали за пять минут. Она хотела выйти пораньше, чтобы он не узнал про общежитие, но подумала: этот все равно узнает. Он остановил машину у общежития и кивнул:

— До четверга.

— До четверга, — подтвердила она.

О новом знакомстве она не рассказала Антонине. Катерина тогда с ними еще не жила. Ей почему-то казалось, что, если она расскажет, Еровшин исчезнет, а когда она узнала, кто он и где работает, то рассказывать уже расхотелось.

Теперь Еровшин всегда довозил ее до общежития. Однажды повел в ресторан «Берлин», а после ужина предложил:

— Поедем ко мне!

Он никогда не говорил о семье, но в том, что он женат, Людмила не сомневалась — очень уж аккуратно всегда выглажены костюмы. За первые две недели знакомства она насчитала у него пять костюмов и восемь галстуков.

Его квартира была в доме на Садовом кольце. Три большие комнаты, в коридоре полки с книгами. В самой большой комнате стоял стол, кресла и диван, магнитофон «Грюндиг», телевизор с большим экраном, тоже не советский.

Все произошло, как в зарубежных фильмах. Еровшин быстро приготовил еду: поджарил шашлык, достал из холодильника ломтики буженины, кеты, черную икру, масло. Пил Еровшин джин с тоником. Людмила впервые попробовала и джин, и тоник, и кока-колу — она обо всем этом только читала в романах из зарубежной жизни и видела в заграничных картинах. И джин, и тоник по отдельности ей не понравились, но, смешанные вместе, они не горчили и не обжигали горло.

Потом Еровшин включил магнитофон, и они танцевали. Людмила знала, что произойдет дальше: Еровшин начнет расстегивать пуговицы на ее блузке, потом, наверное, на руках отнесет в постель. Но Еровшин поцеловал ее и спросил:

— Кто пойдет первым в ванную — ты или я?

— Я, — предложила Людмила.

Мыло в ванной пахло знаменитыми духами «Красная Москва». Два одинаковых куска в ярких нераспечатанных обертках лежали на полочке. Незнакомые заграничные духи и одеколон в красивых флаконах, зубные щетки

в нераспечатанных целлофановых упаковках, в таких же пакетиках купальные шапочки, два белых махровых халата, ни разу. похоже, не надеванные. Еровшин будто угадал ее мысли.

— Можешь всем пользоваться! — крикнул он ей из комнаты.

Она приняла душ в шапочке, с удовольствием разорвав упаковку, почистила зубы, попробовала новое мыло, потом надела махровый халат, чуть-чуть подушилась — сначала одеколоном, потом духами.

Еровшин уже расстилал постель. Она отметила туго натянутые накрахмаленные простыни и подумала: потом же ему придется сменить белье и самому отнести в прачечную.

Пока Еровшин был в ванной, она быстро осмотрела шкаф в спальне. В нем висели мужские костюмы — не меньше десяти, но разных размеров. Рубашек, сложенных в аккуратную стопку, было не меньше тридцати! Она услышала, как он вышел из ванной, и быстро забралась в постель.

— Шкаф осматривала? — спросил он, входя в спальню.

— А почему костюмы разных размеров? — Людмила с самого начала решила не врать, и потому ей было с ним легко.

— Ну и глаз у тебя! — удивился он.

У нее до Еровшина уже были любовники.

Когда к ней приходил сантехник Витя, Антонина уходила гулять. Она бродила возле общежития, поглядывая на окна. Как только в окне их комнаты загорался свет, Антонина возвращалась — такая у них была договоренность. Аспирант института торговли Геннадий брал ключи от комнаты приятеля. Они всегда торопились, и Людмила стала думать, что в отношениях между мужчиной и женщиной не так уж много привлекательного. Только с Еровшиным она поняла, что такое заниматься любовью. Он целовал ее в такие места, что она даже подругам не могла об этом рассказать. Однажды она спросила:

— Это у всех людей так бывает или ты один такой?

— У всех, у всех, — он рассмеялся. — Французы даже говорят, что чем выше культура, тем ниже поцелуй.

В общежитии по рукам ходила брошюра о сексе с фотографиями партнеров в разных позициях. У Еровшина были свои любимые позиции.

— А теперь в позицию львицы, — просил он.

Ей это тоже нравилось, но особенно она любила, когда он был внизу, а она лежала сверху. Она не давала ему спешить, регулируя ритм движений, он подчинялся, и ей было приятно это подчинение.

Обычно Еровшин подъезжал к заводу. Она только просила, чтобы он останавливался в соседнем переулке. Они приезжали на его квартиру, и он отвозил ее в общежитие к двенадцати ночи, потому что после двенадцати вахтерши закрывали дверь и уходили спать до утра. Иногда Людмила оставалась у Еровшина на всю ночь, и он утром отвозил ее на завод. Ей было интересно с Еровшиным. Он знал про все и про всех и охотно ей обо всем рассказывал. Она только не могла понять, где он работает.

— В конторе глубокого бурения, — ответил он, когда она спросила его напрямик. Но о своей работе он никогда не рассказывал, зато с интересом слушал ее рассказы о мастере хлебозавода, об Антонине, о Катерине.

Однажды, когда они были знакомы уже год, он поставил на магнитофон бобину с пленкой, и Людмила услышала их разговор. Она рассказывала об Антонине и Николае, потом они занимались любовью, и на пленке все записалось: ее ласковые слова и его дыхание, и ее вскрик — она никогда не могла сдержаться.

— А для чего ты это записал?

— Я не записывал, это записывается само собой, — и он показал вверх, на потолок.

— Понятно. А где-нибудь рядом сидят мужики в наушниках и слушают.

— Никто не сидит в наушниках и не слушает. Срабатывает автоматика. Магнитофоны включаются на голос.

— Значит, и тебя проверяют? — прошептала она.

— Меня уже не проверяют. Но аппаратура все равно срабатывает, и я всегда прошу принести мне пленку после того, как мы здесь бываем.

— Давай еще послушаем, — попросила Людмила, она впервые слышала свой голос, записанный на пленку.

Еровшин отмотал пленку на начало, и они стали слушать. На Еровшина это так подействовало, что он даже не захотел идти в спальню, и они занялись любовью здесь же, на диване.

Через год Людмила знала о Еровшине не больше, чем в первый день знакомства. Правда, он разрешил ей звонить домой.

— Будешь звонить в чрезвычайных ситуациях, если тебе потребуется моя помощь. Жену зовут Мария Филипповна. Скажешь: здравствуйте, Мария Филипповна, это Люда из Пятого управления. Запомни: Пятое управление. Пожалуйста, Вадима Петровича. Обязательно — пожалуйста. Так она узнала его настоящее имя. Квартира, где они бывали, оказалась служебной. Здесь встречались с секретными агентами. Здесь оперативные работники могли переодеться в другую одежду. Иногда эта квартира была занята, и они ехали в другую, тоже трехкомнатную, на Таганской площади, обставленную в другом стиле: кожаные кресла, бюро с инкрустацией, в спальне стояла боль-

шая железная кровать с никелированными шарами, в шкафах много книг по ботанике, а вместо Большой советской энциклопедии тридцать томов словаря Брокгауза. На письменном столе мраморный чернильный прибор и ручки с железными перьями, — такими они пользовались в первом классе, когда еще не разрешали писать авторучками, и она носила с собой чернильницу-непроливашку.

Однажды Еровшин пригласил ее в театр «Современник». У входа спрашивали билеты. Еровшин провел ее через служебный вход. С ним здоровались молодые парни в светло-серых и светло-коричневых костюмах, в черных или коричневых хорошо начищенных ботинках. И рядом с ней сидел такой же парень. Почему-то он чаще смотрел вправо, а не на сцену. А слева сидел пожилой и седой, он смотрел влево. Открылся занавес, и тут все встали и зааплодировали. В соседней ложе сидел Хрущев. Он тоже встал и тоже поаплодировал. Ее тогда удивило: ведь приветствовали его, а он, значит, тоже приветствовал себя? По телевизору показывали торжественные заседания, и, когда на сцену выходили члены Политбюро, в зале тоже все вставали, а члены Политбюро и правительства тоже начинали хлопать. Она спросила об этом Еровшина.

— Народ приветствует партию, партия — народ, — посмеиваясь, объяснил Еровшин.

— А партия разве не народ?

— Народ, народ, — отмахнулся Еровшин.

— А почему тогда на плакатах пишут: «Народ и партия едины»?

— Потому что идиоты, — не выдержал Еровшин. — Какой-то придурок из ЦК придумал эту абракадабру, и никто отменить не решается. А вообще-то партия есть партия, а народ есть народ. Партия это вроде дворянства. Вступил в партию — ты уже не холоп, а дворянин, тебя уже бить по рожке не положено, ты уже сам бить можешь. Кстати, а ты в партию вступать не собираешься?

— Нет, — Людмила рассмеялась. — Я замуж собираюсь. Но ты ведь на мне не женишься?

— Не женюсь, — подтвердил Еровшин. — Я стар для тебя.

— Ты не старый. Ты лучше молодых. Ты умнее всех и в постели лучше.

— Я просто опытнее. Малыми затратами я достигаю вполне приличных результатов.

— Мне это подходит. Я бы за тебя вышла замуж.

— Не получится, — вздохнул Еровшин. — Я никогда не брошу жену. Нехорошо бросать женщину, когда ей за сорок. Она уже никому не нужна. Старых партнеров не предают.

— Брось. Просто в вашей конторе это не поощряется. В чине могут понизить. Кстати, ты в каком чине?

— У нас не чины, у нас звания, — поправил Еровшин. — А звание у меня вполне подходящее.

— А генералом ты можешь стать?

— Уже не могу.

— Почему? — удивилась Людмила. — Ты не старый и умный.

— Я уже генерал, — рассмеялся Еровшин.

— Таких генералов не бывает, — не поверила Людмила.

— А какие бывают? — спросил Еровшин.

— Они толстые, пузатые.

— Ну, это в Советской армии.

— А ты разве не в Советской армии?

— Нет. Мы отдельно.

— Значит, я трахаюсь с генералом? — рассмеялась Людмила.

— Значит, так, — подтвердил Еровшин. — Но об этом всем знать совсем не обязательно.

— Я не болтливая.

— Я знаю.

— Откуда? — удивилась Людмила.

— Знаю, — сказал Еровшин. — Ты ведь о наших с тобой встречах даже Антонине и Катерине не рассказала.

— А об этом ты откуда знаешь?

— Знаю. Наши ведь есть и у вас в общежитии, и у тебя на хлебозаводе.

— Если я угадаю кто, ты скажешь? — спросила Людмила.

— Не скажу, — отрезал Еровшин. — Это уже не твоего ума дело.

Людмила не обиделась. Она никогда не обижалась на Еровшина: знала, что это бесполезно. Если он говорил «нет», никакие уговоры и упрашивания на него не действовали.

Людмила улыбнулась своему соседу в курилке библиотеки, погасила сигарету и снова набрала домашний номер Еровшина. Ей ответил женский голос, немолодой, хрипловатый. Явно курит, подумала Людмила.

— Здравствуйте, Мария Филипповна, — как можно любезнее сказала она. — Это Людмила из Пятого управления. Пожалуйста, попросите Вадима Петровича.

— Пожалуйста, — ответила женщина, и через несколько секунд она услышала его голос.

— Еровшин слушает.

— Я в библиотеке Ленина, — сообщила Людмила. — Настроение паршивое. Жарко.

— Буду через двадцать минут, — ответил Еровшин и повесил трубку.

Будет ругать, что позвонила в воскресенье, или не будет, думала Людмила, выходя из библиотеки. Это даже интересно. Еровшин всегда был ровно спокоен.

Она встала на углу Моховой и проспекта Калинина. С какой бы стороны Еровшин ни подъехал, он ее увидит. Через двадцать минут возле нее притормозила «Волга», он открыл дверцу, она села, и он мгновенно тронул машину.

— Куда мы? — спросила она.

— В бассейн. Тебе же жарко.

— У меня нет купальника.

Он достал из бардачка целлофановый пакет и бросил ей на колени. Она открыла пакет. Ярко-красный купальник-бикини — он всегда и все предусматривал.

В этот жаркий воскресный день в бассейне плавали немногие — люди разъехались на пляжи. Людмила окунулась в тепловатую, нагревшуюся за день воду, легла на спину и медленно поплыла, глядя в небо — серо-голубое летнее московское небо. Она плыла, ни о чем не думая, о чем думать-то: он рядом — он придумает. Потом они посидели в машине, открыв все окна, выкурили по сигарете.

— Поедем в ресторан, — предложил Еровшин.

— Поедем к тебе, — попросила Людмила. В ресторане в этот час наверняка жарко, ей хотелось после бассейна растянуться на прохладных простынях и сосать через соломинку холодный апельсиновый сок.

— На Садовую или на Таганку?

— На Садовую, — решила она.

Она уже понимала, что, видимо, на Таганке жила семья, которую выселили, а квартира со старой мебелью, старой посудой, серебряными вилками досталась его конторе. Когда Людмила бывала там, ей казалось, что сейчас откроется дверь и войдут хозяева. Она как-то сказала об этом Еровшину.

— Не войдут. — ответил Еровшин. — Их расстреляли в тридцать седьмом.

— Но потом реабилитировали?

— Реабилитировали, — подтвердил Еровшин.

— Но у них же остались родственники, которые имеют право на мебель, вещи.

— Родственников не осталось. Их тоже расстреляли.

— А почему людей расстреливали? — спрашивала Людмила.

Еровшин промолчал. Когда Еровшин не хотел говорить, он замолкал, и разговорить его не удавалось. Людмила быстро сообразила: в тридцать седьмом он был совсем молодым, но уже, наверное, служил в органах. Может быть, и сам расстреливал людей, но об этом думать не хотелось.

В холодильнике на Садовой Людмила обнаружила антрекоты. Делала она все быстро и аккуратно. Через несколько минут они уже сидели за столом, Еровшин открыл бутылку

виски, бросил в стакан кубики льда. Она уже привыкла пить виски со льдом. Еще в библиотеке Людмила решила провести с ним решительный разговор. Еровшин уже улыбался, значит, через несколько минут предложит ей перейти в спальню.

— Надо поговорить, — сказала она.

— Поговорим потом, — предложил Еровшин. — Мне все равно будет нужна получающая передышка.

— Поговорим сейчас, — не согласилась Людмила.

— Что ж, поговорим, — нехотя согласился Еровшин.

— Я хочу выйти замуж.

— Все хотят, — заметил Еровшин.

Она знала, что своими репликами Еровшин самый серьезный разговор может перевести в несерьезный. Он мог высмеять, нагрубить, а если не хотел отвечать, то начинал вдруг пересказывать, о чем он сегодня читал в газетах. Или мог спросить о какой-нибудь улице, которую Людмила наверняка не знала, и, получив отрицательный ответ, начинал подробно рассказывать — ее историю, какие дома на ней, когда и кем они построены, и сбить его было совершенно невозможно.

— Мне пора замуж, — произнесла Людмила. — Я хочу родить ребенка.

Людмила ожидала вопросов или реплики Еровшина, но он молчал. Так они помолчали несколько минут, и наконец Еровшин сказал:

— Это естественное желание. Если есть за кого, выходи.

— Конечно, есть, но всякая шелупонь... Может быть, ты мне поможешь?

— Давай досье. То есть подробности.

— Я бы хотела выйти замуж за солидного обеспеченного человека, с квартирой, с хорошей зарплатой, чтобы не надо было несколько лет копить деньги на телевизор, на стиральную машину, на холодильник... Короче, я бы вышла замуж за кого-нибудь из твоей конторы, но в наших отношениях ничего не изменилось бы. Мы так же встречались бы.

— Нет, мы бы не встречались.

— Почему?

— Я обычно не встречаюсь с замужними женщинами.

— Почему? Мужики говорят, что это, наоборот, удобно, никакой опасности, что тебя хотят женить, к тому же меньше вероятность подхватить венерическую болезнь. Сейчас же жуть что происходит. Как только стали пускать иностранцев, кривая роста заболеваний венерическими болезнями резко возросла.

— А ты откуда знаешь?

— Нам в общежитии лекцию читали. И предостерегали, что обязательно надо остере-

регаться негров. И это никакой не расизм, просто Африка еще очень дикая, и у них не соблюдают элементарных правил гигиены. Послушай, но у тебя же есть какие-нибудь хорошие знакомые, познакомь меня. Может быть, я понравлюсь.

— Ты понравишься. Но знакомить я тебя не буду. Это твои проблемы. Я не имею отношений с замужними женщинами. Как показывает опыт, это всегда кончается скандалами. Особенно в нашей сфере. Потому что мои знакомые обычно совсем не глупы и очень наблюдательны. Если у меня сотрудник не может обнаружить, что жена ему изменяет, я таких отчисляю. Какой из него тогда чекист? Давай решим так: твое замужество — твои проблемы, и ты их решишь сама. Конечно, когда-нибудь ты бросишь меня. Мне бы хотелось, чтобы это случилось как можно позднее, но тут уж как судьба повернет.

— И ты смиришься, если меня от тебя кто-то уведет?

— Конечно, не смирюсь. — Еровшин совсем не шутил. — Я сделаю все, чтобы у него это не получилось, но, если будет большая любовь, я отступлюсь. Но я хотел бы поговорить с тобой о другом. Собираешься ли ты учиться дальше?

— Не собираюсь.

— Почему?

— Не хочу. Неинтересно. Вот Катька хочет стать инженером-технологом. Это же сплошная головная боль — работать на заводе и ругаться с работягами. Учительницей я тоже не хочу. Тупых учеников я бы уж точно лупила по головам. А кем еще?

— Ты же способная. Приметливая, наблюдательная, легко сходишься с людьми, можешь притворяться дуручкой, можешь вешать лапшу на уши. Иди учиться в вечернюю школу.

— А потом?

— А потом я тебя устрою в одно из наших учебных заведений.

— На шпионку учиться, что ли? — усмехнулась Людмила. — Да меня сразу определяют, что я псковская, ты же определил сразу.

— Ты могла бы стать юристом. А уж работу я тебе подыскал бы.

— Не хочу. Хочу замуж, хочу родить детей, хочу, чтобы меня любил муж...

— И чтобы он был высокий, богатый и молодой, — добавил Еровшин, смеясь. — Иди, стели постель.

Она расстелила постель, подумала, что в этих квартирах кто-то меняет белье, набивает холодильник продуктами, пылесосит, моет, протирает.

Еровшин в этот вечер был особенно нежным. А у нее вдруг возникло и не пропадало ощущение, что все скоро кончится. Может

быть, не надо было заводить разговор, но ведь такой разговор все равно состоялся бы, рано или поздно. Но лучше, чтобы поздно. Ей ведь только двадцать лет, и, чтобы родить, еще есть время. От разговора ли, от выпитого ли виски или от жары она устала, ей очень хотелось спать. Конечно, надо было бы спросить Еровшина, не торопится ли он, но она не спросила и уснула.

Проснулась она поздним вечером. Еровшин, уже одетый, писал за столом. Людмила подошла к нему, обняла, заметив при этом, что он прикрыл написанное лежавшей рядом папкой.

— Забудем про наш разговор, — попросила она.

— Забудем, — пообещал Еровшин и добавил: — Меня некоторое время не будет в Москве, ты пока не звони мне, когда вернусь, я тебя сразу найду...

На следующий день Людмила возвращалась после работы в общежитие. Вчерашний разговор не забывался. Может быть, она была слишком настойчива, но она встречалась с Еровшиным уже почти два года, и ей хотелось определенности. Но определенность всегда ультимативна, а она уже поняла, что ультиматумы опасны. Ее мать иногда говорила отцу:

— Если опять напьешься, домой не приходи.

Отец напивался, домой не приходил, оставался ночевать у другой женщины.

Тогда мать выдвинула новый ультиматум:

— Не будешь ночевать дома, можешь вообще не приходиться.

И однажды отец вообще больше не пришел. Людмила поняла, что мужчины звереют от ультиматумов и поступают по-своему. К тому же большинству мужчин терять было нечего. Все их имущество помещалось в одном чемодане, жили в основном в казенных квартирах, легко меняли один дом на другой, тем более что дома мало чем отличались друг от друга.

Людмила понимала, что ее роман с Еровшиным когда-нибудь закончится. Ее часто принимали за его дочь. Ее это не волновало, но она не хотела, чтобы Еровшина увидели с ней девчонки из общежития. Конечно, старый, разница в двадцать пять лет. Но с ним интересно, а рассказы молодых о том, как они служили в армии, ходили в самоволку, надоели. К тому же все истории были похожи: с глупыми старшинами, с молодыми лейтенантами, которые не умели командовать. У молодых парней самые сильные впечатления были от службы в армии: это и путешествие, чаще всего за тысячи километров, и опасности, и необходимость отстаивать свое мужское достоинство.

Собственно жизнь у парней начиналась после армии. Они возвращались на свои заводы, с которых их призывали на службу, или не возвращались, оставаясь в тех местах, где служили, ходили на танцверанды, где находили будущих жен. Снимали комнаты или поселялись в семейных бараках, жили в них иногда по двадцать лет, ожидая очереди на квартиру. В отпуск вначале ездили к деревенским родственникам, потом в заводские дома отдыха или пансионаты, рожали детей, чаще всего двоих, реже троих. Комната заставлялась кроватями, столом и шкафом для одежды — больше не помещалось. Женщины к сорока годам начинали болеть, постоянно простуживаясь на стройках и в продуваемых цехах. Почти все пили. Собирались обычно после работы, брали бутылку на троих, домой возвращались пьяненькими, летом усаживались во дворе играть в домино. «Забивали козла» по всей стране, наверное, потому, что домино — это еще и возможность побыть в компании. До темноты стучали костяшками, потом ложились спать, утром уходили на заводы.

Огромная страна жила в одном режиме, другого просто не было. Вырывались немногие. Наиболее сильные парни иногда уходили в спорт, но через несколько лет возвращались на те же заводы и пили еще больше от тоскливого сознания, что ухватились за другую

жизнь, но не удержались. Некоторые играли в игры, предложенные начальством, участвовали в соревнованиях, на их станках устанавливали красные вымпелы, награждали значками «Ударник пятилетки», в юбилеи и по праздникам они получали ордена и медали, которые надевали два раза в году — на майские и ноябрьские демонстрации. Зарабатывали практически все одинаково. Те, у кого разряд выше и выше квалификация, получали чуть больше, но не намного, поэтому никто не работал в полную силу. Каждый прихватывал что мог с работы. Строители тащили белила, краску, лак, сантехники — краны, электрики — провод, розетки, выключатели, с автозавода выносили карбюраторы, распределительные валы, электрооборудование. Людмиле казалось, что подворовывали все, — что воровала вся страна. Как-то она сказала Еровшину:

— А куда же вы смотрите? Ведь все растаскивают. А кто не тащит, на того смотрят, как на идиота.

Еровшин ответил такое, до чего она никогда не додумалась бы сама:

— Так задумано, — усмехнулся Еровшин. — Это государственная политика, чтобы подворовывали.

— Это же плохо, когда воруют. Кому же это выгодно?

— Государству, — пояснил Еровшин. — Государство всем недоплачивает, и там, наверху, понимают, что на такие деньги прожить невозможно. То, что подворовывают, это как бы дополнительная зарплата. Но это и преступление одновременно. Пока ведешь себя тихо, тебе это не то чтобы прощают, а смотрят сквозь пальцы. Но — пока покорен. А если вздумаешь бунтовать, выступать против власти, у нас всегда есть повод взять тебя за задницу: ты же воруешь, ты же закон нарушаешь. Вот ты недовольна, что вам на хлебозаводе мало платят. И решила организовать забастовку, потребовать, чтобы платили больше. И это справедливо. На зарплаты, которые вы получаете, жить нельзя. Но тебе тут же припомнят, что со стройки ты тащила краску и обои, с автозавода запчасти, с хлебозавода тащишь сливочное масло, изюм, сахар.

— А ты откуда знаешь? — удивилась Людмила.

— Так ведь со всех хлебозаводов и кондитерских фабрик это тащат. Поэтому каждому бунтарю мы всегда обеспечим отъезд от трех до пяти лет в места не столь отдаленные.

— Неужели правда? — удивилась Людмила.

Глава 4

Еще и еще раз перебирая в памяти вчерашний разговор с Еровшиным, его просьбу несколько дней не звонить, Людмила забеспокоилась. Неужели конец? Она понимала, что это когда-нибудь закончится. Но не так сразу и так незаметно, как бы между прочим: он был в ее жизни почти два года, и его не станет? И никаких скандалов, когда можно утешать себя тем, что он виноват и она правильно поступила, что ушла, бросила — как бросала уже много раз, когда убеждалась, что бесполезно встречаться дальше.

Успокойся, сказала она себе, всегда есть запасной вариант. Но запасного варианта не было несколько месяцев. Она продолжала знакомиться, кое-кто звонил, с кем-то она ходила в кино, но нигде ничего серьезного не просматривалось — слишком много времени занимал Еровшин. Может быть, Рудольф с телевидения? Она встречалась с ним дважды. Он пригласил ее в один из домов на Шаболовке, что рядом с техцентром. В двухкомнатной

квартире собралась компания из нескольких телевизионных операторов. Из разговоров она поняла, что две девицы — помощницы режиссеров, одна гример, две из костюмерной. Все по парам. Рудольф привел ее. Сошлись вечером, после десяти часов, когда закончилась какая-то передача. Хозяин квартиры, пожилой, сорокалетний, тоже работал на телевидении. По тому, как он выпил первый стакан портвейна — быстро и жадно — и сразу опьянел, она поняла, что он из пьющих, может быть даже алкоголик. В запущенной грязной квартире не чувствовалось женской руки. Хозяин, перехватив ее взгляд, пояснил:

— Я живу один. Жена ушла. Не к другому, — посчитал нужным объяснить он. — Просто ушла.

Видно было, что в доме собираются часто. Пили в основном портвейн. Еровшин приучил ее к хорошим винам. И если даже она пила виски — с содовой и кубиками льда, этот крепкий напиток не драл горло так, как водка. Отработавшие смену, усталые телеоператоры быстро хмелели, совсем как рабочие конвейера автозавода. Тарелок не хватало, колбасу нарезали на газете, прямо из консервной банки ели бычки в томате. Такое бывало в каждом из общежитий, где ей пришлось пожить. И разговоры ей напоминали заводские. Только на заводе ругали мастеров и

инженеров, а здесь режиссеров и редакторов. Время от времени одна из пар уходила во вторую комнату. Потом женщины шли в ванную, мужчины садились к столу, выпивали, некоторое время молчали, но вскоре опять вступали в разговор.

Рудольф тоже позвал ее во вторую комнату. Здесь стояла семейная двухспальная кровать и тахта, покрытая ковром. Рудольф обнял ее и сразу стал стягивать с нее трусики.

И вся любовь, подумала она тогда и, выставив колено, ударила его между ног. Рудольф скорчился от боли, хотя она ударила его слегка — на танцверандах, когда ее пытались затащить в кусты, она была по-настоящему, отключая надолго.

— Зачем же так? — укоризненно сказал Рудольф. — Можно было и словами объяснить, что ты не такая и не с первого раза.

— Извини. — Она вернулась в большую комнату. От тоски и бессмысленности выпила портвейну и вдруг увидела, что все разошлись. Осталась только одна пара. Опьяневшего телеоператора Рудольф с хозяином никак не могли поднять на ноги и решили вызывать такси. Выходило, что они с Рудольфом остаются вдвоем в этой квартире. Людмила вышла на площадку покурить и, не вызывая лифта, чтобы не привлекать внимания, спустилась по лестнице. Зная примерно, где Ленинский

проспект, она переулками вышла к нему и дошла до метро. В метро не пускали пьяного парня. Он все пытался войти, но милиционеры его оттаскивали. Стараясь идти прямо, она вошла в метро, едва не упала на эскалаторе. Пожилая женщина спросила, не плохо ли ей, но, встретившись с ней взглядом, нехорошо усмехнулась. В вагоне Людмила достала книгу, но буквы прыгали перед глазами.

Рудольф позвонил через неделю и пригласил на стадион, откуда он вел трансляцию футбольного матча. Людмила отказалась. Она раздумывала. Проведя год с Еровшиным, она уже знала, что богатые мужчины даже пахнут по-другому — хорошим табаком, хорошим одеколоном, а не резким «Тройным» или «Шипром», по запаху которых за несколько метров можно было определить, что мужчина побывал в парикмахерской. Еровшин носил белые рубашки и менял их дважды в день. И брился он тоже два раза в день электрической бритвой — такие только начинали появляться в магазинах. Ее знакомые парни предпочитали темные рубашки, которые не меняли по неделе. Рудольф отличался от них, может быть, потому, что жил с матерью и братом в отдельной квартире. Людмила давно заметила, что мужчины, которые жили в отдельных квартирах, пахли по-другому. Наверное, потому что принимали душ каждый день.

Большинство москвичей, как и красногородцы, еще ходили в баню раз в неделю. И одевался Рудольф довольно модно, не носил советской одежды, предпочитая хоть и дешевую, но модную польскую и венгерскую. По возрасту он должен был бы закончить институт, но окончил только курсы телеоператоров и уже несколько лет работал в телецентре.

Людмила рассказала Еровшину о компании телеоператоров, опустив, конечно, попытку Рудольфа повалить ее на тахту и снять трусики. Но зато она подробно передала его рассказ о знакомстве с Юрием Гагариным во время съемок, его слова: «Первый человек, который побывал в космосе! А простой, доступный! Анекдоты рассказывает. После передачи мы его пригласили, и он выпил с нами по рюмашке». Еровшин, как всегда, выслушал ее, он умел слушать внимательно и не перебивая.

— Дурачок! — произнес он.

— Кто? — не поняла Людмила.

— Первый космонавт Вселенной. Если он будет пить со всеми, кто его приглашает, плохо кончит. Хотя, говорят, не глуп, если стал хоть и подопытным кроликом, но первым. Глупые в первые не попадают даже по случайности. Что будет с ним лет через тридцать? Национальный реликт, как Буденный. И останется ему только тихо пить на даче.

— Почему обязательно пить? — возразила она.

— Потому что споят. В России всех знаменитостей спаивали. Удерживались только очень умные или люди с плохим здоровьем, когда, что называется, душа не принимала. Вряд ли он доживет до старости. Он ведь летчик!

— Не все же летчики разбиваются, — не согласилась она.

— Не все, — согласился Еровшин. — К тому же его будут оберегать. Вряд ли он будет летать. Будет чем-нибудь руководить, учиться его пошлют в академию. Но психология летчика не меняется, даже если он перестает летать. Я знал летчиков, которые прошли всю войну без единого ранения, а потом разбивались на мотоциклах, гибли в драках. А он азартный. Нет, не доживет до старости.

— Тьфу-тьфу! — Людмила перекрестилась, как делала ее бабка.

— Может, и пронесет, — сказал Еровшин. — Я хоть в Бога и не верю, но, как говорится, дай Бог. А ты бы не связывалась с этой компанией официантов.

— Они телевизионные операторы, а не официанты, — поправила она Еровшина.

— Официанты, официанты, — подтвердил Еровшин. — Готовят другие, а они разносят каждому к столу через телевизор. Пойми, телевидение у нас всего несколько лет. Это новая сфера деятельности. А в любую новую сферу сразу бросаются неудачники, те, что по-

терпели крах в других сферах. Я, когда первый раз попал на телестудию, поразился обилию красивых женщин. Все были красивые — и молодые, и не очень. Я зашел в кафе, смотрю, десятки красивых и очень красивых. Пьют кофе, курят сигареты и одеты все со вкусом. Я подумал вначале, что на телестудии какой-то особый начальник отдела кадров, он берет на работу только красивых и очень красивых. Потом мне объяснили, что это все неудавшиеся актрисы. Те, кто не удержался в театрах или не попал в театр. А на телестудии они устроились помощниками режиссеров, ассистентками — вроде бы при искусстве, а вообще-то, девочки на побегушках. Пока на телевидении все второй сорт. И режиссеры, которым не нашлось места на киностудиях и в театрах, и операторы, и художники. Есть, конечно, энтузиасты телевидения, их немного, и пройдет еще много лет, пока они начнут делать что-то настоящее. В кино, чтобы снять фильм, надо многое уметь; чтобы твоя фамилия появилась в титрах фильма, уходит несколько лет, а на телевидении передачу делают за три дня, и твою фамилию читают сразу миллионы, но я думаю, что этот твой знакомый — нормальная шелупонь.

— Я думаю, он из энтузиастов, — не согласилась она. — Он очень хорошо говорит про телевидение.

— Он же взрослый уже парень, — возразил Еровшин. — Почему катает тележку с камерой и не учится? Это работа для мальчиков.

— А может, он уже выучился, ты же не знаешь!

— Если бы выучился, ты бы рассказала, — и Еровшин рассмеялся. — А если ты не говоришь, значит, нет. Ты хорошая девочка, не врунья, но то, чего тебе рассказывать не хочется, ты не рассказываешь, опускаешь. И это скорее достоинство, чем недостаток. Эх, если бы ты пошла учиться! Ты приметливая, все замечаешь, ты обучаема. Ты бы могла сделать замечательную карьеру!

Людмила вышла из метро «Сокол». На автобусной остановке, как всегда в этот час, собралась толпа. Можно было втиснуться в первый же автобус, но тогда придется ехать стоя еще полчаса. Она уже отстояла почти восемь часов на заводе, сорок минут в метро. Пережду, решила Людмила. Рядом переминалась пожилая женщина с явно отечными ногами. Войдя в следующий автобус, Людмила мгновенно выхватила взглядом свободное место и, толкнув полного мужчину, успела сесть. Пожилая женщина встала рядом, держась за спинку сиденья, сверлила ее взглядом, вздыхала. Не уступлю, решила Людмила, нечего

шляться в часы пик. Но, посмотрев на женщину внимательно, определила, что той еще далеко до пятидесяти пяти, тоже, наверное, отработала смену. Ладно, уступлю, решила Людмила и встала. Женщина тут же плюхнулась на освободившееся место. Хоть бы спасибо сказала! Ладно. Запомню. В следующий раз ни за что не встану. Держась за поручень, она закрыла глаза, почему-то хотелось заплакать, но не в автобусе же!

Людмила дошла до общежития, проходя мимо вахты, положила на стол вахтерши сдобную булку, — ритуал, который она никогда не нарушала и, когда в ее смену не выпекали сдобу, покупала ее в магазине.

В комнате Катерина выкладывала из шкафа платья. Людмила легла на кровать, положила ноги на спинку. Она где-то читала, что солдаты после многокилометрового марша, передыхая, вот так же задирают ноги. Подумала, что, наверное, не каждый солдат выдержал бы восемь часов на хлебозаводе, и увидела, что Катерина достала из-под кровати чемодан и складывает туда платья, учебники, щетку для волос, маникюрный набор, который Людмила ей подарила на день рождения.

— Чего это ты собираешься? — спросила Людмила.

— Переезжаю на месяц, — ответила Катерина.

Людмила подождала, надеясь, что Катерина сама объяснит, куда она переезжает и почему на месяц. Но Катерина молчала. Уйдет ведь и не расскажет, испугалась Людмила.

— Замуж, что ли, собралась?

— Академик с Изабеллой в отпуск уезжают. Просили пожить. Цветы поливать и Чапу выгуливать.

— Тоже дело, — прокомментировала Людмила.

Она знала про академика и про высотку на площади Восстания. Туда Катерина ездила нечасто. Вначале Людмила убеждала Катерину, что глупо иметь в Москве родственника-академика и работать на галантерейной фабрике. Мог бы пристроить в какой-нибудь институт лаборанткой. Катерина после того разговора рассказывать об академике перестала.

Знакомясь, Людмила обычно представлялась студенткой медицинского института и охотно рассказывала истории из жизни психов, с которыми ей приходилось встречаться во время студенческой практики в Институте имени Кащенко. Она действительно знала немало интересных случаев: уйдя с автозавода, несколько месяцев проработала в этом институте санитаркой, пока не устроилась на хлебозавод. Раньше Людмила старалась не говорить о родителях, но после приезда Катерины, наслушавшись ее рассказов об академи-

ке, если уж очень приставали с расспросами, говорила, что отец ее — академик.

Людмила представляла себя в трехкомнатной квартире высотного здания. Они с Катериной взяли бы себе по комнате каждая. Быть одной в комнате — это же счастье! И отдельный туалет, когда не надо стоять в очереди, переминаясь с ноги на ногу, и торопиться, потому что знаешь, что другие ждут! И отдельная ванная, а не общий душ со скользким от мыла кафельным полом. И можно собрать всех знакомых на ужин. Тогда те, кто не верил, что она — дочь академика, поверят, а кто верил, смогут точно в этом убедиться. Но о вечеринке сейчас говорить Катерине не надо, лучше потом.

— Возьми меня с собой пожить, — предложила Людмила. — Вдвоем все-таки веселее!

— Я поговорю с Александром Михайловичем, — пообещала Катерина.

Она поговорит, и ей наверняка откажут. А если откажут, Катерина ни за что не согласится, чтобы Людмила переехала без разрешения.

— Я поеду с тобой, — сказала Людмила. — Ты спросишь, они посмотрят на меня, увидят, что я не какая-нибудь лахудра. Возьми меня с собой!

Катерина явно колебалась. Может быть, и ей хотелось пожить одной. Еще несколько

секунд, и она откажет. Скажет, что неудобно и вообще нехорошо приводить в дом чужого человека, не предупредив хозяев заранее.

— Ты не бойся, — проговорила Людмила. — Откажут — я в обиде не буду. Посмотрю хотя бы, как живут нормальные люди. Я в сотке ни разу не была!

— Поехали, — решила Катерина.

Они доехали на метро до Краснопресненской. Высотное здание стояло на огромной каменной площадке, и они поднялись по широкой лестнице к массивным дубовым дверям. Как же открывать такую тяжесть, подумала Людмила. Но двери открылись неожиданно легко.

Они пересекли холл. Катерина поздоровалась с вахтершей, и они вошли в лифт. Обшитый внутри красным деревом, с бронзовыми поручнями, размером в корабельную каюту, лифт двигался бесшумно, и только меняющиеся на табло цифры показывали, что они едут вверх.

Девушки вышли на пятнадцатом этаже. Катерина нажала кнопку звонка. Двери квартиры тоже были дубовые, массивные. Открыл им академик. Он посмотрел на Людмилу, и она поняла, что понравилась ему. Она уже давно научилась определять, когда нравится мужчинам. Людмила улыбнулась академику, и академик, хоть и явно озабоченный сборами в дорогу, на секунду расслабился и тоже улыбнулся.

— Это Людмила, — представила Катерина.

В переднюю вошла Изабелла. С ней будет потрудней, поняла Людмила. Эту не проведешь. Изабелла осмотрела Людмилу не торопясь, от прически до туфель. Она знала цену вещам. Людмила отметила, что взгляд Изабеллы остановился на ее туфлях — «лодочка», самые модные в этом сезоне в Англии. Последние два года Людмила не покупала ничего в магазинах, все привозил Еровшин из зарубежных командировок. Он ни разу не ошибся в размерах, может быть, у него была дочь ее комплекции. К тому же Еровшин все замечал и, когда она прошлой зимой слегка располнела, привез юбку на размер больше. Изабелла отметила и платье, вроде бы скромное, белое в синий горошек, — на покупку такого в комиссионном магазине не хватило бы месячной зарплаты формовщицы хлебозавода.

— Это Людмила, — представила ее Катерина. — Мы с ней живем в одной комнате в общежитии. Она тоже из Красногородска. Я рассказывала. Можно она поживет со мной? Вдвоем все-таки веселее.

Изабелла как будто не услышала просьбы. Людмила знала таких, они всегда ждут, когда просьбу повторят, за это время все обдумают. Но даже если Изабелла уже все решила, она потянет с ответом — Еровшин это называл «держатъ позу». Проситель перед такими обычно терялся, начинал нервничать и от унижения

готов был отказаться от своей просьбы. И чего она передо мною выкобенивается, подумала Людмила, она же в порядке, ей свою силу показывать не надо. Как показывают силу, Людмила знала: последние полгода к ней придирался мастер на хлебозаводе. Она рассказала об этом Еровшину, считая, что та завидует ее молодости и красоте.

— Сколько лет твоей мастерице? — спросил Еровшин.

— Скоро тридцать!

— В тридцать лет еще не завидуют молодости, — отметил Еровшин. — У нее какое образование?

— Да никакого! Из работяг. Была бригадиром, теперь вот мастером поставили.

— Понятно. Не завидует она тебе, а боится конкуренции — можешь занять ее место.

А может быть, Изабелла боится за своего академика? Но это же глупо. Все соображения Людмила прокрутила в две-три секунды, пока Изабелла ее рассматривала, не отвечая на просьбу Катерины. Ладно, решила Людмила, перекантуемся в общежитии, а вечеринку я все равно здесь устрою и позову всех. Она улыбнулась Изабелле. Улыбайся всегда, учил ее Еровшин, у тебя хорошая улыбка, этим ты располагаешь к себе людей. Людям приятно, когда им улыбаются. Улыбаясь, она тоже осмотрела Изабеллу, хотела сказать, какой у нее

замечательный дорожный костюм цвета хаки из модной плащевой ткани, но не сказала, потому что, опустив глаза, увидела на Изабелле точно такие же, как у нее, лаковые английские «лодочки». Это, конечно, пережить трудно, почти невозможно, чтобы у жены академика и работницы с хлебозавода были одинаковые туфли. Изабелла знала цену туфлям. Это девочкам из общежития Людмила, когда у нее появлялись новые дорогие вещи, могла объяснить, что купила по дешевке в комиссионке, и называть выдуманные цены.

Так ничего и не ответив на просьбу Катерины, Изабелла принялась ей втолковывать:

— Цветы поливай через день, но этот, — она показала на цветок, который напоминал маленькое дерево, — каждый день. Обязательно каждый день. Это бансэй, японская сосна. Ей уже пятьдесят лет, за ней требуется особый уход. Чапу будешь выгуливать три раза в день. Утром перед работой, на десять минут, чтобы пописала, после работы хорошо хотя бы час, а то она начала толстеть, и вечером перед сном. Как кормить — знаешь.

— Знаю, — подтвердила Катерина.

— Пойдем на кухню, я покажу продукты.

Изабелла вышла из комнаты, не глядя на Людмилу. Катерина пошла за Изабеллой.

Оказалось, что академик все слышал, хотя и укладывал вещи в чемоданы.

— Разрешила? — спросил он у Людмилы.

— Держит паузу.

Академик рассмеялся.

— Держать паузу — хорошее выражение!

— Это из системы Станиславского для актеров, — объяснила Людмила. Она знала это от Еровшина.

— Ты чем-то ей не понравилась, — заметил академик и закурил, не предложив Людмиле, — в те годы очень немногие женщины курили.

— Не я не понравилась, — Людмила улыбнулась, — а мои туфли. У нас одинаковые туфли. Женщине такое трудно перенести.

Это тоже был один из уроков Еровшина. Говори правду, взрослых и неглупых людей обмануть трудно. Не ври про себя, это располагает, потому что люди начинают сочувствовать, у них ведь тоже что-то не получается, но они об этом не говорят.

Академик неожиданно заинтересовался туфлями Людмилы. Он внимательно осмотрел их и подтвердил:

— Абсолютно одинаковые, одной фирмы. Дорогие туфли. Я сэкономил на всем, чтобы купить их Изабелле. Пятнадцать фунтов!

Людмила с нежностью подумала о Еровшине: значит, и он сэкономил на всем ради нее. Если он решил с ней расстаться, значит, у нее

уже никогда не будет таких туфель, во всяком случае в ближайшие годы.

— А сколько стоят здесь такие туфли? — поинтересовался академик.

— Не знаю, — призналась Людмила. — Мне привезли их из Лондона.

— Ваш отец ездит в заграничные командировки? — спросил академик.

— Мой отец живет в Красногородске. Туфли привез любовник.

Академик посмотрел на Людмилу, и по его лицу она поняла, что он прикидывает, могла ли быть у него такая молодая любовница. Вероятно, он понял, что его молчание затягивается, и, так и не решив, как ему реагировать на подобное признание, спросил:

— А ты где жила в Красногородске?

— На Больничной улице, ближе к молокозаводу.

— А я на Школьной.

— Я знаю. На вашем доме теперь табличка висит, не мраморная, как в Москве, а из жести, и в музее все про вас написано.

— Видишь, какой я старый, — вздохнул академик. — И мемориальная доска уже есть, и в музее выставлен.

— Как говорит один мой знакомый, знаменитые и богатые мужчины старыми не становятся.

И в этот момент Изабелла и Катерина вошли в комнату. По озабоченному лицу Катерины Людмила поняла, что ее просьба либо отвергнута, либо Изабелла так ничего и не ответила.

Катерина сказала напряженно:

— Вы не ответили мне, может ли жить здесь со мной Людмила?

— Может, — ответил за Изабеллу академик. — Я разрешаю.

Изабелла подняла глаза на академика и улыбнулась, едва растянув губы, — так она улыбалась сантехникам и вахтерам. Скандал она устроит уже в такси и потом это долго будет ему поминать. Но скандалить при девушках Изабелла не стала. А тем временем академик уже понес чемоданы к лифту, Катерина подхватила сумки. Изабелла взяла Чапу на руки и вошла бы с собакой в лифт, если б Катерина не перехватила ее. Уже из лифта Изабелла спросила:

— А она чисто плотная?

Наверное, это был оскорбительный вопрос, но Людмила улыбнулась:

— Очень! Очень чисто плотная.

И лифт поехал вниз. Девушки вернулись в квартиру. Людмила вошла в кабинет академика, осмотрела корешки книг в книжном шкафу, потом прошла в спальню, увидела две огромные деревянные кровати, бросилась на одну из них и расхохоталась.

— Ты чему радуешься-то? — удивилась Катерина.

— Жизни. Завтра устраиваем вечеринку. Наконец я соберу всех своих знакомых, устрою смотрины и остановлюсь на ком-нибудь одном.

— Остановится ли он на тебе? — заметила Катерина.

— А куда он денется? От дочек академика не отказываются.

— Значит, ты — дочь академика?

— Да, — подтвердила Людмила. — Уже почти год. И все, кто будут здесь, знают, что я дочь академика.

— Небольшая нестыковочка получается. Они же москвичи и по номеру телефона сразу определяют район.

— Все просто, — мгновенно нашлась Людмила. — Мы поссорились с отцом-академиком и переехали к бабушке. А теперь помирились и переехали в родную квартиру. Это вполне объяснимо.

— Что-то у академика слишком молодые дочери! — продолжала сомневаться Катерина.

— Бывает, — возразила Людмила. — От второго брака. Академики, как известно, бросают старых жен и женятся на молодых. Мы вполне могли бы быть дочерьми Изабеллы.

— Академику шестьдесят два года. Сколько же лет его матери, твоей бабушке значит? — спросила Катерина.

— Восемьдесят. Раньше рожать в восемнадцать лет было почти нормой. А могла и в семнадцать, — тут же посчитала Людмила и похвалила Катерину: — Ты молоток! Все предусматриваешь. Один мой знакомый советовал мне учиться на юриста, мол, я приметливая. Он тебя не знал. Вот уж кто приметливая! Все учитываешь, поэтому ты так хорошо в станках разбираешься. Значит, решаем так. Я старшая дочь, ты моя младшая сестра.

— Я тебя старше на полгода, — возразила Катерина.

— Я увереннее тебя держусь, а уверенные всегда выглядят старше.

— Понятно. Вот только почему одна дочь академика работает штамповщицей на галантерейной фабрике, а другая — формовщицей на хлебозаводе?

— Да ничего подобного! — тут же отреагировала Людмила. — Я учусь в медицинском, специализируюсь по психиатрии, а ты на первом курсе своего химико-технологического.

— А зачем это вранье? — не поняла Катерина.

— Понимаешь, насколько я разбираюсь в жизни, мужчины предпочитают жен с интеллигентными профессиями. Врач, например, — в белом халате, ручки чистые, если надо, сама всю семью вылечит. Или учительница музыки. И романтично, и приличные деньги мож-

но зарабатывать, если давать частные уроки. Сейчас все на музыке помешались. В магазинах на пианино в очередь записываются. А вот инженерша, строительница, хотя и с высшим образованием, котируются значительно ниже. Работа грубая, не женская. К тому же от такой жены у интеллигентного мужчины комплексы развиваются. Он гвоздя вбить не может, а она все может. Химик вполне годится, хотя и не очень понятно — ясно только, что в белом халате, пробирки там всякие, реторты. Очень престижная профессия, конечно, художник-модельер, но, боюсь, без подготовки ты не справишься.

— А ты как психиатр справишься? — усмехнулась Катерина.

— Конечно, — подтвердила Людмила. — Я же все-таки полгода санитаркой в психбольнице работала. Я им такие истории из жизни рассказываю, что они сами шизеют. Пойми, главное — вызвать первоначальный интерес к себе.

— Но потом же все равно все раскроется, — заметила Катерина.

— Ничего не раскроется, все продумано. Во-первых, я могу снова рассориться с папой-академиком и снова переселиться «к бабушке» в общежитие. Он делает мне предложение, я переезжаю к нему, а куда я каждое утро езжу — на хлебозавод или в институт, очень

быстро не определишь. Так какое-то время тяну, беременею, рожаю ребенка. И тогда — какая ему разница, кем я была когда-то. Когда он все узнает, будет поздно. Он уже привык, ребенка обожает, без меня жизни себе не представляет, еще и сам прощения просить будет.

— За что?

— К тому времени найдется за что, — рассмеялась Людмила. — Как сейчас, наверное, академик вымаливает прощение у Изабеллы.

— Нет, — сказала Катерина. — Не буду я представляться дочкой академика.

— Ладно, — согласилась Людмила. — Тогда я представлю тебя как нашу домработницу.

Катерина не обиделась, пыталась представить ситуацию, в какой она может оказаться уже завтра.

— Ну какая я дочка академика? Не видно, что ли, что я псковская?

— Уже не видно, — возразила Людмила. — За год псковский говор у тебя почти исчез. Выдают человека два обстоятельства: если он неправильно ставит ударения в словах — а с этим у тебя все нормально — и если задает глупые вопросы. Но ты глупых вопросов не задаешь.

— Иногда все-таки могу ляпнуть такое! — Катерина старалась быть к себе объективной; если уж соглашаться играть роль дочери академика, надо все продумать.

— Ну и ляпай, — заявила Людмила авторитетно. — Но ляпай уверенно. Тогда это называется точкой зрения. Иногда такую глупость услышишь, а оказывается — точка зрения. Вот некоторые считают меня хамоватой.

— Так и есть, — согласилась Катерина.

— А вот и нет! Это называется эксцентricностью. На этом я стою.

— А на чем мне стоять?

— Тебе? — Людмила задумалась. — Тебе — бить в лоб.

— Как это? — не поняла Катерина.

— У тебя есть особенность: ты все слушаешь, слушаешь, а потом прямо в лоб задаешь вопрос, и почти всегда по делу. Такая, знаешь, почти мужская прямолинейность. Некоторым мужикам даже нравятся такие женщины.

И Катерина не нашла что возразить Людмиле.

Наступил вечер. Пора было выгуливать Чапу. С собаками гуляли в небольшом скверике возле дома. Породистые собаки только еще начинали появляться в Москве, но в этом доме их было немало. Овчарок держали в основном генералы, они их вывезли из Германии вместе с другими трофеями. Все про овчарок Катерине рассказал Костя, сын генерала, с которым она познакомилась, когда, оставшись ночевать у академика, утром выгуливала Чапу. Тогда же она увидела, как к дому

подъехали, наверное, двадцать «ЗИЛов» и из подъезда вышли сразу много генералов и два адмирала — они резко выделялись своими черными мундирами.

Катерина увидела Костю с крупной овчаркой и помахала ему издали. Костя подошел к ней, поздоровался и радостно покраснел. Наверное, я ему нравлюсь, подумала Катерина, и ей стало сразу легко и спокойно. Она побаивалась этих солидных мужчин и холеных женщин, чувствуя себе здесь чужой. Вдруг спросят, кто она такая, а могут и не спросить — просто выставить из скверика. Рядом с Костей она чувствовала себя уверенней. Он знал, что Катерина — родственница академика. За те два месяца, что Катерина не бывала у Тихомировых, здесь появились новые, неизвестные ей породы собак. Ее поразил небольшой, очень уродливый пес с кривоватыми ногами, слишком мощной для его роста грудью, с торчащими ушами и такой мордой, как будто ее расплющили — у большинства известных ей собак морды были удлинённые.

— Кто это? — шепотом спросила она у Кости.

— Французский бульдог, — пояснил Костя.

— Его из Франции привезли? — удивилась Катерина.

— Этого из Бельгии. В Европе — довольно распространенная порода. В нашем доме много мидовцев.

— А кто такие мидовцы?

— МИД — это министерство иностранных дел. А те, кто там работают, — мидовцы.

В этот вечер Катерина узнала еще, что большие, черные, обросшие густой шерстью собаки — это ньюфаундленды, их вывели специально для спасения людей на водах.

По площади носились два крупных рыжих пса с обрубленными хвостами, их лохматые морды казались квадратными.

— Это — эрдели, еще очень редкая порода в Москве, — пояснил Костя. — Их англичане вывели для охоты на львов.

— Так уж на львов? — усомнилась Катерина.

— Такого трудно прихлопнуть, — разъяснил Костя. — Видишь, они почти квадратные. Вокруг оси они могут вращаться очень быстро, они очень увертливые. А челюсти мощные. Если таких десятков наскочит, никакой лев не отмахнется. У нас на медведя тоже ведь несколько лаек спускают.

Собаки носились, играя, задираясь, но здесь была своя, уже отлаженная иерархия. С мощными кобелями не задирались. К Чапе подлетела молодая крепкая сука-овчарка, Чапа на нее рывкнула, обнажив желтоватые уже клыки, и овчарка, поджав хвост, отскочила.

— Такая трусливая овчарка, что ли? — спросила Катерина.

— Нормальная, — ответил Костя. — Просто Чапа — самая старая сука во дворе. Она здесь хозяйка, потому что она всех этих собак помнит щенками, а она для них всегда была старшая, взрослая.

Владельцы собак стояли группками, время от времени высматривая и подзывая своих псов. Полные мужчины в спортивных костюмах наверняка были генералы, определила Катерина, а профессии женщин угадать не могла. Некоторые из них были в длинных, ярких шелковых халатах, такие привозили из Китая, пока из-за доклада Хрущева о разоблачении культа личности Сталина не испортились с ним отношения. Глядя на этих людей, Катерина подумала, что они, наверное, тоже приехали когда-то из таких же небольших городков, как Красногородск, где во дворах вечерами сидели мужчины в спортивных шароварах и женщины в байковых халатах.

Молодежь стояла отдельной группой. Длинноволосые парни в пиджаках с подложенными ватными плечами, узких брюках, узконосых ботинках, с яркими галстуками. То ли пришли только что из компаний, то ли собирались куда-то, а может быть, в отличие от взрослых, уже понимали, что нехорошо выходить из дома в домашних тапочках и халатах. Один из парней что-то рассказывал, его перебивали, дополняли, все смеялись. Видя, что

Костя посматривает в их сторону, Катерина предложила:

— Костя, ты иди в свою компанию!

— Это не моя компания, — усмехнулся

Костя. — Это мгимошники! — И пояснил Катерине: — Они из института международных отношений. Будущие дипломаты. Элита.

— А ты?

— Я — университетский. Математик.

— Как раз университет — элита из элит, — возразила Катерина.

— По образованию — да, — согласился Костя. — А ты уже учишься?

— Еще не учусь, — честно призналась Катерина. — Я дважды в химико-технологический завалила. Буду на следующий год поступать.

— Если тебя надо по математике поднатаскать, я могу, — предложил Костя.

— С математикой у меня нормально. Не добираю по литературе и языку.

— У меня есть приятели с филологического факультета. Можем помочь.

— Спасибо. Может быть...

Катерина не стала отвергать помощь Кости, неизвестно, какого репетитора найдет Изабелла и найдет ли вообще. Вот так и завязываются знакомства, подумала она, — через родителей, на собачьих площадках, в компаниях. Но для этого надо жить в таких домах.

Когда Катерина вернулась, Людмила, лежа на тахте, обзванивала знакомых, приглашала на завтрашнюю вечеринку. Она сообщала адрес, попутно объясняя, почему у них изменился номер телефона.

— Завтра будут, — сообщила она Катерине, — кандидат наук, поэт, телевизионщик, один спортсмен, один заместитель начальника главка и так, по мелочи, пара инженеров.

На следующий день Людмила и Катерина встречали гостей. Первыми пришли инженеры, точно в назначенное время. Может быть, даже несколько минут постояли у двери, чтобы не заявиться раньше. Потом пришел поэт в не очень свежей рубашке. Инженеры были в костюмах и при галстуках.

Гурин пришел с цветами.

— Это Гурин, — представила его Людмила.

— Сережа, — засмутился Гурин. Был он невысок и ладен, похож на псковских парней.

Когда вошел пожилой, пятидесятилетний мужчина, Катерина подумала, не перепутал ли он адрес, но Людмила, улыбаясь, подтолкнула вперед Катерину.

— Моя младшая сестра.

— Антон, — представился мужчина.

— А по отчеству? — спросила Катерина.

— Вам можно просто — Антон, — почти игриво сказал мужчина. — Отчество я берегу для подчиненных.

— Начинаем! — решила Людмила и пошла в столовую, где уже собрались все.

Последнего вошедшего она представила:

— Новый гость, товарищи, знакомьтесь!

Назвать Антона по имени она все-таки не решилась, а отчества то ли не знала, то ли забыла.

Но Антон, обходя присутствующих, уже протягивал руку и представлялся почти официально:

— Круглов. Заместитель начальника главка.

Хватило ума, с облегчением подумала Катерина. Она всегда переживала, если взрослые люди попадали в неловкую ситуацию.

Людмила включила телевизор и кивнула Катерине. Они начали носить из кухни приготовленные салаты. Был и копченый угорь, и сервелат, и маслины. Поэт радостно выдохнул и начал открывать водку. Пока Людмила вынимала из духовки молодую запеченную картошку, а Катерина нарезала малосольные огурцы, на кухню заглянул Антон и достал из портфеля несколько консервных банок: шпроты, крабы, печень трески, сардины атлантические.

— Ну что вы! — смутилась Катерина. — У нас все есть!

— В хозяйстве пригодится, — сказал Антон.

— Пригодится, пригодится, — согласилась Людмила.

Снова раздался звонок. Катерина открыла дверь и увидела молодого мужчину с букетом роз. Не парня, а именно молодого мужчину лет двадцати пяти, улыбающегося, в отглаженном костюме, в накрахмаленной рубашке, модном галстуке. Она почувствовала едва уловимый запах незнакомого одеколона или крема. Мужчина явно недавно брился. Еще ее поразили усы. Мужчин в усах она видела только на старых фотографиях — на фотографиях тех не было парней; даже самые молодые по осанке, уверенности были мужчинами. Катерина испугалась. Ей давно никто так не нравился, только когда-то учитель физики, такой же спокойный, только он был уже очень взрослым, воевал, на куртке носил орден Красной Звезды. И не потому, что хотел показать, что имеет награду, просто у него была всего одна куртка, сшитая из зеленой армейской диагонали. Потом, когда учитель женился на продавщице и та купила ему костюм, он уже ходил без ордена.

Людмила, проходя из кухни с подносом, поздоровалась с ним небрежно:

— Привет, Рудик!

— Прошу прощения за опоздание, задержался на передаче, — извинился Рудик.

А когда же успел побриться, подумала Катерина, но тут же об этом забыла. Рудик протянул цветы Людмиле.

— Моя младшая сестра, — представила Катерину Людмила.

— Рудольф Рачков, — представился Рудик и добавил: — Телеоператор.

За столом Катерина оказалась рядом с Рачковым. Она отметила, что, прежде чем положить еду себе, он предложил ей. Первый тост Антон поднял за прекрасных дам. Все выпили, Катерина тоже выпила. После работы она не успела поесть, готовила салаты и не то чтобы сразу опьянела, но почувствовала некую легкость и охотно смеялась анекдотам, которые рассказывал Антон. Потом все спорили о поэзии. Катерина стихов не любила и не знала, разве что учила в школе по программе Пушкина в Некрасова. Стихи казались ей искусственными: ведь люди не разговаривают стихами. Рифму она признавала только в песнях — рифмованные слова легче пелись и запоминались.

Говорили о поэтах. Называли Евтушенко, Рождественского.

— Рождественский далеко пойдет, — доказывал уже изрядно выпивший поэт. — Есть в нем бунтарский дух.

— Сейчас много бунтарей развелось, — вдруг почему-то завелся Антон. — Хлебом не корми, только дай критику на старшее поколение навести. Вот сейчас все допытываются: почему мы молчали? Сейчас легко рассуждать. Посмотрел бы я на вас в тридцать седьмом!

— Мы бы не молчали, — гордо заявил поэт.

...Катерина смотрела на молодых людей и даже предположить не могла, что одни после этого вечера уйдут из ее жизни навсегда, другие навсегда останутся. Поэт будет руководить отделом культуры в ЦК комсомола, потом станет главным редактором журнала и будет с каждым годом все больше и больше пить и все меньше писать стихов. Он иногда будет звонить ей, читать стихи:

...Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед...

— Еще не вызваны, — обычно отвечала она.

Однажды он так же позвонил и сразу почувствовал ее озабоченность. Он улавливал настроение по паузам, интонациям.

— У тебя проблемы? — спросил он.

— У меня проблемы, — ответила она. — Но в них ты мне не помощник.

— Поэт в России больше чем поэт. Давай встретимся. Поговорим.

Они встретились у входа в Центральный дом литераторов. Прошли в ресторан. Он заказал водки. Они выпили.

— Рассказывай, — сказал он.

Она рассказала. К этому времени она уже была главным инженером химического комбината и вошла в конфликт с директором. Директор стал ее выживать. Надо было или уходить, или начинать борьбу.

— Я приеду на комбинат, — сказал поэт.

— Зачем?

— Я начинал как журналист в газете и с такими ситуациями сталкивался тысячу раз. Если ты не права, я тебе об этом скажу.

— А если права?

— Мы его раздавим, — пообещал он.

Поэт провел на комбинате несколько дней. Разговаривал в парткоме, с начальниками цехов, с рабочими. Потом из газеты «Правда» приехал фотограф. Его привел к Катерине в кабинет секретарь парткома. Через две недели в «Правде» вышел о ней очерк с портретом. Когда Катерину фотографировали, она не выдержала и улыбнулась. С газетной фотографии смотрела молодая улыбающаяся женщина. В очерке было все: и то, как она начинала на галантерейной фабрике, и как училась ночами. И как внедряет сейчас современную технологию. И как ей мешает директор комбината. И как вообще у нас в стране не допу-

скают женщин к руководству, даже таких талантливых, как она.

Катерина тогда позвонила поэту:

— Не надо было директора так...

— Надо, — ответил он. — Мы немного можем, но когда можем, их надо давить.

Через год Катерина стала директором комбината. Как-то вспомнила, что поэт не звонил целый месяц. Забеспокоилась. Домашний телефон не отвечал. Наконец она узнала, что он в больнице. Доставала дефицитные лекарства. В очередной раз, когда привезла ему бульон, он печально улыбнулся:

— У меня было три жены, осталась одна подруга.

Его жен она не знала. Через несколько дней ей позвонили на комбинат, и бодрый голос спросил:

— Вы Катерина?

— Ну я, — ответила она, пытаясь угадать, с кем говорит, — ее все давно уже звали по имени и отчеству.

— Мы звоним вам потому, что на его письменном столе нашли записку: «Когда я умру, сообщите Катерине» — и номер вашего рабочего телефона.

Она заказала от комбината огромный венок из живых цветов. В одном из цехов оборудование стояло на профилактическом ремонте. Она позвонила начальнику цеха и

сказала, что на похороны поэта надо послать свободных работниц. Начальник цеха даже не удивился: надо так надо. В те годы людей часто снимали с работы и выстраивали от Кремля до конца Ленинского проспекта для встречи главы какого-нибудь государства, которому оказывали особую честь. Вдоль проспекта стояли сотни тысяч рабочих, ученых, инженеров, студентов и махали флажками.

На автобусе, в котором сидели сорок работниц, Катерина подъехала к Центральному дому литераторов. Поэт лежал в Малом зале. Провожали его несколько мужчин и женщин среднего возраста и несколько стариков. Когда маленький зал заполнили молодые женщины, один из распорядителей с красно-черной повязкой на рукаве, определив, что Катерина главная, подошел к ней и спросил:

— Кто они?

— Его почитательницы, — ответила Катерина.

Распорядитель попросил ее сказать несколько слов. Она сказала, что он был замечательным человеком и талантливым поэтом, хотя и написал мало. И что он был ее другом многие годы, и что он научил ее любить стихи. Она сказала правду, может быть чуть преувеличив его талант, но он действительно любил стихи и научил ее любить поэзию...

А сейчас они сидели на вечеринке, молодые, чуть хмельные. Не пил один Гурин, поэтому был скован и молчалив.

— Сережа, — обратилась к нему Людмила, — я смотрю — рюмка у вас совсем не тронута. Так нечестно!

— Нельзя мне, — вздохнул Гурин.

— Больны? — спросил Антон.

— Спортивный режим.

— Позвольте! — вдруг оживился Рачков. — Вы же Гурин, да?

— Гурин, — подтвердил Сергей.

— А я сижу мучаюсь, почему мне ваше лицо знакомо? — Рачков улыбнулся. Какая у него замечательная улыбка, отметила Катерина. — Я несколько раз вел передачи с ваших матчей, — продолжал Рачков. — Товарищи! — торжественно сообщил он. — Мы еще гордиться будем, что сидели за одним столом с самим Гуриным!

— Да ладно, — засмутился Гурин.

— Не скромничайте, — Рачков обнял его за плечи. — Я же читал, что про вас чехи писали. Значит, вы в Москве теперь. Это замечательно. Предлагаю выпить за великого хоккеиста Гурина!

Чокаясь, все с интересом рассматривали Гурина. Знаменитый хоккеист в компании — об этом можно рассказывать. Все выпили, но Гурин отставил рюмку.

— Ну, уж за себя надо, — сказал Антон.
— Не уважаешь? — улыбнулся Рачков.
— Спасибо вам большое... Нельзя, не могу, — отнекивался Гурин, но все-таки его заставили пригубить.

В компании, когда уже достаточно выпито и все если и не знакомы, то хотя бы знают, кто есть кто, обычно выявляется лидер. Если женщин меньше, чем мужчин, начинается естественное соперничество. Но тут соперничества не получилось. Людмила явно симпатизировала Гурину, не только не скрывая, а всячески подчеркивая это, и, чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений, объявила «белый танец» и пригласила Гурина.

Теперь все смотрели на Катерину. Она уже давно сделала свой выбор и, хотя Рачков был знакомым Людмилы, пригласила его. Он уверенно вел, она полностью подчинилась ему. Надо было только слушаться, она быстро поняла его манеру вести: когда следовал поворот, он чуть-чуть прижимал ее к себе, и она будто сливалась с ним. Еще никогда ни с кем ей не было так хорошо в танце.

Закончилась музыка, снова все уселись за стол. Катерина заметила поскучевшие лица инженеров. Они уже хорошо выпили и закусили, поняли свою ненужность и довольно быстро ушли.

— А вы давно работаете на телевидении? — спросила Катерина Рачкова.

— Почти пять лет.

— Это, наверное, ужасно интересно?

— Очень, — искренне, как показалось Катерине, ответил Рачков. — Вообще-то, со временем телевидение перевернет жизнь человечества: ничего не будет — ни театра, ни кино, ни книг, ни газет — все заменит телевидение.

— Ну, это вы что-то разгорячились, — усмехнулся поэт. — Театр, тут я согласен, действительно скоро отомрет, но книги, кино...

— А вот вспомните мои слова лет через двадцать!

— Ну, через двадцать! — рассмеялась Катерина. — Через двадцать вообще все по-другому будет.

— Не так уж это и много — двадцать лет, — грустно заметил Антон.

— Ну да! — сказала Катерина. — Через двадцать лет я уже старушкой буду.

— Это вы сейчас так думаете, — печально улыбнулся Антон. — Поверьте мне, в сорок лет вам будет казаться, что теперь только и начинается ваша жизнь.

— В сорок-то! — Катерина расхохоталась.

Она и предположить не могла, что через двадцать лет Рачков все эти слова про телевидение будет говорить ее дочери. А она, Катерина, только в сорок встретит и полюбит че-

ловека, который жил в Москве в одном микро-районе с ней, и они ездили в метро по одному маршруту несколько лет и не могли встретиться раньше и, может быть, встречались, но не обратили друг на друга внимания.

А пока Людмила поставила на проигрыватель новую пластинку, и Катерина снова танцевала с Рачковым, а Людмила с Гуриным.

Гурин танцевал серьезно, старательно выполняя фигуры быстрого фокстрота, которые, вероятно, недавно выучил.

— Свободнее, — подбадривала его Людмила. — Представьте, что вы на хоккейном поле.

— У нас не поле, у нас площадка, — поправил ее Гурин.

— Вы на площадке! Я шайба! И вы меня ведете к воротам.

Это сравнение развеселило Гурина, он стал двигаться свободнее, даже попытался импровизировать.

— Расскажите про Прагу, — уговаривала его Людмила.

— Да я Прагу только из окна автобуса видел.

— Вам что, не разрешают ходить по улицам? — удивилась Людмила.

— Почему? Разрешают. Мы один раз походили по магазинам. Но деньги сразу потратили, а потом чего ходить?

— А музеи? — спрашивала Людмила.

Гурин рассмеялся.

— Тренер, когда нас отпускает, всегда говорит: а теперь по музеям. Мы магазины музеем называем. Между прочим, там в магазинах, как в музеях, есть на что посмотреть.

— Говорят, в зарубежных магазинах все есть? — спросила Людмила.

— Все, — подтвердил Гурин. — И мужское, и женское. Я, правда, женское не покупал, так, для матери платок и кофту, а те, у кого жены, много и женского, и постельного, и по хозяйству — всяких кофемолок, фенов купили.

Ладно, подумала Людмила, при первой же зарубежной поездке проверим твои чувства. Надо только точно узнать, какие в Швеции размеры, в разных странах все по-разному. При случае надо спросить Еровщина про Швецию, если этот случай будет, конечно. Еще она решала про себя, продолжать ли представляться Гурину дочкой академика или признаться, что разыграли. Нормальный розыгрыш. Поймет. На дочках академиков он ведь раньше жениться не собирался. А квартиру, пусть однокомнатную, ему дадут, когда женится.

— Вы о чем задумались? — спросил ее Гурин.

— О жизни, — ответила Людмила — это была правда.

Рачков, танцуя с Катериной, продолжал рассказывать о телевидении.

— А что вы заканчивали? — спросила Катерина.

— А заканчивать пока нечего, — объяснил Рачков. — Еще никто не готовит таких специалистов. Но со временем у нас на телевидении будет все. И свои институты, а может быть, даже своя академия. Понимаете, всегда очень важно точно сориентироваться. Скажем, когда начиналась авиация, надо было догадаться вовремя в нее прийти. Тогда все авиаторы были героями. Или атомная физика. Те, кто в свое время сделали правильный выбор, сегодня имеют все: квартиры, машины, дачи, награды. То же самое и с телевидением. Мы сегодня у самых истоков, но телевидению принадлежит будущее. Кстати, вы были на телевидении?

— Конечно, не была.

— Непременно побывайте. Это очень интересно!

— А как?

— Я вам выпишу пропуск.

И сразу жизнь стала осмысленной. Теперь Катерина спешила домой с работы — ведь мог позвонить Рудольф. Он с матерью и младшим братом недавно получил двухкомнатную квартиру в Черемушках, когда-то там была деревня, а теперь вырос один из первых

в Москве микрорайонов из блочных пятиэтажек. Дома собирали из бетонных блоков так быстро, что не успевали строить ни магазины, ни телефонные станции. Домашний телефон Рачковым еще не поставили, поэтому Рудольф звонил из телецентра, в перерыве между передачами. И Катерина сидела вечерами дома в ожидании его звонка.

Конечно, у нее состоялся разговор с Людмилой, все-таки это был ее знакомый.

— Тебе он нравится? — спросила Людмила.

— Очень, — призналась Катерина.

— Бери, — великодушно согласилась Людмила. — Я займусь Гуриным. Для меня он перспективнее, так, во всяком случае, мне кажется.

— А Рудольф? — допытывалась Катерина. — Ты же его больше знаешь. Расскажи, какой он?

— Нормальный, — ответила Людмила.

Катерина почувствовала, что Людмила что-то недоговаривает.

— А все-таки, — настаивала Катерина.

— Была я у него на телевидении. Потом собрались в компании. И он тут же полез мне под юбку.

— А ты?

— Дала ему по яйцам.

— Как? — не поняла Катерина.

— А вот так!

Людмила подошла к Катерине, обняла и саданула ей коленкой между ног.

— Прием безотказный, — объяснила она.

— Зачем? Может быть, он хотел тебя поцеловать?

— Я это сделала уже после поцелуя, когда он завалил меня на тахту и стянул трусы.

— Неужели он такой? — ужаснулась Катерина.

— Все они такие. Но надо отдать ему должное. Приставания он тут же прекратил. В общем, понятливый.

Зазвонил телефон.

— Бери трубку, — сказала Людмила. — Мои уже отзвонились.

Катерина сняла трубку и сказала:

— Алло, — она чуть протянула — «о», так всегда отвечала Изабелла, и Катерине казалось, что это очень женственно.

— Это ты, Катерина? — спросил Рудольф.

— Я.

Ей нравилось, что Рудольф называет ее Катериной. Свидетельство о рождении получал отец, и он настоял на том, чтобы вместо «Екатерина» записали «Катерина». Никто же не зовет «Екатерина», зовут или «Катерина» или «Катя», а Екатерина была только царица, объяснял он. Мать потом рассказывала, что отец был не совсем трезв, а председателем сель-

совета был его фронтовой друг, — как отец попросил, так он и сделал. Теперь при прописке в милиции удивлялись и даже предлагали заменить паспорт, чтобы записать имя правильно, но Катерине нравилось, что оно у нее особенное.

— Что у тебя завтра во второй половине дня? — спросил Рудольф.

— С пяти я свободна.

— Я тоже. Может быть, тогда в шесть часов встретимся в кафе «Молодежное»?

— Я согласна. Только говорят, туда невозможно попасть. Очередь на несколько часов.

— Это мои проблемы. Обо всем уже договорено. Расскажи, как ты провела день? — Рудольф любил в перерыве между передачами поговорить по телефону.

Что же ему рассказать, лихорадочно соображала Катерина. Как восемь часов отстояла у пресса или как ругалась, что не привезли заготовки и весь участок стоял без работы сорок минут — некоторые работницы даже успели сбегать в ближайший универмаг?

— Нормальный день, — ответила Катерина.

— А какие лекции были?

— Тебе пересказать содержание?

— Нет-нет, — рассмеялся Рудольф. — В этих твоих альдегидах я ничего не понимаю. Я даже таблицу Менделеева забыл.

— А какой у тебя день? — спросила в свою очередь Катерина.

— Насыщенный, — усмехнулся Рудольф. — Уже три выпуска новостей про уборку урожая, а также тонны чугуна и стали. Передача про кинолюбителей. Один идиот взял профессиональную камеру, год вкалывал на Колыме и весь год снимал. Мы отобрали десять минут из его двухчасового фильма.

— Он был рад? — поинтересовалась Катерина.

— Не думаю, — посмеиваясь, ответил Рудольф. — Его гонорар не оправдывает даже затрат на пленку.

— Но, может быть, он снимал свой фильм не ради денег? — предположила Катерина.

— Не продается вдохновение, но можно рукопись продать, это еще Александр Сергеевич Пушкин говорил.

Надо запомнить, подумала Катерина. Рудольф рассказывал, как кинолюбитель упрашивал вставить еще несколько планов; издевался над профессиональным идиотом, который решил заняться кино, поразить красотами Севера, хотя какие красоты в черно-белом телевидении, на экране, где можно рассмотреть лицо человека, только если оно снято крупным планом.

А что он будет рассказывать обо мне, думала Катерина, слушая Рудольфа. Может быть,

бросить все, не подходить к телефону. но он ведь может и приехать, адрес знает, а как тогда объяснить, почему она не отвечала? Сказать, что телефон испорчен? Но можно ведь позвонить на телефонный узел, и там сообщат, что все в порядке. Ну и пусть узнает, что я не дочь, а племянница академика и что не учусь, а только собираюсь поступать. Ведь если он меня любит... Но тут же засомневалась: а вдруг не любит? Тогда почему звонит, почему хочет встречаться?

— Значит, завтра в шесть, — закончил Рудольф. — У меня через десять минут эфир. Чао! Я тебя обнимаю.

— До завтра, — ответила Катерина. — Я тебя обнимаю, я тебя обнимаю! — И выдохнула, как после бега с барьерами.

— Ну, что? — спросила Людмила.

— Завтра в семь в кафе.

— Дешево и сердито, — отметила Людмила.

— Почему сердито? — не поняла Катерина.

— Потому что дешево. Пригласил бы в солидный ресторан. Ты ведь ни в одном московском ресторане не была.

— Не была, — согласилась Катерина. — Но еще буду!

— Возможно. Жаль, у Гурина тренировки, а квартира свободна целый вечер.

— Я уйду из дома, — пообещала Катерина, — когда тебе надо будет.

— Договоримся! Тебе ведь тоже когда-нибудь надо будет. Я в случае чего могу и в общезжитии переночевать, — пообещала Людмила в свою очередь.

— Мне этого не надо, — твердо сказала Катерина.

— Надо, надо, — заявила Людмила. — Когда мужчина и женщина остаются наедине, тут все и выясняется: подходят они друг другу или не подходят, хорошо им вдвоем или рот от скуки сводит, ни до, ни после говорить не хочется.

— До чего и после чего? — не поняла Катерина.

— Ну и дура же ты! — вздохнула Людмила. — Мужчина и женщина остаются наедине, чтобы трахнуть. Между прочим, это самое большое удовольствие на свете. Но не с каждым это получается. У меня, например, было двенадцать мужиков. Ну, чего вытаращилась? Это немного за четыре года в Москве. Считай, по три в год. Но только с одним мне было хорошо. Поэтому мужчины и женщины ищут друг друга. Поэтому жены изменяют мужьям, а мужья — женам, пока не найдут того единственного или единственную. Некоторым везет сразу, но это редко бывает.

— А у тебя было? — спросила Катерина.

— Я же сказала: только с одним.

— А почему ты за него замуж не вышла?

— Потому что он женат..

— Не надо встречаться с женатыми. Это нехорошо — разбивать семью.

— Успокойся. Рудольф неженат. Так что ты себе можешь позволить.

— Когда-нибудь. — Катерина пожала плечами. — Если мы поженимся.

— Можно и до женитьбы. Ты показывала противозачаточные таблетки, которые тебе Изабелла дала. Они надежные. Но лучше, если за полчаса.

— Значит, он меня обнимает, — Катерина рассмеялась, — я вдруг вскакиваю, бегу в туалет, чтобы проделать эту операцию.

— Зачем бежать? Говоришь, я сейчас руки помою или душ приму. Я думаю, он парнишка уже опытный, но для первого раза подложи подушку под поясницу, ему легче будет в тебя входить.

— Этого не будет, — отрезала Катерина. — В обозримом будущем, во всяком случае.

На следующий вечер Людмила устроила большую стирку, а Катерина отправилась на встречу с Рудольфом. Она быстро доехала на троллейбусе до площади Маяковского и не спеша двинулась по улице Горького. Мимо шли люди, и никто не знал, что она идет на первое в своей жизни настоящее свидание. В школе

ей симпатизировал парень на класс старше, они несколько раз ходили в кинотеатр, который разместился в бывшей церкви еще в тридцатые годы. Несколько раз она танцевала с ним на школьных вечерах, он долго не решался, но однажды все-таки поцеловал ее, неумело и грубо. Она почему-то обиделась, и они после этого месяц не разговаривали. После девятого класса он уехал в Ленинград и поступил в ремесленное училище, а она много занималась, уже решив поступать в Москве в химико-технологический институт. В Москве она несколько раз ездила с Людмилой на танцверанду в Сокольники. Ее приглашали танцевать, один из военных курсантов ей даже нравился, но его за какой-то проступок три недели подряд не пускали в увольнение. За это время Людмила решила больше не встречаться со своим курсантом-пограничником, перестала ездить в Сокольники, а одна Катерина не решалась. Надо запомнить, подумала Катерина, все-таки первое настоящее свидание в жизни. Если она станет женой Рудольфа, то потом дочери будет рассказывать, как они познакомились, как пришла на первое свидание. Что будет дальше, она придумать не могла.

Рудольф ждал ее на тротуаре с букетом астр. Он улыбнулся, протянул ей цветы. Цветы ей дарили тоже первый раз в жизни.

Возле кафе «Молодежное» стояла очередь. Катерина уже знала, что пускают ровно столько человек, сколько выходит. Но Рудольф взял ее под руку и повел к двери кафе, раздвигая толпу. Недовольная очередь зашумела, один из парней попытался схватить Рудольфа за рукав, но тот шел уверенно, и от этого напора даже взрослые парни терялись. Так они оказались у самой двери, возле которой стояли дружинники с красными повязками на рукавах и милицкий сержант. За дверью Катерина увидела молодого человека в белой с короткими рукавами рубашке с галстуком — он тут же открыл перед ними дверь. Молодой человек оказался официантом, провел их к свободному столику, положил перед Катериной меню.

— Выбирай, — предложил Рудольф.

Катерина начала читать. Ее поразили цены. Все стоило в несколько раз дороже, чем в магазинах. Она выбрала самое дешевое.

— Лимонад.

Рудольф улыбнулся и сказал официанту:

— На твое усмотрение.

Официант принес бутылку вина, показал ее Рудольфу, тот посмотрел на этикетку, кивнул, официант ловко и быстро открыл бутылку никелированным штопором. Ребята из общежития обычно выбивали пробку, сильно стукнув ладонью по дну бутылки.

Они пили вино — Катерина запомнила название: «Мукузани» — из бокалов на длинных ножках. Официант принес коктейли в узких бокалах с пластмассовыми соломинками, такие она видела только в заграничных фильмах. От волнения, от того, что она не успела после работы поесть, Катерина быстро опьянела. Она пыталась рассмотреть сидящих за соседними столиками, но никого не запомнила. Еще она пыталась подсчитать, сколько будет стоить Рудольфу ужин, она хорошо запоминала цифры и быстро считала.

Рудольф все время улыбался, к их столику подходили молодые и модно одетые парни, Рудольф знакомил ее, она тут же забывала имена, ее беспокоило, хватит ли у Рудольфа денег, чтобы расплатиться, — у нее-то в кошельке было только три рубля. Когда Рудольф расплачивался, с него явно взяли на пять рублей больше. Катерина шепотом сказала:

— Тебя обсчитали рублей на пять!

— Это нормально, — рассмеялся Рудольф.

— Но он же твой друг.

— Он мой знакомый. Он оказал мне услугу, а за услугу надо платить.

Когда они вышли из кафе, Катерину шатнуло. Такого с ней еще не случалось. Рудольф взял ее под руку и остановил такси. В такси положил ладонь на ее колено. Пока она сообра-

жала, снять ли его руку или, может быть, так положено, такси уже притормозило у дома на площади Восстания. И хотя на счетчике было всего тридцать копеек, Рудольф дал шоферу рубль и не взял сдачи.

Людмила открыла дверь, глянула на Катерину.

— И ее напоил! — усмехнулась она.

— Мы хорошо посидели, — сообщила Катерина.

— А теперь иди и хорошо полежи, — и Людмила подтолкнула Катерину к двери спальни.

Катерина легла. У нее вначале приятно кружилась голова, совсем как на качелях, потом стало подташнивать. Она слышала голоса Людмилы и Рудольфа, но не могла разобрать, о чем они говорят. Потом она услышала, как громко хлопнула дверь, так уходят, когда сердятся.

Людмила принесла ей крепкого чая. Она выпила, и кружение прекратилось.

— У тебя с ним серьезно? — спросила Людмила.

— Я в него влюбилась, — сообщила Катерина. — И он в меня тоже.

— Он обслуга, — усмехнулась Людмила. — Обслуга не влюбляется, а выбирает, что выгодно. Ты — дочь академика. Это выгодно.

— Я не дочь, — возразила Катерина. — Я внучатая племянница.

— Вот когда он это узнает, тогда и посмотрим, насколько сильна его любовь.

— Это раньше была продажная любовь, когда на девушках не женились без богатого приданого, когда женщину покупали. В советское время женятся только по любви, и нет ни высшего света, ни низшего, мы все равны.

— Дура ты, — прокомментировала Людмила страстный монолог Катерины. — Ладно! Но предупреждаю еще раз, если с ним спать будешь, предохраняйся таблетками Изабеллы, а надежней всего — с презервативом.

— Мне противно разговаривать на эту тему, — заявила Катерина.

— Ну, как знаешь, — заметила Людмила и спросила: — Тебя он на когда пригласил на «Голубой огонек»?

— В воскресенье.

— Тогда я на воскресенье приглашу Гурина, раз тебя не будет.

— У тебя с ним любовь?

— У меня на него расчет. Он уже в основном составе, а тем, кто в основном составе и женятся, дают однокомнатные квартиры.

— И ты хочешь выйти замуж из-за квартиры? — поразилась Катерина.

— Никто не выходит замуж просто так, — усмехнулась Людмила. — Выходят или за кра-

соту, или за богатство, или за квартиру, или за перспективу, если шибко умный и упорный. Ладно. Спи! Да, после «Голубого огонька» погуляйте малость по Москве. Гурин может только к восьми, а мне часа два-три надо. Он робкий, ему время потребуется, чтобы я его раскочегарила.

— Это как? — не поняла Катерина.

— Спи! Потом объясню, — пообещала Людмила.

Глава 5

Наконец наступило долгожданное воскресенье. Накануне вечером Рудольф позвонил, рассказал, как доехать до телестудии на Шаболовке, еще раз напомнил, чтобы она не забыла паспорт и что он будет ее ждать у проходной.

Боясь опоздать, Катерина приехала на полчаса раньше. Она несколько раз прошла вдоль забора из бетонных блоков, окружавшего телестудию, рассматривая железную ажурную башню и чуть ли не ежеминутно поглядывая на часы.

За пять минут до назначенного времени она вошла в проходную. Это была довольно большая комната с окошечками, куда протягивали паспорта и говорили:

— На «Голубой огонек».

Рудольф ее уже ждал, разговаривая с солидным мужчиной в сером костюме. Он сам протянул ее паспорт в окошко и тоже сказал:

— На «Голубой огонек».

Милиционер внимательно изучил ее паспорт, сравнивая фотографию на паспорте

с ее лицом, оторвал корешок пропуска и приложил ладонь к козырьку фуражки.

Они шли по территории телестудии, и Рудольф, показав на небольшое здание справа, напоминающее церковь, только без куполов, объяснил:

— Здесь монтируют аппаратные цветного телевидения.

— В Москве будет цветное телевидение? — поразила Катерина.

— Вначале в Москве, а потом по всей стране, — пояснил Рудольф. — Уже через год начнутся пробные передачи.

— Значит, однажды я включу телевизор и увижу цветное изображение?

— На обычном телевизоре — нет. Надо будет покупать специальный.

— Он, наверное, будет очень большим? — предположила Катерина.

— Почему?

— Наш сосед, — она хотела сказать «в Красногородске», но вовремя спохватилась, а то начались бы расспросы, что такое Красногородск и когда она в нем жила, — после войны привез из Германии радиоприемник «Грюндиг», он по размерам был как небольшой шкаф. А сейчас приемники совсем небольшие. Чем современнее технология, тем компактнее прибор.

Она отметила явную заинтересованность на лице Рудольфа, вероятно, он не предпола-

гал, что она о чем-то может размышлять или что-то сопоставлять. При прошлых встречах она в основном помалкивала и слушала Рудольфа.

Рудольф провел ее в редакционный корпус. Они шли по длинному коридору. На дверях были таблички с названиями редакций.

— Может быть, попьем кофейку? — предложил Рудольф. — У нас еще есть время, я хотел, чтобы ты осмотрелась.

Они прошли в кафе. На стойке был расположен никелированный кофейный аппарат с ручьятками. Буфетчица насыпала кофе, нажимала ручьятку, чашка мгновенно наполнялась дымящейся темной жидкостью. Рудольф купил пирожные, и они прошли за столик, за которым сидел диктор Игорь Кириллов. Рудольф поздоровался с ним.

— Привет, Рудик, — ответил Кириллов.

— Это Катерина, — представил ее Рудольф. — Дочь академика Тихомирова.

— Это который по космосу? — поинтересовался Кириллов.

— Нет, он химик, — ответила Катерина.

— Сегодня все работают на космос, даже мы, — заявил Кириллов. — Ты знаешь, что сегодня будут космонавты?

— Еще бы, — ответил Рудольф. — С утра мальчишки из конторы проверили все камеры и опечатали студию.

— Героев надо беречь, — сказал Кириллов своим торжественным дикторским голосом. — Твоя девушка будет на «Огоньке»?

— Будет. Я договорился.

— Тогда до встречи, — улыбнулся Кириллов.

Прихлебывая кофе, Катерина рассматривала женщин. Те, что держались свободно, смеялись, курили, явно работали на телевидении. Другие, в модных прическах с начесом, покрытым лаком, в костюмах с орденами, явно приглашенные, в основном работницы. Она узнавала их по рукам. Когда каждый день отмываешь руки от машинного масла, кожа становится бледной, сухой и натянутой. Она посмотрела на свои руки, они были точно такие же.

Приглашенные мужчины парились в шерстяных черных пиджаках и серых галстуках в горошек или полоску. Когда они вставали, слышался звон медалей и орденов.

В буфете она заметила несколько молодых мужчин в серых костюмах и черных до блеска начищенных ботинках. Они пили кофе, осматривая каждого входящего и выходящего. Вспомнив объяснения Людмилы, она сразу поняла, что эти — из Комитета госбезопасности.

В кафе вошла женщина средних лет в белой блузке и узкой серой юбке. Ее пропустили к кофейному аппарату без очереди. Рудольф вскочил, помог ей донести чашку до столика.

Женщина двумя глотками выпила кофе, закурила, жадно затянувшись.

— Это Катерина, о которой я тебе говорил, — представил девушку Рудольф.

Женщина глянула на Катерину, достала из пачки картонный номерок и протянула его Рудольфу.

— Девятый!

— Что за компания? — спросил Рудольф.

— Хорошая, здесь плохих не бывает. — И женщина, погасив сигарету, заспешила к выходу.

— Будешь сидеть за девятым столиком, — пояснил ей Рудольф.

— А как я должна буду себя вести? — заволновалась Катерина, понимая, что время, когда она войдет в студию, стремительно приближается.

— Ты видела когда-нибудь «Огонек»?

— Конечно.

— Все смотрят на тех, кто выступает на сцене. Ведущий иногда подходит к столикам, за которыми сидят всякие знаменитости, и задает им вопросы. Все заранее оговаривается — и вопрос, и ответ. Пока ты не знаменитость, у тебя не будут брать интервью. Поэтому сиди, смейся, когда смешно, и аплодируй, когда аплодируют. И все. Да, на столиках будут стоять кофе, лимонад и фрукты. Пей кофе, можно пить лимонад, но фрукты лучше не есть.

— А почему? — спросила Катерина. — Они ненастоящие?

— Сегодня натуральные. Но когда надкусываешь яблоко, то широко раскрываешь рот. Это не эстетично, жующий человек на экране плохо смотрится. Режиссер на пульте такой кадр вряд ли выдаст в эфир. Но ты лучше не рискуй.

— Я не буду, — пообещала Катерина.

— Мне пора, — Рудольф посмотрел на часы.

Катерина встала, чтобы идти с ним.

— Ты подожди здесь, — остановил ее Рудольф. — Мне с режиссером надо расставить камеры. Вас вызовут. И ты пойдешь в первую студию.

— Может быть, не надо? — спросила Катерина. — Я уже побывала на телевидении, мне было интересно.

Она вдруг представила себе, что не найдет первую студию, заблудится в этих нескончаемых коридорах, опоздает, ее не пустят.

— Что случилось? — удивился Рудольф.

— А как я найду первую студию? А вдруг я заблужусь?

— Иди за этими — с орденами и медалями. Их поведут обязательно. Чао! Через несколько минут увидимся.

И он пошел. Уверенный, спокойный. Он хорошо сложен, подумала Катерина, провожая

его взглядом, если у нас будет сын, он будет похож на отца.

Катерина отхлебывала кофе маленькими глоточками, чтобы все видели, что она занята делом. Подойти снова к кофейному агрегату она не решилась, к тому же, как только кто-то вставал из-за столика, его место тут же занимали. Значит, ей придется стоять, и все будут обращать на нее внимание.

Наконец объявили:

— Товарищи, кто на «Голубой огонек», прошу пройти в первую студию!

Снова появилась женщина, которая дала ей картонный номерок, и все двинулись за ней в студию.

Впереди шли генералы. Когда один из приглашенных, может быть боясь, что ему не достанется места за столиками, попытался вырваться вперед, перед ним сразу же возникла спина молодого человека в сером костюме. Приглашенный попытался обойти эту спину, но дорогу ему перекрыла другая, точно такая же.

У входа в студию парни в серых костюмах проверяли пропуска и номерки. Одна женщина шла с букетом цветов, ее попросили отойти сторону и прощупали цветы.

На столиках стояли номера. Катерина нашла свой девятый. Здесь уже сидели молодая женщина с медалью «За трудовую доблесть»,

пожилой мужчина с двумя орденами: «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени, и еще один мужчина неопределенного возраста — от тридцати до сорока, — седой, загорелый, в светлом пиджаке и рубашке без галстука. Катерина осмотрелась по сторонам, все мужчины были при галстуках, кроме ее соседа. Он пододвинул Катерине стул и сказал:

— Не будут ли дамы возражать, если я сниму пиджак?

— Мы-то не будем, — ответила женщина с медалью. — А вот как они? — Она кивнула в сторону телевизионных камер.

— Не они нам нужны, а мы им, — ответил мужчина, достал из кармана пиджака перочинный нож со множеством лезвий, открыл бутылки, налил всем лимонада и спросил Катерину:

— Вас как зовут?

— Катерина.

— А меня Виктор Степанович. Вы актриса?

— Ну что вы? Почему? — смутилась Катерина.

— Красивая, — просто объяснил ее собеседник.

— Я только собираюсь учиться на химика.

Катерина не рискнула сказать, что работает на галантерейной фабрике.

— А я уже выучился. На физика.

— А что вы закончили? — спросила Катерина.

— Инженерно-физический.

В этот момент молодой парень, который снимал со столов таблички с номерами, увидев, что у них открыты бутылки и все пьют лимонад, набросился на них:

— Вы что, не могли подождать? Всех же предупреждали, ничего не трогать до передачи.

— Меня не предупреждали, — ответил физик.

— Нет, предупреждали, — настаивал парень.

— Иди, гуляй! — сказал ему физик.

Парень хотел что-то ответить, но передумал и направился к женщине, которая дала Катерине картонный номерок. Катерина испугалась: сейчас будет скандал, и выяснится, что она незаконно занимает место среди известных людей. Ей предложат выйти, и у Рудольфа будут неприятности. Женщина подошла к их столику, открыла папку, достала лист бумаги, на котором, по-видимому, было помечено, кто за каким столиком сидит, глянула в него, сказала:

— Извините!

И пошла, что-то раздраженно выговаривая парню. Работница с медалью и рабочий с орденами облегченно вздохнули — они тоже

испугались скандала. Только физик был абсолютно спокоен. И Катерина вдруг поняла, что он, наверное, очень известный человек, если с ним не решились скандалить и не пообещали, как это принято, сообщить по месту работы о его плохом поведении.

— Вы, наверное, имеете отношение к космосу? — шепотом спросила его Катерина.

— Очень отдаленное, — ответил ей физик и подмигнул.

В студию ввели космонавтов. Первым шел генерал, за ним космонавты: Юрий Гагарин и Герман Титов. Их усадили за столик у самой эстрады, напротив громоздкой телекамеры. Космонавты прошли совсем близко от их столика. Их встретили аплодисментами, и сразу же на телекамерах зажглись красные огоньки.

— Мы в эфире, — сообщил физик.

— Какие они маленькие! — прошептала Катерина физику.

— Можете говорить как обычно, — ответил физик. — Телевизионные микрофоны нас отсюда не возьмут. А космонавты маленькие потому, что кабина на «Востоке» тесная, специально подбирали низкорослых. К тому же медики утверждают, что невысокие люди легче переносят перегрузки.

— Почему?

— Черт его знает! Может быть, на миллиметр площади меньше нагрузки.

Катерина осмотрелась. Из-за одной из камер ей помахали. Оператор был в больших наушниках, но она догадалась, что это Рудольф, хотя из-за камеры лицо невозможно было рассмотреть. Она улыбнулась, боясь помахать: на камере, которая двигалась невдалеке от них, горел красный огонек. Вели передачу Игорь Кириллов и Светлана Жильцова, совсем молодая, пухленькая.

Слова произносились привычные: о нашем первенстве, о героях космоса. Гагарин встал, улыбнулся.

Потом выступали пародисты. Катерина смеялась вместе со всеми. Рудольф взял ее лицо крупным планом. Режиссер на пульте, выбирая планы, которые предлагали телеоператоры, выдал крупный план в эфир. Катерина смеялась, аплодировала, еще не зная, что ее сейчас увидели миллионы. Директор галантерейной фабрики увидел красивую женщину и подумал, что она похожа на строптивую работницу с его фабрики, вспомнил, что начальник цеха металлической галантереи предлагал эту работницу на должность начальника участка, и решил, что переведет ее осенью — пусть еще немного поработает, людей на прессах не хватало.

И поэт ее увидел. Подумал, что красивая, но вряд ли она будет с ним спать, все-таки дочь академика, а жениться он не хотел и не мог —

сам держался на случайных заработках. Один из инженеров, что были на вечеринке, понял, что у нее явно роман с телеоператором, если ее крупным планом показывают на «Огоньке», и решил больше не звонить ни ей, ни Людмиле, которая явно отдавала на той вечеринке предпочтение хоккеисту Гурину. И Гурин, и Людмила в этот момент тоже сидели у телевизора.

— Смотри, смотри! — закричала Людмила, показывая на экран. — Катерина!

— Точно, — подтвердил Гурин и подумал, что и его вот так же показывают по телевизору, поэтому его иногда узнают на улицах. Сам себя он на экране никогда не видел.

Крупный план Катерины показали еще раз, режиссеру она явно если и не понравилась, то запомнилась.

— Она симпатичная, — решил Гурин. — Только вы совсем не похожи, — посчитал он справедливым добавить.

— А я, значит, не симпатичная?

— Ты красивая. Очень красивая, — признался Гурин. Он всегда говорил то, что думал.

Людмила опустила глаза, она умела смущаться, когда это необходимо. Но, видя, что и Гурин смутился и стал очень старательно смотреть «Голубой огонек», она слегка придвинулась. Гурин оглянулся, Людмила поощряюще улыбнулась, и тогда Гурин не очень ловко

обнял ее и попытался поцеловать. По правилам, которые вырабатывались веками, она должна была сделать попытку отстраниться, вырваться — он должен понять, что она не какая-нибудь разгульная и, может быть, этот поцелуй у нее первый в жизни. Людмила очень слабо попыталась освободиться из объятий, но он мгновенно ее выпустил. Она села в кресло.

— Никогда не делай этого! — сказала Людмила и подумала: а почему бы ему это не делать, все начинают с этого?

И Гурин тут же ее спросил:

— Почему?

— Вы, знаменитости, привыкли, что вам девушки на шею вешаются. Но я не такая...

— При чем тут знаменитость? — тут уже рассердился Гурин. — Я за всю жизнь только с одной девчонкой и дружил.

— Понятно, — сказала многозначительно Людмила.

— Это еще в школе было, — пояснил Гурин.

Людмила улыбнулась. Это можно было расценить и как прощение.

Гурин осмелел. Он встал позади кресла, положил руки ей на плечи.

— Не надо, — сказала Людмила. — Пожалуйста, не надо. Тебе все равно кого обнимать, а для меня это очень серьезно...

— Для меня тоже очень серьезно, — признался Гурин, и в этот момент Людмила решила, что, пожалуй, она расскажет Гурину всю правду, то есть не всю, конечно, а про небольшой розыгрыш с дочерьми академика.

Она явно нравилась Гурину. А если он влюбится, пусть принимает ее такой, какая она есть. Он хоть и знаменитость, но начинающая. Ему еще и учиться надо, она ему, конечно, поможет. Она уже узнавала, что спортсмены в основном учатся в физкультурном институте и, когда перестают играть, становятся тренерами, в крайнем случае учителями физкультуры в школе. Что ж, вполне интеллигентная профессия и держит мужика в форме.

После передачи Рудольф и Катерина шли по Шаболовке.

— Кстати, — сказал Рудольф. — Мы с мамой приглашаем тебя на обед. Завтра у меня выходной.

Катерине, конечно, очень хотелось побывать в доме у Рудольфа. Когда приглашают в дом и знакомят с родителями, отношения как бы переходят в другую стадию. Это еще и не предложение о замужестве, но намерения уже высказаны достаточно ясно. Так было и в Красногородске: если парень знакомил девушку со своими родителями, все понимали, что их

свадьба — вопрос времени. Катерина почувствовала, как сильнее забилося сердце, она ожидала приглашения, но не предполагала, что это произойдет так быстро. Но тут же подумала, что ее вряд ли отпустят с работы, об этом надо было договариваться заранее.

— Завтра не получится, — ответила Катерина. Она решила не рисковать. — У меня весь день расписан.

— Тогда на ужин? — предложил Рудольф.

— Я согласна.

Катерина стала соображать, во что завтра одеться. Еще сегодня вечером надо выстирать белую кофточку и погладить юбку, завтра после работы времени на сборы почти не останется. Они дошли до Октябрьской площади, спустились вниз, к реке, и пошли по Крымскому мосту. Под мостом возвращался с прогулки речной трамвай, набитый пассажирами.

Еще когда они вышли из телестудии, Рудольф предложил заехать к ней и попить чаю. Катерина заранее не придумала, как отказать, если Рудольф будет проситься в гости, и сказала правду:

— Лучше в следующий раз. Сейчас дома Людмила с Гуриным, и она просила не торопиться.

— Тогда и ей придется погулять, когда мы будем вдвоем.

— Конечно, — согласилась Катерина и подумала, что сделала глупость: теперь Рудольф будет постоянно искать случай остаться вдвоем и напоминать ей об этом разговоре. Она хотела этого и боялась.

Они прошли мост, Рудольф показал ей дом в начале Кропоткинской, где они жили раньше в коммунальной квартире.

Рудольф рассказывал о своем детстве, о драках во дворе, а Катерина, слушая, думала о случайности, которая может изменить всю ее жизнь. Еще несколько дней назад она ничего не знала о Рудольфе, а теперь — может быть, не сразу, через месяц или несколько месяцев — он станет ее мужем, и она будет с ним жить всю оставшуюся жизнь, как живут ее мать с отцом. У них, конечно, будут дети. Ей стало на какое-то мгновение жаль себя. Жила, училась, о чем-то мечтала, но вот появился Рудольф, и мечты закончились. Конечно, она ждала, когда появится такой, она не могла представить его себе, знала только, что он будет заботливым, нежным и надежным. Конечно, Рудольф заботлив, он звонит, интересуется, что она делает, с ним было интересно в кафе, и ему, наверное, стоило больших усилий провести ее на «Голубой огонек» — она видела, что в студии не было случайных людей: передовики производства, ученые, артисты, писатели, космонавты.

Но думала она и о том, почему жизнь человека должна зависеть от случайностей. Ведь государство все организовывало: и производство, и оборону, планировало, сколько надо засеять и собрать хлеба, сколько выплавить стали, каких людей выбирать в Советы и в партийные органы, какие печатать книги и какие показывать телепередачи. Только личная жизнь людей была пущена на самотек. Оттого что люди плохо знали друг друга, сразу же после свадьбы начинались скандалы, разводы, дети росли без отцов. С Рудольфом, конечно, все будет по-другому. Но как будет, она не знала и решила, что надо обязательно пойти к нему на ужин и присмотреться. Рудольф рос без отца, его воспитывала мать, значит, он в чем-то похож на мать, Катерина, например, многому научилась у своей матери.

Катерина надела для «Огонька» новые туфли, они прошли, наверное, уже несколько километров, она натерла ногу и начала прихрамывать. Рудольф заметил это и на первой же остановке они сели в троллейбус, доехали до площади Восстания.

Рудольф поднялся с нею на лифте, она протянула ему руку, но он обнял ее и поцеловал.

Катерина уже целовалась несколько раз, но это был особенный поцелуй, такого она еще не испытывала. Рудольф нежно вобрал ее губы, и она подчинилась ему, не сопротивлялась,

даже слегка откинула голову, чтобы ему было удобнее. Она ощутила, как напряглись ее соски, стали острыми. Рудольф прижал ее еще сильнее, и она вдруг почувствовала, как у него внизу что-то стало плотным и выпуклым. Она даже испугалась, что он не выдержит и это может произойти сейчас, здесь, на лестничной площадке, — она ведь совсем не защищена, только тонким ситцем платья. Людмила рассказывала, что у нее это впервые произошло в подъезде, она даже не успела ничего понять. Катерина поспешно бросилась к двери, от волнения не могла попасть ключом в замочную скважину, нажала на кнопку звонка. Она слышала, как звякнула цепочка, щелкнул замок первой двери, — в квартире академика двери были двойные.

— До завтра, — крикнул Рудольф и побежал вниз по лестнице, не вызывая лифта, будто они уже совершили что-то незаконное и он спешил скрыться.

Людмила открыла дверь, глянула на нее.

— Чего дышишь, как загнанная лошадь? Целовались, что ли?

— Целовались, — подтвердила Катерина и упала в кресло.

— Приятная процедура, — заметила Людмила. — Для этого нужен опыт.

— Он опытный, — ответила Катерина. Ей хотелось быть откровенной, теперь и она мог-

ла кое-что рассказать Людмиле, они как бы стали ровней друг другу. Раньше Катерина только слушала рассказы Людмилы, самой ей рассказывать было нечего.

— Он и его мать пригласили меня на ужин, — сообщила она.

— Могла бы напомнить и обо мне. Я бы тоже поужинала в семейной обстановке.

— Извини, не подумала, — призналась Катерина.

— Дело не во мне, — отмахнулась Людмила. — Вдвоем всегда удобнее. Одна солирует, другая наблюдает, она как бы в тени, на нее не обращают внимания. Пойми, это очень важный визит. Если ты собираешься за него замуж, присмотришься к его матери, она же твоя будущая свекровь. Как она встретит, как прореагирует. Очень часто семьи распадаются из-за свекровей. Он маменькин сынок.

— Почему ты так думаешь?

— Я не думаю, я просто хорошо запоминаю, что говорят. А он мне рассказывал, что отец от них ушел, а когда мужчина уходит, не всегда виноват он.

— Ну зачем же думать самое плохое? — возразила Катерина.

— Думать не надо, смотреть надо, думать будем потом.

Утром Катерина проснулась в замечательном настроении. Она и работала с настроен-

нием, успела наладить два пресса, теперь ей платили еще и полставки слесаря-наладчика. Обычно она с работы ехала не торопясь, заходя в магазины если не купить что-то, то просто посмотреть на новые, особенно импортные, товары. Их все больше становилось в Москве: польская одежда, чешская обувь, гэдээровская косметика «Флорена». Сейчас Катерина неслась, сэкономила секунды на переходах, хотя еще накануне вечером она постирала кофточку, а погладить ее успеет за пять минут.

Людмила уже ждала. Она осмотрела Катерину, когда та переделась, предложила переменить клипсы на более светлые.

— Хороша! — прокомментировала Людмила. — Жаль, что такому дураку достанется.

— Он не дурак, он поумнее нас обеих, вместе взятых!

— Не преувеличивай, — оборвала ее Людмила. — Помни, что ты красивая, умная, тебе ничего от них не надо.

— Мне от них ничего не надо, — подтвердила Катерина.

— Тогда с Богом, — Людмила перекрестила Катерину и сама удивилась своему жесту. Она была неверующей — о таких говорили, что они не верят ни в бога, ни в черта, — но суеверной.

Антонину Николай уже представил своим родителям, теперь настала очередь Катери-

ны. А Бог, как известно, любит троицу. Она готова даже съездить в Челябинск и уж постарается произвести впечатление на родителей Гурина. Более скромной, бережливой и работающей, чем она, его родители никогда не видели и не скоро увидят.

Рудольф ждал Катерину у метро. Он жил недалеко от метро, и они быстро дошли до его дома — стандартной пятиэтажки. Катерина хотела бы жить в таком доме.

После квартиры на площади Восстания и довольно просторной комнаты в общежитии квартира Рачковых из двух смежных комнат показалась Катерине крохотной, к тому же чересчур забитой мебелью.

Мать встретила их в передней, в которой двоим не разойтись, протянула Катерине руку и мгновенно осмотрела ее. Осталась ли она довольна, Катерина определить не смогла. Мать улыбнулась, провела ее в большую комнату, сказала Рудольфу:

— Развлекай гостью. — И тут же вышла на кухню.

— Это комната мамы, — объяснил Рудольф. — Наша с братом — следующая.

Следующая была совсем крохотная, в ней теснились кровать, небольшой диванчик, на котором спал, вероятно, младший брат, небольшой журнальный столик и один стул. Катерина только заглянула в эту комнату —

Рудольф тут же увел ее в большую и усадил в кресло. Младший брат помогал матери на кухне, он внес блюдо с салатом, глянул на Катерину и хотел было тут же уйти.

— Познакомься, — велел Рудольф.

Мальчик протянул руку:

— Витя.

— Запомни, — объяснил Рудольф, — когда знакомятся с женщиной, то ждут, когда она протянет руку. Женщина это делает первая.

— Ладно, — буркнул Витя, — запомню.

И мне надо запомнить, подумала Катерина. С некоторым беспокойством она оглядела стол, накрытый на три персоны. Возле каждой тарелки лежали по три вилки разных размеров, по три ножа. Ну, одна вилка для мяса, другая, наверно, для рыбы или салата, а для чего же третья? Вот здесь-то и раскроется, что никакая она не дочь академика, а псковская деревенщина.

Рачкова внесла вазу с цветами, которые купила Катерина. Они с Людмилой долго советовались, что лучше купить — цветы или конфеты, и решили, что все-таки цветы.

— Прекрасные цветы! — похвалила Рачкова и улыбнулась Катерине. — Тесновато у нас, конечно, — добавила она, с трудом протискиваясь к столу.

— У вас замечательная квартира, — искренне похвалила Катерина.

— Это вы из вежливости, — улыбнулась Рачкова. — Вот у вас квартира действительно замечательная, — и, по-видимому заметив недоумение Катерины (откуда бы ей знать о квартире?), пояснила: — Мне Рудик рассказывал. Но такие квартиры в Москве имеют только известные люди. Вы, конечно, знаете, что на Западе в столицах есть престижные районы, очень дорогие, где селятся только богатые и известные люди. Теперь и у нас в Москве есть такие престижные дома. Когда говорят: «Я живу в высотном доме на площади Восстания, или в высотном доме на Котельнической набережной, или у Красных ворот», можно даже не спрашивать, из какой вы семьи. Сразу ясно, что это замечательная семья заслуженных людей.

Катерина уже с тоской подумала, что ничем хорошим это не закончится. Рудольфу она, наверное, смогла бы объяснить, но его мать никогда ей не простит обмана. Соврала один раз, соврет и в следующий. К тому же мать, конечно, хотела бы, чтобы у сына была жена из хорошей, известной, обеспеченной семьи, которой не надо помогать — наоборот, ему самому помогут.

Катерина почувствовала, что пауза затягивается, мать ожидала ответа на свой монолог о престижных домах и их заслуженных жильцах. Катерина же не могла придумать,

что бы ей ответить. Выход нашла Рачкова, переменив тему.

— Где вы в этом году отдыхали? — спросила Рачкова. — Не в Крыму ли?

— Да, — подтвердила Катерина, пытаясь сообразить, какой город назвать в Крыму, где она никогда не бывала. У нее вдруг из памяти вылетели названия всех крымских мест.

— Так в этом году ведь холодно было, — заметила Рачкова.

О том, что в Крыму холодно, Катерина не слышала, поэтому ответила уклончиво.

— Не то чтобы замерзали, но бывает теплее.

И сама себе стала противна. Вобла сухая, нет чтобы чего-нибудь рассказать веселое. Выручил Рудольф. Он открыл бутылку сухого вина.

— Мама, ты заговорила Катю, а разговорами сыт не будешь. Предлагаю начать. — Рудольф разлил вино и поднял свой бокал. — Предлагаю выпить за знакомство.

— Которое, я в этом уверена, перейдет в крепкую дружбу, — и Рачкова чокнулась с Катериной.

Катерина пригубила, боясь опьянеть, как с ней случилось в кафе. Рудольф взял среднюю вилку, Катерина взяла точно такую же. Все будет хорошо, подумала она, если не торопиться и обдумывать ответы. Пусть решат, что она

медлительная и флегматичная, и такие ведь девушки бывают.

Младший Рачков, по-видимому, проголодался, схватил вилкой кусок рыбы, вилкой же его разорвал и тут же получил замечание от матери:

— Для рыбы есть специальный нож!

— Я забыл какой, — признался Рачков-младший.

— Я же тебя все утро учила. Что про тебя наша гостья подумает?

— Я хорошо подумаю, — сказала Катерина.

Рачкова принесла зажаренную в духовке утку. Рудольф специальными ножницами ее разделал. Рачкова ловко и довольно быстро управлялась с птицей. Катерина решила не рисковать и отказалась.

— Спасибо. Все очень вкусно, но, извините, я не выдержала и, прежде чем ехать к вам, поела.

Потом, когда ехала обратно, купила у метро несколько пирожков с ливером и тут же съела.

Она открыла дверь квартиры и услышала шум пылесоса. Людмила занималась уборкой.

— Давай подключайся, — сказала она. — Хозяева телеграмму прислали: приезжают в субботу, уже билеты взяли. Что значит интеллигентные люди — предупреждают! Боятся врасплох застать. — И, почувствовав, что

Катерина не в настроении, обеспокоенно спросила: — Не понравилась?

— Не знаю, — односложно ответила Катерина. Ей не хотелось ничего рассказывать.

— Ну, это скоро выяснится, — бодро заверила Людмила.

— Конечно, все выяснится. Надоело вранье. Я жила нормально. Я была такой, какая есть. Не хуже и не лучше. Почему я должна быть дочерью академика, если я ему седьмая вода на киселе? — почти выкрикнула Катерина.

— А ты уже не дочь академика с субботы, — спокойно сказала Людмила. — С субботы ты снова штамповщица с галантерейной фабрики.

— Как я ему об этом все скажу?

— А никак не говори. Позвони и скажи, что уехала учиться в Оксфорд, в Англию.

— Какая Англия?

— Можешь позвонить, сказать, что выходишь замуж. Скажешь: прости, дорогой!

— Но он придет сюда и начнет выяснять.

— Ты объясни все Изабелле. Она замечательно его выставит.

— А что ты решила с Гуриным?

— А чего Гурин? — удивилась Людмила. — Тоже мне, принц датский! Скажу как есть. Если любит — простит. Это и будет его первая проверка. Начнет залупаться, значит — иди гуляй, дорогой.

— Может быть, надо было сразу все рассказать? — вслух подумала Катерина.

— Может быть, — согласилась Людмила. Зазвонил телефон.

— Это, наверное, Рудольф, — Катерина бросилась к телефону. — Он обещал позвонить, узнать, как я доехала. Алло. — Катерина тут же протянула трубку Людмиле: — Это тебе. Гурин.

— Очень хорошо, — сказала Людмила, зачем-то поправила прическу, взяла трубку. — Здравствуй, дорогой. Когда увидимся? А когда можешь? В воскресенье? Замечательно! Где? Давай на Суворовском бульваре. Не знаешь, где Суворовский бульвар? Надо изучать Москву. А какие места в Москве ты знаешь? Центральный телеграф? Замечательно. Значит, ты в двенадцать заказал разговор с Челябинском? С мамой? Замечательно. Тогда встретимся в одиннадцать. Может быть, тебе потом будет что рассказать маме. Что рассказать? Это ты узнаешь. Что случилось? Ничего! Я абсолютно здорова. И по-прежнему красива. И ты мне по-прежнему нравишься. И я тебе? Замечательно. Я буду в голубом платье, в левой руке у меня будет газета «Известия». Как зачем? Чтобы ты меня узнал. Ты меня узнаешь из миллиона? Вот и проверим, дорогой. Да, сюда больше не звони. У нас телефон сняли. Наверное, по государственной необхо-

димости. При встрече все объясню. Чао, дорогой!

Они посидели молча.

— Завтра я в ночную смену, — сказала Людмила, — так что Рудольфа приглашай на завтра.

— Может быть, ему сказать все по телефону? — спросила Катерина.

— Зачем же? Это надо говорить с глазу на глаз. И проверишь на вшивость.

— Он-то не виноват, виновата я.

— Ни в чем ты не виновата! Это был розыгрыш. Юмор! Вот и проверишь, есть ли у него чувство юмора.

— Ладно, — решила Катерина. — Ну и пусть будет неприятный разговор. Переживу.

— Конечно переживешь, — согласилась Людмила. — Не первый неприятный и не последний. А теперь давай берись за уборку. Квартиру мы должны сдать в более чистом виде, чем приняли, чтобы в следующий их отпуск поселиться здесь снова.

— Следующего раза не будет...

— Не скажи. Ничего не известно.

— Завтра все будет известно, — сказала Катерина и взялась протирать книги.

И снова зазвонил телефон. Людмила взяла трубку.

— Это тебя!

— Я слушаю, — сказала Катерина. — Спасибо, что позвонил. Все нормально. Доехала быстро. Как завтра? — Катерина посмотрела на Людмилу, та кивнула. — Вечер у меня свободный. Да. Приходи. После шести я буду дома. Я тебя тоже целую, — тише, чем обычно, сказала Катерина. Людмила сделала вид, что не слышит.

И вот завтра наступило. Катерина приготовила фруктовый салат, салат из огурцов и помидоров, внизу в гастрономе купила отбивные, сардины и шпроты взяла из запасов Изабеллы, к приходу Рудольфа запекла в духовке картошку.

Рудольф пришел с шампанским, водкой и цветами. Он положил шампанское и водку в холодильник и стал помогать накрывать на стол.

— Какая закуска! — произнес он с восторгом. — Пока охлаждается шампанское, может быть, выпьем водочки? — предложил он.

— Я никогда не пила водки, — призналась Катерина. — Один раз попробовала еще в школе и чуть не задохнулась.

— Ты уже повзрослела. К тому же в жизни надо знать вкус всего. Я тебе налью наперсток.

— Ну, если наперсток, — согласилась Катерина.

— Вначале выдохни, а потом опрокидывай, — и Рудольф показал, как это делается.

Катерина выдохнула, опрокинула и удивилась — водка не обожгла горло. Рудольф открыл шампанское. Катерина прикрыла платье скатертью, чтобы шампанское не попало, но Рудольф открыл аккуратно. У него сильные руки, отметила Катерина. Когда девочки на днях рождения в общежитии открывали шампанское, пробка вылетала, и все прикрывались или отходили, чтобы не оказаться облитыми.

— За тебя! — предложил Рудольф.

— За тебя! — ответила Катерина.

— За нас! — поднял бокал Рудольф.

От волнения и усталости — все-таки весь день простояла у станка, — от выпитой водки и шампанского у Катерины приятно кружилась голова, она помнила, что собиралась все рассказать Рудольфу, но решила, что расскажет, когда он будет уходить.

Рудольф поставил на проигрыватель пластинку, и зазвучала популярная в те годы «Бесаме! Бесаме, мучо!». И через много лет эта песня будет напоминать Катерине тот вечер. Слыша эту мелодию, она будет думать, какой же была душой. Не будь этой песни и этого вечера, она могла бы прожить совсем иначе, более счастливо и безмятежно. Если бы она могла знать заранее, что Рудольф, который пригласил ее сейчас на танец, навсегда оста-

нется в ее жизни и будет приносить ей одни несчастья! А пока они танцевали в громадной квартире, переходя из комнаты в комнату. Рудольф целовал ее, вел в танце, обходя кресла, столы, и она подчинялась ему, думая, как прекрасно, когда ни о чем не надо думать — надо только подчиняться.

Рука Рудольфа соскользнула с ее талии и остановилась ниже, там, где не должна была бы находиться. Катерина ждала, когда он уберет руку, но он не убирал. Пусть будет так, потому что, возможно, это их последний вечер. А если не последний и она станет его женой, то мужу можно позволить все.

Пластинка закончилась, Рудольф отошел к проигрывателю, а она, обессиленная, села на диван. А Рудольф снова поставил «Бесаме! Бесаме, мучо!». Катерина боялась, что он поставит другую пластинку и разрушит ту близость, которая возникла между ними благодаря этой музыке, но Рудольф будто предугадывал ее желания. Ей хотелось пить, она даже не успела попросить его, а он уже нес шампанское. Напьюсь ведь, подумала Катерина.

Рудольф сел рядом, и они снова целовались. Потом оказалось, что они лежат рядом. Она прижалась к нему, ей хотелось уснуть, и она забылась. Она чувствовала, что Рудольф ее раздевает, подумала, какой он заботливый, наверное, не хочет, чтобы она измяла одежду.

Сейчас он отнесет ее в постель, как относил ее отец в детстве. Когда он стал целовать ее грудь, живот, она поняла, что лежит совсем голая, даже без лифчика. Она прикрыла грудь руками, но Рудольф был настойчив, он отвел ее руки и снова целовал. В этом нет ничего неприличного, она в книгах читала, что мужчины целуют у женщин грудь. Рудольф навис над нею, прижал, она почувствовала, как он осторожно, будто боясь потревожить, входит в нее, — и вспомнила о противозачаточных таблетках и предостережениях Людмилы.

— Мне надо в ванную, — сказала она.

— Потом, потом, — повторял Рудольф.

Она вдруг услышала, как гулко бьется ее сердце. Она все-таки сделала попытку вырваться, но не смогла. На мгновение она расслабилась, и он вошел в нее сразу, она почувствовала легкую боль и тут же забыла про нее. Рудольф уже вышел и снова вошел, было приятно, что он такой нежный, не торопится. Она подумала, раз уж это случилось, то пусть продолжается долго-долго. Таких ощущений она еще не испытывала, только догадывалась о них. И вдруг Рудольф заспешил, она обняла его, понимая, что сейчас произойдет то, о чем рассказывали девочки в общежитии. Ей показалось, что она несется вскачь на лошади, как когда-то в детстве. Она уловила его ритм и подстроилась, теперь она взлетала вместе

с ним, обхватив своими ногами его ноги. Наверное, это и есть счастье, подумала она и тут же уснула.

Она проснулась и встретилась взглядом с Рудольфом. Он рассматривал ее. Ей захотелось прикрыться, но прикрыться было нечем.

— Принеси халат из ванной, — попросила она.

О чем мы будем говорить, что он скажет, когда вернется? Лучше бы поцеловал и ничего не сказал, но Рудольф, укрыв ее халатом, сказал:

— Поразительно!

— Что поразительно? — спросила она.

— То, что ты оказалась девушкой и что я у тебя первый. Это так приятно!

Что-то ей не понравилось в его словах, но она не хотела это додумывать до конца.

— И еще, — сказал Рудольф, — если бы ты не была девушкой, то я подумал бы, что ты профессионалка.

Катерина молчала, не понимая, о чем он говорит.

— Ты такая понятливая, так слушаешься, так чувствуешь партнера, — продолжал Рудольф.

Она подумала, что у него, наверное, было много женщин и, наверное, есть какие-то правила, как быть с женщиной, чтобы ему нравилось; она этих правил не знала, просто так

получилось, и в следующий раз может не получиться. А Рудольфа учила, наверное, опытная женщина, старше его, разведенная. Катерина знала, что столичные парни жили с женщинами старше себя, потом их почти всегда бросали и женились на молодых.

— Я пойду в ванную, — сказала Катерина.

В ванной она закрыла дверь на задвижку, хотя зачем закрываться, он уже видел ее совсем голой. Одна стена в ванной была сплошным зеркалом. Катерина осмотрела себя. Что в ней изменилось теперь, когда она стала женщиной? Она не нашла никаких изменений, кроме голубоватых теней вокруг глаз. Она попробовала разогнать их, размять пальцами, но тени не исчезали. Иногда она, когда ехала утром на работу, видела эту голубизну под глазами у других женщин. Сейчас поняла: значит, они были счастливы ночью. Потом она, глядя на женщину, всегда определяла, была ли та счастлива: у тех, кто ничего не испытал, глаза были обыкновенными.

Катерина встала под душ и увидела, что вода стала красноватой. Она знала от старших, что после того, как мужчина впервые войдет в тебя, должна быть кровь, но все-таки ей стало неприятно.

Она насухо вытерлась, надушила волосы и грудь, чуть-чуть, чтобы убыль духов во флаконе не заметила Изабелла, и вышла из ванной.

Рудольф на кухне жарил яичницу.

— Очень хочется есть, — пояснил он.

Они снова сели за стол. Рудольф налил ей шампанское, а себе водки. Она выпила с удовольствием, очень хотелось пить. Ее движения стали не очень точными, она не могла поймать вилкой маслину и рассмеялась.

И Рудольф рассмеялся. Самое время рассказать ему всю правду, но не хотелось. Рудольф сел к ней на подлокотник кресла, запахнул халат и стал целовать ее грудь, потом поднял ее и на руках отнес в постель. Я, наверное, тяжелая, подумала Катерина, и ей стало жалко Рудольфа.

Рудольф не торопился. Он расстегивал пуговицы на халате все ниже и ниже, и она опять оказалась голой. Он тоже разделся. Катерине очень захотелось посмотреть на него — она ни разу в жизни не видела голого мужчину, только маленьких мальчиков. Она приподнялась, разглядывая его.

Покрасневшее лицо Рудольфа нависло над ней. Она увидела его расширенные зрачки и даже немного испугалась, но тут же забыла про все. Она слышала его тяжелое дыхание, подумала, что, может быть, ему тяжело, он поднимал и опускал свое тело, и, когда он опускался, она поднималась ему навстречу. И вдруг с нею что-то случилось, горячая волна распирала ее бедра. Ей хотелось, чтобы он

двигался быстрее, она не выдержала и сказала ему:

— Ну, быстрее! Я тебя умоляю!

Но Рудольф, наоборот, замедлил движения, и тогда заспешила она и уже не могла удержаться, обняла его, и ей показалось, что она на мгновение потеряла сознание.

Потом она услышала голос Рудольфа:

— Мне ни с кем не было так хорошо, как с тобой.

Она хотела спросить, сколько же у него было женщин, но не решилась.

— Мне сказать «спасибо» за комплимент? Что обычно отвечают женщины, когда их хвалят?

— По-разному, — Рудольф устало улыбнулся. — Что-то вроде: что ты, что ты, дорогой! Это не я, это ты был прекрасен!

— Здесь я пас, — призналась Катерина. — Мне не с кем тебя сравнивать. Ты первый и единственный.

— Я бы хотел таким и остаться, — сказал Рудольф.

— Я тоже этого бы хотела, — согласилась Катерина.

...Потом такие признания она будет выслушивать и от других мужчин. Один из ее любовников, он же деловой партнер, скажет:

— Ты талантлива во всем. И в постели тоже.

Катерина поверила ему. Она вообще хорошо чувствовала свое тело. Хорошо танцевала, играла в волейбол, в теннис, хорошо водила машину. Она чувствовала мужчину, как механизм со своими особенностями — так же, как чувствовала станок, испытательный стенд. Надо только понять особенности механизма и подстроиться. Позднее она была всегда готова на импровизации, если мужчина этого хотел, но стеснялся, не мог решиться — тогда она решала за него. Некоторые мужчины любили, чтобы решали за них, направляли, диктовали...

Катерина разбудила Рудольфа утром перед тем, как должна была прийти Людмила с вечерней смены. Рудольф снова потянулся к ней, но он спешил, и все быстро закончилось.

У двери он поцеловал ее, вернее, клюнул в губы и ушел.

Людмила вошла, оглядела ее и сказала:

— Сегодня ты не работник. Позвони, скажи, что заболела, отоспись.

— Мне надо обязательно, — объяснила Катерина.

Она смотрела, как завтракает Людмила, ей есть не хотелось.

— Ну, как он? — спросила Людмила.

— Не знаю. Мне не с кем сравнивать...

— Расскажи, как все было.

— Собственно, нечего. То ли было, то ли нет...

Катерина не стала рассказывать. И потом она никому никогда не рассказывала о своих отношениях с мужчинами.

— А как он отреагировал на то, что ты не дочь академика и через два дня съезжаешь с этой квартиры?

— Никак, — ответила Катерина.

— Совсем никак? — поразилась Людмила.

— Совсем никак, — подтвердила Катерина. — Мы об этом просто не говорили.

— А как же дальше?

— Как-нибудь!

— Ты тогда объясни все Изабелле.

— Может быть, — согласилась Катерина. Ей не хотелось думать, что будет через два дня или через два месяца. Что будет, то будет!

Катерина приехала на фабрику, увидела Леднева, он ругался с бригадиром слесарей, который не дал наладчиков в ночную смену, поэтому половина станков с утра не работали.

— Успокойся, — Катерина улыбнулась Ледневу, погладила его по плечу. Леднев почему-то смутился, посмотрел на нее внимательно и с удивлением спросил:

— А чего ты сегодня такая красивая?

— Только сегодня? — переспросила она.

— Всегда, но сегодня особенно...

Катерина улыбнулась ему и пошла договариваться с бригадиром. Опытного наладчика она отправила на совсем старые станки, а сама вместе с молодыми слесарями перешла на регулировку прессов. У нее все получалось в этот день. Она никогда еще не испытывала такого спокойствия и умиротворенности. Она не торопилась, в столовой встала в самый конец очереди. Почему мне так хорошо, думала она. Ведь ничего не изменилось в моей жизни! Может быть, изменилось?

Может быть, я теперь не буду одна? Если я перееду к Рудольфу, то нам, наверное, выделят маленькую комнату. Теперь разрешено вступать в строительные кооперативы. И Рудольф, и она во время отпуска могут поехать со строительным отрядом на заработки. За два года вдвоем они могут скопить на первый взнос.

Вечером она и Людмила пылесосили квартиру, перетирали книги.

Утром Людмила собрала свои вещи и уехала в общежитие.

— Чтобы не расстраивать хозяйку, — пояснила она. — Увидит меня, потом весь вечер будет проверять наличие вещей, а вдруг что-нибудь стащили.

— Изабелла не дурочка, — возразила Катерина.

— Не дуры как раз самые недоверчивые. Я бы и сама проверила, если бы в моей квартире кто-нибудь прожил месяц.

Тихомировы приехали на такси, привезли с юга виноград, груши, персики. Поужинали вместе, и академик удалился в свой кабинет читать накопившиеся за месяц газеты.

— Мне надо тебе кое-что рассказать, — сказала Катерина.

Изабелла насторожилась, но, когда Катерина стала рассказывать о Рудольфе, поудобнее устроилась в кресле, налила себе и Катерине ликеру и, не перебивая, выслушала весь ее рассказ.

— Что же мне ему сказать? — спросила Изабелла.

— Что мы переехали к бабушке. Рудольф будет звонить в общежитие.

— А признаться не хочешь?

— Хочу, но боюсь... Может быть, чуть позже.

— Признавайся, — посоветовала Изабелла. — Запутаешься.

— Может быть, и признаюсь при следующей встрече, — согласилась Катерина.

— Вот что, — решила Изабелла. — Я скажу, что вы уехали на каникулы в деревню.

— А если он спросит в какую?

— Я не обязана отчитываться перед незнакомым мне человеком.

— А почему я уехала и не позвонила?

— Не дозвонилась. На квартире у него нет телефона, а на работу не дозвонилась. Занято было. Пожалуйста, я могу тебе подыграть.

Пригласишь этого Рудольфа к нам, поужинаем, я посмотрю на него, послушаю. Нынешние молодые устроены не так уж и хитро. В конце концов, он тоже не принц датский. После можешь сказать, что родителям, то есть нам, он не понравился, и встречайся с ним где угодно.

— Где? — удивилась Катерина.

— Это уж его заботы, — ответила Изабелла. — Он мужик, он должен организовать. Можно снять комнату, взять ключ у приятеля. Миллионы в таком положении, выкручиваются. У меня до академика был роман. И он брал ключ от квартиры у приятеля, и я у подруг.

— У меня нет подруг с отдельными квартирами.

— Не бери в голову, — отмахнулась Изабелла. — Это его проблемы. На этом, кстати, мужик проверяется. И насколько любит, и насколько оборотист.

Рудольф в этот вечер работал на «Теленовостях» почти до полуночи.

Катерина из метро позвонила в комнату телеоператоров, позвала Рудольфа и назначила свидание на завтра. Рудольфу хотелось поговорить, но у автомата уже выстроилась очередь, и она закончила разговор, сказав на всякий случай, что звонит от подруги, чтобы он не трезвонил в квартиру академика.

На следующий день они встретились у памятника Пушкину, прошли по улице Горь-

кого, свернули на Садовое кольцо, дошли до высотного дома на площади Восстания.

— Может быть, ты познакомишь меня с родителями? — предложил Рудольф.

— Чуть позже, — пообещала Катерина. — Они только что приехали, отец простудился, и у нас дома пока никто не бывает.

— Подождем выздоровления! — согласился Рудольф.

— Кстати, может быть, мы с Людмилой уедем к родным отца в деревню. Все-таки каникулы, и хочется побывать на природе.

— А где эта деревня? — спросил Рудольф.

— В Псковской области, — ответила Катерина, что было правдой. Родственники ее отца жили в деревне Блины, в нескольких километрах от Красногородска.

— Замечательно! — обрадовался Рудольф. — У меня почти неделя отгулов, и я с удовольствием приеду в эти Блины. Ты оставь мне адрес.

— Обязательно оставлю, — пообещала Катерина. — Только мне вначале надо туда приехать, спросить родственников.

— Никого и ни о чем просить не надо, — ответил Рудольф. — Я сниму комнату в соседней избе. Псковская область — не Сочи, не думаю, что это будет дорого.

— Можно и так, — согласилась Катерина. — Но это мы решим чуть позже.

Рудольф поцеловал ее, не обращая внимания на проходивших мимо них жильцов дома. Она бросилась в подъезд, поздоровалась с вахтершей, поднялась на лифте на восемнадцатый этаж, посидела на лестничной площадке несколько минут, за это время Рудольф наверняка уже дошел до метро и уехал.

Сама она пошла к метро, не торопясь, зная, что в этот вечер уже ничего не произойдет. В общежитии она разогреет макароны на подсолнечном масле. Антонина и Людмила наверняка сидят в красном уголке у телевизора, она почитает «Милый друг» Мопассана. В школе Катерина пропустила этот роман, читала в основном то, что требовалось по программе, Мопассан же в программу не входил. Теперь, когда она провалилась в институт и у нее был небольшой перерыв, пока она снова начнет готовиться, можно позволить себе почитать то, что читали другие. К тому же это был роман о мужчине, а ее в последнее время стало интересовать, что думают мужчины о женщинах и женщины о мужчинах.

У метро Катерина увидела Рудольфа. Он стоял у входа, курил и рассматривал входящих и, как ей показалось, в основном девушек. Еще не осознав даже, почему она это делает, Катерина бросилась в сторону, стараясь спрятаться в толпе. Слава богу, он ее не увидел. Как бы она ему объяснила, куда и к кому едет? Она бы

растерялась, покраснела, ничего не успела бы придумать. Сейчас она могла ускользнуть и пройти по Грузинской до метро Белорусская, но ей очень хотелось узнать, почему не уехал Рудольф. Может быть, он назначил свидание другой девушке? Немного подождав, Катерина увидела, как Рудольф подошел к автомату, кому-то позвонил, по-видимому, не застал дома, потому что довольно быстро повесил трубку, потом открыл записную книжку и снова стал набирать номер. А если он звонит в квартиру академика? Она видела, что он говорит, улыбается, но слов расслышать не могла. Может быть, он разговаривает с Изабеллой? Почему он улыбается? А если Изабелла позовет его к себе? Академик сегодня уехал в Таллин выступать на защите докторской диссертации. А вдруг Изабелле он понравится? Изабелла всегда рассказывала только о романах своих подруг, но по тому, какие подробности она приводила, Катерина давно догадалась, что это ее собственные романы. Она не осуждала Изабеллу. Академик, женись на женщине вдвое моложе себя, должен был знать, что ему могут изменять. Такое происходило с молодыми женами и в Красногородске, все об этом знали, кроме старых мужей. Изабелла очень привлекательная, и если Рудольф ей понравится, то она тут же уведет его в спальню. У Милого друга в рома-

не Мопассана любовницей вначале была мать, а потом дочь. Может быть и наоборот. И она решила: если Рудольф пойдет к высотному дому, она последует за ним. Она позвонит, откроет дверь Изабелла, и она увидит Рудольфа. А может быть, Изабелла и не откроет.

У молодой работницы Татьяны из цеха, где работала Катерина, был роман с технологом, молодым и интересным парнем. Но он не хотел на ней жениться, и она назло ему вышла замуж за радиста, который на ТУ-104, первом нашем гражданском самолете, летал в Индию. Тот улетал на двое суток, и на эти двое суток технолог переселялся к Татьяне. Когда Катерина спросила ее, неужели она не боится, что ее радист внезапно вернется домой и застанет технолога, Татьяна, посмеявшись, объяснила:

— Такого быть не может. Повернуть самолет назад нельзя, потому что пассажиры купили билеты и их надо доставить в Дели. И ничего изменить нельзя. Он приходит только через двое суток. А может быть, и через трое, если на трассе плохая погода. Но когда он задерживается, то обычно звонит, чтобы я не волновалась.

И тут Катерина увидела, что Рудольф закончил телефонный разговор, затушил сигарету и спустился в метро. Катерина выждала еще несколько минут и внимательно осмот-

релась: вдруг он встретил какого-нибудь своего знакомого, и они стоят и разговаривают на перроне. Потом она тоже спустилась в метро, доехала до Белорусской, пересела на свою линию и все равно не могла успокоиться, пока не вошла в общежитие. Подходя к своей комнате, она решила, что завтра же позвонит Рудольфу и скажет, что уезжает в деревню до начала занятий в сентябре, и предупредит об этом Изабеллу, а за месяц что-нибудь придумается.

Глава 6

Людмила и Антонина оказались в комнате, а не у телевизора. Они обсуждали события, которые меняли жизнь Антонины. Антонина совсем буднично, будто ей предложения выйти замуж делали каждый день, сообщила Катерине:

— Николай посватался. В общем, предложил руку и сердце.

— А родители его знают об этом? — спросила Катерина.

— Конечно. Они согласны. Они сейчас берут отпуск и едут в деревню под Тамбов. Они оттуда родом, и там живут их родственники. Они отдохнут и привезут продуктов на свадьбу.

— А свадьба, значит, скоро?

— Меньше месяца уже осталось.

— Она тебе самого главного не сказала, — Людмила глянула на Антонину, которая тут же начала краснеть. — Родители уже уехали, и она переселяется к Николаю. Так что сегодня она последняя из нас лишится девственности.

— Почему последняя? — удивилась Антонина. — А Катерина?

— Увы, уже потеряла. — Людмила развела руками.

— А кто? Почему я не знаю? Расскажите!

— Некогда, — оборвала ее Людмила, вышла в коридор, глянула в окно, увидела «Москвич» Николая. — Давай быстрее, а то переживает.

И тут Катерина обнаружила раскрытый чемодан Антонины со всеми ее вещами. Его закрыли на один замок, другой был сломан, перетянули веревкой и пошли к выходу.

Николай вышел из машины, пожал руки Катерине и Людмиле, уложил чемодан на заднее сиденье и открыл переднюю дверцу. Антонина расцеловалась с подругами, села рядом с Николаем, и он, посигналив, тронул машину. Катерина глянула вверх. Об этом событии, вероятно, знало все общежитие. Из окон десятки девушек махали вслед уезжающему «Москвичу». И каждая наверняка думала, что и она скоро уедет из общежития.

...Почти через двадцать лет, когда ее машина была в ремонте и она пользовалась служебной, Катерина однажды отвозила домой главного инженера, который жил в районе Химки-Ховрино, и попросила водителя остановиться возле общежития. Она вошла в подъезд. На проходной уже не было вахтерши. Она под-

нялась на второй этаж, прошла до своей комнаты, постучала. Ей ответили:

— Можно! Мы готовы.

Она вошла и увидела двух сорокалетних теток, толстых, одетых в застиранные ситцевые халаты. В одной она узнала Зинаиду, с которой работала в цехе металлической галантереи. Другую с трудом вспомнила, кажется, она была из цеха кожаной галантереи. Женщины ужинали. На столе стояла сковорода с жареными макаронами и бутылка портвейна, уже наполовину пустая. Зинаида полупьяно улыбнулась:

— Вы к кому?

— Извините, — пробормотала Катерина. — Я ошиблась.

Ее не узнали, а устраивать вечер воспоминаний не хотелось. Да и что вспоминать? Двадцать лет назад, почти одновременно с Катериной, Зинаида въехала в это общежитие. Лет через двадцать ее отсюда вынесут. Может быть, Зинаида выходила замуж, и, наверное, неудачно, если вернулась в общежитие. А может быть, никогда и никуда отсюда не выезжала, если только в дома отдыха по профсоюзным путевкам за треть стоимости или в санаторий: судя по теплым чулкам в середине лета, у нее болели ноги, как у всех женщин, которые простояли у станков по двадцать лет.

Могло и со мной такое случиться, подумала Катерина, выходя из общежития...

А пока она с Людмилой вернулась в свою комнату.

— Мы не будем сразу объявлять, что Антонина здесь не живет. Вынесем ее кровать, хоть задницами не будем стучаться, — сказала обрадованно Людмила.

— Как только она выпишется, чтобы прописаться к Николаю, к нам тут же кого-нибудь поделят, — Катерина всегда просчитывала варианты.

— Ладно тебе! Хоть месяц поживем по-человечески. Что-то ты невеселая? Рудольфу, что ли, все рассказала?

— Ничего не рассказала. Хочу все обдумать. А ему сказала, что, возможно, до конца августа на каникулы уеду в деревню.

— Изабеллу предупредила?

— Предупредила.

— И чудненько. Мужику тоже надо дать время на обдумывание. За месяц ему или очень захочется быть с тобой, или встретит тебя и, как обычно: Привет! Привет! Как живешь? Хорошо. А как ты? Тоже хорошо. Для мужика даже месяца не надо. До него уже через неделю доходит: хочет он тебя и только тебя. Или можно трахнуть с другой.

— А что у тебя с Гуриным? — спросила Катерина.

— Все рассказала. С юмором.

— И что же он?

— Юмор дошел не сразу. Даже попытался обидеться.

— Ну а ты?

— Тут же послала его подальше. Тоже мне, принц датский!

— А он?

— Начал, конечно, просить прощения. Простила на первый раз.

— Ну и что дальше?

— Дальше, как говорит один мой знакомый, — шире размах прыжков в воду. Недели две я с ним повстречаюсь или даже месяц, двух недель мало — у него сплошные сборы. А потом намекну, что мне надоела общежитская жизнь. Я хочу нормальной семьи. И мне даже некоторые предлагают, но я люблю только его, так что пусть решает. Я думаю, он решит.

— А ты его любишь?

— Вообще-то он мне нравится. И в постели тоже совсем не плох. Свою шайбу загоняет хорошо. Есть, конечно, сложности. Как я узнала, им квартиры дают года через три-четыре, особенно если команда станет чемпионом страны, а еще лучше — Европы. Ждать четыре года я, конечно, не буду. В кооператив они могут вступать сразу, как только попадут в сборную. Две-три поездки за кордон — я уже узнала, что надо покупать в Чехословакии и Швеции, все продам выгодно, — и через полгода внесем первый взнос, а через год

въедем в новую квартиру. А пока можно по-снимать комнату. Я уже больше не могу в общежитии. Все эти запахи борщей, жареного сала, хозяйственного мыла! — Людмила передернула плечами.

— А если с Гуриным не получится? — усомнилась Катерина.

— Получится, — успокоила ее Людмила. — Я все просчитала. Пока идет, как задумано. У меня вариант простой. Тебе будет сложнее.

— А может быть, у меня этого варианта и не будет.

— Нет уж, — сказала Людмила, — игру надо играть до конца. У тебя же пока все хорошо! Я же вижу, что он влюбился, матери ты тоже понравилась. Все замечательно!

— Кроме того, что я их обманула.

— Никого ты не обманула. Ну, не дочь, а внучатая племянница. Ну, не студентка, так все равно станешь ею, ты же упорная! И то, что ты взяла тайм-аут на месяц, тоже замечательно!

Людмила достала бутылку «Мукузани».

— Давай выпьем за счастье Антонины. Я ей предлагала, она отказалась, говорит, будет пахнуть, Николай может почувствовать. Да Николай для уверенности сам не меньше стакана засосет.

Людмила разлила вино по чайным чашкам. Они все собирались купить фужеры, но так и не собрались.

Девушки выпили. Людмила закурила длинную сигарету с фильтром. Катерина таких еще не видела. Она тоже затынулась несколько раз, у нее закружилась голова, и стало вдруг легко и все понятно. Если получается у Людмилы и Антонины, почему не должно получиться у нее? От пережитых за день волнений ей захотелось спать. Она прилегла, не раздеваясь, и тут же уснула.

Дом, в котором жил Николай с родителями, был в том же микрорайоне, что и общежитие. Получив квартиру в панельном пятиэтажном доме в микрорайоне Химки-Ховрино, родители Николая уволились с автозавода, на котором работали много лет, и устроились здесь же, в таксомоторном парке: отец — слесарем, а мать — кладовщицей. Николай после демобилизации из армии пошел на стройку, тоже поближе к дому. Москва строилась, расползаясь по окраинам. Поэтому рабочие, специальности которых находили применение в любом районе Москвы, обычно устраивались так, чтобы на работу далеко не мотаться. Продолжали ездить — иногда на другой конец города — ученые в свои институты и конструк-

торские бюро, служащие министерств и руководители всех рангов, чтобы не прерывать свое движение на верхние ступени власти.

Сидя в машине, Антонина поглядывала на Николая, который был сосредоточен и молчалив, и не могла найти слов, чтобы заговорить. Она уже решила, что каждый день будет готовить Николаю новые кушанья, но все рецепты у нее вдруг вылетели из головы, и она пожалела, что не купила книгу «О вкусной и здоровой пище». Собиралась купить, но не успела: предложение Николая, как она его ни ждала, оказалось все равно внезапным. Вчера они подали заявление в загс. Конечно, можно было подождать, пока их распишут, а потом уж переселиться к Николаю, но его родители уехали в отпуск, о Николае некому было заботиться, да и его мать в их последнем разговоре посоветовала:

— Переселяйся к нам, чего тебе маяться в общежитии, да и мужика не стоит оставлять одного. Мало ли кто может ввести во грех! Я своего одного никогда не отпускала, только на войну. И в гости всегда вместе, и в отпуск.

Они подъехали к дому. Антонина думала, что все будут смотреть из окон, кого же привез Николай. Но на них никто не обратил внимания, подъездов в доме было не меньше десяти, и Антонина даже не запомнила, в какой именно они вошли.

Поднялись на четвертый этаж, Николай открыл дверь и внес вещи Антонины в маленькую комнату, которую им выделили родители. Почти всю комнату занимала новая тахта.

— Вчера купили, — объяснил Николай и смутился.

Антонина разбирала чемодан, стараясь не смотреть на тахту. Повесила в шкаф свои платья, юбки, кофты рядом с вещами Николая. Их было немного: один костюм, один пиджак, одна куртка, стопка из трех рубашек, два галстука.

Потом они прошли в кухню. Николай достал из холодильника бутылку шампанского и бутылку водки. Антонина, надев фартук своей будущей свекрови, разогрела приготовленное ею мясо, сделала салат.

Они впервые сидели вдвоем за столом. На стройке обычно женщины приносили еду из дома и обедали отдельно, мужчины собирались сами, чаще электрики с электриками, сантехники с сантехниками. Все вместе объединялись только накануне праздников, когда покупали в складчину водку.

Николай разлил водку по рюмкам. Антонина хотела попросить открыть шампанское, но не решилась — может быть, шампанское пьют с фруктами. На холодильнике стояла ваза с яблоками, но Николай то ли забыл ее поставить, то ли хотел подать позже, с шампанским.

— За нас! — Николай поднял рюмку. — За нашу долгую счастливую жизнь. — И выпил. Антонина пригубила.

— За такой тост надо до дна! — потребовал Николай.

— Я вообще-то водку не пью, — решила сказать Антонина.

— Тогда шампань? — И Николай тут же открыл шампанское.

Они выпили. Антонина по-прежнему не знала, о чем говорить, Николай ел и тоже молчал. Для храбрости он тут же еще налил себе водки, потом еще.

— Я думаю, мы будем жить дружно, — объявил Николай.

— Я тоже так думаю, — подтвердила Антонина.

— Пока поживем у родителей. Потом соберем на первый взнос, родители, конечно, помогут, и построим кооперативную.

— Мои родители тоже смогут помочь, — посчитала нужным добавить Антонина. — И сами мы можем подрабатывать.

— Я за. Ведь не на дядю будем работать, а на себя.

За разговором Антонина не заметила, как Николай расправился с бутылкой водки и достал следующую.

— А ты не пьяница? — спросила Антонина.

— Это я для храбрости, — признался Николай.

— Ты не бойся, я не кусаюсь, — утешила его Антонина.

— Может быть, потанцуем? — предложил Николай.

— А у вас есть проигрыватель?

— Проигрывателя нет, но мы под радио.

Николай включил большой ламповый приемник «Родина» и стал искать музыку. Музыка была, но хоровая. Хор Пятницкого исполнял «Лучинушку», под которую танцевать было неудобно. По другим программам в основном говорили. Николай поймал какую-то зарубежную радиостанцию, которая передавала музыку, похожую на фокстрот, но только они начали танцевать, музыка закончилась, мужчина и женщина что-то стали рассказывать по-немецки. Антонина в школе изучала немецкий, понимать не понимала, но отличить, что это говорили немцы, могла.

Николай искал музыку на наших волнах, но теперь передавали военные марши, попробовали танцевать под марши, но Николай несколько раз наступил Антонине на ногу. Они остановились, и Николай помялся и сказал:

— Будем стелиться, что ли?

— Я постелю, — ответила Антонина. Она сняла покрывало с тахты. Простыни оказались новыми с жесткими складками. Она расправила их. — Кто первым пойдет в ванную? — спросила Антонина, этому ее научила Людмила — обязательно в ванную перед

тем, как лечь с мужчиной. Людмила дала ей земляничное мыло для хорошего запаха.

— Я мылся вчера, — признался Николай.

— Помоешься и сегодня, — отрезала Антонина.

Что заложишь в первые встречи, то и будешь иметь в последующие годы, предупредила ее Людмила. Да она и сама понимала, что ей надо поставить себя так, чтобы Николай почувствовал, что она хозяйка и мать их будущих детей. А к хозяйке и матери надо относиться с почтением.

Антонина взяла в ванную ночную сорочку — розовую, длинную, с кружевами, импортную. Сорочку покупали вместе с Людмилой в комиссионном магазине. Хотя Людмила говорила, что в магазин принимают вещи только после химической чистки, на всякий случай эту сорочку Антонина прокипятила и прогладила.

Антонина вымылась под душем земляничным мылом, вытерлась, надела сорочку и посмотрела на себя в зеркало. У сорочки был глубокий вырез, который не скрывал и половины груди. И вообще сорочка оказалась очень прозрачной. Антонина встала на табуретку и увидела в зеркале, что через ткань сорочки были видны даже волосы на лобке.

Ты должна выйти из ванной благоухающей и почти доступной, поэтому чтобы под рубаш-

кой не было никаких лифчиков и трусиков. Ты невеста. Ты готова отдаться любимому человеку, будущему мужу. Ты ложишься в сорочке, но потом, когда он начнет тебя ласкать, сорочку надо снять, говорила Людмила.

— И остаться совсем голой? — удивилась Антонина.

— Конечно, — подтвердила Людмила. — Это так естественно! И чтобы он снял майку. Приучай его сразу, не хватало еще, чтобы ты нюхала его заношенные майки.

Антонина колебалась несколько секунд, лифчик надевать не стала, но трусики все-таки натянула. Когда она вышла из ванной, Николай уже стоял возле двери в трусах и майке.

— Я сейчас, я быстро, — пообещал он.

Когда Николай вошел в ванную, она услышала щелчок задвижки — она тоже закрывала дверь ванной на задвижку.

Антонина легла на тахту, слегка распустила волосы, прикрылась простыней, потом, вспомнив советы Людмилы, сдвинула простыни, чтобы были видны кружева на сорочке.

Николай выскочил из ванной, наверное едва ополоснувшись под душем. Он стоял, переминаясь, перед тахтой. Антонина по его взгляду поняла, что он ищет место, куда бы лечь, и отодвинулась к стенке.

Николай прилег рядом, робко обнял ее.

— Сними майку, — попросила Антонина. — Завтра постираю.

Николай быстро стянул майку, укрылся простыней. В комнате было душно, панельные стены нагрелись за день. Николай навалился на нее, и она услышала гулкие удары его сердца, так и у нее стучало сердце, когда она в школе бегала на двести метров с барьерами. Она чувствовала руку Николая, которая пыталась попасть под сорочку, путалась в складках сорочки, наконец рука нащупала трусики, попыталась стянуть. Порвет сейчас, подумала Антонина, а у нее всего две пары таких трусиков, шелковых, тонких, не заметных даже под самым тонким крепдешиновым платьем.

— Я сама. — Она сняла трусики и, уже не колеблясь, сбросила сорочку.

— Ух ты, — восхитился Николай. — Какое богатство!

— Ты про что? — почему-то шепотом спросила Антонина.

— Про все, — Николай обвел ладонями, показывая контуры ее тела. — И это все — мое!

— Твое, твое, — прошептала Антонина и закрыла глаза: скорее бы все началось. Николай был уже над нею, она чувствовала его горячее дыхание, от него пахло водкой, папиросами. Он раздвинул ей ноги и попытался попасть в нее, но никак не получалось. Может быть, ему помочь, подумала Антонина, но Людмила никаких советов по этому поводу не давала. Он мужик, должен справиться сам, ре-

шила она и стала терпеливо ждать. Горячее и твердое упиралось в нее, потом вдруг твердость исчезла, Николай выругался и лег рядом.

— Отдохни, — предложила она ему.

— У меня не получается, — признался Николай. Он сел, закурил, теперь она видела только его мощную сгорбленную спину.

— Отдохни, — сказала она ему еще раз. — Все получится.

Но он встал и прошел на кухню. Она осталась ждать, но Николай не приходил. Она слышала, как Николай открывал холодильник, потом все стихло, и она решила встать и посмотреть, не случилось ли чего. Николай, сидя за столом, спал, положив голову на руки. Вторая бутылка водки была пустой. Обычно, когда напивался ее отец, мать его не трогала, и он спал там, где падал, мать только укрывала его, чтобы не простудился. Протрезвев, отец виновато поглядывал на мать, старался меньше бывать дома, перекладывал дрова под поветью, переделывал все работы во дворе, которые давно откладывал. Правда, мать никогда его не ругала, просто молчала, отец такое молчание переживал особенно сильно.

А вдруг Николай проснется, подумала Антонина, скажет, извини, у меня ничего не получается. Она слышала от женщин на стройке, что есть мужчины, которые не могут быть мужчинами, и это даже не лечится. И никакой

регистрации брака уже не будет. Николай завтра отвезет ее с вещами в общежитие, а может быть, и не повезет, стыдно же, и она, когда стемнеет, с чемоданом поднимется в свою комнату. Николай от позора, конечно, уволится со стройки, и они с ним уже никогда не увидятся.

Она быстро и тихо начала собираться. Общежитие недалеко, решила она, если повезет, то на автобусе она доберется за десять минут. Ей повезло; когда она подбегала к остановке, автобус стоял, и она успела сесть.

Людмила уже спала, а Катерина читала, когда она вошла в комнату.

— Что случилось? — заволновалась Катерина. Что-то в лице Антонины было такое, что ее испугало.

— Буди Людмилу, — велела Антонина.

Но Людмила уже проснулась.

— Уже поругались? — спросила Людмила.

— Нет, не поругались, но у него ничего не получается.

— Давай в подробностях, — потребовала Людмила.

— В каких таких подробностях? Не получается, и все, — возмутилась Антонина.

— Тогда зачем прибежала? Чтобы поставить диагноз, нужны подробности.

— Ты, психиаторша хренова! — выругалась Антонина. — Мне же стыдно, ты этого не понимаешь, что ли?

— Не понимаю, — ответила Людмила и потребовала: — Дайте мне чаю, во рту пересохло.

Катерина налила холодного чая.

— Два куска сахара, — добавила Людмила.

Катерина положила сахар, размешала и подала Людмиле. Антонина стала рассказывать, но не выдержала и заплакала.

— А ты-то чего плачешь? — удивилась Людмила. — Это ему надо плакать.

— Не могу, мне стыдно, — сквозь слезы пробормотала Антонина.

— Врачей и подруг не стыдятся, — заявила Людмила и уточнила: — Сколько, говоришь, он выпил?

— Сначала больше поллитра, а сейчас все допил и уснул.

— Это еще хорошо, что до постели дошел. В такую жару взять литр на грудь — надо быть Ильей Муромцем. Добрыня Никитич и то не дошел бы... Запомни на будущее. Перед этим не давай ему много пить. Только малые дозы алкоголя у мужчин вызывают стойкую эрекцию.

— А это что такое? — спросила Антонина.

— Это когда у него встает, — пояснила Людмила. — Большие дозы действуют угнетающе. И вообще, лучше бы он не пил перед этим, если ты рожать собираешься. Медицинские исследования показывают, что при зачатии в пья-

ном виде у детей могут быть психические отклонения. Когда я работала в психиатрической больнице, то практически все дети-дебилы были из семей алкоголиков.

— Что же мне делать? — испугалась Антонина.

— Ничего, — сказала Людмила. — Главное, чтобы у него не возникла психологическая травма.

И Антонина и Катерина слушали уже молча.

— У мужиков это бывает, — пояснила Людмила. — Если у него с первого раза не получится, в нем поселяется страх, что и во второй раз не получится. Он начинает пить, алкоголь на потенцию действует разрушающе, и мужчина становится импотентом и алкоголиком.

Увидев, что достаточно напугала Антонину и Катерину, Людмила присугуила к практическим советам:

— Прежде всего перестань переживать. В первую брачную ночь такое случается почти с каждым вторым мужиком. Это все по статистике.

— А что, есть и такая статистика? — удивилась Катерина.

— Статистика есть на все. И сколько раз в неделю во время первого месяца. И сколько раз через год. И сколько раз через десять лет. Отдельную лекцию про все это я вам прочту,

когда чрезвычайное положение у Антонины закончится. А сейчас надо сделать следующее. Уложишь его в постель, чтобы хорошо проспался. Утром загонишь его в ванную. Контрастный душ — то холодный, то горячий, для улучшения кровообращения.

— Водки ему больше не давать? — спросила Антонина.

— У него будет болеть голова, немного можно дать. Но очень немного, одну стопку. Легкий завтрак. Крепкий чай или кофе. Это для него. Для тебя душ обязательно. Ты свежая, благоухающая, чистая. Вместо халата надень его рубашку.

— Зачем мне носить мужскую рубашку? — не поняла Антонина. — У меня три халата, ты же знаешь.

— Я сказала — надень его рубашку, значит, надевай. На мужика действует, когда ты в его рубашке. Не знаю почему, но действует. И по себе знаю, и подружки рассказывали. Он становится смелее, когда ты в его одежде. А потом, за рубежом есть короткие комбинации, а у нас всегда до пят. А в мужской рубашке у тебя только попа прикрыта, все ноги на виду, и вообще это мужиков возбуждает.

— Не буду я его рубашку надевать, — заявила Антонина.

— Как хочешь! Если ты будешь в его рубашке, я даю девяносто процентов из ста, что

у него получится... И вообще, или ты следуешь моим советам, или мучайся сама. Что тебе было сказано — не надевай трусики! Я подозреваю по тому, как он действовал, ты у него первая женщина. Конечно, он волновался, запутался в твоей рубашке и трусиках, и потом страх: получится, не получится — вот тебе и результат.

— Ладно, — согласилась Антонина. — Я надену его рубашку, а что дальше?

— Дальше, когда он позавтракает, ты так потянись, — Людмила показала, как надо потянуться. — Рубашка у тебя слегка задерется, не смущайся, говори, что плохо выспалась, и иди ложись.

Катерина не выдержала и рассмеялась.

— Что смешного? — спросила Людмила.

— Ты объясняешь так подробно, как я учу девчонок на станках работать, — с трудом сдерживаясь, ответила Катерина.

— А мужик — тот же станок, — снисходительно пояснила Людмила. — Нисколько не сложнее, может, быть, даже проще. Надо только знать, на какие кнопки нажимать, это как у собак Павлова — все на рефлексах.

— Ладно, — спохватилась Антонина, — я побегу. А то вдруг проснется, что он подумает? Что я сбежала?

— Беги, — разрешила Людмила.

И тут Антонина вспомнила.

— А мне же утром на работе надо быть!

— Про работу забудь! — заявила Людмила. — Куй железо, пока горячо. Мы девчонок предупредим, чтобы они сказали прорабу, что вас завтра не будет. Вам же положено три дня на свадьбу.

— Положено после регистрации брака, — возразила разумная Антонина, — а мы только заявление подали.

— Что, у тебя будут проверять: есть у тебя штамп в паспорте или нет его. Не уволят! И так рабочих не хватает.

Рабочих на стройке действительно не хватало, и пьющие мужики иногда по три дня не выходили, им прощали, особенно хорошим работникам. Это Антонина и сама знала.

До дома Николая ей пришлось идти пешком, автобусы уже не ходили. Она почти бежала, и через двадцать минут была в своей новой квартире. Открывая дверь, похвалила себя, что не забыла взять ключи.

Николай по-прежнему спал на столе. Она попыталась его разбудить, но ей не удалось. Тогда она, взвалив на себя, дотащила его до тахты и уложила. Он лежал перед ней, раскинув руки, в одних трусах. Ей вдруг захотелось приподнять резинку его трусов и посмотреть, что у него там и почему не получилось. Но, представив, что вдруг Николай проснется и удивленно посмотрит на нее, она осторожно при-

крыла его простыней и легла рядом. От пережитого она уснула почти мгновенно, но проснулась, как обычно, в начале седьмого. Подумала, не пойти ли на работу, но, вспомнив советы Людмилы, все-таки осталась. Приняла душ, протерла пыль с мебели, постирала майку Николая, приготовила завтрак, сняла халат и надела рубашку Николая. Потом вошла в спальню и встретилась с его испуганным взглядом. Он глянул на будильник.

— Мы опоздаем на работу!

— Я предупредила, что нас не будет, — заявила Антонина.

— А как же? — не понял Николай.

— Завтра разберемся. Иди в душ и прими контрастный.

— Что это?

— То холодный, то горячий. Быстрее протрезвешь.

— Я совсем трезвый.

— Будешь еще трезвее.

Николай с удивлением увидел на ней свою рубашку, но ничего не сказал и пошел в душ. Антонина слышала, как он охнул, пустив то ли горячую, то ли холодную воду. Слушается, с удовольствием подумала Антонина. После душа она позвала его завтракать. Николай проверил бутылки. Водки не было. Антонина налила ему шампанского. Он вышил, набросился на еду, потом вышил остатки крепкого

чая, закурил. Антонина ходила от стола к плите, все время чувствуя его взгляд.

— Извини, так напился, что ничего не помню.

— Давай договоримся, — предложила Антонина, — больше пить так не будешь. И вообще, если не хочешь, чтобы дети у нас родились уродами, никогда не пей, когда ложишься со мной. Только если чуть-чуть, — добавила она, вспомнив слова Людмилы, что малые дозы алкоголя возбуждают мужчину.

Теперь надо выполнить последний совет Людмилы, подумала она. Потянулась и сказала:

— Извини, я плохо спала. Пошла досыпать.

Она сбросила его рубашку, легла, укрылась простыней и почти уже стала засыпать, когда почувствовала, что Николай лег рядом. Его рука прошла по ее груди, спустилась ниже. Раз она спала, значит, ничего не чувствовала, и продолжала лежать неподвижно, слыша его учащенное дыхание. Ей очень хотелось посмотреть на его лицо, но она ведь спала.

И вдруг она поняла, что он входит в нее. Несколько секунд у него что-то не получалось, она почувствовала легкую боль, ей показалось, что его надо остановить, потому что теперь она была заполнена им. Она даже испугалась, что у нее сейчас все разорвется внутри,

но Николай отступил, ей стало легче и приятнее, она удивилась, что он так легко входит и выходит из нее и ей это приятно. Он поцеловал ее, и она, забыв, что спит, обняла его, тоже поцеловала. И когда Николай заспешил и сразу вдруг затих, Антонина поняла, что все произошло и теперь она женщина, а Николай мужчина и что теперь они муж и жена.

Это было еще несколько раз. Они вставали, ели, ложились снова и снова вставали. Уже вечером Антонина, усталая — так она не уставала, даже отработав две смены, — попросила Николая:

— Я больше не могу. У нас еще будет и завтра, и послезавтра, и всю жизнь.

— Еще раз, я тебя прошу, только еще один разок, — умолял он ее.

И она уступила. Это был уже двенадцатый или тринадцатый раз. Она решила, что пусть будет двенадцать, тринадцать — несчастливое число.

На следующий день Николая за прогул оставили на вторую смену, и она, уже пройдя половину дороги, поняла, что идет в общежитие, а не в свой новый дом. Посижу у девчонок, решила она, Николай все равно вернется после полуночи.

Все было как всегда. Людмила лежала, задрав ноги на спинку кровати, Катерина читала.

И Катерина, и Людмила встретили ее молча, ни о чем не расспрашивая.

— Да все в порядке! — Антонина рассмеялась. — Просто Николая за вчерашний прогул заслали во вторую смену.

— Значит, все хорошо? — осторожно спросила Катерина.

— Все хорошо, — улыбнулась Антонина.

— В итоге, сколько раз он тебя трахнул? — поинтересовалась Людмила.

Это слово Людмила узнала на закрытом просмотре в Доме кино, куда ходила с Еровиным. Переводчик назвал это не матерным словом, не полуматерными: влындил, шпокнул, а именно — трахнул. И хотя Антонина впервые слышала это выражение, она поняла.

— Двенадцать.

— Да-а, — протянула Людмила и села.

— Это плохо? — забеспокоилась Антонина.

— Ты врешь! Зачем ты врешь? Такого не бывает. — Людмила была категоричной.

— Это было, — несколько растерялась Антонина. — Не сразу, конечно, а за весь день и еще вечер, — призналась она.

— Невероятно! Он гигант! Он чемпион! — почти выкрикивала Людмила. — Это рекорд! Его надо занести в книгу рекордов Выставки достижений народного хозяйства. А по времени сколько, если сложить все вместе?

— На время я не смотрела, — призналась Антонина.

— Теперь я понимаю поговорку: счастливые часов не наблюдают. Но это невероятно.

— А сколько раз обычно бывает? — спросила Антонина.

— Я, конечно, не главный эксперт Советского Союза по этому вопросу, но самое большее у меня было — четыре раза, и то между третьим и четвертым разом он часа три отдыхал.

— А у тебя? — спросила Антонина Катерину.

— Я тебя поздравляю! Я за тебя счастлива, — уклонилась от ответа Катерина.

Спустя много лет она вспомнила этот рассказ Антонины. Уже став директором комбината, Катерина приехала в Прагу закупать оборудование для комбината на заводе, производившем оборудование для химкомбинатов. Она встретила там своего старого приятеля, Иржи Новака, который когда-то стажировался в цехе, где она была начальником. Теперь Иржи работал главным инженером. Это было накануне событий 1968 года, Прага бурлила, заводы почти не работали. Они с Иржи закрылись в его квартире, набрав еды, и не выходили весь день и всю ночь. Утром он сказал:

— Невероятно! Я отработал девять смен. Это, наверное, рекорд Европы, а может быть, и мира.

— Рекорд — двенадцать. — И Катерина рассказала о случае с Антониной.

— Ты должна познакомить меня с этим половым гигантом, если он существует.

— Он существует, — подтвердила Катерина. — У них уже двое детей. Я тебя познакомлю, когда ты будешь в Москве.

Иржи не приехал в Москву. Катерину срочно отозвали из Праги. На следующий день после возвращения в Москву она утром включила радио и узнала, что наши войска вошли в Чехословакию. Через полгода в Москву приехал их общий с Иржи знакомый и сказал, что Иржи в Праге нет. Одни говорили, что его застрелили, когда он переходил австрийскую границу, другие уверяли, что его видели в Мюнхене.

Глава 7

Катерина позвонила Изабелле, и та сообщила, что Рудольф звонил один раз. Катерина перестала даже ездить в центр Москвы, боясь случайной встречи с Рудольфом. У нее еще оставалось время до конца августа. Что-то должно было придуматься, но ничего не придумывалось, и она уже решила, что в начале сентября позвонит Рудольфу и все расскажет. А пока она ходила в соседний кинотеатр «Нева», который недавно открылся. Их фабрика находилась недалеко от Ленинградского шоссе, и улицы, прилегающие к шоссе, назывались Флотская, Кронштадтская, Беломорская, большой универсам — «Ленинград». В субботу и воскресенье они с Людмилой шли на пляж в конце квартала, рядом с мостом через канал, загорали, начинались даже какие-то знакомства, но ничего серьезного не завязывалось.

Прошел месяц, и на воскресенье назначили свадьбу Антонины и Николая. Готовились всю неделю. Анна Никитична, мать Николая,

сварила холодец, когда разлили его по мискам, оказалось ровно двадцать.

— Куда столько-то? — поразилась Людмила.

— А гостей сколько? — ответила Анна Никитична рассудительно. — Пятьдесят пять приглашенных, да еще соседи набегут. На семьдесят, не меньше, надо прикидывать.

Николай с отцом в субботу привезли на машине два ящика водки, три ящика пива, в двух ведрах стояла брага, в двух ведрах развели морс из клюквы, которую прислала мать Антонины. Ночью женщины делали салаты: «Столичный», под майонезом, салат «Оливье», из капусты, салаты из свежих малосольных огурцов, из помидоров, каждого не меньше чем по ведру. Резали сыр, колбасу, ветчину, готовили заливное из окуня и трески. Катерина стояла у плиты и жарила котлеты сразу на четырех сковородах.

— Сто, — вымолвила она наконец.

— Еще сковородки четыре, — сказала Анна Никитична. — Всегда на второй день догуливают.

На одной плите не управлялись, у соседей жарили кур в духовке.

Ушли в общежитие поздно. Свадьба, назначенная на двенадцать, естественно, задержалась. Столы, стулья, посуду одолжили у соседей. Столы шли через обе комнаты, один

стоял в прихожей, почти упираясь во входную дверь. Одной лестничной площадки для мужчин оказалось мало, курили на третьем этаже и на пятом, распахнув окна. Наконец все расставили, и все уселись. Во главе стола сели Николай и Антонина, рядом с ними отец и мать Николая. Мать Антонины не приехала, прислала поздравительную телеграмму и сто рублей. Антонина про эти сто рублей ничего не сказала. Сняв свои сбережения со сберегательной книжки, приложив эти сто и заняв у Людмилы триста, предложила Анне Никитичне тысячу рублей на свадьбу. Та отказалась брать, уже было решено, что молодые будут строить кооперативную квартиру, вот и деньги на первый взнос.

Катерина рассматривала гостей и родственников. Все были люди простые: родственники из колхоза под Тамбовом, слесари, таксисты из таксопарка, сослуживцы родителей Николая, рабочие с автозавода, где они раньше работали. Катерина смотрела на эти прочные лица, крупные рабочие руки и думала, как повезло Антонине. Она такая же, и все здесь на равных. Конечно, Антонина не имела своей жилплощади, но испокон века муж брал жену в свой дом, и это всем казалось нормальным.

Как и во всякой компании, нашелся разбитый парень, который знал, как вести стол, за кого выпивать. Вначале за молодых, потом

за родителей, потом за родственников ближайших, потом более дальних, за друзей, за соседей.

Людмила, Гурин и Катерина сидели вместе. Гурина узнали, подходили, просили выпить. Он пригубливал, но желающих выпить с ним было много, и рюмку его все наполняли и наполняли.

— Охолопись, — предупредила его Людмила. — Завтра у тебя тренировка. И двух минут не выдержишь!

— Выдержу! — бодро заверил Гурин. — Выдержим все, и широкую, ясную грудью дорогу проложим себе.

— Да, да, — подтвердила Людмила. — Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе.

— Придется, придется, — заверил ее Гурин и полез целоваться к Людмиле и почему-то к Катерине. Оттого что всю ночь готовили и не выспались, Катерина захмелела. Людмила заметила, что Катерина выскивает на столе соленые огурцы и квашеную капусту.

— И давно тебя на соленькое потянуло? — спросила она.

— Недавно. Сама удивляюсь, никогда соленого не любила, — призналась Катерина.

— Менструация была? — допрашивала шепотом Людмила, чтобы не привлекать внимания к их разговору.

— Нет. Задержка, — ответила Катерина и успокоила: — У меня это бывает. Смещение на два-три дня.

— А сместилось недели на две?

— Да, — призналась Катерина.

— Что будем делать? — спросила Людмила.

— Ты думаешь... — и Катерина не договорила этого страшного слова.

— Я уверена, — подтвердила Людмила. — Надо принять решение.

— Какое?

— Их всего два: или аборт, или замужество. Для первого аборта у тебя остался минимальный срок. В любом случае надо с ним говорить.

— С кем? — не поняла Катерина.

— С отцом ребенка.

— С Рудиком?

— Это тебе знать.

— Другого у меня не было. И что я ему скажу?

— Про все сразу и скажешь.

— И что обманула его? И что беременна? Я запуталась и завралась.

— Ничего, распутаешься. Рассказываешь ему все. Побурчит, конечно, но, если любит, женится.

— А если не женится? — спросила Катерина. — Потому что не сможет простить обмана?

— Значит, не любит. Кого любят, прощают. Правильно, дорогой? — обратилась Людмила к Гурину. — Или ничего не говори, обманывай и тяни дальше. Зарегистрируетесь, а потом признаешься, — продолжала она.

— Не хочу начинать семью с обмана!

— Не будет обмана — не будет алиментов. С паршивого козла хоть шерсти клок.

Антонина, увидев озабоченные лица подруг, пробралась к ним, по нескольким фразам все поняла.

— Девчонки! Дело-то серьезное!

В комнате, где остался Николай, его друзья кричали:

— Горько!

— Горько! — теперь уже требовала вся свадьба.

Антонина глянула на Николая, тот звал ее во главу стола. Антонина жестом почти приказала, чтобы он пробирался к ним. Николай пробрался с трудом. Его проход комментировали:

— Она должна к тебе идти, а не ты к ней!

— Будешь подкаблучником!

— Да убоится жена мужа своего.

Николай, не обращая внимания на реплики, добрался до подруг и спросил:

— Что случилось?

Но свадьба скандировала:

— Горько!

— Горько!

Николай и Антонина поцеловались. Им поаплодировали и тут же затянули песню: «По Дону гуляет, по Дону гуляет, по Дону гуляет казак молодой!!»

Людмила быстро пересказала Николаю создавшуюся ситуацию. Пока он был для них единственный мужчина, с которым можно посоветоваться, Гурин был не в счет: он уже сидел в обнимку с новыми друзьями и за что-топил. Он держался довольно долго, но, чтобы не подумали, что он зазнается, решил не отказываться, все-таки замуж выходила подруга его будущей жены.

Николай все выслушал и поддержал решение подруг.

— Значит, действуем поэтапно. Вначале к врачу, потом звонишь этому козлу и все рассказываешь.

— А может, он не козел, — вставила Антонина.

— В этом мы убедимся в ближайшее время, — подвел итог Николай.

Но убедиться Катерине пришлось уже на следующий день. Еще до обеденного перерыва на территорию фабрики въехал автобус ПТС — передвижной телевизионной станции и два «рафика» с операторами, осветителями, звукооператорами, режиссером, ассистентами и дикторшей, которую тут же все узнали.

Из-за нее едва не остановилась работа в цехе. Всем хотелось посмотреть на живую дикторшу, которую видели только на экране телевизора. Оказалось, что в жизни она меньше ростом, чем на экране, и на ней чешские туфли, которые были почти у всех работниц цеха. В универсаме недавно появились такие туфли, и Леднев разрешил сделать обеденный перерыв раньше, чтобы его женщины купили туфли, пока в универсам не ринется вся фабрика. Леднев отгонял работниц от окон, объясняя:

— Снимать будут у нас в цехе. Это решение уже принято. Все увидите. И сами попадете в телевизор. У кого грязные или заношенные спецовки, пойдите к кладовщице, там для вас приготовлены новые.

Катерина всего этого не знала и не видела: она получала новые реле на складе. А уже выкатывались телекамеры, похожие на средних размеров пушки, сходство увеличивали длинные насадки объективов. Уже расставляли в цехе камеры.

Катерина погрузила реле на автокар, выехала во двор и увидела ПТС, осветителей, которые вместе с фабричными электриками тянули кабель.

То, что эти люди с телевидения, Катерина поняла сразу. Вряд ли среди них Рудольф, подумала она, зачем же ее так наказывать! На

телестудии десятки телеоператоров, а Рудольф никогда не рассказывал, что он выезжал на заводы и фабрики.

На всякий случай она оставила автокар за углом и вошла в цех, стараясь пройти незаметно. Но ее заметили и сразу закричали:

— Катерина! Тебя разыскивает Леднев, даже на склад за тобой посылали!

Катерина забеспокоилась, но все-таки прошла к Ледневу в его кабинет, который больше напоминал застекленную кабину, но зато оттуда Леднев мог видеть почти весь цех.

У Леднева сидела красивая женщина средних лет. Катерине даже показалось, что она видела ее, когда была на «Голубом огоньке».

— Вот она! — обрадовался Леднев. — Героиня наших дней! Начинала штамповщицей, сейчас бригадир слесарей-наладчиков, и мы планируем назначить ее начальником участка. У нее инженерное мышление, она далеко пойдет. А это — режиссер телевидения, — представил женщину Леднев.

Режиссер осмотрела ее. В бесцеремонности ее разглядывания не было даже интереса. Катерину разглядывали как нечто неодушевленное, она сама так обычно рассматривала станок, прикидывая, с чего начать ремонт.

— Заменить косынку, — приказала режиссер. — Расстегнуть ворот кофточки! — и сама быстро и ловко расстегнула. — Ну-ка, прой-

дись! — скомандовала она. Катерина сделала несколько шагов. — Ножки ничего... Подберите ей халатик покороче!

— Я в комбинезоне работаю, — возразила Катерина.

— Поработаешь в халате, — сказала режиссер.

— Не поработаю, — возразила Катерина. — Зачем людей смешить!

— Дайте ей комбинезон. — Вероятно, у режиссера не было времени, она поглядывала на часы. — Только не балахон! Чтобы задницу обтянуть и грудь!

— Я не буду сниматься, — заявила Катерина.

— Будешь, — ответила режиссер. — Не я это решала. Это твое начальство уже все обговорило и с профсоюзом, и с комсомолом.

В кабинет заглянул телеоператор, которого Катерина видела на киностудии:

— Куда тройку ставить?

— На вторую линию. Там у них дефицит идет. Значит, так, — подвела итог режиссер. — Тройку на вторую линию. Панорама по моей команде по всей линии. Потом остановка по моей команде, — она обернулась к Ледневу, тот закивал. — Имитируем поломку. Выходит она, — режиссер кивнула на Катерину. — Кто у нас на второй?

— Рачков.

— Он ее держит на общем, берет ее проход поаппетитней: ножки, бедра, зритель это любит. Потом с третьей я ее возьму крупно. — Режиссер посмотрела на Катерину. — Скажешь несколько слов.

— Я не знаю, что говорить, — Катерина даже не испугалась. Она искала выход, понимая, что Рудольф не должен ее увидеть.

Как только телевизионщики уедут с фабрики, она позвонит ему, они встретятся вечером у памятника Пушкину, и она все ему расскажет.

— Я не знаю, что говорить, — повторила Катерина. — Я двух слов связать не могу.

— А тебе и говорить не надо, — возразила режиссер. — Тебя спросят, а ты ответишь.

— А что спросят?

— Ну, например, нравится ли тебе здесь работать? — уже раздражилась режиссер.

— А мне не нравится, — ответила Катерина.

— А чего работаешь?

— Потому что место в общежитии дали.

— Ну, решайте сами. — Режиссер повернулась к Ледневу: — Не мне, вам отвечать. Я выдам в эфир все, что она скажет, но что потом скажут вам, не знаю. — И режиссер вышла из кабинета.

Тут Катерина впервые увидела растерянного Леднева.

— Мне больше некого предложить. — Голос у него дрожал. — И директор твою кандидатуру утвердил, и партком. Двадцать минут всего осталось до начала. Я тебя прошу. И дикторше уже дали твою фамилию и вопросы по твоей биографии. Если б они на пленку снимали, можно было бы отключить, поискать другую, а это сразу в эфир, на все телевизоры, вот и в программе указано. — Леднев протянул ей газету с программой передач на неделю.

Катерина взяла газету, но строчки почему-то двоились, и она поняла, что сейчас заплачет. А ей уже принесли комбинезон, потребовали, чтобы Леднев отвернулся. Она не была верующей, не знала ни одной молитвы, ее не крестили в церкви, отец был членом партии, и даже когда хоронили деда, отец не вошел вместе со всеми в церковь, а стоял у изгороди и курил. А потом с куполов церкви сняли кресты и превратили церковь в кинотеатр. И все же иногда Катерина просила Бога, чтобы не наделать в сочинении ошибок и получить хорошую отметку на выпускных экзаменах, еще раз она просила Бога, чтобы Витька Воротников, самый лучший спортсмен из их школы, влюбился в нее — она была влюблена в него с третьего класса. Боже, попросила она сейчас, сделай так, чтобы меня не снимали, чтобы меня не увидел и не узнал Рудольф, я никогда и никого больше не буду обманывать, я пойду в церковь и поставлю свечку.

В кабинет заглянула девушка, вероятно, недавняя десятиклассница:

— Я помощник режиссера. Вам надо порепетировать с диктором. Идемте!

— Я сейчас приду, — Катерина собралась уйти.

— Ты куда? — Леднев встал у двери.

— В туалет.

Леднев колебался, но причина была уважительная, он отступил от двери и попросил:

— Только быстренько!

— Это долго не делается.

Катерина зашла в туалет, накинула крючок и вдруг услышала, что возле двери негромко, почти шепотом, переговариваются. Значит, Леднев на всякий случай послал за ней девчонку, чтобы она не сбежала.

Катерина посмотрела вверх. Окно маленькое, забранное толстым матовым стеклом. Не пролезу, даже если выбью, трезво прикинула Катерина. Неужели нет выхода? Ведь она читала и видела в кино, как убегают даже из тюрем, как делают подкопы. Но подкопа здесь не сделаешь, пол был залит цементом, на подкоп уходят месяцы, а у нее оставались минуты. И тут в дверь застучали.

— Кать, выходи! Срочно требуют. Очень срочно!

И Катерина вышла. Ее подвели к режиссеру. Та осмотрела Катерину и приказала:

— Сними косынку!

— Не положено по технике безопасности, — отрезала Катерина.

Режиссер глянула на часы.

— На репетицию не остается времени. Ведите ее на вторую линию, — и полезла в автобус, где находился пульт.

Катерина дошла до второй линии, остановилась там, где ей показал помощник режиссера. Увидела камеру и за ней Рудольфа. Он надел наушники и прильнул к камере. Развернулся круг, на котором были объективы. Катерина увидела, как Рудольф посмотрел на нее поверх камеры, увидела его настороженное лицо и поняла, что он узнал ее. Теперь терять было уже нечего. Как будет, так и будет, решила она и сразу успокоилась.

Она сделала все, как ее просили. Прошла между станками, обернулась, заметила красную лампочку над камерой Рудольфа. Значит, ее снимали. Линия заготовок вдруг остановилась, и Катерина дальше не пошла, как и было договорено, достала из сумки ключи. К ней шла, улыбаясь, дикторша.

Рудольф подкатил камеру ближе к ним, и на его камере снова зажглась красная лампочка. Теперь дикторша стояла рядом с ней, улыбалась, но улыбалась не ей, а камере, и смотрела не в ее глаза, а выше.

— Это Катя Тихомирова, — начала она. — Единственная девушка в цехе, которая работает наладчиком, а недавно стала бригадиром наладчиков. Вы сами могли убедиться, какие сложные станки на фабрике. Так вот Катя может определить и исправить любую неполадку. Катя, почему вы выбрали эту профессию?

Катерина не видела лица Рудольфа за камерой, но была почти уверена, что он посмеивается. Она помнила, как он ей рассказывал, какую чушь несут передовики производства, приглашенные на студию, как они заучивали заранее написанные тексты. По-видимому, она затягивала ответ, потому что дикторша, улыбаясь, переспросила:

— Так почему именно эту профессию вы выбрали?

— Я не выбирала, — ответила Катерина. — Так получилось. У нас постоянно ломаются станки — они старые, изношенные. А наладчики — или мальчишки из ПТУ, которые еще ничего не знают, или пьянь, которая уже ничего не может. Вначале я ремонтировала и налаживала свой станок, потом стала помогать другим.

— Но вы ведь сознательно выбрали именно эту фабрику? — спросила дикторша.

Катерина почувствовала, что дикторша чем-то озабочена, хотя по-прежнему улыбается.

— Случайно, — ответила Катерина. — Вернее, по необходимости. На фабрике были места в общежитии, а мне негде было жить.

— А вы не москвичка?

— Я из Псковской области, — ответила Катерина и добавила: — В общем, лимита.

Красная кнопка на камере Рудольфа погасла, и загорелась лампочка на другой камере.

Дикторша выдохнула. Режиссер давала ей передышку, чтобы сориентироваться. Интервью явно шло не по намеченному плану. Дикторша глянула быстро в листок с вопросами, спрятала его, и на камере Рудольфа зажглась красная лампочка.

— Значит, вам не нравится просто механическая работа? — снова бодро улыбаясь, спросила дикторша. — Вы хотите работать творчески. И вы сознательно выбрали этот труд.

— Никакой сознательности не было! Попросил Михалыч, это начальник нашего цеха товарищ Леднев, и я согласилась. В зарплате я проиграла, на штамповке больше получала. Вообще-то это непорядок! За квалифицированную работу надо больше платить.

Это было уже совсем не запланировано, и дикторша поспешила задать последний вопрос:

— Катя, а какая ваша мечта? Вы, наверное, собираетесь учиться дальше, чтобы вернуться на свой родной завод инженером?

— У нас фабрика, — поправила дикторшу Катерина. — Вряд ли я сюда вернусь. В этом году я уже во второй раз провалилась на экзаменах в химико-технологический институт. В следующем году буду поступать в третий раз.

— Удачи вам, Катя! — улыбнулась дикторша.

— И вам удачи, — пожелала Катерина. — Вы ведь недавно на телевидении, с полгода, мы все смотрим телевидение и каждого нового диктора запоминаем.

Дикторша не готова была к такому повороту, тем более у камеры Рачкова стояла помощник режиссера и описывала круги — закружляйся, мол. Так на смущенной улыбке дикторши и закончилась передача.

И уже никто не обращал внимания на Катерину. Теперь быстро выйти из цеха, подумала она, и подождать, когда все уедут. И уже никогда не позвонит Рудольф, и она не осмелится позвонить ему. И вряд ли они когда-нибудь встретятся: в многомиллионной Москве, когда живут в разных районах, вероятность встречи — незначительная.

Рудольф зачехлял камеру и не смотрел в ее сторону. И она решилась. Подошла к нему и сказала:

— Здравствуй!

— Привет, — ответил Рачков. — Интересная у нас с тобой встреча получилась.

— И вправду интересная, — согласилась Катерина.

— А ты, оказывается, героиня!

— Тебя в этом что-то не устраивает?

— Нет, я даже польщен.

— Рудольф, грузимся, — крикнули ему.

— Ну что ж, пока! — сказал бодро Рачков. — Куда же теперь тебе звонить?

— Туда же, куда и звонил, — ответила Катерина.

— Но ведь, насколько я понимаю, этот телефон — липа!

— Это нормальный телефон, — ответила Катерина, — если ты позвонишь, мне передадут.

Рудольф катил камеру к автобусу. Он ни разу не оглянулся, и Катерина вдруг поняла: все закончилось, он никогда не позвонит.

Потом к ней подошел Леднев. Он пожал ей руку и сказал:

— Спасибо. Ты всех выручила.

Прибежали девчонки из бухгалтерии, которые смотрели передачу по телевизору. Они говорили, что Катерина была красивой, даже красивей дикторши. Вдруг все затихли. В цех вошел директор фабрики. Он подошел к ней, улыбнулся и сказал:

— Молодец! По-человечески отвечала!

Заметил ее отстраненность:

— Переволновалась?

— Да вроде нет...

— Наверное, все-таки было, — предположил директор. — Я, когда выступаю на всяких собраниях, все равно волнуюсь, хотя сколько у меня этих собраний было, может, сотни уже. — Он полуобнял ее за плечи и сказал: — Пойдем на воздух. Тебе надо успокоиться.

Они вышли из цеха, и все смотрели на них.

— На той неделе мы тебя переведем в мастера. Месяца за два освоишь нормы, заполнение нарядов, а к зиме поставим на участок. Карьеру сделаешь. А закончишь институт, директором станешь, вместо меня.

— А вы куда? — улыбнулась Катерина.

— Мне место найдется. А ты подумай хорошенько. Почему обязательно химия? Поступай в политехнический. Там у меня есть связи. Пройдешь вне конкурса, с производства все-таки. — Директор остановился, посмотрел на нее и спросил: — Что-то у тебя все-таки случилось?

— У меня все нормально, — бодро ответила Катерина.

— Если что, обращайся прямо ко мне. Смоленские всегда выручали псковичей.

Катерина смотрела на коренастого, длиннорукого, с мощной грудью директора, и ей вдруг захотелось уткнуться в эту грудь и поплакать, поэтому она поспешно добавила:

— Спасибо. До свиданья, — и бросилась в цех.

В цехе была подсобка, где хранили ветошь. Она забралась в самый угол подсобки, поплакала, услышала, что остановился транспортер, по которому подавали заготовки, вытерла слезы, подождала: а вдруг заработает, но, по-видимому, это была поломка. И она вышла из подсобки.

Еще несколько дней в общежитии говорили о ее показе по телевизору, потом это забылось. Она звонила Тихомировым, Изабелла понимала, что ее интересуется, и, не ожидая вопроса, говорила:

— Не звонил.

В сентябре Катерина приехала к ним помыть окна: Изабелла боялась смотреть вниз с пятнадцатого этажа.

— Позвони сама, — посоветовала Изабелла.

— Не хочется, — ответила Катерина.

— Значит, это не любовь!

Катерина никому не рассказывала о встрече с Рудольфом на фабрике, кроме Людмилы. Людмила даже ахнула, выслушав ее, и больше никогда не заговаривала о Рудольфе. Они подали с Гуриным заявление в загс, их, узнав Гурина, хотели зарегистрировать сразу, но Людмила отказалась: пусть все будет по закону. Если надо ждать полтора месяца, она подо-

ждет. Катерина видела, что Людмила оттягивает свое замужество, хотя активно занималась продажей кофточек и поясов, которые Гурин привез из Чехословакии.

Людмила завела книжку в сберкассе и даже стала откладывать деньги из зарплаты, чего раньше никогда не делала. Надежда на то, что спортивный клуб выбьет Гурину квартиру, оставалась, он уже заявил, что женится, и познакомил Людмилу с тренером. Людмила подсчитала, что они заплатят за квартиру, которую будут снимать в ожидании государственной, больше денег, чем нужно для первого взноса в кооператив. Теперь Людмила искала строительный кооператив поближе к центру, но такие пока не находились. Участки под кооперативное строительство домов выделяли на окраинах. Иногда Людмила уезжала в общежитие к Гурину, и иногда Гурин приезжал к ней. Тогда Катерина шла гулять. Она кружила вокруг общежития, поглядывая на окна их комнаты. Теперь они жили вдвоем (Антонина прописалась у родителей Николая). Людмила подарила чешскую кофточку комендантше общежития, и к ним никого не подсеяли. Иногда Катерина ходила и по два часа, иногда Людмила включала свет уже через двадцать минут. Катерина возвращалась, Гурин и Людмила, уже одетые, сидели за столом и пили чай с тортом, Гурин всегда прино-

сил торт. Людмила несколько раз напоминала Катерине, что надо решать: или делать аборт, или оставлять ребенка. О ребенке Катерина даже думать не хотела, аборта боялась. Акушерка, которая делала аборт Людмиле, вышла замуж за слушателя Военной академии имени Фрунзе и уехала с ним в Хабаровск. Катерина надеялась, что все как-нибудь образуется, но Людмила как-то вечером, подсчитав срок беременности, ахнула и на следующий день повела ее в районную поликлинику к гинекологу.

Катерина впервые в жизни села на гинекологическое кресло, стыдясь неестественной позы и полной своей незащитности. Хорошо, что гинеколог оказалась женщиной. Она осмотрела Катерину, прощупала ее живот и сказала:

— Пока все хорошо. Никаких отклонений от нормы.

— Мне нужен аборт, — взмолилась Катерина.

— Поздно, милочка, уже десять недель.

— Мне нужен аборт, — настаивала Катерина. — У меня нет другого выхода.

— Выход один, — сказала врач, — рожать. Пусть зайдет ко мне отец ребенка.

— Я не знаю, кто отец, — ответила Катерина.

— Я думаю, что у тебя не больше трех претендентов, — усмехнулась врач. — Я могу

поговорить со всеми тремя по очереди и врачебную тайну гарантирую.

Перед кабинетом гинеколога сидели будущие матери. Многие из них были с мужьями. Сидели спокойные, умиротворенные молодые женщины, гордо выставив свои округлившиеся животы.

— Ну что? — спросила Людмила, когда они вышли из поликлиники.

— Ничего сделать нельзя. Уже десять недель.

— Надо же так влипнуть! — и Людмила закурила, чего никогда не делала на улице.

— Дай и мне сигарету, — попросила Катерина.

— Тебе вредно.

— Мне все вредно. Дай сигарету!

Катерина закурила, глубоко затянулась, не закашлялась, у нее не закружилась голова. Я совсем взрослая, подумала она.

— Надо звонить Рудольфу, — решила Людмила.

— Зачем? — спросила Катерина.

— На некоторых мужиков это действует. Его ребенок. А вдруг мальчик?

— На него ничего не подействует, — ответила Катерина. — Он мне не простит обмана. Да я про него уже и забыла.

— Вспомнишь! Откажется, так пусть хоть участие примет.

— Какое?

— Может, у него есть знакомые врачи. Может быть, врачи есть у его матери, аборт-то она тоже делала. В конце концов, пусть даст денег. Придется абортироваться у частного врача, они дорого берут, последний аборт мне почти месячной зарплаты стоил.

— Ну уж денег я у него просить не буду, — заявила Катерина.

— Почему просить, требовать надо! — возразила Людмила.

Она еще не раз возвращалась к этому разговору. Людмила нашла гинеколога в другой поликлинике, но и здесь Катерине отказали, и она позвонила Рачкову. Его подозвали к телефону.

— Надо встретиться, — попросила Катерина.

— Зачем?

— Надо поговорить.

— О чем? Мне все ясно.

— Зато мне не ясно, — разозлилась Катерина. — Я беременна. Уже десять недель.

Рудольф помолчал, потом ответил:

— В ближайшее время я не смогу встретиться. Некогда. У меня передачи. Перед съездом мы теперь работаем каждый день.

Вчера вечером они с Людмилой проиграли варианты возможных ответов Рудольфа и

пришли к выводу, что он наверняка откажется от встречи.

— Тогда скажи ему, что ты сама приедешь на телевидение, — сказала Людмила.

— А как я туда попаду? Там же пропускная система. Он мне не выпишет пропуск.

— Скажешь ему, что кроме него у тебя на телевидении появились и другие знакомые. Он с тобой испугается встречаться на телевидении. А вдруг ты закатаешь скандал? Все, кто служит в военных, идеологических и партийных организациях, больше всего боятся скандалов.

— А ты откуда знаешь? — удивилась Катерина.

— Если говорю, то знаю, — ответила Людмила.

Рудольф молчал, ожидая ответа Катерины, и тогда она решилась:

— Если тебе некогда, я сама приеду на телевидение.

— Это каким же образом? Телевидение — режимное предприятие.

— У меня появились знакомые на телевидении, кроме тебя, они выпишут мне пропуск. — И, не дав Рудольфу времени на обдумывание ответа, Катерина добавила: — Раз ты теперь работаешь каждый день, я приеду завтра.

— Подожди, — заволновался Рудольф. — Завтра мне нужно быть на Суворовском бульваре в Доме журналистов.

— Значит, встретимся в Доме журналистов, — предложила Катерина.

— Не в Доме журналистов, а на Суворовском бульваре, — раздраженно поправил Рудольф. — Ровно в пять напротив Дома журналистов.

Катерина вспомнила, как Людмила убеждала ее соглашаться на все, пусть даже Рудольф назначит встречу в Подольске, главное — не дать ему увильнуть.

— Хорошо, в пять, — согласилась Катерина.

Вечером они с Людмилой обсуждали варианты предстоящей встречи.

— В каждой встрече, — рассуждала Людмила, — должна быть главная цель. Он должен простить тебя, хотя за что прощать-то? Ты тихая, скромная, ты запуталась, тебе нужна помощь, тебе нужен совет, тебе надо принять решение, и ты не знаешь, что делать.

— Я и вправду не знаю, что делать, — призналась Катерина.

— Так вот, он это должен понять. В нем должен проснуться инстинкт мужчины, защитника. И в этой ситуации главное — не пережать, никаких угроз и ультиматумов. Как только мужикуставишь ультиматум, ты сразу загоняешь его в угол, и, как всякий загнанный в угол, он становится зверем. И тогда для него главное — вырваться и забыть этот кошмар.

Поэтому никакого напора, надо сыграть растерянность.

— Мне и играть ничего не надо, — сказала Катерина. — Я не то что в растерянности, я в прострации. Я как будто в ловушке, из которой нет выхода.

— Выход есть всегда! — Людмила была категоричной. — Правда, тебе не очень повезло. Если бы он был партийным или советским работником или каким-нибудь начальником, которому есть что терять, тогда бы его можно было обложить: письмо на работу, письмо в партком.

— Чего ты несешь-то? Какие письма? Разве жалобы что изменяют?

— Изменяют, и еще как! Половина браков держится на страхе. Но Рудольфа пугать нечем. Он обслуга. Ну вынесут ему выговор. И то вряд ли. Скорее — осуждение на словах.

— Я, пожалуй, не пойду, — решила Катерина.

— Нет, пойдешь! — потребовала Людмила. — Из него надо хотя бы выбить, чтобы он нашел врача и дал деньги на аборт.

— Деньги я не возьму.

— Я возьму, — заявила Людмила. — А теперь спать! Завтра ты должна хорошо выглядеть.

На следующий день Катерина ушла с работы раньше. Она задумалась: что же надеть, но вспомнила, что встреча будет на бульваре.

а пальто у нее единственное. Хотя вдруг он предложит пойти в кафе? Катерина надела юбку и впервые почувствовала свой увеличивающийся живот: молния на юбке едва сошлась.

Она доехала на метро до Арбатской площади и направилась к Суворовскому бульвару. На бульваре сидели старики и старухи. Одни старики играли в домино, другие, окружив их, следили за игрой. Двое шахматистов играли, не торопясь, подолгу обдумывая каждый ход, им спешить было некуда.

Старик, дед, а может быть, и прадед, учил ходить крохотную девочку. Девочка шла, падала, смеялась, и старик, улыбаясь, поднимал ее и снова направлял по аллее. А кто будет гулять с моим ребенком, подумала Катерина и поняла, что гулять, кроме нее, некому, и даже мать не сможет приехать помочь, потому что ее негде поселить.

Рудольф сидел на скамейке и курил. По его тусклому взгляду она поняла, что и разговора не получится, и рассчитывать на его помощь нечего. Она поздоровалась. Он кивнул, даже не посмотрев на нее, закурил новую папиросу.

Катерина, тоже не глядя на него, рассказала о своих походах по врачам, которые отказались делать аборт.

— А что я могу сделать? — занервничал Рудольф.

— Поговори с матерью, — попросила Катерина. — Может быть, у нее есть знакомые врачи, которые согласятся сделать аборт.

— Еще чего! Не хватало еще сюда мать впутывать.

— Что же мне делать? — спросила Катерина.

— Надо было об этом раньше думать, — раздраженно ответил Рудольф.

— Тебе тоже надо было раньше думать.

— Знаешь что! — Рачков повернулся к ней. — Не надо из меня делать отрицательного героя производственной пьесы. Она — передовая работница, а подлец ее обманывает и бросает. У нас другая ситуация. Это не я обманул, а меня обманули.

— Прости меня, — попросила Катерина. — Я тебя никогда и ни в чем больше не обману.

— Нет, — заявил Рачков, — женщина, которая обманула один раз, обманет и в следующий. Я думаю, может быть, вообще никакого ребенка нет и ты затеяла новую авантюру, чтобы я на тебе женился. Знаешь что, давай договоримся. Что было, то было. Мы ошиблись оба. Давай расстанемся друзьями. Я на тебя зла не держу, хотя ты этого и заслуживаешь.

— Хорошо, — согласилась Катерина. — Наверное, ты прав. Я это заслужила. Я прошу только об одном — помоги найти врача. Ты же

москвич, у вас больше возможностей и знакомых больше...

— При чем тут знакомые? — возмутился Рачков. — Это все не по знакомству, а по закону делается. Сходи в поликлинику на фабрике, объясни ситуацию. Они обязаны следить за здоровьем трудящихся. У нас, кстати, самое лучшее медицинское обслуживание в мире, — Рачков посмотрел на часы. — Извини, я на передачу опаздываю. — Он встал, похлопал Катерину по плечу. — Ничего, все обойдется, ты будь понастойчивее с врачами. А меня в это дело не впутывай!

Он поправил кепку и пошел. Отойдя несколько шагов, вдруг побежал к троллейбусной остановке, может быть радуясь, что все так закончилось и ему ничего решать не надо, все решат за него другие: врачи, Катерина... В конце концов, все женщины делают аборты.

Катерина осталась одна. Отошел троллейбус, в котором уехал Рачков. Мимо проходили пары: пожилые, видимо прожившие вместе всю жизнь; совсем юные, вероятно вчерашние школьники. Должен же быть выход, должен, думала она. Но все возможности, которые были у Людмилы, они испробовали, осталась последняя: если не помогут, то хоть посоветуют. И Катерина из телефона-автомата позвонила академику. Телефон был занят. Изабелла говорила подолгу. Катерина прошла

по бульвару, врачи говорили, что ей надо больше гулять, хотя зачем гулять, если ребенка все равно не будет? Наконец ей повезло, трубку сняла Изабелла.

— Мне надо посоветоваться, — попросила Катерина.

— Приезжай в воскресенье, — ответила Изабелла.

— Я бы хотела приехать сейчас.

— Что-нибудь случилось?

— Случилось. Я беременна.

— Сколько? — спросила Изабелла.

— Двенадцать недель.

— Приезжай, — сказала Изабелла.

То, что Изабелла рассказала академику о ее беременности, Катерина поняла, как только она вошла. Академик глянул на нее и отвел глаза.

— Я нужен? — спросил он.

— Пока не нужен, — ответила Изабелла.

И академик ушел в свой кабинет поспешнее, чем обычно, как показалось Катерине.

Они сели на кухне, Изабелла разлила чай, и Катерина рассказала ей все о посещении врачей и о последнем разговоре с Рудольфом.

— Сволочь! — выругалась Изабелла. — Все они такие! Всегда расплачиваемся мы.

Изабелла достала записную книжку и набрала номер телефона:

— Берта, надо показаться. Не мне. Я уже отыгралась. Сама определишь. Хорошо. — Она положила трубку и сказала Катерине: — Едем!

Они на троллейбусе доехали до Крымской площади, переулком вышли к старому четырехэтажному дому. Им открыла дверь пожилая женщина в белом халате.

— Посидите на кухне, — попросила она.

Проходя мимо комнаты, через полуприкрытую дверь Катерина увидела на столе полную женщину с раздвинутыми ногами и рядом с ней еще одну женщину — в белом халате.

Они прошли на кухню. Изабелла закурила.

— Как вошла, так сердце заколотилось от страха, — произнесла Изабелла. — Если бы ты знала, сколько баб прошло через эту квартиру!

— И ты тоже?

— Пять раз.

— Пять абортотв?

— Всего семь, — усмехнулась Изабелла. — Так что не бойся! Пятнадцать минут неприятных ощущений — и через неделю все забудешь, а через месяц можешь начинать все сначала.

Катерина услышала стон.

— Не ори! — Голос у женщины был прокуренный и старый.

— Что, прямо сейчас и мне? — испугалась Катерина.

— Сейчас и тебе. Тянуть дальше некуда.

Катерина услышала, как тот же прокуренный голос сказал:

— Дай ей нашатырю. Очень уж чувствительной стала!

Потом они слышали приглушенные голоса в передней, хлопнула дверь, и на кухню вышла седая старуха в белом халате.

— Простыни захватила? — обратилась она к Изабелле.

Изабелла вынула из сумки простыни, коробку конфет, флакон духов.

— Пошли, — позвала старуха Катерину.

Большой обеденный стол застелили простыней.

— Раздевайся, — сказала старуха.

Катерина разделась. Это был уже третий осмотр за последние две недели — он закончился неожиданно быстро.

— Слезай, — скомандовала старуха, — одевайся!

— Сегодня не будешь? — спросила ее Изабелла.

— Ставь чай, — приказала старуха Изабелле.

Они сидели за тем же столом, на котором только что лежала Катерина, со стола сняли простыни и застелили скатертью. Старуха принесла водку в графинчике. Они выпили с Изабелой из серебряных рюмок, закурили, старуха — папиросу «Беломорканал», Изабелла — сигарету с фильтром.

Катерина впервые видела Изабеллу такой робкой: она молчала, не задавала вопросов, ожидая, что скажет старуха.

— Двенадцать недель, — наконец проговорила старуха.

— Я знаю, — подтвердила Изабелла.

— Если знала, зачем привела?

— Берточка, ты же все можешь.

— Это надо уже в клинике делать, это уже операция.

— Может быть, рискнешь?

— Нет, — заявила старуха. — Плод большой. Может быть кровотечение. Рожать ей надо.

— У нее нет мужа.

— У многих нет мужей. Рожают же. Расскажи все родителям, должны понять.

— У нее родители далеко, — стала объяснять Изабелла.

— В домработницах у тебя, что ли? — спросила старуха.

— Да нет, знакомая...

И Катерина поняла, что на помощь Изабеллы она может не рассчитывать.

— Учишься, работаешь? — обратилась старуха к Катерине.

— Работаю.

— Где?

— На фабрике.

— Рожай, — предложила старуха. — Беременных не увольняют, это раз. Потом отдашь

в ясли, потом в детский сад на пятидневку, а потом, глядишь, и замуж выйдешь, легче будет.

— Она в общежитии живет. — добавила Изабелла.

— Ну и что? — спросила Берта. — С ребенком не выгонят. Профсоюз, комсомол защитят. А еще лучше — в партию вступи. Партийные своих берегут, а ты вступай, чтобы сберечь будущего ребенка.

— Фи, Берта, — поморщилась Изабелла.

— Я правду говорю, — сказала Берта. — Судя по всему, ей ждать помощи не от кого. Так что, милочка, надейся на себя, не пропадешь! И ребенка вырастишь. У советской власти есть все же кое-какие преимущества. А когда этот подлец увидит ребенка, подростка, престарелого, может быть, он вернется. Я таких случаев знаю много.

— Не нужен он мне, — призналась Катерина.

— Правильно, — поддержала Изабелла. — Предателей не прощают!

— А ты поглупела, Изабелла, — усмехнулась старуха. — Какое это предательство — нормальная трусость. Когда тебя мужики бросали, ты же не считала их предателями. Ну, не повезло, говорила. И находила следующего. Как академик-то?

— Нормально. — Изабеллу этот разговор не устраивал. Она открыла сумку и достала кошелек.

— Ничего не надо, — отказалась Берта. — Если бы я за разговоры деньги брала, миллионером давно бы стала.

— Все-таки консультация!

— Перестань, — оборвала ее Берта. — А твою проблему может решить комиссия при райотделе здравоохранения. Если очень будешь настаивать, сделают они тебе операцию, куда денутся. Но не советую. В больницах конвейер, а после такого рода аборт на всю жизнь можешь остаться бесплодной. Не рискуй!

Изабелла поймала такси. Она доехала до своего дома на площади Восстания и, выходя из такси, сунула Катерине деньги, сторублевую купюру.

— Поезжай на такси, — сказала она Катерине. — Сегодня тебе досталось, — и захлопнула дверцу.

Шофер довез ее до общежития, ворча, отсчитал сдачу. Людмила ждала Катерину и сразу набросилась с расспросами.

— Потом расскажу. — Катерина легла и укрылась пледом.

— Ну хотя бы суть! — попросила Людмила.

— Он сказал, что у нас лучшее здравоохранение в мире.

— Поняла. Надо звонить Изабелле, — решила Людмила.

— Уже.

— И что?

— Ничего. Дала сто рублей.

На следующий день Катерина в обеденный перерыв зашла в медчасть фабрики. Она все рассказала врачу, недавней выпускнице мединститута. После работы врач с Катериной поехали в женскую консультацию. Снова были уговоры. Катерина настаивала. Ее обещали направить на комиссию при райздравотделе, но шли дни, а ее все не направляли.

Катерина приходила с работы, ужинала и ложилась. Она лежала, отвернувшись к стене, засыпала, просыпалась и снова засыпала. Однажды Людмила многозначительно сказала:

— Я кое-что предприняла.

Катерина не стала ее спрашивать. А поздно вечером в дверь их комнаты решительно и громко постучали, вошла мать Рачкова. Она осмотрела комнату, ее взгляд остановился на Катерине:

— Так, значит, здесь живет дочь академика Тихомирова?

— Садитесь, — Катерина вдруг забыла ее имя и отчество. — Раздевайтесь.

Рачкова села, не снимая пальто.

— У меня с Рудиком был серьезный и откровенный разговор. — Она сделала паузу. Катерина подумала, а вдруг сейчас все пере-

менится, мать скажет, чтобы она собирала вещи и ехала с ней. Но Рачкова, выдержав паузу, произнесла: — Рудик тебя не любит. Было, возможно, увлечение, кто в молодости не увлекался!.. А эта история с дочерьми академика, квартирой в высотном доме — противно все, — Рачкова поморщилась. — Интеллигентные люди так не поступают... Если ты нуждаешься в помощи, я могу тебе помочь. У меня есть знакомые в Институте акушерства и гинекологии. Тебя туда примут, необходимо, конечно, направление поликлиники. Вот фамилия директора института. И последнее: я прошу больше не звонить мне со всякими дешевыми угрозами.

— Я не звонила, — сказала Катерина.

— Тогда, значит, по вашей просьбе звонят ваши подруги!

— Я никого не просила.

И тут на середину комнаты вышла Людмила.

— Да, это звонила я, — заявила она. — Не исключено, что я буду не только звонить, но и писать в организации, где работаете вы и ваш сын. Зло должно быть и будет наказано, — почти патетически закончила Людмила.

— А вы, по-видимому, Людмила? — Рачкова повернулась к Людмиле. — Специалистка по психиатрии, которая работает на шестом хлебозаводе формовщицей?

— Да, это я, — ответила Людмила с вызовом. — И что?

— Ничего. Просто я всю эту историю расскажу знакомым журналистам. Может получиться очень интересный фельетон о завоевательницах Москвы.

— Какие мы завоевательницы? — возразила Людмила. — Мы честно работаем!

— Вот и поработайте! — отрезала Рачкова. — И поживите лет по десять в общежитиях, я лично свое пережила в коммунальных квартирах.

— Сейчас не те времена! — вскинулась Людмила.

— Времена всегда одинаковые, — оборвала ее Рачкова. — Прежде чем получить, надо заслужить, заработать, как заработала я! — теперь уже почти кричала Рачкова. — И ни вас, ни вашего ребенка в моей квартире не будет. Здесь вам это не пройдет, вы не получите ни метра!

— Простите, — произнесла Катерина, — но мне ничего не надо. Спасибо, что дали адрес института. Я обещаю, что больше никогда и ни о чем вас просить не буду.

Рачкова встала, раскрыла ридикюль и достала конверт.

— Понимая ваше трудное положение, могу вам немного помочь деньгами...

— Спасибо, — отказалась Катерина. — Я сама хорошо зарабатываю.

— Тогда до свидания, — Рачкова вдруг почувствовала неуместность сказанного — до какого свидания, они же не собираются больше видеться. Конверт с деньгами она все еще держала в руке...

— Привет, — сказала за Катерину Людмила, и Рачкова, положив деньги в сумочку, молча вышла из комнаты.

Людмила тут же набросилась на Катерину:

— Что, решила проявить благородство? Со жлобами надо поступать по-жлобски!

— Зачем? К тому же она права. Почему они должны менять жизнь из-за того, что появилась я?

— А почему ты должна растить и воспитывать ребенка одна? — возмутилась Людмила.

— Ребенка не будет, — ответила Катерина.

Теперь почти каждый день они с врачом ездили в поликлинику, в комиссию при районном отделе здравоохранения. Ее уговаривали не делать аборта, она не соглашалась, ее просили подумать несколько дней, она ждала эти несколько дней, снова заходила в медчасть фабрики.

Однажды к Катерине подошел Леднев:

— Тебя вызывает директор.

— Зачем? Я что-то не то сделала?

Ее совсем недавно назначили мастером, теперь она заполняла наряды, распределяла работы. Дело оказалось совсем не сложным — Катерина разобралась в несколько дней, удивляясь, зачем инженеров после института иногда заставляют по два года работать в этой должности — все можно освоить за две недели.

— Не знаю, — ответил Леднев. — Лично позвонил и сказал: пусть Катерина зайдет ко мне. Я ее жду.

Секретарь директора, как только Катерина вошла, через переговорное устройство сообщила:

— Тихомирова пришла.

Катерина услышала голос директора:

— Пусть заходит!

В приемной сидело человек восемь: из бухгалтерии, из отдела главного механика, снабженцы, заведующий фабричной столовой. Кто-то облегченно вздохнул: видимо, была его очередь.

Директор вышел из-за стола, пожал Катерине руку, и они сели в кресла за журнальным столиком в углу кабинета. Секретарь принесла два стакана чая с ломтиками лимона, вазочку с сушками.

— Очень хочется пить.

Катерина взяла стакан. Сушки с маком были соблазнительны и оказались вкусными. Катерина пила сладкий, горячий чай, и дирек-

тор пил чай и молчал. После цеха в кабинете было тепло, Катерина подумала, что хорошо бы в это удобное мягкое кресло забраться с ногами и подремать. И она решила, что когда-нибудь, когда у нее будет своя квартира, она обязательно купит такие же мягкие кресла.

— Извините, — Катерина поставила стакан. — Вы же меня позвали не чайку попить.

— Именно чайку, — улыбнулся директор. — Почему два человека не могут сесть и попить чаю?

— Ладно, — согласилась Катерина. — Но у вас в приемной восемь человек ждут.

— Подождут, — отмахнулся директор. — Из них только два по делу, остальные так...

— А разве к директору приходят просто так? — удивилась Катерина.

— Конечно, — подтвердил директор. — Некоторые, чтобы показать, что они незаменимые, что они решают очень важные проблемы, хотя их проблемы решаются в пять минут и без помощи директора. Некоторые для самоутверждения, чтобы сказать в цехе, что он был у директора и вообще может запросто заходить к директору. Это ты поймешь, когда сама станешь директором.

— Я не собираюсь становиться директором. — Катерина даже рассмеялась от абсурдности такого предположения.

— А это от тебя даже не зависит, это запрограммировано твоим характером. Как теперь модно говорить, ты — лидер. Тебе нравится работать, ты быстро во всем разбираешься, у тебя есть инженерное мышление, и, главное, ты не скандальна. За год ты ни с кем не испортила отношений в цехе.

— Откуда вы знаете? — удивилась Катерина.

— Знаю, потому что запомнил тебя. Кстати, спасибо за поздравительную открытку. Мне было приятно. Так что хочешь ты или не хочешь, тебя будут выталкивать наверх, потому что каждому вышестоящему начальнику важно, чтобы он был спокоен за нижестоящие участки работы. И так будет до тех пор, пока ты не начнешь претендовать на место директора.

— Я не буду, — пообещала Катерина.

— Будешь, — сказал директор. — Это же интересно — руководить большим производством, сотнями людей. Должность директора среднего предприятия, как наше, толковый инженер занимает лет через пятнадцать, так что к сорока ты станешь довольно крупным руководителем, если вступишь в партию.

Катерина не удержалась и рассмеялась, вспомнив разговор с акушеркой Бертой.

— Ты чего? — не понял директор. — Это ведь нормально. Такие правила игры. Так при-

нято, что начальник участка еще может быть беспартийный, а начальник цеха уже не может.

— Поэтому в партию и лезут в основном проходимцы и бездельники. Зачем мне быть среди них? — Катерине вдруг стал надоедать разговор: к ее жизни рассуждения директора не имели отношения.

— Ну, не все в партии проходимцы и бездельники, — вздохнул директор.

— Ладно, не все, — согласилась Катерина. — Половина!

Директор молча ее рассматривал, наверное размышляя, стоит ли она откровенности, потом решил:

— Мой отец врач. Сельский врач в поселковой больнице. Когда мне на фабрике предложили вступить в партию, я решил посоветоваться с отцом. И он сказал: мы живем в стране, где существует эпидемия чумы. И чтобы выжить и чего-то добиться, нужна прививка от чумы. Вступай! И рассматривай это как прививку от чумы. Можно, конечно, выжить и чего-то добиться и без прививки, но тогда шансы невелики.

У Катерины от этой откровенности вдруг защемило сердце. Она пыталась осмыслить услышанное, а директор вполне по-деловому закончил:

— Если надумаешь, одну рекомендацию тебе дам я, вторую — Леднев, а третью полу-

чишь от комсомольской организации. И по поводу твоего аборта... Не делай! Рожай! Был бы этот мудака наш, фабричный, я бы сказал ребятам, его бы пару раз отлупили, может, подумал бы, но, насколько я знаю, он не из наших. Твоя товарка вроде замуж собирается? Я скажу, чтобы к тебе никого не подсеяли. После родов тебе два месяца по закону положено, если понадобится, продлим.

Когда директор заговорил о ее беременности, Катерина хотела его оборвать — нечего лезть в чужую личную жизнь, но что-то удерживало ее, все эти дни ей не с кем было посоветоваться: Людмила и Антонина не в счет, они ждали ее решения.

— А на что я буду жить? — поинтересовалась Катерина.

— Поможем, — ответил директор. — Профсоюз подбросит. Я из директорского фонда, потом в ясли отдашь. Можно и на пятидневку.

— В ясли очередь.

— Я уже сказал, чтобы тебя в эту очередь поставили.

— Я учиться хочу.

— Трудно будет, но возможно. Не одна ты такая. Знаешь, сколько на фабрике женщин, которые сами воспитывают детей?

— Сколько?

— Двадцать шесть, правда, из них учатся только двое. Но ты же сильная, ты справишься.

На следующий день Катерина должна была снова идти в поликлинику на комиссию и не пошла. Почти двадцать лет спустя, когда она уже была директором комбината, а нынешний директор — заместителем министра, они обедали в ресторане гостиницы «Москва» в перерыве между заседаниями Моссовета, и Катерина спросила:

— Скажи, почему ты столько лет помогал мне?

— Потому что ты мне нравилась, — ответил он просто.

— Ты что — был в меня влюблен? — удивилась она.

— Да.

— А почему ты на мне не женился? Я бы, наверное, прожила более счастливую жизнь.

— Не рискнул, — признался он. — Старый я был для тебя.

— Разница-то всего в двадцать лет.. Да сейчас еще не вечер...

— Это ты из чувства благодарности?

— Из чувства симпатии, — ответила Катерина. Она теперь легко вступала в романы, уже не надеясь встретить того единственного, за которого ей захотелось выйти замуж.

Но до этого разговора было еще почти двадцать лет.

Глава 8

Катерина каждый день ходила на работу, чувствуя новую жизнь внутри себя. Она слышала, как бьется сердце ее сына (она почему-то была уверена, что обязательно родит мальчика).

Когда она ушла в декретный отпуск, весна только-только начиналась. Она вставала рано, завтракала. В общежитии становилось тихо, все уходило на работу. Она надевала валенки и отправлялась гулять на канал: врачи советовали прогулки не меньше двух часов в день.

Ярко светило мартовское солнце. На льду канала сидели у лунок рыбаки. Она встречала молодых женщин, прогуливающихся своих младенцев. Они вспоминали, как рожали, рассказывали о мужьях. Чтобы не вызывать жалости, Катерина говорила, что ее муж работает на телевидении оператором. Женщинам было интересно узнать о телецентре, о дикторах, и Катерина пересказывала то, что слышала от Рудольфа и сама видела на «Голубом

огоньке». На канал она ходила только в будние дни, опасаясь встретить в воскресенье своих новых знакомых с мужьями. Ее звали в гости, она отказывалась, боясь завязывать более тесные знакомства: сходишь к ним в гости, надо звать к себе. Врать было противно, и она дала себе слово больше не выдумывать мужа.

Матери она писала редко: жива, здорова, работаю, когда ходила в музеи, писала о музеях. Мать тоже отвечала редко: жаловалась на отца — стал чаще пить, дважды просила прислать денег. Катерина высылала из премиальных. Теперь премий не было. Деньги, выплаченные за декретный отпуск, расходились быстро, и она начала экономить. Пришло письмо от матери. Она снова просила денег. Наверное, можно было занять и послать, но Катерина написала письмо, что беременна, больше выслать не может, ей самой предстоят траты. Мать молчала почти месяц, потом пришло деловое письмо — она звала Катерину в Красногородск: летом на молокозаводе набирают дополнительно работниц, и после родов она сможет выйти на работу. Мать считала это единственным выходом, деньгами она помочь не могла, а позор переживем вместе, писала мать. Катерина ответила, что не придет, что она поступила в институт.

Еще осенью в цех зашел директор завода и объявил, что политехнический институт проводит дополнительный набор на вечернее отделение.

— Я буду поступать в химико-технологический, — ответила Катерина.

— Легче перевестись, чем поступить, — возразил директор и протянул записку с фамилией декана.

Катерина решила посоветоваться с академиком и позвонила ему.

Академик, как всегда, односложно ответил:

— Приезжай.

Она приехала. Изабелла была подчеркнута приветливой, пригласила поужинать. Академик выслушал Катерину и заметил:

— Директор прав. Поступай. Если поступишь, перевестись всегда можно. Целый год выиграешь. А с переводом я тебе помогу.

Академик расспрашивал, о чем пишет мать, какие новости в Красногородске.

— Зовет домой. Уже на молокозаводе договорилась о месте для меня.

— И что же ты?

— Не поеду, — ответила Катерина. — Буду выкручиваться здесь сама.

Академик молчал. Молчала и Изабелла, глядя в сторону.

— Мы понимаем твои трудности, — наконец произнес академик. — Конечно, после

родов хотя бы первое время тебе надо пожить в нормальных условиях. У нас три комнаты, но, ты знаешь, я ведь в основном работаю дома, пишу книгу...

— Да я живу в нормальных условиях, — заверила академика Катерина. — У меня отдельная комната...

— Как отдельная? — не понял академик. — Ты разве не в общежитии?

— В общежитии, — подтвердила Катерина. — Но Антонина вышла замуж и переехала, Людмила тоже вышла замуж, и они снимают квартиру. Так что я теперь одна в комнате. И ко мне никого не подселяют.

— Это хорошо, — сказал академик. — Это хорошо, — повторил он и посмотрел на Изабеллу.

Катерина поняла, что они, по-видимому, обсуждали ее положение и, может быть, даже рассматривался вариант отказа в том случае, если Катерина после родов попросится пожить у них. И она еще раз отчетливо осознала, что ей придется рассчитывать только на себя.

Когда Катерина уходила, академик протянул ей деньги.

— Спасибо, у меня есть деньги.

— Бери, — грубовато посоветовала ей Изабелла, — не такие уж это большие деньги. Это он не для тебя дает, а для себя, чтобы совесть

свою успокоить, все-таки помог родственнице, — усмехнулась она.

По ее виду Катерина поняла, что в их семейных отношениях появились какие-то сложности. В любой другой ситуации она никогда бы не взяла деньги у академика. Но теперь она почти не думала о самолюбии. Деньги ведь не для нее, а для будущего ребенка. Надо покупать коляску, одежду — пока она ничего не приобретала из суеверия.

Приехав в общежитие, Катерина пересчитала деньги академика. Триста рублей! Две ее зарплаты. Хорошие деньги!

Катерина сдала экзамены на вечернее отделение политехнического. Заполняя анкету, в графе «Семейное положение» написала: «Не замужем». Декан, просматривая анкету, глянул вопросительно на ее округлый живот.

— Не замужем, — подтвердила она и улыбнулась. Решив не врать, почувствовала себя спокойней и уверенней.

Директор по понедельникам обходил все цеха фабрики. В тот понедельник подошел к ней — он всегда заглядывал в закуток, где она заполняла наряды.

— Поздравляю с поступлением! Декан мне звонил. Ты ему понравилась. — Директор рассмеялся. — Он почему-то подумал, что ты беременна от меня.

— Не он один так думает, — улыбнулась Катерина. — Вы лучше ко мне не подходите, когда бываете в цехе, а то все в некоторой растерянности: с чего бы это директор уделяет такое внимание простой работнице?

— Ну, не простой работнице, а мастеру, — возразил директор.

— И об этом тоже говорят, — заметила Катерина. — Неспроста Леднев ее так двигает, наверняка по поручению директора.

— А на самого Леднева не думают? — спросил директор.

— Он не по этому делу. У него в цехе никогда ни с одной работницей романа не было. Про него не то чтобы говорить, про него даже подумать такое не могут.

— А про меня говорят? Ну и что же, кроме того, что ты беременна от меня?

— Говорят, — улыбнулась Катерина.

— И с кем же у меня сейчас роман?

— С технологом. С блондинкой.

— Ух ты! — удивился директор. — А я к ней в отдел ведь не захожу.

— Да на фабрике все про всех знают.

— Ладно, — пообещал директор, — усилю конспирацию. Как ты сама-то себя чувствуешь?

— Хорошо!

— Не бойся! Родишь нормально. У твоей бабки небось не меньше пяти было.

— Семеро.

— И ты на одном не остановишься.

— Вряд ли, — ответила Катерина. — Не больно-то сегодня мужики женятся на женщинах с детьми.

— Еще как женятся! — возразил директор. — Я сам женился на женщине с ребенком. А потом мы уже совместно двоих родили. Так что у меня трое сыновей.

— Ваша жена счастливая!

— Я тоже, — ответил директор.

Если счастливый, зачем же блондинка из отдела главного технолога, подумала Катерина, но, конечно, промолчала.

Теперь она на фабрику не ездила. По субботам приходила к Антонине и обычно оставалась обедать. Антонина тоже была беременна. Рожать ей предстояло через месяц после Катерины. На стройке она дорабатывала последние дни перед декретным отпуском.

К Людмиле Катерина ездила по воскресеньям. Людмила с Гуриным снимали квартиру рядом с метро «Сокол». Если Гурина не было дома, а он часто уезжал на загородную спортбазу именно на субботу и воскресенье, Людмила располагалась на тахте, брала спрятанные среди белья сигареты (при Гурине она не курила) и с удовольствием затягивалась.

В субботу Катерина, как обычно, позвонила Людмиле и договорилась, что приедет в воскресенье в три часа. Гурин был в отъез-

де. С утра Катерина отправилась в Третьяковскую галерею. Она использовала последние дни, понимая, что после родов долго еще не сможет ходить по театрам и музеям.

Она шла по залам галереи, не торопясь, всматривалась в лица на картинах и поражалась их уверенности и умиротворенности. Она хотела побыть в Третьяковке до обеда, но быстро устала, несколько раз присаживалась отдыхать и решила уйти. Вспомнила командировочного из Брянска: если бы не сбежала тогда, может быть, ее жизнь была бы сейчас другой. А, может быть, и с ним не получилось бы ничего, потому что и тогда она обманывала, а обман все равно раскрылся.

Катерина, не торопясь, доехала до центра, прошлась по улице Горького. Большинство магазинов были закрыты. Она прикинула, что, пока доберется до общежития, надо будет снова собираться и ехать к Людмиле. Тогда она решила приехать к Людмиле раньше — все равно Гурина нет, а Людмила даже обрадуется, потому что никогда не любила оставаться одна.

Катерина замерзла, пока шла от метро, и сейчас с удовольствием думала, как выпьет горячего чая. Она нажала на кнопку звонка, но дверь не открывали. Она позвонила еще несколько раз и села на подоконник на лестничной площадке. Вышедшая из лифта женщина подозрительно ее осмотрела. Еще при-

мет за воровку, подумала Катерина, и позвонит в милицию. Дом был ведомственный, министерства обороны. Когда однажды Катерина заночевала у Людмилы и утром вышла из подъезда, ее поразило количество генералов — генералы с голубыми, зелеными, красными, черными околышками на фуражках, в брюках с красными лампасами, с золотым шитьем на погонах, садились в подъезжающие «ЗИМы». Если эта женщина из генеральской квартиры, то милиция приедет быстро, подумала Катерина. Она решила позвонить еще раз и, если не откроют, ехать в общежитие. Но Людмила открыла дверь.

— Ты чего раньше времени? — спросила она.

— Так получилось, — начала объяснять Катерина. — Я в Третьяковке с утра была.

— Могла хотя бы позвонить, предупредить, — недовольно пробурчала Людмила.

И тут Катерина кое-что сообразила. Она почувствовала, что краснеет.

— Извини, — Катерина начала снова повязывать платок. — Я пойду, пожалуй.

— Да ладно, — усмехнулась Людмила. — Проходи!

Катерина разделась, надела тапочки и увидела пожилого седого мужчину. Он курил длинную сигарету с фильтром. Мужчина встал и улыбнулся:

— Здравствуйте, Катерина.

— Здравствуйте. Вы меня знаете?

— Конечно, — подтвердил мужчина. —

А вы меня не знаете?

— Не знаю.

— Я Петр Петрович. Разве Людмила вам обо мне не рассказывала?

— Не рассказывала. — Катерина растерялась, пытаясь вспомнить, что ей могла рассказывать Людмила.

— Не рассказывала, не рассказывала, — рассмеялась Людмила. — Ты знаешь, что я не болтливая и государственных тайн не разглашаю.

— Молодец. — Еровшин подвинул Катерине стул. — Садитесь, Катя!

— Проголодалась? — спросила Людмила.

— Не очень, — ответила Катерина.

— Значит, очень. Сейчас разогрею мясо. Развлекай подружку! — И Людмила ушла на кухню.

Катерину поразило, что Людмила такого пожилого мужчину называет на «ты» и что одета она в легкий нейлоновый халат, под которым не было ни лифчика, ни трусиков.

Теперь Катерина рассмотрела сидящего перед ней мужчину. С такими она еще не встречалась. Ее поразили его костюм: темно-серый в едва заметную коричневую полоску, темно-коричневый галстук, такого же цвета носки и светло-коричневые кожаные ботинки без

шнурков на тонкой кожаной подошве. Как же он сейчас ходит в таких, подумала Катерина. Уже подтаивало, и по снегу, перемешанному с грязью, трудно было ходить, к тому же тротуары посыпали солью, и Катерина после каждого выхода из общежития вечером протира-ла и чистила зимние ботинки, на которых про-ступали соляные разводы.

— Я на машине, — сказал вдруг Еров-шин. — Вы ведь подумали, как я хожу по такой слякоти?

И Катерина испугалась. Неужели он уга-дывает мысли?

Людмила принесла тушеное мясо, масли-ны, шпроты, зеленый горошек, мандарины и свежий огурец.

— Для тебя оставила, — сообщила она. — Тебе нужны свежие овощи.

Она достала початую бутылку вина.

— Тебе наливать?

— Не надо, — отказалась Катерина.

— Правильно, — сказал Еровшин. — Не надо. Сколько осталось, недели три?

— Четыре, — сказала Катерина.

— Замечательно! — обрадовался Еров-шин. — Значит, маяться не будет.

— Почему? — не поняла Катерина.

— Родится в апреле. Говорят, что майские обычно маются. А я вас поздравляю с поступ-лением в институт.

— Это еще осенью было. Я уже зимнюю сессию сдаю.

— А вот Людмилу я не могу убедить, чтобы она пошла учиться. Она ведь очень способная.

— Я тоже так думаю, — призналась Катерина. — Она смогла бы стать и учителем, и врачом. Она умеет убеждать.

— Абсолютно с вами согласен. У нее просто дьявольская убедительность.

— Это когда? — посмеиваясь, спросила Людмила. — Когда я одетая или когда раздетая?

— Всегда, — заверил ее Еровшин и поднялся. — Девочки, с вами замечательно, но у меня дела. — Он подошел к Катерине. — Катя, все будет хорошо. Ни о чем не беспокойся. Вокруг тебя так много друзей.

— Не так и много, — вздохнула Катерина.

— Много, — не согласился Еровшин. — Людмила, Антонина, Николай, Леднев, твой директор, я — это совсем не мало, я уж не говорю об академике и Изабелле. До свидания!

Людмила поцеловала его в щеку, Катерина протянула руку. В передней он надел длинное пальто с кушаком, серую кепку, улыбнулся им и вышел.

— Кто это? — не утерпела Катерина, как только за Еровшиным закрылась дверь.

— Любовник, — ответила Людмила.

— Как ты не боишься? — ужаснулась Катерина. — А если бы приехал Гурин?

— А почему он должен приехать? Он в Новосибирске. Они завтра прилетают.

— А если он взял билет на другой рейс?

— Им билеты берут сразу на всю команду.

— Ну а вдруг? Получил травму. Или отменили рейс. Все может ведь случиться.

— Может, — согласилась Людмила, — но сегодня воскресенье. Даже если бы прилетела вся команда, этот козел не домой бы поехал, а на ипподром.

— У вас что-то случилось?

— Случилось, — ответила Людмила. — В прошлый понедельник мы должны были вносить первый взнос за квартиру — уже дом застраивают, я ездила смотреть. В конце Ленинского проспекта, тридцать восьмой квартал, по дороге во Внуково. В субботу сняли деньги со сберкнижки, а в воскресенье на ипподроме заезды. У него там поклонник работает. Гурин несколько раз выигрывал, не крупно, но и не по-мелкому. Шубу мне купил из цигейки. А здесь поставил немного, еще раз поставил остальные деньги — и все спустил. Я думаю, этого челябинского дурачка просто подставили. Я полгода откладывала каждый рубль. А вчера позвонили: или мы вносим две тысячи, или выбываем из числа пайщиков.

— И что же теперь делать? — ужаснулась Катерина. — У меня есть триста рублей.

— Да ничего не надо делать. Позвонила, объяснила ситуацию, и он привез деньги. — Людмила достала стопку сотенных.

— А когда отдавать надо?

— Никогда, — ответила Людмила. — Это подарок. Но Гурину я, конечно, скажу, что заняла, пусть погорбатится.

— Надо отдать, — забеспокоилась Катерина. — Иначе ты попадешь от него в зависимость.

— В какую зависимость? — усмехнулась Людмила. — Я в этой зависимости уже больше двух лет. И эта зависимость мне нравится. Приятная зависимость, когда в тебе ценят женщину, когда тебя любят, когда исполняют все твои желания. Ты думаешь, откуда у меня все эти дорогие шмотки?

— Ты говорила — из комиссионных магазинов.

— А ты хоть раз смотрела на цены в комиссионках?

— Я только один раз была в таком магазине, — призналась Катерина.

— И что купила?

— Ничего.

— Вот именно! На деньги, которые мы с тобой зарабатываем, можно купить разве что платье фабрики «Большевичка». Чтобы купить

хорошие туфли, я должна откладывать деньги полгода.

— Но так живут все, — возразила Катерина.

— Как видишь, не все.

— А кто он?

— А ты думаешь кто?

— Не знаю, — призналась Катерина. — Одет очень хорошо, со вкусом. Дипломат.

— Вроде этого, — неопределенно ответила Людмила.

— Но у тебя же семья! Молодой муж! А он старик.

— Не старик. Не старик, — повторила Людмила. — Если бы молодой Гурин был, как этот старик. Гурин на своих тренировках так намудохается, что домой возвращается на полусогнутых. Поест и тут же засыпает.

— Вы же с ним в театры ходите!

— Он и в театре засыпает. Конечно, он хороший парень. Добрый, честный. Он же почти как киноартист. Все его узнают, автографы просят. Он доверчивый челябинский паренек. А Москва бьет с носка. Я ему говорила — не верь! Вот его и посадили на ипподроме. Ладно! Все нормально, — Людмила налила себе вина, выпила, закурила. — В компаниях выпивать стал. Все предлагают — как же, знаменитость! А ему надо форму держать.

— Ты ему помогай.

— Кто бы мне помог! Ладно! Давай думать, где рожать будешь?

— Как где? — не поняла Катерина. — В больнице. Куда направят, там и рожу.

— Надо в хорошую больницу попасть. К хорошему врачу. Ты с Изабеллой не говорила?

— Она же не рожала.

— Как говорит только что вышедший товарищ, не обязательно быть курицей, чтобы определить вкус яичницы.

— А как ты его зовешь? — поинтересовалась Катерина. — По имени и отчеству?

— А никак, — рассмеялась Людмила. — Просто: пойди сюда, принеси то, отнеси се. Если бы все мужики были на него похожи!

— А замуж за него вышла бы?

— Конечно вышла бы. Но он никогда не бросит свою жену. Он говорит, что бросать женщин, когда они уже никому не нужны, — самое большое предательство, надо от них уходить, пока они молодые, или жить до конца дней своих.

— И ты с ним и дальше будешь встречаться?

— Наверное, буду, — ответила Людмила.

Катерина потом много раз вспоминала этот разговор. Она никак не могла поверить, что у Людмилы взрослый, даже старый любовник, об этом она читала только в книгах. И вообще,

Людмила и Антонина жили взрослой жизнью, а она, уже беременная, и не ощущала, и не видела себя взрослой. И когда ей уступали место в автобусе, смущалась и удивлялась.

В последние дни марта два раза начинались боли, она спускалась к телефону, чтобы позвонить в «скорую помощь», но боли прекращались.

В воскресенье к ней приехали Людмила и Антонина. Схватки начались при них. Антонина побежала к телефону у вахтера. От волнения забыла свой номер — телефон им поставили всего месяц назад. Потом вспомнила. Трубку снял Николай.

— Катерина рождает. Срочно приезжай, надо в больницу везти! — скороговоркой прокричала Антонина.

Николай приехал через десять минут. Катерину свели по лестнице, поддерживая под руки.

— Да ладно вам, — рассмеялась Катерина, — ходить-то я еще могу.

Ближайший роддом находился недалеко от метро «Сокол». Улицы были по-воскресному пустынные. Николай гнал «Москвич» на предельной скорости.

Катерина родила к вечеру.

— Девочка. — Врач шлепнула по попке, и девочка заплакала.

Роды Катерина перенесла довольно легко. Конечно, было больно, но она ожидала худшего.

Утром приехала Антонина. Вечером — Людмила с Гуриным и снова Антонина уже с Николаем.

На следующий день соседка по палате позвала ее.

— Там подруга с твоим отцом. Покажи девку деду.

Катерина подошла к окну и увидела Людмилу и Еровщина. Еровшин передал большую коробку конфет. Ее, конечно, надо было бы отдать медсестрам, но конфеты в золотых и серебряных обертках казались такими вкусными, что палата из шести женщин расправилась с ней в несколько минут.

Женщины рассказывали о мужьях, одна рожала уже в третий раз, остальные — впервые. Катерина о себе ничего не рассказывала. Женщины, видимо, почувствовали неладное в ее жизни, и одна из них не выдержала:

— А кто из тех, кто приходит, твой мужик?

Катерина показала на Николая, понимая, что ему придется забирать ее из роддома. Все произошло, как она и предполагала. За ней приехали Николай, Антонина и Людмила. Она вышла с дочерью, упакованной в розовое одеяло.

Николай стоял с коробкой конфет и цветами. Антонина подтолкнула его. Он отдал акушерке цветы и конфеты и заспешил к машине.

— Папаша! — обратилась к нему акушерка. — Обычно ребенка из роддома несет отец. Мать свое дело сделала. Она родила.

Николай взял сверток с ребенком и понес на вытянутых руках.

— Надо было, чтобы ее кто-нибудь другой встречал, — ворчливо заметил Николай, передавая ребенка Людмиле.

— Это почему же? — спросила Людмила.

— Через месяц Антонине рожать. И в этом же роддоме. Еще подумают, что у меня гарем.

— Нашел о чем думать, — отмахнулась Людмила. — Сейчас радоваться надо. Девка у нас родилась. Гуляем!

Катерина не узнала свою комнату в общежитии. Вместо казенных занавесок подруги повесили ситцевые шторы в яркий горошек. И комната стала светлее. На журнальном столике, явно недавно покрашенном и покрытом лаком (запах лака еще чувствовался), стоял старый телевизор «Ленинград» со шторками, закрывающими экран.

— Откуда телевизор? — удивилась Катерина.

— Родня излишки передала, — ответил Николай. — Они новый купили, «Чайку».

— Богатеет советский народ, — прокомментировала Людмила. — Старый еще работает, а уже новый покупают. Экран больше, изображение лучше. Ничего, пока попользуешься старым, а со временем цветной купишь.

В углу комнаты стояла детская коляска, совсем новая, на рессорах, с литыми резиновыми шинами на колесах.

— Ну зачем же? — укоризненно произнесла Катерина. — Она такая дорогая!

— Все продумано, — успокоил ее Николай. — Потом коляска перейдет к нам, а потом, глядишь, и Людмила родит.

— Ну, это удовольствие я вам не скоро доставлю, — ответила Людмила.

Гурин внес в комнату ванночку для купания девочки и под общий смех поставил на стол ночной горшок.

Людмила убрала горшок, и они с Антониной начали накрывать на стол.

Девочку пора было кормить. Катерина расстегнула кофточку, мужчины тут же отвернулись.

— Деликатные, — заметила Людмила. — Как будто сиську бояться увидеть.

— Всем за стол! — скомандовал Николай. Все расселись.

— У всех налито? — спросила Людмила и остановила руку Николая, который пытался

налить водки Гурину. — Ему не положено. У него режим.

— За ребенка выпить — святое дело, — настаивал Николай.

— Людмила, нас не поймут, — протестовал Гурин. — Это особый случай, — и подставил рюмку.

— Предлагаю выпить за новую москвичку, — начал Николай. — Как ее называть-то?

— Александрой, — сказала Катерина, — как моего отца.

— Значит, за Александру, — продолжал Николай. — А по отчеству как ее?

По наступившей тишине он понял неуместность вопроса, оглянулся на Антонину, надеясь, что она придет ему на помощь. Но Катерина ответила спокойно:

— Александровну.

— За Александру Александровну Тихомирову, — обрадовался Николай. — За новую москвичку! Ура!

От криков Александра проснулась и заплакала, женщины начали укачивать ее, она снова уснула.

Гости засиделись за полночь и заторопились, чтобы успеть на метро. Антонина решила помочь Катерине вымыть посуду, но Катерина отказалась:

— Сама управлюсь. Мне надо привыкать.

Александрю невозможно было оставить одну. Она как будто чувствовала уход Катерины и начинала кричать, как бы тихо Катерина ни закрывала дверь. Приходилось укладывать ее в коляску. Теперь Катерина всюду таскала с собой коляску. Продавцы ее знали и отпускали продукты без очереди, а если очередь начинала возмущаться, кричали из-за прилавка:

— Женщина одна ребенка воспитывает! Вон у входа коляска стоит. Сами, что ли, не рожали?

И очередь затихала. Катерина при каждом таком скандале краснела, старалась не смотреть по сторонам, брала продукты и бежала к выходу. Однажды в газете «Вечерняя Москва» она прочитала, что украли ребенка из коляски. Теперь в магазин она входила с коляской, вставала в конец очереди, выставив перед собой коляску и подталкивая впереди стоящего. Возмущенный покупатель оборачивался, готовый устроить скандал, но, увидев коляску, пропускал. Так, слегка тараня очередь, она за несколько минут доходила до прилавка.

Катерина подолгу гуляла по берегу канала, возвращалась в общежитие, кормила Александрю, укладывала ее спать и садилась за учебники. Мать взяла отпуск и месяц прожила с ней. Катерина за этот месяц сдала летнюю сессию. Академик, как и обещал, устроил ей перевод на заочное отделение химико-

технологического института. Катерина и мать съездили с Александрой к академику, который чувствовал себя немного виноватым перед родственниками. К концу вечера он вдруг объявил, что будет давать Катерине по пятнадцать рублей в месяц. Катерина отказалась.

— Бери, — Изабелла сунула Катерине конверт с деньгами. — Он гонорар за книгу получил.

Дома они с матерью пересчитали — триста шестьдесят рублей. Академик выдал помощь сразу на год вперед. Катерина деньги потратила с толком: купила себе сапоги из искусственной кожи, осеннее, вполне модное пальто джерси на поролоне, Александре теплый комбинезон на вырост.

Через месяц мать уехала, и Катерина осталась одна с Александрой. Закончился декретный отпуск. Как и обещал директор, отпуск ей продлили еще на месяц и деньги выплатили из директорского фонда. Закончился и этот месяц. Пора было выходить на работу.

Вечером тридцать первого августа она, как всегда, постирала пеленки, покормила Александру и села за учебники — надо было сдать контрольные по трем предметам. Наутро Катерине предстояло впервые отвести Александру в круглосуточные ясли на целых пять дней, а самой после декретного отпуска появиться в цехе.

Она всегда помнила этот день — тридцать первое августа. Много лет подряд это был последний день долгих летних каникул перед началом нового учебного года. Теперь она не ходила в школу и вдруг осознала, что жизнь ее определена на многие годы вперед и не будет никаких неожиданностей. Через четыре года она закончит институт, через семь лет отведет Александру в школу, через десять получит постоянную московскую прописку и встанет в очередь на получение квартиры. К этому времени она будет работать на одном из московских комбинатов или химических заводов инженером на сто рублей, потом — старшим инженером на сто шестьдесят рублей. Будут, конечно, еще премиальные. Откладывая деньги, она года через три накопит на телевизор. У подаренного ей телевизора «Ленинград» уже давно сгорела электронная трубка, денег на новую не было, да и смотреть телевизор некогда, поэтому она поставила его на шкаф. Потом будет откладывать деньги на холодильник, вернее, сначала на холодильник, телевизор — потом, когда Александра подрастет и захочет смотреть детские передачи и мультфильмы.

Квартиру она получит в лучшем случае через двадцать лет. Потом надо будет копить деньги на мебель. Это тоже несколько лет. Боже мой, какая тоска! Но ведь именно так и будет, потому что чудес не бывает. Конечно, может быть,

она выйдет замуж, как Антонина, за москвича с квартирой, но это маловероятно. Да и родители ее будущего малореального мужа вряд ли захотят, чтобы в их квартире поселилась женщина с ребенком. Москвичи сами жили в тесноте, в основном в коммунальных квартирах, и если получали отдельные, то защищали свои квартиры, как крепости, от любого вторжения, потому что понимали: сдав крепость пришельцам, они снова окажутся в коммуналках, из которых с таким трудом выбирались.

Она почти с ужасом подумала, что придется теперь каждый день считать деньги, экономя на всем, на чем можно сэкономить. Перелицовывать старое пальто, перешивать свои старые платья на Александру. В их цехе работает несколько матерей-одиночек — бедные и несчастные женщины. Они избегали скандалов — боялись лишиться премии, очереди на квартиру, места в пионерском лагере для своего ребенка. Их жалели, им помогали, но от этого они не становились ни счастливее, ни богаче.

Катерина уже много месяцев не плакала, не позволяла себе плакать. Но сейчас не выдержала, заплакала тихо, чтобы не разбудить Александру. Вытерев слезы, глянула на будильник. Шел второй час ночи. Спать оставалось меньше пяти часов. Она поставила бу-

дильник на шесть часов утра; в ясли она должна попасть к семи, а надо покормить Александру, поесть самой, проехать четыре остановки на автобусе. А потом, считая даже не минуты, а секунды, бежать на троллейбус, чтобы не опоздать на работу. Она перевела стрелку будильника на половину шестого.

И все-таки первое сентября — замечательный день, подумала Катерина. Утром она впервые отвезет Александру в ясли. Через семь лет, первого сентября, отведет ее в школу, а через семнадцать лет Александра уже сама пойдет в институт. Первое сентября в их семье всегда было праздником. Она шла в школу, а отец первого сентября начинал новую жизнь. Он вставал и поздравлял:

— С новым годом, девочки!

Катерина думала, что он поздравляет ее с новым учебным годом, но отец праздновал новый год два раза в году. Обычно с первого сентября он обещал бросить курить и пить — выбрасывал папиросы, надевал новый галстук, купленный специально к этому дню. В шкафу висело двенадцать галстуков, значит, он двенадцать раз начинал новую жизнь. Обычно без папирос выдерживал сутки, но чаще всего несколько часов, а выпивал через восемь дней. Теперь мать договорилась с бухгалтерией строительного управления

и в день зарплаты сама приходила и забирала деньги, выдавая отцу на бутылку портвейна.

И все-таки завтра праздник! Она наденет новое платье, купленное из денег академичка, — строгое, темно-серое, с широким поясом. Пусть все увидят, что у нее все хорошо. Но, прочитав еще раз, сколько времени нужно на дорогу в ясли и оттуда до фабрики, Катерина поняла, что через проходную придется нестись бегом, а она должна прийти спокойно, не торопясь, быть в цехе хотя бы за пять минут до прихода работниц. Тогда у нее будет время переговорить с Ледневым, пока он не уйдет на планерку к директору. И Катерина перевела стрелку будильника на пять часов. Это в последний раз, решила она, завтра лягу спать не позже десяти и вообще завтра начну новую жизнь. Надо обязательно запомнить этот день. И еще надо обдумать план новой жизни. Но ни о чем подумать она уже не успела, потому что уснула мгновенно.

20 ЛЕТ СПУСТЯ

Глава 9

Ей снилось, что в окно бьется шмель. Звук непрерывный, неприятный, упорный. Шмель не мог вылететь из комнаты и бился о стекло. Там, за стеклом, — свобода и простор, и шмель не понимал, что его усилия напрасны. Надо открыть окно, подумала Катерина и проснулась.

Она посмотрела на окно, надеясь, что шмель даст себе и ей передышку, ей не хотелось вставать, накануне она легла, как обычно, поздно, около двух. Она привыкла спать мало, добирая по минутам на заседаниях, в машине, если ее вез шофер. За годы недосыпания научилась отключаться мгновенно, ей хватало пяти-семи минут для подзарядки.

Шмель почему-то гудел совсем рядом, и она поняла наконец, что это новый электронный будильник, к звуку которого она еще не привыкла. Двадцать лет она пользовалась огромным будильником орловского часового завода, не очень точным, он спешил на пять минут в сутки, это она всегда помнила, и этот запас в пять минут давал возможность не

вскакивать мгновенно. Эти пять минут она ни о чем не думала, лежала в полудреме, потом садилась на кровать, опустив ноги на пол. Прохладный паркет снимал остатки сна, и она включалась в жизнь.

Катерина нащупала кнопку будильника, нажала, будильник замолчал. В Финляндии она видела приемники с таймером. Вместо звонка включалась музыка той радиостанции, которую слушаешь, засыпая. Ей очень хотелось купить этот радиобудильник, но командировочных денег, как всегда, не хватило, она купила колготки себе и кассеты для плеера Александре, кофточку себе, юбку Александре.

Наконец Катерина окончательно проснулась. Зарядку она не делала — за день по комбинату нахаживала несколько километров. В одной из зарубежных поездок ей подарили специальный приборчик, который прикреплялся к поясу и фиксировал каждый шаг. Она его, естественно, отдала Александре, но однажды все-таки прицепила к поясу юбки и забыла о нем. Вечером посмотрела на циферблат, перевела шаги в метры и выяснила, что за день по комбинату отшагала около десяти километров. Катерина прошла в ванную, надела полиэтиленовую шапочку — такие одноразовые шапочки в зарубежных отелях меняли каждый день, но бережливая Катерина пользовалась шапочкой, привезенной из поездки, долго.

Настроение у Катерины было хорошее — сегодня первое сентября, значит, сегодня Александра идет первый раз в институт. После школы она поступила не сразу, конкурс в медицинский институт был, как всегда, большой. Как и Катерина когда-то, Александра не прошла по конкурсу, полгода отработала санитаркой в больнице, потом Катерина устроила ее в регистратуру районной поликлиники. На следующий год Александра снова не поступила, но не сделала из этого трагедии. Те проблемы, которые Катерине пришлось когда-то решать самой, для Александры были решены. В их двухкомнатной квартире Катерина выделила дочери отдельную комнату, а сама жила в проходной, собственно, не жила, а только ночевала, работа на комбинате занимала почти все ее время.

Двадцать лет назад, первого сентября, Катерина после декретного отпуска вышла на работу. Всегда озабоченный Леднев сказал ей:

- Зайди к директору!
- Когда?
- Сейчас. Он уже звонил.

Директор встретил Катерину улыбаясь:

- Хороша! Раздалась малость, правда.
- Через неделю войду в норму, — Катерина тоже улыбнулась директору.

Секретарша тут же принесла чай и сушки.

Они сели за столик в кресла, и директор положил перед ней лист бумаги. Она прочитала: это была рекомендация для вступления в партию.

— Я не хочу, — призналась она. — Стыдно.

— Объясняю, — начал директор. — Я хочу забрать Леднева к себе заместителем. Вместо него придет Киселева.

— Не надо, — попросила Катерина. — Она завалит.

— Правильно, — подтвердил директор. — Но других в цехе нет. А у нее все данные: с высшим образованием, инженер, член партии. Партком не утвердит беспартийную. Ты хочешь, чтобы тобой командовала дура? Да она и командовать не будет, просто ты за нее все будешь делать и получать в два раза меньше. На зарплату мастера ты не проживешь. У тебя дочь.

Катерина задумалась. Она для себя уже решила уйти из мастеров и перейти снова на пресс. Работницы зарабатывали больше инженеров.

С Киселевой у Катерины сразу не установились отношения. В цех они пришли одновременно, но Киселева после окончания института, а Катерина после средней школы. Киселева год отработала мастером, а когда Леднева назначили начальником цеха, она заняла его место. Медлительная, дородная Киселева нра-

вилась мужчинам. В институте парни писали за нее курсовые. За нее вообще всегда работали другие. Дипломную работу ей сделал кандидат наук одного из научно-исследовательских институтов. Он подрабатывал на подготовке дипломных проектов, а родители Киселевой работали в торговле и могли заплатить.

— У меня нет высшего образования, — объяснила Катерина.

— Ты учишься в институте, — возразил директор.

И Катерина согласилась. Ей очень не хотелось работать за Киселеву, да и деньги были нужны. Партийное собрание было через неделю. Ее приняли в кандидаты партии. Никто не решился проголосовать против рекомендации директора. Катерину избрали комсоргом цеха. Теперь она ходила на партийные собрания фабрики, где в основном решались производственные вопросы, и довольно быстро разобралась во взаимодействии фабричных служб. Так же быстро она поняла, что на фабрике существуют две группировки: одна за директора, другая за главного инженера. Первые полгода Катерина молчала на собраниях, присматривалась и наконец выступила против начальника отдела снабжения, поддерживавшего главного инженера. Она работала под наивную и молодую. Не оскорбляла, не возмущалась, не требовала, а пересказала

разговоры работниц по поводу снабженцев, из-за которых простаивали станки. Начальник отдела снабжения сидел в президиуме, краснел и наконец, не выдержав, крикнул:

— Что вы мелете ерунду!

Катерина среагировала мгновенно:

— Я только сегодня мелю, а вы каждый день. Вам и на фабрике кличку дали — Емеля. Вы же знаете пословицу: мели, Емеля, твоя неделя.

Зал встретил ее выступление хохотом и аплодисментами.

— А еще у кого какие клички есть? — вкрадчиво спросил из президиума главный инженер.

Понимая, что в вопросе подвох, Катерина посмотрела на директора — тот едва заметным движением головы показал, чтобы она сходила с трибуны. Катерина и сама почувствовала, что лучше уйти сейчас, на смехе и аплодисментах. Но главный инженер остановил ее:

— Вы не ответили на мой вопрос!

— Про вас я скажу в следующий раз, — пообещала Катерина.

И в зале снова засмеялись.

— Я-то подожду до следующего раза, — усмехнулся главный инженер. — Но, может быть, вы скажете партийному собранию, какая кликуха у нашего парторга?

— А что такое кликуха? — не поняла Катерина.

— В уголовном мире так принято, — пояснил главный инженер. — Там называют не по фамилии, а по кликухе. По кличке, значит.

— Спасибо, — сказала Катерина. — Я этого не знала. Но у нас на фабрике уголовников нет. А вот Кирилловича, нашего парторга, на фабрике между собой зовут «Рулевой».

— Почему? — удивился главный инженер.

— Как почему? — тоже удивилась Катерина. — На всех плакатах написано: «Партия — наш рулевой». Значит, парторг — рулевой.

Зал снова засмеялся. Она посмотрела на директора, он тоже смеялся. И Катерина спустилась в зал.

Катерина быстро разобралась в партийных правилах. Без согласования с парторгом директор не мог никого из членов партии ни назначить, ни уволить. И самого директора утвердили на бюро горкома, и только после решения горкома министр легкой промышленности издавал приказ о назначении. Она поняла, что такое номенклатура. Начальник цеха был номенклатурой райкома, директор — номенклатурой горкома партии. Партийные органы контролировали движение по должностям.

После собрания Леднев ее предупредил:

— Ты особенно не цепляй главного инженера. Без его согласия тебя никогда партком не утвердит. С начальниками цехов в основном он работает.

Когда Катерину принимали из кандидатов в члены партии, главный инженер не проголосовал ни за, ни против, он воздержался. Это было предупреждением. Она вступила в первую в своей жизни интригу. Как комсорга цеха, ее выбрали на пленум райкома комсомола. Однажды на пленуме в буфете она услышала, как секретарь райкома уговаривал молодого инженера с судоремонтного завода перейти в райком на должность заведующего отделом промышленности. Инженер отказался. И Катерина сразу смекнула — это место для Киселевой. Она поделилась своими соображениями с Ледневым. На следующее утро директор, зайдя к ним в цех, сказал Катерине:

— Хорошая идея!

Катерина не знала, с кем говорил директор, но после обеденного перерыва в цех позвонили из райкома комсомола и попросили к телефону Киселеву. Через неделю Катерину назначили исполняющей обязанности начальника участка. Когда Леднев ушел заместителем к директору, директор назначил ее исполняющей обязанности начальника цеха.

Впервые в жизни Катерину вызвали в райком партии. Прежде чем подняться на третий этаж — два первых занимали райисполком и райком комсомола, — она зашла к Киселевой.

Киселева, увидев ее, насторожилась.

— Есть проблемы? — спросила она.

— Есть, — ответила Катерина. — Боюсь.

— Чего боишься?

— Райкома. Первый раз иду. Не знаю, что спросят, что отвечать.

— А зачем вызвали?

— Леднев в заместители директора ушел. А я сейчас исполняю его обязанности.

Киселева задумалась. Катерина понимала, что та прокручивает варианты: и фабрику, и соотношение сил на фабрике Киселева хорошо знала. И Катерина понимала, что в райкоме обязательно заинтересуются мнением Киселевой о ней. Если она пойдет со мной к секретарю, значит, вредить не будет, решила Катерина. Если не пойдет... Киселевой ведь ничего не стоит снять телефонную трубку и сказать все, что она думает о Катерине, а ничего хорошего она о ней не думает. Но и Катерина может выступить на очередном пленуме райкома комсомола. А Киселева знала, как Катерина может высмеять. И вдруг Киселева спросила:

— Это ты сказала директору, что в райкоме ищут заведующего отделом промышленности?

— Я Ледневу сказала...

— А Леднев решил от меня избавиться?

— Наоборот, — ответила Катерина. — Всегда хорошо, когда наверху есть свой человек. Я думаю, это только начало. Ты еще в ЦК партии будешь. Что ты — хуже Фурцевой? И моложе, и красивее.

Лесть должна быть грубой, вспомнила она слова директора, тогда она легко доходит. И Киселева рассмеялась.

— Пошли, — пригласила она.

Киселева провела Катерину в кабинет заведующего отделом промышленности.

— Это Тихомирова. С галантерейной фабрики. У меня мастером работала.

Заведующий отделом, мужчина лет тридцати пяти, был одет в синий костюм с малиновым галстуком. Катерина давно отметила, что мужчины из партаппарата предпочитают синие костюмы и серые или малиновые галстуки.

— Ее просил второй зайти, — сообщил заведующий.

— Мне с ней пойти? — спросила Киселева.

— Я пойду, — сказал заведующий.

Заведующий оставил Катерину в приемной и прошел в кабинет второго секретаря. Секретарша, молодая девица, что-то печатала и даже не посмотрела на Катерину. Включилось переговорное устройство, и Катерина услышала:

— Пусть Тихомирова войдет!

— Идите, — обратилась секретарша к Катерине.

Катерина открыла одну дверь, потом вторую и вошла в кабинет. За столом сидел грузный высокий мужчина.

— Здравствуйте, Катерина Александровна. — Он вышел из-за стола и пожал ей руку.

То ли заранее посмотрел мою анкету, подумала Катерина, то ли запомнил, как я выступала против начальника цеха.

— Ну и память у вас, Александр Иванович, — с уважением отметила Катерина.

— Да и ты памятливая, — ответил секретарь.

— Вас один раз увидишь и на всю жизнь запомнишь. Таких, как вы, один на тысячу.

— На сотню, — снизил секретарь и спросил нарочито строго: — Что-то ты больно быстро карьеру делаешь?

— Я способная, — улыбнулась Катерина. — Или вы хотите сказать, что меня кто-то подталкивает?

— Вообще-то интересно было бы услышать...

— Это не меня, а я подталкиваю, — заметила Катерина. — Вы же были на собрании. Я выступила против начальника цеха, его перевели на большую должность. Выступила против Киселевой, ее заведующей отделом взяли в райком комсомола. Хотите, и вас подтолкну в горком партии?

— Меня не надо. — Секретарь рассмеялся. — А дела у вас на фабрике неважно идут.

— Не хуже, чем на других фабриках, — ответила Катерина.

— Но и не лучше, — заметил секретарь. — Может, директора поменять?

— На кого? — удивилась Катерина. — Если на главного инженера, то не надо.

Она отметила, как быстро переглянулись заведующий и секретарь.

— Почему? — поинтересовался секретарь.

— Завалит фабрику.

— Почему?

— Он москвич в пятом колене, а на фабрике в основном деревенские, лимита. Он презирает лимиту, а женщины это сразу чувствуют.

— Вы с директором из одной деревни? — спросил секретарь.

— Нет. Он смоленский, а я — псковская.

— Вы воспитываете ребенка одна?

— Да. Мать-одиночка. Была любовь. Но когда он узнал, что я лимитчица и живу в общежитии, испугался, что я буду претендовать на их жилплощадь. У нас на фабрике двадцать семь матерей-одиночек.

На фабрике давно поговаривали, что у нее ребенок от директора, слухи могли докатиться и до райкома. Своей откровенностью она сняла этот вопрос. Секретарь замолчал, что-то обдумывая.

— Ну, хорошо, а у тебя есть планы, как улучшить работу цеха?

— Цех работает хорошо, — ответила Катерина. — Можно было бы только расширить номенклатуру изделий. Например, делать фурнитуру для швейной фабрики, которая в на-

шем районе. А то они всегда жалуются, что у них не хватает фурнитуры и поэтому не могут шить модную одежду. Если вы сможете с материалом, за полгода я бы освоила в цехе фурнитуру.

— За три месяца, — уточнил заведующий.

Катерина выдержала паузу, она уже знала правило: надо завышать сроки, все равно потребуют сделать быстрее.

— Хорошо, — согласилась Катерина. — Если сможете.

— Поможем, — заверил секретарь, и Катерина поняла, что ее участь решена. Она уже начальник цеха.

Когда она возвращалась на фабрику, ее уже на проходной предупредили, чтобы зашла к директору.

— Рассказывай! — попросил директор. — С подробностями.

Она пересказала разговор в райкоме. Директор прошелся по кабинету:

— Молодец. Ни одной ошибки. Неужели ты такая умная?

— Не очень еще, если понять не могу, почему главный инженер против вас.

— Это нормально, — пояснил директор. — Почти по Дарвину — естественный отбор. Выживает более сильный, более приспособленный к условиям существования, в которых он обитает.

— Более сильный или более умный?

— И то, и другое. Более молодые теснят старых.

— Но вы же не старый.

— Я засиделся на фабрике. Я, наверное, скоро уйду в министерство. И на мое место придет главный инженер. Больше никому.

— Но он же не потянет, и вы это знаете.

— Некоторое время потянет, а потом придет другой директор, а потом директором станешь ты.

— Смеетесь?

— Нисколько. Я тебе уже говорил, ты запрограммирована руководить. Вспомнишь мои слова. Ты будешь директором этой фабрики.

Слова директора сбылись и не сбылись. Через год она ушла с фабрики. Закончив три курса химико-технологического института, Катерина поняла — ей надо переходить на работу, связанную с ее будущей профессией инженера-технолога. И она еще раз обратилась с просьбой к академику.

Академик позвонил знакомому директору химического комбината. На следующий день она приехала к нему.

— Пойдешь сменным мастером? — спросил Катерину директор.

— Пойду, — ответила она.

Директор был пятидесятилетний, полный, краснолицый. Наверное, гипертоник, подумала Катерина. Он отложил ее анкету и заинтересовался:

— Ты академику кем доводишься?

— Внучатая племянница.

— А почему на производство? Может, лучше в научно-исследовательский? Там работа почище. Начала бы лаборанткой, потом младшим научным...

— У меня ребенок. Одна воспитываю. Мне деньги нужны.

— Ну, как знаешь. — Директор снял телефонную трубку, набрал номер. — К тебе пойдет Тихомирова, оформи ее мастером в капролактановый.

На следующий день Катерина подала заявление об уходе с фабрики. Зашла в директорский кабинет к Ледневу, бывший директор уже работал в главке министерства легкой промышленности.

— Если передумаешь, всегда можешь вернуться, — предложил он.

— Не передумаю, — ответила она.

...Катерина вскочила. Ей показалось, что с момента, когда она выключила будильник и снова заснула, прошел час и возле дома давно топчется шофер (уже три месяца она была

директором комбината, и за ней приезжала персональная «Волга»). Катерина взглянула на часы — прошло, оказывается, не более двух минут. Она вспомнила, что дала сегодня шоферу выходной и придется ехать на своей машине.

Катерина убрала постельное белье в ящик, сложила тахту. Прошла в ванную, включила душ, вначале чуть теплый, потом горячий, потом холодный, снова горячий и снова холодный. Стоя перед зеркалом, осмотрела лицо, шею. Все в норме. Сорока лет ей никто не давал. Почему-то вспомнила вечеринку, которую они устроили с Людмилой в высотном доме в квартире академика, и как один из гостей сказал: «В сорок лет жизнь только начинается».

Но у нее ничего не начиналось, только продолжалось. На комбинате она прошла по всем ступеням: мастером, технологом цеха, главным технологом комбината, заместителем директора. Прав был директор галантерейной фабрики: она стала директором, только не фабрики, а комбината.

Катерина вошла в комнату дочери.

— Вставай, Александра!

Александра села на кровати, не открывая глаз. Катерина знала, что, как только она выйдет из комнаты, Александра снова ляжет. Так и произошло: когда Катерина через несколько минут заглянула к ней, Александра спала.

Катерина подняла ее, положила на пол, прошла на кухню. Поставила кофейник, сделала бутерброды, снова заглянула к дочери. Надев наушники плеера, Александра двигалась в такт музыке — это у нее называлось зарядкой.

Катерина налила себе кофе. Двух бутербродов с сыром на завтрак хватало до обеда. Для прежнего директора в столовой комбината готовили отдельно. За его кабинетом была комната для отдыха, куда ему приносили еду. Директора крупных предприятий, подражая министрам и начальникам главков, завели у себя комнаты отдыха с туалетом и душем. Все это Катерине досталось от прежнего директора. Она отменила специальную готовку для себя и ходила в столовую, вставая в общую очередь. Ее пытались пропустить вперед, но она выстаивала всю очередь. Ей рассказали, что столовая как-то сразу стала работать лучше, и даже появились ножи, которых раньше никогда не было.

Катерина просматривала свой блокнот, заполненный по часам: что сделать, кому позвонить, кого вызвать, в каком из цехов побывать.

Вошла Александра, налила себе кофе и спросила:

— Когда вернешься?

— Не знаю. Вероятно, поздно.

— Значит, я могу пригласить девочек?
— И мальчиков тоже.
— Само собой, куда ж без мальчиков.
— Я тебя поздравляю, — сказала Катерина.

— С чем?
— С первым днем занятий в институте.
— Спасибо. А с чем тебя поздравить?
— Пока не с чем.

Катерина прошла в свою комнату, стала заряжать, как она говорила, свою сумку: деловой блокнот, пачка сигарет (она курила мало, до пяти сигарет, и на комбинате, кроме ее секретаря и шофера, не знали, что она курит). Положила зажигалку, газовый баллончик, который привезла из Франции, где была в командировке. Квартиру она получила в новом районе, в Крылатском, и баллоном один раз пользовалась, когда двое парней в подъезде пытались вырвать у нее сумочку. Днем баллончик она держала в сумочке, но вечером перекладывала в карман пиджака. Она слышала о нападениях и была готова к нападению. Парень, который схватился за ее сумку, вскрикнул от неожиданности, закрыл лицо руками, второму досталось меньше. Сама она полчаса мыла лицо, покрывшееся красными пятнами, а глаза слезились целый вечер.

Катерина положила в сумку ключи от квартиры, ключи от машины, губную помаду, пудреницу, кошелек с деньгами и улыбну-

лась — вспомнила, что вчера позвонил Петров. Он приехал на неделю раньше из санатория, его вызвал министр. Катерина достала из заветного места ключи от квартиры Людмилы, где она встречалась с Петровым. Он работал в Министерстве химической промышленности, через его управление закупалось импортное оборудование для химических комбинатов. Катерина с ним познакомилась, когда стала главным технологом комбината. Оборудование для комбината закупали в Чехословакии, и она вошла к Петрову перед командировкой в Прагу. Вошла в кабинет, увидела мужчину лет сорока в хорошем темно-сером костюме, модном галстуке — заметно отличался от министерских мужиков. Петров, увидев ее, сморщился:

— Откуда? Почему не знаю?

— Я с капролактанового комбината, — начала объяснять Катерина.

— Да я не об этом, — отмахнулся Петров. — Такая красивая, а я не знаю.

Петров вышел из-за стола, обошел ее, рассматривая со всех сторон.

— Я по делу. — сухо вато заметила Катерина.

— А это и есть самое главное дело. Давай сегодня поужинаем вместе.

— Давайте обсудим мои проблемы. — Катерина достала документацию.

Петров выхватил документацию и, не читая, написал: «Согласен. Петров».

— Что еще тебе подписать? Все подпишу. Я предлагаю ресторан «София», но готов на любое твоё предложение.

— Спасибо, — поблагодарила Катерина. — Но у меня дела.

— Извини, — сказал Петров и попросил: — Покажи, пожалуйста, что я тебе подписал.

Катерина протянула ему лист, и Петров подписал к своей резолюции «Не». Получилось: «Не согласен. Петров».

— Послушайте, — начала Катерина.

— Не хочу слушать!

— Но мне надо вылетать через два дня!

— Летите, голуби, летите!

Катерина не хотела ссориться. Сейчас ты получишь по балде, решила Катерина, но Петров перехватил инициативу. Он вызвал секретаршу и попросил:

— Перепечатайте. Товарищ Тихомирова не вычитала заявку на оборудование. Установка КХП имеет порядковый номер по году изготовления — 73. Кстати, эти установки у чехов никто, кроме нас, не берет.

Он ведь только взглянул на заявку и за секунды увидел ошибку, удивилась Катерина и тут же прониклась к Петрову уважением. Катерина вообще уважала профессионалов, они так редко встречались ей.

— Перекурите, — предложил Петров.

— Спасибо, — ответила Катерина. Что-то ее остановило сказать привычное: я не курю. Петров закурил «Мальборо».

— А вы курите «Салем» с ментолом. А духи у вас «Клима».

Катерина действительно предпочитала сигареты с ментолом и духи «Клима». Но еще ни один мужчина не говорил ей об этом и не обращал на это внимания.

— Извините меня за мою настойчивость, но очень вы мне понравились. Очень! Вошла женщина, и у меня аж зубы заломило. Это у меня второй раз в жизни. Жарко. Хочу в прохладный зал. Холодного шампанского хочу, в ведерке со льдом.

— Я согласна, — сдалась Катерина. — Когда?

— Прямо сейчас.

— В рабочее время?

— Конечно. В нерабочее время — это целое мероприятие. А в рабочее — всегда приятно. И посетителей в ресторане почти нет, обслуживают быстро.

Секретарша принесла перепечатанную заявку. Петров подписал, вызвал машину, и через пять минут они были в ресторане. Петров смешно рассказывал о министерских, Катерина многих знала по фамилиям, с некоторыми встречалась на совещаниях. Она спрашивала, Петров давал характеристики.

— Мудак! Отстал лет на двадцать. Зануда! Подозрителен, закомплексован, мстителен. Бабник! И скупердьяй к тому же, специализируется на министерских бабах, расплачивается выгодными командировками за рубеж. Толковый! Следит за последними достижениями. Зануда, но профессионал. Из партийных работников. Начинал с Брежневым в Молдавии. Не конфликтен, потому что кандидат в пенсионеры.

Они просидели в ресторане четыре часа. У Катерины кружилась голова. Петров заказал еще две бутылки шампанского и предложил:

— Поехали ко мне!

— Поехали, — согласилась Катерина.

Квартира, в которую ее привез Петров, была явно нежилой, с минимумом мебели.

У Катерины уже больше года не было мужчины. Она прошла в ванную. Петров, открыв дверь, смотрел на стоящую под душем Катерину. Пока она мылась, Петров застелил тахту прохладными накрахмаленными простынями. Он, по-видимому, был опытным любовником, не торопился.

— Не торопись, — просил он и ее.

— Не могу! — выдохнула она.

Когда они уже спокойно лежали, он принес ее сумочку и пепельницу. Она жадно закурила.

— Ты не замужем? — спросил он.

— Не замужем, — ответила она. — И уже год ни с кем не спала.

— Разве такое бывает? — удивился он.

— Бывает...

— Этого больше не будет, — произнес он торжественно, как клятву.

А она лежала и думала, что этот роман может закончиться мгновенно, как и начался. У нее были уже такие. Но Петров позвонил ей на следующий день:

— Умоляю. Я очень, очень хочу повторения.

— Перезвони через десять минут, — попросила она и позвонила Людмиле. Ей не хотелось встречаться в незнакомой нежилой квартире. Как она потом узнала, Петров снимал квартиру на пару с приятелем. В квартире была тахта, два стула, чайник, две чашки и старый холодильник «Север», который пугающе громко время от времени включался.

Она сделала дубликат ключей от квартиры Людмилы, и они постоянно, хотя и не часто стали встречаться. Роман с Петровым оказался необременительным и приятным. Она понимала, что сейчас роман этот уже на излете, может быть, у Петрова появилась другая женщина. Но он позвонил вчера, и она согласилась встретиться.

Обсуждая этот роман с Людмилой, Катерина как-то сказала:

— Надо кончать. Жалко времени.

— У тебя есть выбор? — спросила Людмила.

— Выбора нет.

— Когда будет, тогда и будешь решать.

Катерина прошла на кухню, где Александра, не торопясь, пила кофе. Катерина хотела дать ей последние указания, но Александра ее опередила:

— Знаю, все знаю, — сказала Александра. — Обед в холодильнике. Суп из концентратов. Антрекоты. Компот консервированный. Посуду помою.

— Тогда пока! — улыбнулась Катерина.

— Пока, — улыбнулась ей Александра.

Катерина вышла во двор, оглядела свои «Жигули» на остановке возле дома. Машина стояла ровно, значит, правое заднее не спускает. Надо попросить, чтобы механики посмотрели машину.

Она открыла машину, отключила сигнализацию, вставила ключ зажигания. Двигатель завелся мгновенно. Она недавно поменяла аккумулятор. Тронулась с места, прислушиваясь, как ведет себя машина на ходу. Вчера застучала правая подвеска. Она надеялась, что ей это показалось, но стук повторился и сегодня. Придется менять подвеску, решила она. Катерина увеличила скорость. Дорога в этот утренний час уже была забита транспортом. Она держалась в потоке, не обгоняя,

но и не давая вклиниться впереди себя. Катерина водила хорошо, чувствовала машину. Она вообще хорошо чувствовала механизмы, будь то станок, установка, часы или автомобиль. Когда училась водить, то, к удивлению инструктора, в первые же полчаса освоилась с правилами вождения и почувствовала себя за рулем уверенно.

Катерина въехала на комбинат вместе с первым потоком работниц.

Вахтер на проходной, увидев ее машину, тут же открыл шлагбаум. Она притормозила, улыбнулась ему и сказала:

— Доброе утро, Спиридон Степанович!

Она помнила сотни имен. Этому ее научил еще директор на галантерейной фабрике.

— Людям приятно, что их помнят. Знать всех по имени — первое правило руководителя, — говорил он.

Она пошла дальше своего учителя. Отдел кадров подготовил ей списки, у кого когда день рождения. Начальникам служб она обычно звонила утром и поздравляла. Для работниц были заготовлены открытки со стандартным текстом, но если она знала работницу, то обязательно приписывала: «Зина, я тебя помню и люблю». Она имела на это право, проработав на комбинате почти пятнадцать лет.

Ее секретарю Аделаиде было под пятьдесят, она работала секретарем еще у директора галантерейной фабрики. Катерина, как

только стала директором комбината, перема-
нила ее от Леднева. Леднев вначале обиделся,
но потом простил. Катерина все еще форми-
ровала свою команду, этому она тоже научи-
лась у первого своего директора.

В комнате отдыха за кабинетом Катерина
выпила кофе, выкурила сигарету, подумала,
что сегодня день придется уплотнить: с Пет-
ровым она договорилась встретиться во вто-
рой половине дня и на комбинат сегодня вряд
ли уже вернется.

Она вошла в кабинет, набрала номер теле-
фона. Трубку снял главный инженер. По его
усталому голосу она поняла, что он работал
всю ночь.

— Здравствуй, — сказала она. — Что с но-
вой установкой?

— Пока никак. Дает брак.

— Поезжай домой. Отдохни!

— Спасибо...

Катерина знала, что он не уйдет. Главным
инженером он стал через день после того, как
Катерину утвердили директором. Он тоже был
из ее команды.

— Моя помощь нужна? — предложила Ка-
терина.

— Спасибо.

— Тебе спасибо.

В приемной уже слышались голоса. Со-
брались начальники цехов и служб комбина-
та. Начиналась ее работа.

Глава 10

Антонина и Николай тоже собирались на работу. И сыновей подняли — старшего Геннадия и младшего Димку. У Геннадия, отслужившего в армии, нашли язву желудка, и его комиссовали. Язву дома залечили, и он поступил в техникум на отделение ремонта электронной аппаратуры. Димка ходил в школу рядом с домом, но, чтобы не проспал, его поднимали вместе со всеми очень рано.

Антонина за эти годы раздалась и мало отличалась от своих сорокалетних сверстниц, которые проработали на стройке по двадцать лет. И Николай постарел, стал лысеть — правда, его это ничуть не волновало. Жизнь устоялась, дети подрастали. Несколько лет назад они получили трехкомнатную квартиру в Крылатском. И он, и Антонина тут же уволились из своего строительно-монтажного управления в Химки-Ховрино и поступили в точно такое же управление ближе к дому, так что на работу ходили пешком.

Антонина для себя, Николая и Димки жарила яичницу с ветчиной. Геннадию она варила овсянку, как советовали врачи. Сквозь аромат яичницы Антонина вдруг уловила табачный запах. Странно: обычно Николай закуривал только после завтрака. Она вышла на лоджию и увидела, что за горшком с цветами курил Геннадий.

— Ты что? — прошептала Антонина. — Тебе же нельзя. Да еще натошак.

— Мне уже все можно, — так же, шепотом, ответил Геннадий. И мать, и сын побаивались Николая, тот был скор на расправу.

Антонина поставила еду на стол, и все сели.

— Есть вопрос, — начал Геннадий.

— Давай, — поддержал Николай.

— Можно я в воскресенье Марину на дачу приглашу? Заодно и познакомитесь.

— Конечно пригласи, — тут же согласилась Антонина.

— Нет, — возразил Николай. — Две недели назад Оля, теперь Марина. Ты уж нас с окончательным вариантом познакомь.

— А как же он определит этот вариант? — возник тринадцатилетний Димка. — Только методом проб и ошибок.

— Это что за метод? — удивился Николай. — И в чем состоят пробы?

— Нет, мне лично Оля понравилась. Девочка клевая, — тут же попытался избежать

конфликта Димка. — Но это не значит, что Генка должен к ней навсегда прилепиться.

— Вот так, мать, — мрачно заметил Николай. — Воспитали. А я вот в свое время как Антонину показал родителям, так и женился.

— А может быть, ты напрасно поторопился. Может быть, это был не оптимальный вариант, — вклинился Димка.

И тут же схлопотал от отца по затылку.

— И это воспитание! — огорчился Димка. — Только с позиции силы! А если, когда я вырасту и стану сильнее тебя и ты будешь всякую ерунду молотить, как я сейчас, я тебе тоже буду затрещины давать...

Николай отложил вилку и посмотрел на сына. Раньше было достаточно этого строгого взгляда, но сейчас сын выдержал его. Молчание затянулось. Отцу надо было отвечать.

— Насколько этот вариант оптимальный, проверить сейчас невозможно. Но если бы я другие варианты искал, вы бы здесь, умники, не сидели и не рассуждали.

— Это почему же? — возразил Геннадий. — Ты бы женился на другой женщине. И все равно здесь бы сидели Геннадий и Дмитрий. Мать говорила, что имена нам ты давал.

— Я бы на другой женщине не женился. Я любил вашу мать.

— Ты сразу влюбился? — поинтересовался Димка.

— Сразу, — подтвердил Николай.

— А что же в ней было такого особенного? Ты передай мне свой опыт, чтобы я не ошибся, — попросил Геннадий.

— Отвечай, — посмеиваясь, потребовала Антонина.

Николай задумался. С возрастом он стал еще медлительнее.

— Ну, во-первых, Антонина была девушка видная, — и Николай показал округлость груди.

— Значит, главное, чтобы было спереди, — глубокомысленно заметил Димка. — А на то, что сзади, тоже надо обращать внимание?

Николай попытался дотянуться до Димки, но тот ловко увернулся.

— Все, все. Вопросов больше нет. Я спрашиваю у тебя совета, а получаю затрецины. Дискуссии не получается.

— Не время для дискуссий, — пришла на помощь Николаю Антонина. — Обсудим эту проблему вечером, а сейчас нам на работу.

Ярко светило солнце, стояла почти летняя погода. Антонина и Николай молча шли к строящемуся многоэтажному дому. Антонина первая прервала молчание:

— Сами разберутся.

— Разберутся, — согласился Николай. — Но нельзя же так: сегодня одна, завтра другая. Ольга мне понравилась.

— А мне показалось, что она хотела понравиться, — возразила Антонина.

— Это хорошо. Если хочет понравиться, значит, у нее серьезные намерения.

— Возможно. — Антонина не стала спорить, но поделилась своими сомнениями: — Оля иногородняя, живет в общежитии. Если бы они поженились, надо было бы им выделить отдельную комнату. Димке тоже. Значит, мы — в проходной.

— Не жлобись. Помнишь, как сама говорила: москвичи, мол, жлобы, только о своей прописке и думают. И ты такая же стала. Я ведь когда привел тебя в квартиру родителей, они же не возражали.

— Я тоже не буду возражать, если это будет большая любовь.

— А как ее определить — большая или маленькая?

— А это ты сам сыновьям должен объяснить, что такое большая любовь и как в ней не ошибиться.

— Объясню, — пообещал Николай. И весь день молчал, наверное, обдумывал предстоящий вечером разговор.

Антонина и сама вдруг задумалась: в любви ли они прожили с Николаем двадцать лет? Вроде бы в любви. Она ему ни разу не изменила, хотя и нравился ей один сантехник. Николай был не жадный, по праздникам поку-

пал ей цветы, других подарков не делал, потому что деньгами распоряжалась она. Антонина знала, что у Николая была своя заначка, — он свертывал четвертной и хранил его в тренчике брюк, маленьком карманчике для часов. Хотя уже давно мужчины носили наручные часы, швейные фабрики все еще шили брюки с тренчиками, может быть специально, чтобы мужчинам было куда прятать деньги.

Антонина считала, что ей повезло: и муж хороший, и сыновья не хулиганы, и квартиру получили. Эти двадцать лет пролетели незаметно. Родился первый сын. Она год после родов не работала — мальчик часто болел, потом его каждый день надо было водить в детский сад. Когда Геннадий пошел в школу, решила родить второго ребенка — очень хотелось девочку, но опять родился сын. С Катериной и Людмилой виделась редко — жили в разных районах, встречались обычно летом у них на даче. Антонина чувствовала себя немного виноватой перед подругами: у нее все хорошо, а у них так и не сложилась жизнь. Людмила, правда, побывала замужем, но уже несколько лет, как развелась. Катерина так и не вышла замуж. Был ли кто-нибудь у нее, Антонина не знала — Катерина никогда не рассказывала о своей личной жизни.

В ближайшее воскресенье они договорились встретиться на даче. Девки, она по-преж-

нему называла их «девками», обещали приехать помочь. Антонина по красногородской привычке на дачном участке сажала картошку, уже в марте готовила рассаду для помидоров. Картошки им иногда на год хватало, помидоров и огурцов она закатывала до сорока трехлитровых банок, которые хранились в утепленном погребе. Они и зимой почти каждое воскресенье ездили на дачу. В их дачный поселок провели газ, Николай с сыновьями смонтировал газовый калорифер, водяное отопление, и как включишь — через два часа в доме уже тепло. Мальчишки уходили на лыжах, они с Николаем гуляли по лесу.

На стройке теперь установили репродуктор и весь день крутили магнитофонные записи. Иногда возникали споры: работницы старшего поколения хотели, чтобы было побольше песен, молодежь требовала рок. Антонина в споры не вмешивалась — дома привыкла к року. Она даже иногда пугалась: все у нее так хорошо — не было бы какой беды или болезни. Не дай бог, подумала она и в этот раз и приступила к работе.

Людмила встала с трудом, вчера за полночь засиделась с соседкой. Жила она после развода с Гуриным в однокомнатной квартире. Прожили они почти десять лет. Гурин играл

в сборной Союза, дважды становился чемпионом Европы, один раз чемпионом мира. Пьянство и загулы ему прощали несколько раз, но после пьяной драки в Сокольниках отчислили. Некоторое время Гурин не работал, потом его снова взяли в «Динамо», но он пил все больше. Потом он играл в «Химике», но его отеснили молодые, и он вынужден был уйти.

Людмила поняла, что их совместная жизнь вряд ли сложится, еще когда он проиграл на ипподроме деньги, отложенные на первый взнос за кооперативную квартиру. Она и мебель покупала, как эта мебель будет делиться в случае развода. Вместо спального и столового гарнитуров взяла два столовых и две тахты. Гурин вначале удивился, но она ему объяснила, что так лучше: когда они поменяют эту квартиру на трехкомнатную, придется прикупить самый минимум. Никто не мог упрекнуть Людмилу в том, что она не боролась с пьянством Гурина. Она показывала его и наркологам, и психотерапевтам, настояла, чтобы он поступил учиться в Институт физкультуры, но его отчислили после третьего курса. Когда она пришла к ректору, еще не решив, будет ли просить за Гурина или скандалить, ректор, огромный мужчина, бывший тяжелоатлет, выслушав ее, сказал:

— Мы дотянули его до третьего курса. Это уже незаконченное высшее образование. Он

может преподавать в школе, может устроиться на тренерскую работу. Поверьте мне, это рядовой случай для нас. Редко кто из таких, как он, поступив, заканчивает институт. Специфика российского характера. Там, на Западе, играют до сорока. Берегут себя. Откладывают деньги. И уходят из спорта обычно богатыми людьми. У нас пропивают все, что зарабатывают, не думая, что придет день, когда и эти заработки, и поездки закончатся, некоторые, правда, уходят в тренеры, но для этого талант надо иметь. Другие преподают в школе физкультуру, боксеры устраиваются вышибалами в рестораны, трое хоккеистов, чемпионов мира, работают на Востряковском кладбище могильщиками, другие — грузчиками в магазинах.

Перед ней сидел грустный гигант и крутил в пальцах сигарету.

— Вы закуривайте, — предложила Людмила, думая, что он стесняется при ней закурить.

— Я не курю, — объяснил ректор. — Бросил десять лет назад. Этому меня один немец научил. Надо держать сигарету в руках, можно даже в рот взять, но не курить. У тебя всегда есть возможность закурить, но ты держись. Я выдержал, а привычка осталась. Вот и кручу в пальцах сигарету.

— А с пьянством никому не удастся завязать? — поинтересовалась Людмила.

— Кому-то удастся. От семьи многое зависит. У некоторых жен получается.

— Скажите, как? — попросила Людмила. — Я добьюсь, я упорная.

— Это надо с врачами советоваться...

Людмила решила посоветоваться с Еровшиным. Правда, теперь они встречались редко. Еровшин постарел, ушел на преподавательскую работу. Он выслушал ее грустный рассказ.

— Ситуация типично российская, — определил Еровшин. — Сделать мгновенную карьеру, то есть получить известность, деньги, поездки за рубеж, у нас можно в двух случаях: в спорте и в музыке. Но только в спорте можно выйти быстро на мировой уровень. наших музыкантов за рубежом не знают и не скоро узнают. Так что остается в основном спорт.

— Еще балет, — напомнила Людмила.

— Балет — тот же спорт. Только балетом начинают заниматься с шести лет — маленького человека легче приучить к дисциплине. А в спорт приходят подростками. Из бараков, коммуналок. И сразу получают все или почти все. Квартиры, машины...

— Не сразу, — не согласилась Людмила.

— По советским меркам — сразу. Чуть подождала бы — и вам бы квартиру дали. Обычный человек в очереди на квартиру стоит лет двадцать. Получает к пятидесяти. И карьеру

делает к пятидесяти, а для этого надо пройти через десяток должностей. А Гурин имеет все: квартиру, машину, аппаратуру, одежду. О большем он и не мечтал. Есть все, можно и погулять. Это тоже мечта русского человека — гулять с размахом, не считая денег. И спиваются, быстро спиваются. Если бы им платили миллион, как за рубежом, можно было бы купить за границей дом, вложить деньги в акции, у нас всего этого нет.

— Дачу можно построить, — добавила Людмила.

— Строить — это долго, необходимы многолетние усилия, а у молодых не хватает ни желания, ни терпения. Откладывают на потом. Но «потом» никогда не бывает. Силы убывают, спорт скоротечен, да и пьянство подрывает даже самое крепкое здоровье. Там деньги вкладывают в картины, в драгоценности. Но чтобы покупать картины, надо иметь вкус, кое-какие знания, да и связи в мире антиквара. И надо суметь определить молодого художника, картины которого стоят сегодня три сотни, а через десять-двадцать лет будут стоить сотни тысяч. Но это все не для парней из Челябинска.

— А что же для парней из Челябинска?

— Играть пять-семь лет. Жить на всю катушку. А потом возвращаться в Челябинск слесарем на завод и жить дальше. Пить по-чер-

ному, потому что он уже видел другую жизнь и знает, что такое не увидит больше никогда. При такой перспективе и я бы запил.

— Что же делать? — взмолилась Людмила.

— Все, — посоветовал Еровшин. — Если любишь — лечить, кодировать, зашивать «торпеду», рожать детей, строить дачу, что-нибудь да отвлечет его от пьянства.

Людмила сделала последнюю попытку. Она договорилась с врачом. Гурин, узнав об этом, наотрез отказался от «торпеды»:

— Не буду, никогда и ни за что!

— Почему? — не поняла Людмила.

— Тогда мне нельзя будет выпить и ста граммов.

— Значит, не будешь.

— А если об этом узнают другие?

— Ну и что? В этом нет ничего стыдного. Это, в конце концов, не сифилис,

— Сифилис не страшен, — возразил Гу-рин. — Сифилис можно вылечить. А если узнают, что у меня защита «торпеда», меня могут уговорить выпить, наконец, просто напоить насильно. И я умру.

— А кому надо тебя поить насильно? — испугалась Людмила.

— Как кому? Я же лучший нападающий сборной. Тот же Федулов кого-нибудь подговорит, меня скрутят, вольют насильно водку, мне конец, а Федулов займет мое место в сборной.

Людмила понимала, что у Гурина начались отклонения в психике. Дважды она укладывала его лечиться в психоневрологический профилакторий. Когда он лег в третий раз, стала готовиться к разводу. Сняла деньги со старой сберегательной книжки и переложил на новую — на предъявителя. Потом подала в суд на развод. Гурин обиделся и запил еще больше. Пока он был в профилактории, Людмила довольно скоро нашла обмен: себе однокомнатную квартиру, Гурина комнату в коммунальной. Когда она приехала в профилакторий, слабый и вялый от лечения, Гурин, ни о чем не спрашивая, подписал все бумаги, которые привезла Людмила. Она сама оформила размен, переехала в свою однокомнатную, а вещи и мебель Гурина перевезла в его комнату в коммуналке. Так что, когда Гурин после лечения вернулся в свою прежнюю квартиру, он застал там новых жильцов. Ему дали адрес Людмилы, он приехал к ней, но она его не пустила. Гурин был пьян, устроил скандал, пытался выломать дверь. Людмила позвонила в милицию, и Гурина забрали в вытрезвитель. Его друзья-хоккеисты возмутились таким поворотом событий, наняли адвоката и возбудили дело в суде. Но Людмила заранее советовалась с адвокатом, а суд не нашел ничего противозаконного в ее действиях. Ведь она же привозила Гурина в исполком

на получение ордеров. Гурин тогда, ничего не понимая, подписал, где ему сказали, и Людмила отвезла его обратно в профилакторий.

На хлебозаводе тоже обсуждали эту ситуацию. Те, кто помоложе, были на ее стороне, работницы постарше — сторонились, а одна, когда Людмила с ней заговорила, отрезала:

— С суками не разговариваю.

К Гурину на хлебозаводе относились хорошо. Женщинам нравился простой, бесхитростный парень, не задавака, хоть и чемпион мира. А то, что пьет, — беда, конечно, но у многих мужья пили, они же не выгоняли их.

Людмила уволилась с хлебозавода. Теперь у нее была квартира, мебель, самая модная одежда — из той, что Гурин привозил из-за рубежа. Вещи похуже она распродала, лучше оставляла себе. Наконец-то она, как любая москвичка, могла выбирать работу, а не идти туда, куда брали лимитчиц.

После хлебозавода устроилась кассиром на автовокзал, откуда автобусы уходили в рейсы по подмосковным городам. Некоторое время Людмила присматривалась к более опытным кассирам и скоро освоила их приемы. Кассу надо было открыть чуть позже, продавать билеты не торопясь, чтобы скопилась очередь. Приближалось время отправления автобуса, очередь начинала нервничать. И тогда она начинала работать быстро. В спешке

уже никто не пересчитывал сдачу. И скандалов не было. Ну, недополучил десять копеек — спешила кассирша, могла ошибиться. В месяце у Людмилы набегало еще три-четыре зарплаты. Появился даже азарт — ни дня без прибыли! И все-таки она нарвалась. Пожилой капитан милиции, который ходил в штатском и работал в Отделе борьбы с хищениями социалистической собственности, в так называемом ОБХСС, составил протокол. Пришлось оправдываться, даже поплакать. Теперь она всматривалась в лица, но капитан, выждав две недели, поставил вместо себя в очередь молодого лейтенанта. Она и подумать не могла, что волосатый парень в замшевой куртке — работник милиции. И снова был составлен протокол. Капитан не возмутился, ничего не требовал, но после их ухода начальник автобусной станции потребовал:

— Людмила, уходи! Я навел справки. Это клещ, от которого не избавишься. Он одну автобазу пять лет раскручивал и половину народа там пересажал.

Людмила подала заявление по собственному желанию. Некоторое время не работала, потом устроилась в химчистку-прачечную рядом с домом, на небольшую, правда, зарплату. Эту работу она рассматривала как временную, денег ей хватало. Пока жила с Гуриным и работала на автовокзале, сумела положить

на сберегательную книжку пять тысяч рублей. Проценты ей давали еще одну среднюю зарплату. И в химчистке удавалось прирабатывать. Появились свои клиенты, которые за быстроту и хорошее отношение платили без квитанций. Правда, приходилось делиться с другими, но и ей оставалось достаточно. Жизнь устраивалась. Конечно, хотелось выйти замуж, но она не торопилась, присматривалась, боялась еще раз ошибиться.

Теперь она обращала внимание на пятидесятилетних: пусть будет постарше, но уже устроенный в жизни. Если мужчина приходил в химчистку несколько раз, она его запоминала, особенно если он сдавал только мужские вещи — значит, был или вдовец, или разведенный, или старый холостяк. Категория старых холостяков ее устраивала меньше всего. Эти имели свои привычки, свои странности, с которыми не хотели расставаться. Она с одним таким познакомилась. На квитанции был записан его адрес, и Людмила якобы случайно встретилась с ним недалеко от его дома. Он выгуливал собаку. Людмила похвалила собаку — полную, мрачноватую ротвейлершу, но, когда попыталась ее погладить, псина мгновенно перехватила ее руку и предупреждающе сжала зубами.

Месяца через три он пригласил Людмилу на чашку чая. Жил он, вероятно, хорошо, в квар-

тире стояла мягкая мебель — такие финские гарнитуры только появились в Москве. Значит, заменил старую, которую, возможно, вывез на дачу. Так и оказалось, он имел дачу, доставшуюся ему в наследство от матери. Все прошло по привычному уже сценарию. Было итальянское «Чинзано», фрукты. Она ничего о нем не знала, а он не рассказывал. Людмила осмотрела книжные полки: несколько из них были заставлены техническими справочниками, журналами по физике. Из художественной литературы — Хемингуэй, Лем, Ремарк, подборка журналов «Иностранная литература» за последний год. Технар, решила она, и не ошиблась. Уже потом выяснилось, что он доктор наук, работает в конструкторском бюро по космическим двигателям.

Людмила села на тахту, он присел рядом и стал расстегивать пуговицы на ее блузке.

— Стели, — предложила она. — Я в ванную.

Выйдя из ванной, отметила, что он застелил тахту свежими простынями с метками ее прачечной. По тому, как он торопился, поняла, что эти упражнения ненадолго. Так и случилось. В его возрасте, чтобы продолжить, потребуется минут сорок отдыха, подумала Людмила, но ошиблась. Доктор наук выкурил сигарету, надел спортивный костюм и сел к письменному столу.

— Это что-то новенькое, — усмехнулась она. — Так со мной еще не поступали. К тому же ты не выполнил и половины своей работы.

— Извини, — ответил он. — После такого я хорошо мыслю.

Ей ничего не оставалось, как поспать. Когда она проснулась, он продолжал работать за столом. Но все же, когда она собралась уходить, пошел провожать, взяв собаку для вечерней прогулки.

Это был вялотекущий роман, однажды он не звонил два месяца, и, когда снова появился в прачечной, Людмила полюбопытствовала:

— Это понимать как развод?

— Я был в командировке.

Встречи возобновились. В его квартире пахло псиной, на коврах валялись кости. Стол, подоконники, журнальный столик были завалены папками. Она попыталась убрать квартиру.

— Ничего не трогай, — предупредил он.

— А если женщина, на которой ты женишься, не захочет жить в этом бардаке?

— Я на такой женщине не женюсь. Я вообще никогда не женюсь.

— И тебе не хочется семьи, детей?

— Семьи не хочется. У меня есть лаборатория. К тому же на работе я пропускаю через себя от восьмидесяти до ста десяти человек в день. Дома предпочитаю молчать и никого не видеть.

— И меня тоже?

— Тебя я хочу видеть, но не чрезмерно, то есть не каждый день.

Можно было, конечно, обидеться, но на нервных и сумасшедших Людмила давно приучила себя не обижаться. А с этим даже говорить было неинтересно ни о чем. В театры он не ходил, только иногда она вытаскивала его в ближайший кинотеатр. Он смотрел минут двадцать, остальное время ожидал ее в скверике.

— Тебе неинтересно? — спрашивала она.

— Неинтересно, потому что все делается по нескольким стереотипам. Достаточно пятнадцати минут, чтобы понять.

— А что было дальше, когда ты вышел? — допытывалась она.

Он пересказывал абсолютно точно, что происходило в фильме.

— А как ты угадываешь?

— Ничего угадывать не надо, — объяснял он. — Нужен системный подход. В первые пятнадцать минут авторы обычно представляют всех героев. Есть два варианта: американский и русский. Американский положительный герой обычно побеждает и остается живым. Русский положительный герой побеждает и гибнет. Кто с кем встретится, какие ловушки подставит — все заранее просчитывается. Мне это неинтересно.

— А красивая операторская работа? А актеры?

— Все становится понятно за пятнадцать минут. В мире выходит в год до десятка интересных картин, я их смотрю в кинотеатре «Иллюзион». Мне этого вполне достаточно.

Он читал всего несколько книг в год. В тот год вышел двухтомник Фолкнера, и он его прочел. Людмила тоже пыталась прочесть, но больше тридцати страниц не осилила. Иногда она пыталась заговорить о космосе. У нас была первая женщина-космонавт Валентина Терешкова, которая вышла замуж за космонавта Андрияна Николаева. Ей это все казалось интересным, и она попыталась его об этом расспросить. Он ответил однозначно:

— Скоро разведутся.

— Почему?

— Потому что это не любовь, а эксперимент, но эксперимент непросчитанный.

Так и произошло, как он предсказывал.

— Но ты гордишься, что твоя работа связана с космосом? — не отставала Людмила.

— Гордиться особенно нечем. Мы безнадежно отстали от американцев.

— Как отстали, когда? — не поверила она.

— Как только запустили Гагарина. Мы способны на одноразовое усилие. Но потом надо много средств, чтобы этот успех поддерживать и развивать, у нас этих средств нет.

И вообще, мы скоро станем не просто бедными, а нищими.

— Когда? — испугалась она. Ведь его прогнозы по поводу того, чем заканчиваются фильмы, всегда были точными.

— Нам осталось не больше десяти лет...

— Значит, надо копить деньги? — предположила она.

— Это бессмысленно, — ответил он. — При спаде производства начнется инфляция, и все денежные сбережения станут просто бумагой. Мы не конкурентоспособны практически ни в одной отрасли.

— Ты просто фантазируешь? — не поверила она.

— Нет. Это реальный прогноз. Мы подали его в ЦК и в правительство.

— И что же?

— А что могут эти старые дураки? Брежнев протянет еще несколько лет, его заменит точно такой же старик, потом еще один старик, потом придет более молодой и попытается подлатать систему. Это значит — уменьшить контроль партии, и тоже сразу все повалится.

— Я могу прочесть этот прогноз? — спросила она.

— Можешь. — И он достал с полки зеленую папку.

Людмила многое не поняла, многое пропускала, особенно графики и цифры, но и от того,

что поняла, испугалась. Ученые предполагали, что первыми взбунтуются страны народной демократии, потом Прибалтика, Украина, на Кавказе и в Средней Азии начнутся войны, и Россия вынуждена будет воевать сразу и в Средней Азии, и на Кавказе, и в Прибалтике. И в этой ситуации американцы первыми нанесут атомный удар по России.

Утром Людмила успокоилась, но все-таки решила посоветоваться с Еровшиным. Позвонила ему, и он приехал. Она не назвала фамилию доктора наук, но пересказала, как могла, прочитанное.

— Есть такой прогноз, — подтвердил Еровшин. — И он вполне вероятен.

— А куда же вы смотрите, если все знаете? — ужаснулась Людмила.

— Мы знаем все, но еще не все можем. Но после Брежнева придет наш человек, и он сможет остановить этот процесс.

— Но Брежнев может прожить еще лет двадцать!

— Он проживет не больше двух. А насчет сбережений подумай. Во времена перемен умные люди не копили деньги, а вкладывали их в вечные ценности.

— А что такое вечные ценности?

— Антиквариат, он чем старше, тем дороже. Картины хороших художников, драгоценные камни...

— А у тебя они есть? — напрямую спросила Людмила.

— Есть, — признался Еровшин. — Немного, но достаточно, чтобы выжить мне, моей семье и тебе.

Но ты-то не вечен, подумала Людмила. Еровшин последние годы болел и уже несколько раз лежал в госпитале КГБ.

— Я бы хотела часть своих сбережений во что-нибудь вложить, ты скажешь куда?

— Я тебя познакомлю с человеком, который тебе даст советы лучше, чем я. Я сам у него консультируюсь.

Еровшин познакомил ее с Келлерманом, старым евреем-ювелиром. Он уже не работал как ювелир, но иногда реставрировал драгоценности. Людмила у него купила брошь с бриллиантами, золотую табакерку времен императрицы Екатерины. Все стоило дорого — на это ушло больше половины ее сбережений. Она вдруг поняла, что нужен богатый муж или хотя бы богатый любовник. Муж лучше, надежнее. Она бы даже не стала ему изменять. Но никто не подворачивался.

Она по-прежнему встречалась со своим доктором наук. Обычно в воскресенье он теперь приходил к ней — она так и не могла наладить отношения с его ротвейлершей Груней. Когда они садились рядом, Груня протискивалась между ними, а когда Людмила что-то

рассказывала и жестикулировала, Груня следила за каждым ее жестом, готовая мгновенно броситься, если рука Людмилы приближалась к хозяину. Людмила приносила собаке мясо. Груня брала мясо из ее рук и ворчала: не прощая Людмиле, что не может удержаться и берет мясо из ее рук. Когда они закрывались в спальне, Груня ложилась у порога и тихо подвывала. Он нервничал, и у него не всегда получалось.

Недавно у нее возник новый роман — с кинорежиссером, сравнительно молодым, почти ее ровесником Он привез вещи в химчистку, и Людмила вычислила его семью. Жена высокая, тонкая, сорок четвертого размера, сын подросток — она определила это по курткам и брюкам. Режиссер приехал за своими вещами к концу смены.

— Если вам недалеко, я вас могу подвезти, — предложил он.

— А если далеко? — улыбнулась Людмила.

— Все равно подвезу.

Через три минуты он остановился у подъезда ее дома.

— А я живу на соседней улице, — признался режиссер.

— Я знаю.

— Откуда? — удивился режиссер.

— Из квитанции. Еще я знаю, что у вас молодая жена, стройная, высокая, рост сто семь-

десять — сто семьдесят пять. Сын четырнадцати лет.

— Но этого в квитанции нет.

— Это по вещам, которые вы сдавали.

— Ну и глаз! — восхитился режиссер. — Поразительная женщина! Может быть, вы меня пригласите на чашку чая?

Начиналось все как обычно. Выпили по чашке чая, он обнял ее, она отвела его руки и сказала:

— Я в ванную.

Когда она вышла из ванной, он спросил:

— Теперь моя очередь?

— Слева — свежее синее полотенце.

У него была одна особенность — он непрерывно все комментировал: восхищался ее бедрами, грудью, кожей. Потом, когда она отдыхала, сварил кофе, принес ей в постель, предложил «Мальборо». Уходя, он произнес:

— Извини, я не рассчитывал на эту прекрасную встречу, у меня нет никакого подарка. Может быть, ты купишь сама, а потом покажешь мне. — И положил сто рублей.

В следующий раз она показала ему духи, которые ей подарил доктор наук.

— Замечательные духи, — похвалил режиссер. — Следующие тебе понадобятся не скоро, поэтому купи себе что захочется, — снова оставил сто рублей.

Он заходил не чаще раза в неделю, почему-то предпочитал пятницы, это и ее устраивало. С доктором наук она встречалась в воскресенье. Деньги, которые оставлял режиссер, в конце месяца Людмила относила в сберегательную кассу. У нее установились вполне партнерские отношения с Келлерманом. В химчистку заходили старушки, жившие раньше на Арбате и переселенные после реконструкции в новые окраинные микрорайоны. Людмила быстро сходилась с людьми и вызывала доверие. Одна из старушек доверительно ей сообщила, что у нее есть несколько этюдов Кустодиева и она уступила бы их недорого тому, кто интересуется живописью. Людмила отвезла старушку к Келлерману. Тот за три рисунка дал старушке две тысячи рублей — пенсия почти за три года. Келлерман, всегда в сером твидовом костюме с синим шерстяным галстуком, в ослепительно белой сорочке, черных английских ботинках, после ухода старушки предложил Людмиле кофе.

— Людмила, — радовался он, — у тебя есть дар привлекать людей. Эти этюды Кустодиева сегодня стоят тысяч двадцать.

— Две «Волги», — прикинула Людмила.

— Запомни, — посоветовал Келлерман, — вкладывать деньги в автомобили, в радиоаппаратуру нет смысла. С каждым годом появля-

ются новые модели, а старые резко дешевеют. Дорожает только антиквариат. Через год наш Кустодиев будет стоить в два раза дороже.

Келлерман протянул Людмиле один из рисунков.

— Это тебе комиссионные. И для начала. И вообще. Присматривайся к интеллигентным старушкам.

— А к старичкам?

— Их мало. Их выбили на войнах, они перемерли в лагерях, а старушки живут. И у старушек всегда есть что-то в записках. Старушки бережливы.

— Мне эту бабулю жалко. Вы ей дали в десять раз меньше.

— Больше ей никто бы не дал. К тому же ей осталось немного. Чуть больше года. У нее эмфизема легких.

Старушка жаловалась Людмиле на здоровье и рассказывала об эмфиземе.

— А как вы определили болезнь? — удивилась Людмила.

— Я специалист по старине, — усмехнулся Келлерман.

Так Людмила начала собирать живопись. Она стала читать монографии о художниках и, проживя в Москве больше пятнадцати лет, впервые съездила в Третьяковскую галерею. Ее вполне устраивала жизнь, которую она сама себе создала, беспокоило единственное:

ей по-прежнему хотелось замуж. Но по-настоящему. И, может быть, даже родить ребенка. Из трех любовников никто не хотел жениться. С режиссером было приятно и весело. Он пригласил ее на премьеру своего фильма в Дом кино. Фильм о детях и военной игре «Зарница». Режиссер работал на студии детских и юношеских фильмов. Посмотрев фильм и послушав разговоры в фойе, Людмила поняла, что ее любовник средний, но крепкий профессионал. Доктор наук научил ее разбираться в кино, и она спросила режиссера:

— Зачем ты снимаешь про детей? Сними нормальный детектив. У тебя есть темп, ничего не затянуто.

— Я работаю на детской студии. К тому же нужен сценарий. Еще нужно, чтобы сценарист отдал этот сценарий только мне и никому другому. И еще чтобы сценарий утвердили в Министерстве внутренних дел. А это все — связи, которых у меня нет.

Людмила ничего не стала обещать, но поговорила с Еровшиным.

— Ты очень хочешь ему помочь? — поинтересовался Еровшин.

— Не так чтобы уж очень, — честно призналась Людмила, — но после окончания фильма он получил постановочное вознаграждение (так это у них называется) и купил мне дублинку.

Людмила была абсолютно откровенна с Еровшиным. Он не ревновал, расспрашивал о подробностях, она обсуждала с ним свои шансы на замужество и с режиссером, и с доктором наук, и они пришли к выводу, что никаких шансов нет.

— Хорошо, — кивнул Еровшин, — я подумаю, как ему помочь.

Через неделю он ей позвонил.

— В субботу встретимся в ресторане Дома кино в восемнадцать часов.

Еровшин все помнил: и что режиссер обычно приходит к ней по пятницам, и что у них односторонняя связь — звонит только он, у нее не было его номера телефона.

В пятницу Людмила сообщила режиссеру:

— Завтра в шесть тебе надо встретиться с одним человеком, который поможет с постановкой детектива.

— Кто он?

— Он из КГБ, — ответила она и добавила: — Мой родственник.

— А как я его узнаю?

— Я узнаю.

На следующий вечер режиссер заехал за Людмилой на такси.

Они встретились внизу в фойе. С Еровшиным был молодой, но уже лысеющий мужчина в костюме «сафари», в легких кожаных туфлях. Еровшин был в джинсовом пиджаке, белой рубашке, без галстука.

Они поднялись в ресторан, режиссер начал было искать свободный столик, но столик для них был уже заказан.

Как только они сели, к ним тут же подошла официантка.

— Катерина, — попросил Еровшин, — водочку, селедочку, маслины, рыбку красненькую, сациви, вырезку, минеральную воду, даме — «Мукузани», да, еще овощной «букет».

Официантка предложила чешского баночного пива. Судя по диалогу с Еровшиным, они были давно знакомы.

— Ты с ней давно знаком? — не удержалась Людмила.

— Давно. Еще когда она работала в ресторане Дома журналистов.

Людмила отметила, что официантка Еровшина называет Петром Петровичем, а не настоящим именем. И режиссеру он представился как Петр Петрович.

Мужчины поговорили о погоде, о футболе. После первых двух рюмок закурили.

— Сценарий будет писать Саша, — Еровшин кивнул в сторону лысеющего молодого человека. — Но он в кино недавно, поэтому будет второй сценарист. — И Еровшин назвал фамилию известного поэта и драматурга, пьесы которого были поставлены в кино, а его стихи Людмила учила еще в школе.

— А про что сценарий? — заинтересовался режиссер.

И Еровшин рассказал историю нашего разведчика, который работал в немецкой разведке еще в годы войны, после победы перебрался в Канаду, стал крупным бизнесменом и участвовал в разоблачении нацистских преступников. После провала его обменяли на американского разведчика, за которым следил КГБ и который был арестован в тот же день, что и наш.

— Саша ознакомился со всеми необходимыми для сценария архивными материалами, — закончил свой рассказ Еровшин.

— Мне тоже надо ознакомиться, — предложил режиссер.

— Не обязательно, — заметил Еровшин. — Зачем вам тратить время?

— Но для меня важны детали, достоверные подробности быта, — настаивал режиссер.

— У вас будет консультант, — пообещал Еровшин.

— Кто?

— Я, — ответил Еровшин.

Режиссер попытался расплатиться, Еровшин остановил его жестом, заплатил за ужин, взял у официантки чек и положил его в кошелек. Когда Людмила обедала с Еровшиным в ресторанах, он всегда брал чеки.

— Для отчета жене? — как-то спросила Людмила.

— Для бухгалтерии. Служебные обеды и ужины мне оплачивают.

— А разве наши с тобой ужины служебные?

— Конечно, — Еровшин улыбнулся. — Ты мне много рассказываешь о жизни народа.

— Для чего? — недоумевала Людмила.

— Чтобы жизнь народа становилась с каждым днем все лучше и веселее.

Через четыре пятницы режиссер пришел к Людмиле явно озабоченный.

— Что-нибудь случилось?

— Случилось, — подтвердил он. — Уже написан сценарий. Потрясающий. И он уже утвержден. С сегодняшнего дня я в запуске. Ты, случайно, не волшебница?

— Еще нет, но кое-что уже умею.

— Боже мой! — воскликнул режиссер. — После окончания ВГИКа... — Он пояснил: — Это Всесоюзный государственный институт кинематографии...

— Я знаю, — перебила его Людмила. — Там ректором Грошев Александр Николаевич.

— Извини, — поправился режиссер. — Я иногда теряюсь, кто ты? Приемщица из химчистки, специалист по антиквариату или...

— Я просто женщина, — улыбнулась Людмила и, может быть, впервые пожалела, что

двадцать лет назад не послушала Еровшина и не пошла учиться.

— Не знаю, справедливо это или не справедливо, — с горечью продолжал режиссер, — но после ВГИКа я два года работал ассистентом режиссера, на семи картинах — вторым режиссером, а это почти десять лет, с трудом получил постановку по дерьмовому сценарию, потом два года ждал своей очереди, чтобы снять следующий фильм, а ты за один разговор разрешила проблему, на решение которой мне понадобилось бы, может быть, еще десять лет.

— Не за один разговор, — поправила Людмила, — а за два. Прибавь еще к этому двадцать лет знакомства.

— Как двадцать? — удивился режиссер. — Он же твой родственник.

Разоткровенничалась, дура, обругала себя Людмила и поправилась:

— Конечно, он всегда был моим родственником, но узнала я его в восемнадцать лет, когда приехала в Москву. Он московский родственник, и раньше я его не видела.

— А в каком он звании?

— Я не знаю. Я никогда не видела его в форме. А в званиях я не разбираюсь. У меня был один знакомый, у него на погонах было три звезды. Я думала, что он полковник, а оказалось, что старший лейтенант.

— И все-таки обидно: нам, мужикам, все приходится добывать своим горбом, а вы можете выйти замуж за полковника, за генерала, за министра — и сразу в полном порядке.

— За режиссера, — добавила Людмила. — За тебя, например.

— Я тебя не стою!

И вправду не стоишь, вдруг подумала Людмила, нормальный средний режиссер, как средний инженер, но тебе выпал шанс, воспользуешься ли ты им? Здесь я тебе помогла, но картину-то ставить тебе самому.

Людмила допила кофе и стала собираться. Сегодня у режиссера первые актерские пробы — ей хотелось посмотреть, как снимают кино, и он обещал взять ее на съемки. Но тут позвонили в дверь. Людмила посмотрела на часы. Никто и никогда так рано к ней в дом не приходил. Она, правда, привыкла вставать рано, обычно около шести утра. Принимала душ, не торопясь пила кофе, не торопясь шла в химчистку, радуясь солнцу, свежему утреннему воздуху, еще не пропитанному бензиновой гарью. Может быть, это соседка Ирка, с которой они вчера засиделись, подумала Людмила, приоткрыла дверь и не успела ее захлопнуть. В образовавшуюся щель просунул ногу Гурин, ее бывший муж. Они развелись десять

лет назад. Людмила его не видела несколько лет. Слышала, что он снова женился, получил квартиру, развелся с женой, квартиру разменяли, и ему снова досталась комната в коммунальной квартире в соседнем микрорайоне. Гурин пил по-прежнему. И когда уже ни у кого не мог занять денег, шел к Людмиле. Она его не пускала в квартиру. Тогда он стал приходить в химчистку. Во время игры с чехами он получил травму головы, стал хуже слышать и теперь говорил громко, почти кричал. Он заходил в химчистку и требовал:

— Людмила, дай три рубля!

Обычно она доставала трешку, молча протягивала ему, и он уходил, чтобы прийти снова через неделю. Иногда у него появлялись деньги, и он приносил часть долга:

— Вот тебе десять, за мной еще пятнадцать.

Потом дела у него, вероятно, совсем разладились, и он стал приходить в химчистку каждый день. Людмила решила посоветоваться с заведующей.

— Для начала посадим на пятнадцать суток, как мелкого хулигана, — решила заведующая и договорилась с начальником ближайшего отделения милиции.

В тот раз Гурин пришел с приятелем. Все произошло по четко разработанному сценарию. Как только Гурин приблизился к зданию

химчистки, Людмила ушла на второй этаж, где стояли стиральные машины самообслуживания. Гурина попросили подождать, а заведующая позвонила в милицию. После этого Людмила спустилась и встала на выдачу. Гурин подошел и протянул руку:

— Дай три рубля!

— Гражданин, не мешайте работать, — отрезала Людмила.

— Дай три рубля, если не хочешь скандала, — предупредил Гурин.

— Почему не хочу? — удивилась Людмила. — Я хочу скандала. Но хорошего, полноценного, с оскорблениями и угрозами.

Гурин, не ожидая такого поворота, посмотрел на своего приятеля в мятом вельветовом пиджаке. Тот, подумав, отрицательно покачал головой и направился к выходу. Но Гурин недаром был лучшим нападающим в команде. Он отодвинул одного из клиентов, попытался поймать Людмилу за лацкан ее халата, она отшатнулась, тогда Гурин легко перескочил через стойку, схватил Людмилу и хотел ее вытащить. В этот момент в химчистку вошли трое милиционеров. Они мгновенно надели на Гурина наручники и начали составлять протокол. Гурина арестовали на пятнадцать суток, как мелкого хулигана. Судья ему объяснила, что, если бы Людмила настаивала, он мог бы сесть года на три.

Когда Гурина выводили из химчистки, он заплакал: с ним, с чемпионом мира, еще ни разу так не поступали. На какое-то мгновение Людмиле стало жаль его, но только на мгновение. С тех пор они не виделись.

И вот теперь он ворвался в квартиру. И снова был скандал. Он просил денег, она не давала. Он кричал, что все, что она имеет, заработано им, что было и правдой, и неправдой: уже много лет она жила одна, и жила лучше, чем при Гурине.

Людмила дала Гурину три рубля. Он обещал вернуть, пытался рассказать, что его пригласили тренером в Челябинск, но Людмила, не дослушав, вытолкнула его из квартиры, отдышалась, выкурила сигарету и снова стала собираться на работу. Она надела узкую юбку, кофточку больше открывающую, чем закрывающую, летние туфли и вышла из дома. Навстречу шел молодой мужчина. Оглянется или не оглянется, как всегда, загадала Людмила. Мужчина оглянулся и улыбнулся. Слишком молод, решила Людмила, но настроение у нее улучшилось.

В первой половине дня в химчистке клиентов было мало. Приходили старушки, привыкшие всю жизнь рано вставать на работу. Теперь они отправлились в магазины за час до открытия, выстраивались в очередь таких же старушек и успевали обсудить накопившиеся

за вчерашний день новости. Потом они шли в прачечные, химчистки, сапожные мастерские. После обеда приходили, а чаще подъезжали на машинах неработающие женщины. Еще несколько лет назад их привозили на персональных «Волгах», теперь женщины, особенно молодые, сами водили машины.

Генерала Людмила заметила сразу, его и выделять не надо было, он выделялся сам: ростом, хорошо сшитой формой, осанкой. По голубому околышу фуражки, голубым петлицам она определила сразу: генерал из летчиков. Она хорошо разбиралась в формах родов войск, эмблемах, значках. Военные, в отличие от штатских, все свои обозначения носили на себе. Это объяснил ей курсант-пограничник, за которого двадцать лет назад она собиралась выйти замуж. Какие-то знания она получила от Еровшина. Был у нее кратковременный роман и со слушателем академии имени Фрунзе. Одно время она просчитывала варианты, как выйти замуж за офицера, и определила, что для этой цели лучше всего подходят слушатели академий. Капитаны и майоры уже пожилы в гарнизонах, и каждый из них после окончания академии хотел бы остаться на службе в Москве. Людмила рассчитывала на помощь Еровшина. Конечно, в армии не поощрялись разводы — они сказывались на дальнейшей карьере, но и в армии разводились. Холостяки же среди офицеров почти

не встречались. А она идеально подходила на роль жены офицера. У нее не было определенной профессии, могла работать и продавцом, и кассиром, в любой сфере обслуживания, могла и вовсе не работать, просто вести хозяйство. И хотя задуманное не осуществилось, при виде военного Людмила, как говорила ее напарница, всегда делала стойку.

Этот генерал подходил по всем параметрам. Высокий, явно в хорошей физической форме, относительно молодой, а для генерала — совсем молодой. По двум ромбикам на правой стороне кителя она определила, что он закончил высшее летное училище и Военно-воздушную академию имени Жуковского. По крылышкам с перекрещенными мечами и эмалированной единицей посередине определила, что он из летчиков-истребителей, причем летчик самого высокого класса, может быть даже летчик-испытатель. По значку (парашют с цифрой «85») поняла, что он восемьдесят пять раз прыгал с парашютом — значит, рисковый или, во всяком случае, азартный парнишка. По орденским колодкам вычислила орден Боевого Красного Знамени — значит, участвовал в боевых действиях, может быть в Египте, Корее или Вьетнаме. Два ордена Красной Звезды мог получить и за выслугу лет, набор медалей — обычный, те, что вручают к армейским юбилеям.

Генерал стоял в конце очереди, рассматривал квитанцию. Людмила заворачивала вещи почти механически, не отводя от него взгляда. Этот уже карьеру сделал, ему нечего бояться. Надо только, чтобы он обратил на нее внимание. Генерал посмотрел на Людмилу. Она поймала его взгляд и улыбнулась только ему. Генерал снова посмотрел на нее, снова получил улыбку и улыбнулся в ответ. Готов к роману, определила Людмила. Она повернулась к нему спиной, прошла вдоль навесного конвейера с вещами. Пусть посмотрит — есть на что посмотреть и сзади.

Она взяла генеральскую квитанцию и, хотя мгновенно прочла — «костюм», спросила, как спрашивала, когда хотела понравиться, интимно, чуть понизив голос:

— Что у вас?

— Костюм, — ответил генерал.

Костюм на конвейере она определила мгновенно, даже не по номеру. Моряки обычно предпочитали темно-серые костюмы, пехота — темно-синие, летчики — коричневые.

Она начала заворачивать костюм. По квитанции поняла, что генерал живет не по соседству, но и недалеко, в пяти троллейбусных остановках от ее дома. И тут она увидела, что вошла полная женщина с шестимесячной завивкой, в хорошем костюме из тонкой ткани джерси, облежавшем ее и подчеркивавшем

недостатки фигуры. И генерал уже не смотрел на Людмилу, а слушал жену, которая хотела заехать еще в несколько магазинов. А в жизни ты не так смел, подумала Людмила и решила, что если в следующий раз генерал зайдет в химчистку один, значит, он понял ее посыл. Но тут она прикинула — сколько раз она видела генералов в химчистке? Ни разу, этот первый. Обычно приезжали генеральши, а еще чаще — солдаты-водители. И Людмила поняла, что шансов у нее ноль.

В окно было видно, как генерал с женой о чем-то говорили возле серой «Волги».

— А почему у генералов всегда такие уродливые жены? — ехидно заметила Людмила. — Вот я бы была генеральшей — было бы на что посмотреть.

— Чтобы генеральшей быть, надо за лейтенанта замуж выходить. Да помотаться с ним по гарнизонам лет двадцать, по тайге, по пустыням, — вздохнула ее напарница, тоже наблюдая за генералом.

— Была у меня такая перспектива, — согласилась Людмила. — Ты права, если все по правилам. А в жизни есть еще и лотерея. Я всегда лотерейные билеты покупаю.

— Выиграла? — спросила напарница.

— Конечно. Два раза по рублю.

Оглянется или не оглянется, загадала Людмила. Генерал оглянулся. Людмила при-

ложила ладонь к голове, отдавая последнюю честь генералу военно-воздушных сил. Не рискнет, решила она. Еще не вечер, подумала она. Но не расслабляться. Выигрывают не только удачливые, но и упорные. И еще она подумала, что в воскресенье поедет на дачу к Антонине и Николаю. И Катерина приедет, хоть поговорить можно будет — в последние годы они встречались редко, часто летом, в основном на даче Николая. Он достроил второй этаж и выделил им с Катериной комнату, которую никто и никогда, кроме них, не занимал.

Глава 11

Катерина провела пятиминутку — так на всех предприятиях назывались утренние совещания директора с руководителями служб. Пятиминутки обычно растягивались на час, а то и на несколько часов. Катерина старалась уложиться именно в пять минут. Вначале не очень получалось, но она попросила электриков присоединить к электрическим часам зуммер, который начинал сигналить после четырех минут, а к концу пятой минуты стоял уже такой неприятный гул, что разговаривать было невозможно. И даже если не все вопросы были решены, Катерина прекращала утреннее совещание. После нескольких таких совещаний сотрудники довольно быстро привыкли докладывать четко и по делу, время от времени поглядывая на часы.

После пятиминутки Катерина отключила зуммер и включила табло. Часы были у нее за спиной, она их не видела, но посетитель, сидящий напротив, видел, как на табло загоралось: «Ваше время истекло».

Обычно Катерина каждый день бывала в нескольких цехах, распределяя их так, чтобы за неделю побывать во всех. Сегодня она осталась в кабинете, составила список телефонов и передала Аделаиде. Надо было переговорить с начальником милиции о прописке новых работниц — на комбинате работали в основном немосквичи; с начальником строительно-монтажного управления, которое строило новое общежитие, обычный дом с однокомнатными, двухкомнатными и трехкомнатными квартирами. В трехкомнатных обычно жили шестеро, семейные с детьми получали отдельные квартиры, но уйти с комбината они не имели возможности: дом ведомственный, и, как только работница увольнялась с комбината, ей тут же вручали повестку о выселении. И выселяли часто с помощью милиции.

Аделаида соединила Катерину с Моссоветом, потом с райкомом партии. Катерина уже была депутатом Моссовета трех созывов, первый раз ее выдвинули еще на галантерейной фабрике.

До встречи с Петровым у нее оставалось около двух часов. Из приемной доносился гул голосов: в это время она обычно принимала тех, кто считал необходимым побывать лично в ее кабинете. Начальников служб она приучила звонить по телефону, но людей на при-

ем все равно собиралось много. Аделаида заглянула в кабинет и сообщила:

— В приемной Самсонов.

Самсонов, главный механик, опоздал сегодня на утреннее совещание. Наладка установки из Праги шла с трудом, накануне Самсонов ушел домой поздно и сегодня, вероятно, проспал. Главный инженер и бригада наладчиков оставались на всю ночь. Самсонов мог и не оставаться, и не приходить сейчас, но Катерина чувствовала, что он ее боится. Несколько лет назад у нее с Самсоновым был роман. Тогда она работала главным технологом, он был главным механиком, недавно разошелся с женой. Высокий, уже начинающий полнеть, кудрявый. На таких молодых парней женщины всегда обращали внимание, но таких зрелых, сильных, спокойных мужиков любили не меньше. После развода Самсонов стал самым завидным женихом на комбинате. Все знали историю его развода. Он женился поздно, уже после тридцати, и взял в жены красивую пышнотелую девушку из бухгалтерии. Они замечательно смотрелись вместе, почти идеальная пара, образец славянской мощи и красоты. Самсонов уехал в командировку, но рейс самолета отложили до утра, а от аэродрома до его дома было пятнадцать минут на такси. И он вернулся, открыл дверь своим ключом, увидел, что в гостиной не выключен свет,

заглянул в спальню, там тоже горел свет, и обнаружил свою жену (как он потом рассказывал своему приятелю, «культурно выражаясь, в позиции львицы») и худенькую спину пристроившегося сзади парня, хлипкого, волосатого. Они не услышали, как он вошел. А он, пораженный, так и остался стоять в дверях и смотрел. И только когда они разомкнулись и легли, увидели его. Парень был так напуган, что натянул одеяло на голову, потом выпрыгнул из постели и стал спешно одеваться.

— Уходи! — сказал ему Самсонов.

Парень продолжал стоять. Самсонов отступил от двери, и парень, прикрывая голову руками, бросился к выходу.

Самсонов прошел на кухню, достал из холодильника бутылку водки, выпил сразу стакан. Жена вошла на кухню в халате, причесанная и даже с подкрашенными губами.

— Он что, в соседнем подъезде живет? — спросил Самсонов.

— Почему в соседнем? — оскорбилась жена. — Он живет в Сокольниках.

Это был противоположный край Москвы. Значит, они сговорились заранее. И возможно, парень пришел, как только муж вышел. В аэропорту Самсонов пробыл не больше часа.

— Собирай свои вещи и уезжай к матери, — потребовал Самсонов.

— Я уеду завтра.

— Ты уедешь сейчас!

И жена стала собирать вещи. Набрался чемодан и большая сумка. Самсонов вынес из ванной ее кремы, шампуни и ссыпал в сумку. Он помог ей вынести чемодан и сумку на улицу, остановил такси, погрузил вещи в багажник и ушел, не оглядываясь. На следующий день жена подала заявление об уходе с комбината. В отделе кадров, узнав о случившемся, оформили документы в считанные минуты. Бухгалтерия тоже рассчитала мгновенно, и уже на следующий день она не появилась на комбинате. Самсонов дня три пил, потом вышел на работу и снова стал самым завидным женихом на комбинате. Он жил один в двухкомнатной квартире — даже не успел прописать жену, прошло меньше месяца, как они зарегистрировали свой брак.

Самсонов приводил в свою квартиру всех, кто хотел зайти. И работниц, и молодых девиц из технологов. Некоторые жили по нескольку дней и либо уходили сами, либо их выгонял Самсонов.

Новый год руководство комбината встречало в своем пансионате под Москвой. Путевки получали передовики производства, начальники цехов и служб. Катерина оставила Александру Людмиле, которая встречала Новый год у себя дома одна, и поехала в пансионат, чтобы отоспаться за эти два дня. Празд-

новать начали в десять вечера, к полуночи мужчины уже поднабрались, начались танцы. Их прервали, только чтобы посмотреть по телевизору новогоднее поздравление Брежнева. Потом снова включили магнитофон и продолжили танцы. Катерина ушла незаметно, но на пути к коттеджу встретила Самсонова. Их комнаты оказались рядом, и Самсонов остался у нее. Потом они встречались еще несколько раз у него на квартире. А на одном из совещаний у директора Катерина прошла по службе главного механика — на следующий день Самсонов с ней не поздоровался.

— Ты что, сбрендил? — Катерина была изумлена.

— Мы слишком разные, — ответил Самсонов и отошел.

Даже сталкиваясь с ней, Самсонов будто не видел ее и не здоровался. Эта ситуация не то чтобы огорчила Катерину, но заставила задуматься. Что-то у нее не получалось с мужчинами. После разрыва с Рудольфом она вычеркнула их из своей жизни. У нее не хватало времени: учеба в институте, работа, Александра, проблемы с квартирой. Сначала ей удалось получить комнату в коммунальной квартире — когда она ушла с галантерейной фабрики, ее пытались выселить из общежития, директор несколько раз отменял решение коменданта, потом обратился в райисполком,

и ее подселили в коммуналку, где жили еще три семьи. Жильцов не обрадовало, что появилась она с ребенком, — на эту площадь претендовала семья с двумя детьми, жившая в одной комнате. Обстановка в квартире была напряженной, и Катерина даже попросила Людмилу и Антонину не приходить к ней. За Катериной ухаживали почему-то в основном женатые мужчины. К себе она их привести не могла, а мужчины, считая, что эту проблему должна решать она, своих вариантов не предлагали.

— Есть же у тебя подруги, которые могут дать ключ, — говорили они.

За годы жизни в Москве подруг у нее не прибавилось, остались прежние — Людмила и Антонина. Были приятельницы, в основном семейные. Катерина никогда их не посвящала в свою личную жизнь.

Был у Катерины еще один роман — с Иржи Новаком. Его направили на преддипломную практику в цех, где она была начальником. Он оказался моложе ее на два года, но высокий, бородатый (тогда мужчины редко отпускали бороды, в основном художники), он выглядел даже старше ее. Вечером он зашел в ее кабинет и сказал:

— Пани начальник, необходимо отметить первый день моей стажировки. Я вас приглашаю на ужин. У нас, чехов, такой обычай.

— У нас другие обычаи, — ответила Катерина. — Не ужинать и не принимать подарки от подчиненных, чтобы не попасть от них в зависимость.

— Но здесь все наоборот. Я — представитель маленькой страны в Европе. Вы — представитель самой большой и мощной державы и не можете попасть в зависимость уже хотя бы потому, что мы находимся в зависимости от вас.

— Давайте не будем о политике, — попросила Катерина.

— А без политики, — улыбнулся Иржи, — Катерина, вы мне очень понравились как женщина, и я вас приглашаю на ужин как женщину, а не как начальника.

Это было в июле. Александра отдыхала в пионерском лагере, вечер выдался абсолютно свободный, и Катерина согласилась.

Они поужинала в кубинском ресторане «Гавана», потом Иржи пригласил ее выпить кофе у него. У Иржи была «шкода». Квартиру он снимал недалеко, на Ломоносовском проспекте. Они приехали к нему, пили кофе с ликером, слушали музыку, и она осталась у него. Иржи отличался от знакомых ей мужчин тем, что был бесстыдно нежен.

— Ты бесстыдник, — заявила она ему.

— Бесстыдник — значит без стыда? — уточнил он.

— Да, — подтвердила она.

— Конечно, — согласился он. — Какой может быть стыд между мужчиной и женщиной, которые нравятся друг другу? Ты очень умелая женщина, я среди русских таких не встречал.

— У тебя было много русских женщин? Иржи задумался.

— Семьдесят три. Ты — семьдесят четвертая.

Катерина не рискнула признаться, что он — третий мужчина в ее жизни.

— А что такое умелая женщина? — спросила она.

— Это значит, что ты чувствуешь, когда мне хорошо, и делаешь, чтобы было еще лучше.

— Ты тоже умелый, — рассмеялась Катерина. — Я многому у тебя научилась.

— У маленькой Европы многовековой опыт.

Они встречались каждый вечер и шли в ресторан. Катерина побывала во всех московских ресторанах. Они ходили на подпольные выставки в каких-то подвалах, она смотрела на непонятные ей картины. Иржи объяснял ей. Он был убежден, что, когда этих художников откроют на Западе и в Америке, они станут очень знаменитыми и дорогими.

Потом Иржи уехал в Прагу. После этого романа с Катериной что-то случилось. Она вдруг стала легко заводить другие романы, которые

чаще всего заканчивались через несколько встреч. Всякую неполадку на производстве она привыкла анализировать и точно находить неисправность данной установки или данного химического процесса. Так же она пыталась осмыслить свои увлечения.

Романы с мужчинами ее круга, в основном инженерами, не получались потому, что они понимали — Катерина неглупа, целеустремленна, не любит пошлостей, причем пошлостей накатанных, когда чувствовалось, что мужчина все эти истории проходил по многу раз. Мужчины ее круга жили на зарплату, неважно одевались, пили плохое, дешевое вино. Она понимала, что это не их вина, но разделять их жизнь не хотелось. К тому же постоянно не хватало времени. Были у нее знакомые среди поэтов и художников — с ними ее свел поэт, с которым она познакомилась на той давней вечеринке в доме академика, тогда же, когда и с Рудольфом. Правда, после прощального разговора на Суворовском бульваре она никогда больше Рудольфа не видела, а с поэтом встречалась. Когда у него были деньги, ходила с ним в ресторан в Центральный дом литераторов. Но мужчины его круга сразу определяли в ней провинциалку. Она не читала тех книг, которые читали они, не смотрела фильмов, которые смотрели они. У Катерины возник роман с одним из приятелей поэта. Он

занимал у нее деньги, но никогда не отдавал. Это ее раздражало. Она попыталась выяснить у поэта:

— Он талантливый?

— Нет, — признался поэт. — Он графоман.

Помогать графоману ей не хотелось. Однажды она спросила поэта:

— Почему мы столько лет с тобой знакомы, а у нас не было даже мимолетного романа?

— Переводя с романтического на нормальный язык, ты хочешь узнать, почему мы с тобой ни разу не переспали?

— Пусть будет так, — согласилась она.

— Тогда бы все кончилось. Наша дружба кончилась бы.

— Почему?

— Я вывел такую закономерность. Русские женщины делятся на две категории: это или верная жена, или блядь. Ты относишься к категории верных жен. Такие, если с ними переспишь и не женишься, вычеркивают мужика из своей жизни! Ты запрограммирована на семью. И у тебя когда-нибудь будет замечательная семья, муж, которого ты будешь любить, жалеть, оберегать.

— Что-то у меня с этим не получается, — призналась Катерина. — Я не знаю почему. Как будто меня мужики побаиваются.

— Конечно побаиваются, — согласился поэт. — Таких, как ты, немного. Когда я еду

в метро, люблю рассматривать сидящих напротив женщин. Однажды увидел в чем-то похожую на тебя. Лет тридцати с небольшим, хорошо и модно одетую. Мы встретились взглядами, и она не опустила глаз, как это обычно делают женщины. Не забеспокоилась, не одернула юбку на коленях — почти автоматический жест для большинства женщин, не поправила прическу, некоторые еще почему-то смотрят на часы. Она рассматривала меня. Рассматривала как достойный противник или партнер, прикидывая, стоит ли со мной иметь дело. Она была готова принять мой вызов, но я сам отвел глаза, как школьник, потому что понял — не справлюсь. Ничем я ее уже не удивлю. Она уже знает все или почти все про мужчин и определяет их реальную стоимость с точностью электронно-вычислительной машины. В тебе мужики чувствуют то же самое. Поэтому твои романы заканчиваются ничем, тебе нужна настоящая любовь, и не только, чтобы влюбиться в тебя, а чтобы влюбилась ты.

Почему-то после этого разговора Катерине стало труднее знакомиться. Этого я никогда не полюблю, убеждала она себя, и мужчины будто чувствовали, что она уже приняла решение, и теряли к ней интерес. Когда она познакомилась с Петровым, у нее уже больше года никого не было. Это был странный

роман. Иногда они не встречались по два-три месяца. Обычно всегда звонил он, а Катерина предупреждала Людмилу — они встречались у нее днем (так было удобно Петрову). Их роман стал уже угасать к тому моменту, когда Катерина вошла в конфликт с директором комбината. Когда схватываются в любой организации руководитель, первое лицо, и претендент, который занимал второе место, то кто-то из них должен уйти — или руководитель, или претендент.

Катерина и не метила на должность директора. Комбинат был старый, построенный в конце сороковых годов, требовал реконструкции, и она считала, что на это надо пойти. Ее поддерживали молодые инженеры. Вероятно, более умный директор взвалил бы на нее непосильную ношу и выиграл бы несколько лет. Но этот решил избавиться от Катерины и предпринял несколько ходов. Катерина обо всем рассказала Петрову. Он был членом коллегии министерства и хорошо знал возможности директора.

— Девяносто из ста, что ты проиграешь, — предсказал Петров.

— Значит, десять из ста, что я выиграю? Не так мало, если учесть, что я права.

— То, что ты права, никого не интересует, — возразил Петров. — Министр старый. Он уже не думает ни об отрасли, ни о своей

карьеру. Главное для него — продержаться на своем месте. У него есть команда, которая его поддерживает, и в нее входит твой директор. Я думаю, они просчитают все варианты и перебросят тебя на какую-нибудь маленькую фабрику по производству красителей.

— Я не хочу уходить с комбината, — призналась Катерина. — Ты меня поддержишь на коллегии?

— Конечно поддержу. Тем более что я ничего не теряю. Скажут: ну, один раз оказался не прав, бывает. Но все равно команду ты не переиграешь.

— Ну а в принципе выиграть можно?

— Нет, нельзя. Сегодня играют командами, а у тебя ее нет, причем у команды должен быть еще и играющий тренер. Попросту говоря, должна быть рука, поддерживающая тебя. У твоего директора она есть: министр и в горкоме партии мужик — он когда-то работал на комбинате, и директор выдвинул его в партийные органы, потому что тот был бездельником и плохим инженером.

— Ну, у меня, может, есть выдвиженцы, только в ЦК партии.

— Это уже интересно, — оживился Петров. — Рассказывай!

Катерина рассказала о Киселевой, у которой она когда-то работала на галантерейной фабрике. Киселева за это время прошла через

райком, горком и уже года три как обосновалась инструктором в ЦК, курируя легкую промышленность.

— Поговори с ней, — посоветовал Петров. — Она к нашей отрасли отношения не имеет, но связана с другими аппаратчиками. Женские связи просчитать нельзя, может быть, она спит с кем-нибудь из членов Политбюро.

— Это вряд ли. Там, по-моему, нет никого, кто был бы способен спать с женщинами.

— Среди кандидатов в члены есть вполне еще способные, — возразил Петров. — Но решают не они. Решается все даже не на уровне заведующих отделами, а на уровне референтов, инструкторов, заведующих секторами.

Вечером Катерина позвонила Киселевой. За последние годы они встречались редко: на партийных городских активах, иногда в Моссовете. Но Катерина один раз в год посылала ей поздравительную телеграмму на день рождения, этому она когда-то научилась у Изабеллы и академика. Завела, как она называла, «поминальную книжку», где были записаны дни рождений, и в начале каждого месяца помечала в настольном календаре, кому послать телеграмму, кому позвонить по телефону.

— Нужна консультация, — обратилась Катерина к Киселевой.

Та назначила день и заказала пропуск. В ЦК по партийным билетам уже не пропускали, требовался пропуск.

Киселева сидела в небольшом кабинете на двоих. В ЦК демонстрировали скромность. Мужчина средних лет заполнял какую-то сводку.

— Можешь говорить при нем, — разрешила Киселева. — Василий знает все мои тайны, я — его.

Катерина рассказала о сложившейся ситуации. Киселева задумалась.

— А вы на комбинате оборонку не делаете? — включился в разговор Василий.

У них на комбинате было два цеха, работавших на оборону, но не скрывать же это от товарищей из ЦК, которые если и не все знали, то все могли узнать.

— Делаем, — призналась Катерина.

— Ты гений, — рассмеялась Киселева и обратилась к Катерине: — Пошли!

Они спустились на два этажа ниже, и, пока шли, Киселева объяснила, что тот, к кому она ведет Катерину, отвечает за оборонные заказы.

Кабинет, куда Катерину привела Киселева, был больше, со столом для совещаний — по партийной иерархии такой кабинет полагался заведующему сектором или заместителю заведующего. Из-за стола поднялся сухопарый

мужчина лет сорока. Он еще не нагулял жира, лицо не округлилось, в нем не было той вальяжности, которая появляется за годы сидения в аппарате. По тому, как Киселева зашла к нему без предупреждения, не позвонив, Катерина поняла, что у них близкие, а может быть, и очень близкие отношения. Киселева вполне толково объяснила суть дела.

Никита, как представился хозяин кабинета, выслушал и подошел к столу, где был установлен компьютер. Компьютеры только начали появляться у нас. Он включил дисплей и быстро начал что-то набирать.

Катерина увидела на дисплее название своего комбината, фамилии начальников цехов, выполнявших оборонные заказы.

— Насколько вы можете увеличить производство во втором и четвертом цехах при реконструкции? — спросил Никита.

Катерина просчитала мгновенно:

— В три раза, как минимум.

— Под это мы дадим деньги и заказы. Вам надо будет нанести визит в наш Пентагон к генерал-полковнику Колесникову. Заказы идут через его управление.

— А он поддержит?

— Конечно. Правда, присвоит вашу идею себе.

— Это ваша идея!

— Сочтемся славою. — Никита улыбнулся.

Катерина обсудила намечавшийся вариант с Петровым. Теперь они встречались чаще, им было о чем поговорить. Петров разработал очень точный сценарий: когда надо идти в министерство обороны, когда вынести конфликт на партком комбината. На парткоме Катерина не стала отвечать на обвинения директора, а попросила их спор перенести на коллегию министерства, тем более что только в министерстве могли решить вопрос о реконструкции. К удивлению Катерины, члены парткома с легкостью согласилась с ее предложением, поскольку знали, что в министерстве нет средств на реконструкцию комбината.

Перед коллегией Катерина сама позвонила Петрову. Ей надо было многое с ним обговорить, и они встретились на квартире Людмилы. Катерина торопилась, но привычный ритуал надо было соблюсти. Она быстро приняла душ, а через три минуты обессиленный Петров признался:

— Извини, я что-то не в форме.

— Ты в великолепной форме, — похвалила его Катерина и перевела разговор на интересующую его тему: — А какие неожиданности меня подстерегают на коллегии?

— Любые. Твое выступление могут прервать. Не обращай внимания. Выдержи паузу и продолжай. Могут задать вопрос не по существу. Снова сделай паузу и продолжай, пообещав на все вопросы ответить потом.

— Что еще?

— Ты знаешь, что министр был первым директором вашего комбината?

— Конечно.

— Расспроси стариков, которые с ним начинали. Хорошая смешная байка всегда развеселит коллегую.

— Что еще?

— Одежда. Не надо твоего серенького костюма со значком депутата Моссовета. На таких дамочек в сером все уже насмотрелись.

(Катерина запомнила совет и надела на заседание коллегии голубую блузку и темно-коричневую юбку, туфли на высоких каблуках.)

— Что еще? — не успокаивалась Катерина.

— Прическа! Без халы, облитой лаком.

— Я не ношу халу, — возмутилась Катерина.

— Это как предупреждение.

За несколько дней до коллегии Катерина снова побывала в ЦК. Ее беспокоило, что о ее заговоре ничего не знали в отделе, курировавшем химическую промышленность.

— Успокойся, — убеждала ее Киселева. — Тебя сейчас в отделе и не примут. Они дождутся результатов коллегии. Мы ведь тоже всегда так делаем. Чаще всего присоединяемся к победителю в драке. Ну а если поднимается общественность, идут статьи в газетах, вот тогда вмешиваемся и наводим порядок.

Катерина все-таки позвонила в отдел ЦК, курирующий химическую промышленность. Ее выслушали и предложили прийти... через день после коллегии.

Вопрос о комбинате в повестке стоял четвертым, Катерина почти два часа слонялась по коридорам и вошла в зал коллегии совсем спокойной. Один из заместителей министра начал докладывать о сути конфликта. Катерина следила за реакцией министра — семидесятилетнего, но еще крепкого мужчины. Катерина вспомнила семидесятилетних деревенских мужиков, которые даже летом сидели на завалинках в валенках — болели ноги.

— Что ты скажешь? — обратился министр к директору.

— А чего говорить-то? — усмехнулся директор. — Девушка начиталась фантастических романов.

Члены коллегии рассмеялись. И Катерина поняла, что уже все решено. Она разозлилась. Ее не унизили, ее оскорбили.

Министр слегка улыбнулся и предложил:

— Дадим все-таки слово вашему оппоненту.

Катерина бросила взгляд на Петрова. Тот сидел опустив голову. Дешевка, подумала Катерина, мог бы хоть посмотреть в ее сторону, кивнуть, улыбнуться — маленькая, но все-таки поддержка.

Как всегда перед началом очередного выступления, в зале коллегии наступила тишина. Катерину рассматривали. Она понимала, что у нее совсем немного времени и она должна сразу привлечь внимание, иначе министр поблагодарит ее за инициативу, скажет, что на реконструкцию нет средств, и коллегия перейдет к следующему вопросу.

— Я разделяю точку зрения директора, — начала Катерина и сделала паузу. — Это действительно фантастика — один из самых современных химических комбинатов Европы, первым директором которого был наш уважаемый министр, он его и создал. — Катерина сделала паузу (она, конечно, преувеличивала заслуги министра — он лишь вывез по репарациям из оккупированной Германии все оборудование и смонтировал его на окраине Москвы силами заключенных) и продолжила: — ...буквально разваливается за последние годы и очень скоро развалится окончательно. Я знаю — уже готово решение коллегии о том, что реконструкция невозможна, потому что нет средств. Но никто ведь этих средств не искал. Директор пальцем не пошевелил, не снял телефонную трубку, не поднял задницы от кресла, чтобы найти хотя бы какой-нибудь выход.

За столом коллегии недовольно загудели. Насчет задницы это я зря, подумала Катерина.

И тут она увидела в зале генерал-полковника Колесникова, к которому ходила в министерство обороны. Она его не заметила сразу, он был не в генеральской форме, а в хорошо сшитом сером костюме.

— За нас нашли выход другие. Военные! Если при реконструкции мы увеличим производство в третьем и четвертом цехах, министерство обороны готово выделить средства. Об этом может сказать присутствующий в зале генерал-полковник Колесников.

Колесников встал. Министр жестом пригласил его за стол коллегии. Генерал, не торопясь, прошел к столу, сел, придвинул к себе микрофон:

— Мы обсуждали эту проблему. Нам выгоднее участвовать в реконструкции комбината, чем строить новое предприятие. Это взаимовыгодно — и для нас, и для вас. Я думаю, нам следует провести совместную коллегия наших министерств. Я говорил со своим министром. Он согласен. Думаю, мы договоримся.

Теперь все смотрели на Катерину. Продолжать уже не имело смысла.

— Спасибо, — поблагодарила Катерина. — Я надеюсь на мудрость решения коллегии, — и прошла в зал.

— Молодец, — прошептал мужчина, рядом с которым она села.

— До обеда осталось несколько минут, поэтому я объявляю перерыв. После обеда вернемся к вопросу о реконструкции комбината, — заключил министр.

Зал стал пустеть. Катерина видела, как министр и генерал вышли через дверь, которая вела в приемную министра.

К Катерине подошел Петров.

— Поздравляю. Ты выиграла!

— Еще неизвестно.

— Все известно. Пошли обедать.

Они спустились в министерскую столовую и встали в очередь. К Катерине подходили те, кто еще несколько минут назад готов был завалить ее.

— Вы замечательно выступили!

— Вы очень смело говорили!

— Поздравляю. Вы устроили замечательную заварушку!

Катерина почти никого не знала, пояснения давал Петров. И вдруг очередь затихла: в столовую вошла секретарь министра и обратилась к Катерине:

— Товарищ Тихомирова, вас просит зайти министр.

— У меня есть пятнадцать минут, чтобы успеть пообедать?

— Нет, министр вас ждет немедленно. — И, ни на кого не глядя, секретарша ушла.

— Что это может значить? — обеспокоенно спросила Катерина Петрова.

— Не знаю... Не очень понятно. Учти, он умен и хитер, как бес. Если будет расспрашивать, меня лучше не упоминать.

— Хорошо, — пообещала Катерина, — не буду.

Не защитник, подумала Катерина, чем бы все ни кончилось, роман с Петровым на этом закончится точно.

Катерина вошла в приемную. Секретарь жестом пригласила следовать за ней. Катерина оказалась в пустом кабинете министра. Секретарь прошла через весь кабинет и постучала, как вначале показалось Катерине, в стенку, но это была дверь.

— Да, — послышалось в ответ.

И Катерина вошла в комнату отдыха министра, где все было как в нормальной квартире — диван, кресла, обеденный стол, журнальный столик, телевизор, видеомаягнитофон, кассетник, портативный радиоприемник «Грюндиг».

Министр сидел за обеденным столом, накрытым на двоих.

— Садись, — пригласил министр. — Еще не обедала?

— Нет. Выдернули из очереди.

Буфетчица налила Катерине из супницы рыбной солянки. Из закусок была осетрина

холодного и горячего копчения, красная икра, помидоры, соленые огурцы. Министр открыл бутылку коньяка «Греми», потянулся к рюмке, стоящей возле Катерины.

— Спасибо, — сказала Катерина. — Я не очень люблю коньяк.

— Вина? — предложил министр. — «Мукузани», «Кинзмараули»?

— Я бы чуть-чуть водочки, — попросила Катерина. — Перенервничала, да и закуска больно уж хороша.

Буфетчица открыла холодильник:

— «Столичная», «Стрелецкая», «Лимонная», «Украинская с перцем»?

— «Столичной».

— Будь здорова, — поднял рюмку министр. Они выпили. — Ты свободна, — обратился он к буфетчице.

Катерина проголодалась, ела быстро и, только отставив пустую тарелку, заметила, что министр наблюдает за ней.

— Извините, очень проголодалась.

— Что обо мне говорят на комбинате? — поинтересовался министр. — Еще помнят?

— Еще бы!

— Почему еще бы?

К такому повороту Катерина была готова — накануне она переговорила почти со всеми (а их осталось немного), с кем работал министр. Катерина рассказала и о трудных,

и о забавных ситуациях. Министр, посмеиваясь, слушал, рассказывал сам.

После обеда они пересели в кресла. Буфетчица принесла кофе.

— Если не любишь коньяк, может, к кофе ликер? — предложил министр.

— Попробовала бы, — согласилась Катерина.

Министр достал итальянский ликер «Амаретто», Катерина такого еще не пробовала. «Амаретто» ей понравился. Потом они закурили.

— А теперь правду, — вдруг произнес министр. — Эту комбинацию с военными ты просчитала сама или помог академик?

По-видимому, министр знал о ней если не все, то очень многое.

— Не я и не академик, — ответила Катерина. В этой комбинации было задействовано слишком много людей, и министр или уже знал об этом или узнает очень скоро. Катерина рассказала все как было: и про Киселеву, и про Никиту, и то, что ходила в министерство обороны к Колесникову.

— Красивая комбинация, — похвалил министр. — Считаешь, что за два года комбинат поднимешь?

— Подниму. Если поможете, конечно. Это же ваш комбинат. Вы его сделали. Его еще и вашим именем назовут, как автозавод имени Лихачева.

— Обычно называют после смерти, а тогда мне будет все равно.

— Дети, внуки будут гордиться.

— Ты сейчас куда? — спросил министр.

— На комбинат.

— Остайся, — предложил министр. — Тебе будет интересно послушать решение коллегии по комбинату.

Катерина пребывала в замечательном настроении — то ли от выпитых водки и ликера, то ли от сознания, что она выиграла или почти выиграла. Конечно, директор на этом не успокоится. Но сейчас ей было хорошо и не хотелось думать, что и как будет дальше. Как будет, так и будет.

Решение коллегии зачитал заместитель министра. За допущенные промахи, за развал работы комбината, за неучастие в научно-технической революции в отрасли директор комбината освобождается от должности с дальнейшим трудоустройством. Исполняющей обязанности директора назначается главный технолог комбината Тихомирова Катерина Александровна.

Катерина посмотрела на директора — его лицо было серо-бледным. Катерина испугалась: не дай бог, сердечный приступ...

Коллегия перешла к следующему вопросу.

Катерина прошла к лифтам, где уже скопилась очередь. Она встала у одного из них,

директор, теперь уже бывший, у другого. Утром, выезжая с комбината на коллегия, он даже не предложил ей место в служебной машине, и она приехала на своих «Жигулях». Сейчас, идя к своей машине, она видела, как шофер распахнул перед бывшим директором дверцу «Волги». Шофера сменю, решила Катерина.

Она приехала на комбинат, прошла в свой небольшой кабинет, и сразу же зазвонил телефон. В трубке Катерина услышала радостный голос Петрова:

— С победой! Предлагаю отметить сегодня в «Метрополе»!

— Спасибо. Я без сил. Я тебе перезвоню завтра.

К вечеру все уже знали о смене власти. На следующий день бывший директор не вышел на работу: гипертонический криз. Катерина начала руководить комбинатом из своего кабинета главного технолога. Через неделю бывший директор вывез личные вещи, и Катерина, заменив мебель, перебралась в его кабинет. С тех пор прошло три месяца.

...Она слушала Самсонова, который жаловался, что не хватает наладчиков, что надо ехать в Прагу и принимать установки на месте. Она вдруг подумала, что, окажись Самсонов чуть умнее, она уже была бы сейчас его женой. И, наверное, занималась бы обменом, соединяя две двухкомнатные квартиры в че-

тырехкомнатную, и у нее не хватило бы времени на борьбу с директором.

— Я могу оформить командировку в Прагу? — спросил Самсонов.

— Нет, — отрезала Катерина. Она уже обдумала решение, как заменить Самсонова — у него хорошие руки, но сегодня этого мало.

— В Прагу поеду я, — заявила Катерина, — и Милькин. Кстати, как ты считаешь, он уже готов стать главным механиком?

— Не понял? — смутился Самсонов.

— Я думаю назначить главным механиком Милькина, — пояснила Катерина.

— А я?

— Ты можешь пойти к нему заместителем. Если хочешь, я помогу тебе найти работу в другом месте.

— Я сам найду.

— Наверное, это правильно, — согласилась Катерина. — Как говорят японцы, нельзя терять лицо.

— Решила мне отомстить? — не выдержал Самсонов.

— За что?

— Ну, за то, что я на тебе не женился.

— А разве ты этого хотел? — удивилась Катерина. — Я не заметила. Я провела с тобой несколько замечательных вечеров, но была бы плохой женой. Ты ведь счастлив с новой женой?

— Да, счастлив! — с вызовом ответил Самсонов.

— Я рада за тебя. Тебе хватит месяца, чтобы найти работу?

— Мне хватит недели.

— Ну и чудненько.

— Катерина, — усмехнулся Самсонов, — а ты не думаешь, что пройдет несколько лет, придет какой-нибудь юркий мальчишка и свалит тебя, как ты свалила директора. И скажет: устарела...

— Конечно, так и будет, — согласилась Катерина. — Только это будет по-другому. Как только я почувствую, что появился более толковый, более современный, я сама ему помогу занять свое место.

— Такого не бывает.

— Так должно быть. Кто-нибудь из нынешних инженеров займет мое место, а я уйду в министерство начальником главка или заместителем министра.

Когда Самсонов ушел, Катерина еще раз прокрутила весь их разговор. Не поторопилась ли? Может быть, и вправду хотела отомстить? Конечно хотела. Но если бы он был хорошим главным механиком, наверное, стерпела бы обиду. Никогда и ничего у нее не будет с мужчинами, которые работают на комбинате, решила она. Чтобы никогда не опускать глаза, чтобы не мучиться — знают или не знают.

Катерина посмотрела на часы. Пора выезжать. Петров будет ждать на Новом Арбате у перехода. Они отпраздновали тогда ее победу, потом Петров уехал в командировку, потом она завертелась, пропадая на комбинате с утра до ночи, потом Петров уехал в отпуск с семьей на юг. Он вернулся на несколько дней раньше — его вызвали в министерство. Катерина давно не видела Петрова, хотела этой встречи. Расслабиться хотя бы на несколько часов, посоветоваться... Она его даже стала называть «господин тайный советник». Он не обиделся:

— Это довольно высокая и престижная должность в табели о рангах. А как же мне тебя называть?

— Мог бы называть «Ваше величество», но тебе, как фавориту, разрешаю называть просто Катя, даже Катька.

Катерина вышла на несколько минут раньше, зная наперед, что эти минуты она потеряет, пока пройдет по коридорам. Кто-нибудь обязательно остановит, чтобы решить вопрос на ходу, кто-нибудь обязательно пристроится, обсуждая абсолютно дурацкое предложение. Главное для этого человека — не предложение, а возможность пройти рядом с директором, чтобы все видели, вот он идет с директором и решает важные проблемы.

Она села в «Жигули». По личным делам она никогда не пользовалась служебной машиной. Не потому, что была такой принципиальной, просто не хотела, чтобы о личных делах знал даже шофер, хотя понимала — секретарши и водители всегда знают больше, чем этого хотели бы их начальники.

Петров стоял у перехода, читал газету, попыхивая трубкой. Он недавно перешел на трубку, чтобы меньше курить. Поцеловал Катерину, сам сел за руль.

Петров отлично водил машину — все-таки двадцать лет за рулем. Катерина водила машину второй год, да еще плохо знала Москву.

— Правая подвеска, — мгновенно определил Петров. Катерина кивнула. — Обороты надо убавить, — продолжал Петров, — балансировку надо делать. Ведет влево.

— Может, баллон приспустил? — предположила Катерина.

— Нет, балансировать надо.

— На следующей неделе придется ехать на станцию технического обслуживания...

— Зачем? — удивился Петров. — У тебя же своя автобаза на комбинате. Пусть механики займутся.

— Не хочу попадать в зависимость. Да и разговоры пойдут, что использую служебное положение.

— Разговоры все равно пойдут, — заметил Петров. — Ты заменяй «Жигули» на «Волгу». С запчастями будет проще. Сколько у тебя «Волг» на комбинате?

— Три.

— Для них будут покупать запчасти и для твоей заодно.

— У меня еще денег нет на «Волгу».

— Одолжу.

— Куда мы едем? — Катерина увидела, что Петров свернул на набережную.

— Ко мне.

— К тебе не поеду, — заявила Катерина.

— Успокойся! Все продумано. Жена и дети прилетят через пять дней, сам им брал билеты. У нас с тобой впервые будет пять дней. Ты будешь уезжать от меня и приезжать ко мне. Мы будем вечерами гулять, — Петров повернул и оказался у многоэтажного здания, облицованного мраморной плиткой, такие дома в народе называли «сталинскими», их строили после войны, одновременно с высотными, и жила в них советская партийная элита.

— Ты давно в этом доме живешь?

— Всегда. Квартиру в этом доме получил мой отец. Он был министром. Я до него, как видишь, еще не дотягиваю.

— Какие твои годы! — утешила Катерина.

Квартира оказалась большой — пятикомнатной. Одна комната, совсем маленькая, —

для домработницы. Именно «домашняя работница» — так демократичнее и так было принято в семьях советской элиты, а не по старорежимному — «прислуга».

— Осматривайся, — предложил Петров. — Я накрою на стол.

— Я не хочу есть.

— Тогда шампанское и фрукты.

Комнаты были обставлены добротной мебелью. На стенах картины, среди которых выделялся портрет мужчины в форме, на петлицах лавровые золотые листья, на погонах три большие генеральские звезды, особенно тщательно были прописаны ордена: три ордена Ленина, два Трудовых Красных Знамени, один «Знак Почета» и медали «За доблестный труд», «За победу над Германией». Боевых орденов не было, и Катерина поняла, что генерал не воевал. Петров был похож на генерала.

Катерина прошла вдоль книжных шкафов красного дерева. Книги были дореволюционных изданий и последних лет в хорошем полиграфическом исполнении — в магазинах таких Катерина не видела. В этом доме книги получали по спискам для избранных. На отдельной полке в самом низу стояли книги советских диссидентов, буржуазных философов, напечатанные в нескольких сотнях экземпляров, для высшего руководства страны. На обложках стояли два ноля — не просто секретно, а совершенно секретно.

Петров поставил на стол заиндевевшую бутылку шампанского, вазу с виноградом, коробку с шоколадными конфетами.

— Вы живете вместе с отцом? — спросила Катерина.

— Отец круглый год живет на ведомственной даче в поселке Совета Министров. Здесь бывает редко. У меня есть и своя трехкомнатная квартира на Юго-Западе. Но я привык жить в центре.

— А своя дача, кроме ведомственной, у тебя есть?

— Конечно. На нашу систему нельзя надеяться. Сегодня дали, завтра отобрали. Кстати, ты дачу собираешься строить?

— Вряд ли. Я недавно квартиру обставила, долги за машину только что отдала.

— Надо строить, — убежденно сказал Петров. Шампанское на него уже действовало, он обнял Катерину и повел в спальню, где стояла огромная супружеская кровать и пахло духами. На трельяже — несколько разных флаконов французских духов. Петров откинул покрывало. Кровать была застелена простынями с красно-синими цветочками. Все это принадлежало другой женщине.

— Я не могу здесь, — вздохнула Катерина.

— Пошли в мой кабинет.

В кабинете стояла узкая тахта. Петров бросил на нее накрахмаленные простыни в зеле-

ную легкую клетку и начал расстегивать пуговицы на блузке Катерины.

— А потом я тебя буду раздевать?

— Я сам. — Петров поспешно стянул с себя брюки.

И тут раздался звонок, непрерывный, настойчивый.

— Теща! — выдохнул Петров. — Дурак, приехал и позвонил ей. Какой дурак!

— Ключи у нее есть?

— Есть.

Катерина оглядела Петрова. В одних трусах, с брюками в руках, с открытым ртом, он был почти в шоковом состоянии. И Катерина поняла, что, как всегда, решение придется принимать ей. Она подошла к двери и услышала, что ключ уже вошел в замочную скважину. Она увидела щеколду и тихо закрыла ее.

— Теперь она поймет, что я в квартире и закрылся изнутри, — прошептал Петров.

— А так бы она увидела это на несколько секунд раньше, — усмехнулась Катерина.

Теща пыталась открыть дверь, но у нее ничего не получалось. Тогда она снова нажала на кнопку звонка и не отрывала пальца, наверное, не меньше минуты.

— Что делать, что делать? — волновался Петров.

— Успокойся. Скажешь, что уснул с дороги и не слышал.

— Она упорная и мнительная. Вдруг она подумает, что мне плохо? И вызовет «скорую помощь» или милицию.

— Чтобы вызвать «скорую помощь», ей нужно будет зайти к соседям и позвонить или спуститься к дворнику.

И тут звонить перестали. Загудел лифт, остановился на площадке, хлопнула дверь, лифт пошел вниз.

— Она выбрала дворника, — усмехнулась Катерина, открыла дверь и шагнула на пустую лестничную площадку.

— Я тебе позвоню, — начал было Петров, но в этот момент открылась дверь квартиры напротив, и Петров мгновенно захлопнул свою.

Катерина вызвала лифт. Рядом с ней стоял благообразный старик с тщательно расчесанной седой бородой. Из профессоров, подумала Катерина. В лифте она прислонилась к стенке и закрыла глаза.

— Вам плохо? — забеспокоился профессор.

— Да, мне плохо, — произнесла Катерина.

Она вышла из подъезда, оставив на площадке ошеломленного старика. Прошла к своей машине, двигатель завелся с полоборота, и она вырулила на набережную.

Все, решила Катерина, не получается, проживу и так. Есть Сашка, работа, подруги. Она вела машину почти автоматически: куда-то

поворачивала, останавливалась у светофоров, отпускала сцепление, включала передачу, набирала скорость, тормозила и, когда опомнилась, поняла, что она едет на комбинат.

На проходной вахтер приложил ладонь к козырьку фуражки. Катерина ему улыбнулась. Не заходя к себе в кабинет, прошла в цех, где монтировали новую установку. Руководил монтажом Милькин, заместитель главного механика. С ним работали четверо наладчиков.

— Дай мне двух, — сказала Катерина, — и я займусь ленточным механизмом.

Она раскатала на полу рулон чертежей, над которыми вместе с ней склонился один из наладчиков. От него несло перегаром.

— Может, домой пойдешь? — предложила ему Катерина. — Протрезвеешь.

— Обижаешь, Александровна, — тихо ответил наладчик. — На вторую ночь остались. Сама видишь, на работе это не сказывается.

— Ну извини.

— Заходил Самсоныч, сказал, что ты Милькина главным назначила?

— Да, — подтвердила Катерина, — но только после того, как Самсоныч найдет себе работу.

— Справедливо, — согласился наладчик. — Забурел он, конечно. Руками совсем перестал работать, а головой уже не может. А ты где так хорошо научилась с инструментом управляться?

— Слесарем когда-то была на галантерейной фабрике.

— Значит, с самого низа?

— С самого...

— Вообще-то к тебе на комбинате хорошо относятся, резковата ты, конечно, малость, но с годами пройдет.

— С годами все пройдет, — усмехнулась Катерина.

Надо формировать свою команду, думала она, поглядывая на Милькина. Молодые будут стараться. С молодыми она за два года управится с реконструкцией.

— Часа через два закончим? — обратилась она к Милькину.

— Через сорок минут.

Милькин оказался прав. Через сорок минут они опробовали установку.

— Спасибо, ребята, — сказала Катерина. — Завтра всем благодарности с занесением в трудовую книжку и премии из директорского фонда. Можете отпраздновать, заслужили.

Наладчики здесь же, в цехе, расстелили газету, нарезали луковицу, огурцы, черный хлеб, разлили водку в бумажные стаканчики.

— Спасибо, — отказалась Катерина, — не могу. За рулем. Я бы чайку.

Чай вскипятили быстро, заварили щедро. Она выпила чаю, усталость начала проходить. Ее присутствие явно смущало наладчиков.

— Догуливайте. — Она улыбнулась и попросила Милькина: — Проводи!

Они шли по комбинату, шаги гулко отдавались в безлюдном огромном цехе.

— Формируй команду, — предложила она Милькину.

— Есть одно обстоятельство, — начал Милькин.

— Какое?

— Может быть, вы не знаете, но я еврей.

— Ну и что? А я псковская.

— Я беспартийный.

— Вступишь. Рекомендацию я дам.

— Вообще-то стыдно вступать в партию, чтобы получить должность.

— Ничего стыдного, — заявила Катерина. — Вступление в партию — это как прививка от чумы, противно, но необходимо.

Катерина вспомнила, что она повторяет слова своего первого директора. Может быть, лет через двадцать Милькин тоже кому-то повторит эти слова.

— Спасибо, — сказал Милькин.

— Это тебе спасибо, что снимаешь с меня часть груза.

С утверждением Милькина у нее, конечно, возникнут проблемы — теперь комбинат будет больше работать на оборону, а у оборонщиков свои требования к кадрам.

Милькин боялся, что он еврей, что он беспартийный. Боялись и те, кто был в оккупации, и те, кто был в немецком плену, и те, кто попадал в немецкие концлагеря, и те, кто побывал в советских лагерях. Может быть, из-за этого страха вступали в партию, чтобы получить хоть какую-нибудь должность — все-таки гарантия. А вот Александра, дочь Катерины, уже ничего не боялась. Недавно она принесла «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. Они читали его по очереди: Александра днем, Катерина — ночью. Катерина впервые осознала, что через лагеря прошли миллионы. Многие не вернулись. Но те, кто вернулся, ничего не забыли. А если эта власть пошатнется...

В Красногородске в районном отделении госбезопасности работал уполномоченным капитан Никишев. Он многих пересажал. Потом запил. Его уволили и пристроили в отдел кадров крахмало-паточного завода. Через три дня его проткнули железным арматурным прутком. А в их школе завхоз изнасиловал пятиклассницу, и, пока приехала милиция, мужики его уже забили в кабинете директора школы ножками от стульев.

Последние годы агрессия накапливалась всюду. Возникали драки в очередях, все больше пили, на следующий день после зарплаты в цеха не выходило до двухсот рабочих.

Катерина избегала разговоров с Александрой о политике. Когда смотрели выступления Брежнева по телевизору, никто не вслушивался в сказанное, его рассматривали, выискивая признаки прогрессирующей болезни, и гадали, что будет, когда его не станет. Кто придет на его место? Ведь должно же что-то измениться наконец.

...Катерина ехала по проспекту Мира, в этот вечерний час машин на улицах было немного. Ей не хотелось возвращаться домой. Можно было заехать к Людмиле. Но сегодня пятница, и у нее, вероятнее всего, режиссер. Антонина и Николай были на даче. Раньше всегда можно было позвонить поэту, заехать к нему, поговорить, но вот уже год, как она его похоронила.

Возле метро тетка продавала цветы. Катерина притормозила, вышла, купила, не торгуясь, букет астр. Подъехала к дому, обрадовалась, что возле подъезда можно приткнуть машину — пятница, многие уехали на дачи. Заглянула в комнату Александры. Дочь читала.

— Ну как? — спросила Катерина.

— Хорошо. — Александра увидела цветы. — Цветы? Откуда?

— Подарили.

Почти правда, подумала Катерина. В квартире Петрова в вазе стояли гладиолусы, при-

везенные с юга. Цветы-то были для нее. Просто не успела взять, слишком быстро удирала с этой нелегальной явки.

Постояла в душе под теплой водой, прошла в свою комнату, разложила тахту, легла, подумала, что надо составить план на следующую неделю, но вставать за блокнотом не хотелось. Да она и так помнила. Каждый день минимум два-три дела. После работы она должна была заехать в прачечную, но узел с бельем так и остался в багажнике машины. Надо купить зимние сапоги (у нее были сапоги, правда два раза починенные и уже вышедшие из моды). Надо купить зимнее пальто, а еще лучше шубу — она давно хотела каракулевою, но вряд ли потянет в этом году. Надо отвезти в химчистку всю летнюю одежду. Надо чинить холодильник. Сашка помогала мало, не приучила. От Петрова помощи никакой... Одна, одна, одна. Ей стало так жаль себя, что она укрывалась с головой одеялом, чтобы не услышала Александра, и заплакала. И вдруг вспомнила, что двадцать лет назад она так же рыдала, не сдерживая слез. Да, это было ровно двадцать лет назад, в августе. Грудная Сашка лежала в коляске, она тогда еще не купила кроватку, не было денег. Она была одна с ребенком в этой громадной Москве, но и через двадцать лет она по-прежнему оставалась одна. Катерина, услышав, что

Александра вышла в коридор, притихла, унимая рыдания, притворилась, что спит, стала дышать ровнее и, засыпая, успела подумать, что, слава богу, бессонницей не страдает. Людмила уже несколько лет принимала снотворное. «Два раза в неделю засыпаю без снотворного — смеясь, рассказывала она. — В пятницу, когда заезжает режиссер, и в воскресенье, после визита доктора наук».

Антонина, выслушав ее признание, заключила:

— Если б ты замужем была, никакой муж не помог бы тебе засыпать семь раз в неделю.

— Разве? — удивилась Людмила. — У вас с Николаем не семь раз в неделю?

— У нас как у всех, — отрезала Антонина. — Один раз по воскресеньям после бани.

— Значит, мне повезло, — засмеялась Людмила.

Глава 12

В выходные дни Катерина спала подолгу. В эту субботу она проснулась, как на работу, — в шесть утра, но, вспомнив, что спешить некуда, заснула снова. Проснулась в восемь, подумала, что всего-то двух часов в сутки не хватает ей, чтобы выспаться, решила со следующей недели ложиться на два часа раньше, но, прикинув, поняла, что не получится. Эти два часа она читала или смотрела телевизор. Газеты обычно просматривала в машине, когда ездила с шофером.

Не торопясь, Катерина позавтракала привычной яичницей, бросив на сковородку помидор, куски колбасы, ломтики черного хлеба. Выпила чашку кофе, вышла на балкон. Сентябрьское утро было прохладным.

Она собрала сумку, положила в нее журнал «Новый мир», коробку конфет, кофту на вечер, если будет холодно. Александра на дачу ездить не любила. Катерина не стала ее будить и вышла, тихо прикрыв дверь.

Не торопясь, она дошла до остановки метро. Вагоны в эти утренние часы уже были заполнены, москвичи ехали на дачи или просто посидеть на траве, побродить по лесу, поискать грибы. Сонные мужчины молчали — вот выпьют на природе, и вечерняя электричка станет шумной. Говорить будут в основном мужчины, а усталые женщины помалкивать. Сейчас же разговор вели женщины, рассказывали, что и где достали. Катерина тоже все доставала по случаю, в магазинах мало чего было. У нее завелась знакомая спекулянтка, снабжавшая долгие годы Изабеллу. Теперь Изабелла стала покупать меньше, и больше перепало Катерине.

На одной из остановок из электрички вышла целая семья, и Катерина села у окна. За окном проносилось дачное Подмосковье с летними домиками, выкрашенными в зеленый, голубой или синий цвет.

И вдруг среди деревьев, вдоль железнодорожного полотна Катерина увидела совершенно голого парня, а рядом с ним голую девушку. Они стояли, заложив руки за голову, подставив солнцу обнаженные тела. По оживлению в вагоне она поняла, что их многие заметили. Катерина слышала реплики:

- Ну и срамотища!
- Ни стыда ни совести.
- А ну, не смотри!

Это, вероятно, предназначалось детям. В их возрасте я бы так не смогла, подумала Катерина, и уже никогда не смогу.

Дачный поселок, где был дом Николая, за эти двадцать лет отстроился. Катерина шла по улице, залитой асфальтом. Из окон звучала музыка. На участках работали, собирали урожай.

Возле забора она увидела Николая, который копался в моторе своего старого «Москвича».

Катерина поцеловала Николая, поднявшие вымазанные в масле руки, чтобы не запачкать ее. Он постарел, полысел, через ремень переваливался животик.

Людмила с Антониной собирали помидоры. Сыновья Николая вскапывали участок, вернее, вскапывал старший, а младший шел следом и лопатой разбивал дерн.

Катерина поздоровалась с Анной Кузьминичной, матерью Николая, отец умер два года назад.

— Что мне делать? — спросила ее Катерина.

— Передохни с дороги, — посоветовала мать, — хозяйка придет и даст распоряжение.

Значит, хозяйка — Антонина. Но в словах матери не было ни горечи, ни сожаления, что не она уже здесь главная.

Людмила набрала ведро помидоров и, проходя мимо Николая, съехидничала:

— Когда же ты ее на металлолом сдашь?

— Никогда, — ответил Николай. — На ней еще мои внуки ездить будут. Если с машиной правильно обращаться, она сто лет может сохраниться.

— Сто лет ничего не сохраняется, — добавила Людмила, — как бы правильно ни обращаться. Вот ты всю жизнь правильно жил. Сохранился, что ли? Начнем сверху. Три волосины в шесть рядов.

— Сейчас модно носить лысину.

— Это раньше было модно. Сейчас модно носить брови. — Людмила ухватила его за свисающий через ремень живот. — А это что?

— Это комок нервов. А ты знаешь, к нам Гурин заглядывал, — сообщил он.

— Денег просил в долг? Он же никогда не отдает!

— Мне отдает. Хочет попрощаться со всеми. Его на тренерскую работу пригласили в Челябинск, придет сегодня, наверное.

— Зачем ты его пригласил? Тебе мало пьяни на стройке?

— Он трезвый заходил.

— Значит, сегодня будет в дребадан. Он больше двух дней не выдерживает. Он же алкоголик!

— Не надо так, Люсь, — попросил Николай. — Он все-таки твой муж, хоть и бывший, а мой друг, у нас с ним молодость вместе прошла.

— Молодость у вас отдельно проходила, — усмехнулась Людмила. — Он по заграницам разъезжал, а ты вкалывал. Что, я не помню, что ли, как ты телевизор в кредит покупал и целый год выплачивал?

— Он не разъезжал, — не согласился Николай. — Он спортивную честь Родины защищал.

— Тоже мне Родина! Споткнулся раз, его и выкинули. И забыли. Родине ты нужен, пока молодой и здоровый.

Антонина приказала сыновьям принести стремянку и снимать яблоки с веток. Старший снимал, передавал младшему, тот отдавал Катерине, а она складывала яблоки в корзину.

— Да потряните ее, — посоветовала проходящая мимо Людмила.

— Я вам тряхну, — пригрозила Антонина, которая, обрезая кусты малины, все видела и все слышала. — Если яблоко на землю упало, оно долго не сохраняется.

— Долго ничего не сохраняется, — снова заметила Людмила, но в спор вступать не стала. На даче распоряжалась Антонина, и ее указания выполнялись неукоснительно.

Теперь, когда все были при деле, Антонина начала готовить обед, Катерина ей помогала, шинковала капусту, чистила картошку.

— А сколько у тебя в подчинении людей? — поинтересовалась Антонина.

— Больше трех тысяч...

— А как же ты с ними справляешься? Трудно небось?

— Трудно с тремя. А когда трех научишься организовывать, тогда уже число не имеет значения.

— Ты молодец, Катерина, — порадовалась Антонина. — Всего добилась в жизни. Мы тебя сыновьям в пример ставим, рассказываем про твой жизненный путь. Когда есть цель, всего можно добиться.

— Можно, — согласилась Катерина. — Только, когда всего добьешься, завывать хочется. Ну, об этом можешь им не рассказывать, когда добьются, сами это поймут.

Людмила принесла на веранду ведро помидоров и сообщила:

— Сейчас мимо дачи Гурин с приятелями проходил, обещал в гости зайти.

— Мы ему всегда рады, — сказала Антонина.

— Посмотрю я, как ты будешь радоваться, когда он на четвереньках сюда приползет.

— Да, — согласилась Антонина, — что-то вам, девочки, с мужиками не повезло. Вы ведь

и красивее меня, и умнее! А Катерине сейчас с ее должностью совсем трудно станет. Разве что министр какой холостой! Мужики ведь не любят, когда женщина выше их по должности и по зарплате.

— Министры холостыми не бывают, — возразила Катерина. — Только вдовы!

— Это, между прочим, не самый плохой вариант, — добавила Людмила. — Мне одна клиентка в химчистке подсказала, что хорошо на кладбищах знакомиться, например на Новодевичьем. Там только очень знаменитых хоронят и их жен тоже. Так вот, приятельница моей клиентки там познакомилась с главным архитектором Москвы, по рангу это как министр.

— И сколько этому архитектору? — поинтересовалась Катерина. — Лет семьдесят? Кому нужно такое старье...

— Как говорит один мой знакомый, знаменитые и богатые мужчины старыми не бывают, — заключила Людмила.

— Ой, Людка, ты неисправима, — вздохнула Антонина. — Хорошего мужика надо самой делать, а не готового получать.

— Ты сделала? — спросила Людмила.

— Я сделала, — с грустью ответила Антонина, — Николай — бригадир электриков, хороший семьянин, хороший отец для сыновей, не пьет, ну, по праздникам только немного.

— И после бани, — напомнила Людмила.

— После бани тоже, — призналась Антонина, — но это их законное мужское право.

— Привет, девочки! — Перед ними стоял Гурин — в костюме, при галстукe. Его слегка шатнуло, и он ухватился за перила крыльца. — Вот зашел попрощаться. Уезжаю тренером в Челябинск. Начинаю новую жизнь.

— Сереженька! — обрадовалась Антонина. — Присаживайся. Сейчас обедать будем.

— Антонина, — предупредила Людмила, — если он останется, я тут же уезжаю.

— Не надо уезжать, — сказал с достоинством Гурин. — Я сам уеду. Деньги, которые я тебе задолжал, переводом пришлю. Всех приглашаю в гости в Челябинск, мне там квартиру обещают отдельную. А пока — афвидерзеен. — И Гурин, стараясь идти прямо по дорожке, двинулся к калитке.

— Зачем ты с ним так? — огорчилась Катерина.

— Можешь позвать обратно, — предложила Людмила. — И весь день слушать пьяный бред, каким он был замечательным хоккеистом.

— Он действительно был замечательным хоккеистом, — добавила Катерина.

— Потому что он был таким замечательным, слишком многие с ним и хотели выпить на брудершафт. А теперь имеем, что видела. Все, кончился Гурин.

— Погоди ты его хоронить-то, — вступилась Антонина.

— Его без меня хоронить будут, — жестко ответила Людмила. — И закрыли этот вопрос.

Хлопнула калитка, и все увидели, что на участок вошла девушка. Черноглазая, стройная. К ней бросился Геннадий, подошел Николай.

— Кто это? — спросила Людмила.

— Марина, — почему-то шепотом ответила Антонина. — Геннадия невеста. На этот раз вроде бы всерьез.

Обедали на веранде. У всех давно уже были свои собственные места. Во главе стола сидел Николай. Одну сторону занимали Людмила, Катерина и Анна Кузьминична, противоположную — Антонина и сыновья. Теперь к ним присоединилась Марина. Девушка оказалась нестеснительной — охотно отвечала на все вопросы. Отец — директор магазина, мать — врач-протезист. Сама она училась на первом курсе торгового института. Трудно тебе придется, мальчик, пожалела Геннадия Катерина. Не будешь соответствовать стандартам этой семьи — быстро выкинут. Джинсы на Марине были не за пятьдесят рублей, а минимум за двести, такие она Александре купить не могла. Антонине и Николаю Марина явно нравилась. Николай разлил водку, женщины выпили с удовольствием, отказалась только

Анна Кузьминична, Марина предпочла вино, которое сама же и привезла. Николай быстро захмелел. Антонина пыталась его удержать.

— Кто здесь хозяин? — спросил он строго.

— Ты, конечно, — поспешно ответила Антонина.

После обеда Николай повел Марину по участку, показывая яблони, кусты малины, смородины, крыжовника. Двадцать лет назад его отец так же водил по участку Антонину и показывал места, где вырастет грушовка, антоновка, где будет малина, смородина. Теперь все это было, только отца уже не было.

После обеда подруги мыли посуду. Тоже привычный ритуал.

Людмила, протирая посуду, спросила Катерину:

— А ты чего никогда не пригласишь Петрова на дачу?

— Хотелось бы на него посмотреть, — добавила Антонина.

— Смотреть особенно не на что, — заметила Людмила, — но не дурак и веселый.

— Нет больше Петрова, — призналась Катерина.

— Может, и правильно, — согласилась Людмила. — Иногда мужика надо подержать на расстоянии, чтобы больше ценил.

— Может, ты слишком требовательна к мужикам? — предположила Антонина. — А ты просто влюбись, и все!

— Не получается, — возразила Катерина. — Да где они, мужики-то? Выродились все. Скучные, нерисковые, скупые. Ты посмотри, кто сейчас в кино, в театры, на выставки ходит? Одни же бабы. А эти — домой, на тахту и к телевизору. Сорока еще нет, а животы уже отрастили. Мятые какие-то. Ботинки нечищенные.

— А ботинки-то при чем? — удивилась Антонина.

— Терпеть не могу, когда мужик в нечищенных ботинках. Сразу весь интерес пропадает.

— Тогда тебе надо за военного замуж выходить, — заметила Людмила. — Их еще в училище приучают ботинки чистить.

— Смешно, — сказала Катерина. — Нам уже о внуках пора думать, а мы все о любви. Ну какая любовь в сорок лет? Это только в молодости смотришь на него, и хочется только одного: чтобы он подошел и познакомился.

— Я всегда сама знакомлюсь, — сказала Людмила. — Такое дело случаю доверять нельзя.

— Опытные мы слишком и знающие уже, — вздохнула Катерина. — Я смотрю на мужика и все про него понимаю. Мешочки под глазами, значит, почки: или пьет, или пил. Бледноватый, значит, уже есть стенокардия или вот-вот появится. По его костюму и ботинкам я могу определить, какую он зарплату получает.

— Очень ты все-таки требовательная, — решила Антонина.

— Да не требовательная. Я на малое согласна. Но и этого малого не получается.

— Может, с Николаем поговорить? — предложила Антонина. — У него много приятелей. — Но тут же засомневалась: — Нет, они все женатые.

— Какая разница — женатый или неженатый? — возразила Катерина.

— Ты что же, семью будешь разбивать?

— Что значит разбивать? Если разбивается, значит, не семья, а если семья, то все равно не разобьешь.

— Ну, ты не права, — заметила Людмила. — Мужики тоже иногда увлекаются, и тогда он ради тебя и в огонь, и в воду, и семью разобьет.

— Было у тебя такое? — спросила Катерина.

— По полной программе не было, — согласилась Людмила.

— Вот именно. Увлекаются на вечер, некоторых хватает на месяц. У сегодняшних мужиков вместо мозгов электронно-вычислительные машины. Как только надо что-то решать окончательно, тут же эта машина включается и начинает перебирать варианты. С ней, конечно, хорошо, но к жене я уже привык. Она борщ хороший готовит. Некраси-

вая, конечно, зато ни она на мужиков не за-
сматривается, ни мужики на нее. Опять же
квартира. Разменивать жалко, дети все-таки.
А вещи на свои кровные куплены, много лет
собирал на гарнитур, на телевизор, а тут взять
и все бросить. А делить вроде совестно. А, пусть
все остается как есть!

— Грустную ты картину нарисовала, —
вздыхнула Людмила.

— Надо просто вовремя замуж выхо-
дить, — подвела итог Антонина. — Даже если
и есть недостатки, к ним привыкаешь. Глав-
ное все-таки, чтобы был мужиком в доме. Что-
бы можно было на него опереться. Мне, конеч-
но, неудобно перед вами, но мне повезло.
И ведь не самая умная и не самая красивая.

— Ты замечательная, — призналась Кате-
рина. — Ты лучшая из нас.

— Есть один недостаток у нее, — задум-
чиво сказала Людмила.

— Какой? — спросила Катерина. — По-
моему, нет ни одного.

— Есть, — не согласилась Людмила. — Всю
жизнь с одним мужиком живет. И ни разу ему
не изменила. Это даже патология какая-то.

— Ну не изменяла, — ответила Антони-
на. — В молодости не случилось, а сейчас уже
поздно. Конечно, я же нормальная баба. Мне
и другие мужики нравились. Но холостых я
боялась: не дай бог, какую-нибудь нехоро-

шую болезнь подцепить и в семью занести. А другие мужики — или мужья моих подруг, или знакомых. Как потом подругам в глаза смотреть? А так, после Николая, со мною никто и не знакомился ни в автобусах, ни в метро.

— У тебя замечательная семья, — заверила Катерина. — И не слушай Людку. Все мужики одинаковые.

— Не скажи, — не согласилась Людмила. — В основном, конечно, стандарт, но есть и выдающиеся. Конечно, у меня не такой уж богатый опыт, но все-таки...

Но тут на веранду вбежал младший, Димка, и разговор пришлось прекратить.

Катерина поставила раскладушку под дерево и сразу уснула. Она проснулась, когда уже темнело. Людмила встала раньше и уже вскипятила чайник. Они сидели на веранде и пили чай со смородиновым вареньем.

— Так что, у тебя с Петровым полный разрыв? — вернулась к разговору Людмила.

— Полный, — подтвердила Катерина.

— Значит, ты совсем одна теперь?

— Значит, так, — подтвердила Катерина.

— Тебе надо изменить обстановку, — решила Людмила. — Режиссер выехал на натуру в Таллинн. Они там Германию снимают. Мой Еровшин едет их консультировать. У меня есть пять отгулов, плюс суббота и воскре-

сенье, так что мы с Еровшиным туда махнем. Поедем? С новыми людьми познакомишься.

— Некогда, — вздохнула Катерина. — А как ты разведешь своего Еровшина и своего режиссера?

— Как-нибудь, — отмахнулась Людмила.

К вечеру стало прохладно. Катерина накинула кофточку, попрощалась с Николаем и Антониной. Людмила осталась ночевать.

— Оставайся и ты, — попросила Антонина. — Завтра еще целый свободный день. На речку ходим.

— Не могу. Я уже месяц квартиру не убирала, не стирала, да и еду надо готовить на неделю.

— Тебя проводить? — спросил Николай.

— Не надо.

Катерина посмотрела расписание электричек, до станции быстрым шагом она доходила за шесть минут. Ровно за семь минут до прихода электрички она вышла с дачи.

В вагоне было немного припозднившихся пассажиров. Сидели одинокие женщины — пожилые, средних лет. Сидели, поглядывая в окна, или читали толстые, потрепанные книги. Одна пожилая пара молча играла в карты. Молодая пара — целовалась. Пара предавалась этому занятию с удовольствием, а девушка, гордая своей смелостью, после каждого поцелуя с вызовом поглядывала на одиноких женщин.

На остановке в вагон вошел мужчина в кожаной куртке и застиранных до белизны джинсах.

— Здравствуйте, — произнес он.

Пассажиры подняли головы и промолчали. Ответила одна старушка:

— Здравствуй, милый.

Наверное, она была расположена поговорить, но мужчина уже прошел. Катерина смотрела не на мужчину, а на женщин, как они реагируют, — вошел ведь одинокий, можно попробовать знакомство завязать. Интеллигентная девушка в очках читала иностранную многостраничную газету. Она мельком глянула на вошедшего и снова зашелестела газетой. Для нее вошедший был простоват, да и староват наверное.

Женщина под пятьдесят осмотрела его и отвернулась к окну: слишком молод для нее, мужчине было под сорок или слегка за сорок.

Катерина отложила блокнот и осмотрела вошедшего внимательно, по своей давней привычке попыталась определить профессию. Она выделила руки с худощавыми нервными пальцами в белых отметилах давних шрамов, которые остаются на руках людей, работающих с металлом. Кожаная коричневая куртка была довольно потрепанной, из толстой, прочной кожи, такие носили летчики по многу лет, потом их донашивали сыновья. Может

быть, из демобилизованных офицеров, подумала она. После последнего сокращения армии сотни тысяч офицеров осваивали рабочие профессии, и у нее на комбинате такие работы. Работали хорошо, правда, иногда загуливали. Из офицеров, решила она. Офицеры женятся рано, наверное, у него взрослые дети. Мужчина приблизился, Катерина отвернулась. И вдруг она почувствовала, что он остановился рядом. Почувствовала по едва уловимому запаху хорошего одеколона, коньяка и кожи.

— Не помешаю? — спросил мужчина.

Приятный баритон, отметила Катерина, спокойный голос уверенного в себе человека.

— Нет, — произнесла она.

Мужчина сел напротив нее. Катерина опустила глаза и увидела нечищенные ботинки.

Перейду в другой вагон, решила она.

— Я сам терпеть не могу грязной обуви, — вдруг сказал мужчина.

— Мне нет никакого дела до вашей обуви. — Катерина была резка — она решила прекратить этот разговор.

— Разумеется, — подтвердил мужчина. — Но вам это неприятно.

Она решила ответить: «Да, неприятно», но почему-то спросила:

— С чего это вы взяли?

— У вас это на лице написано.

— А вы читаете по лицам?

— Да, как вы сами в этом убедились. Если не возражаете, могу почитать и дальше.

— Попробуйте, — согласилась Катерина. Этот человек ее забавлял. Почему бы и не поговорить — до Москвы еще двадцать минут.

— Вы не замужем, — продолжил мужчина.

— Это уже дешевый финт, — запротестовала Катерина.

— Почему?

— Если я не ношу обручального кольца, это еще ничего не значит.

— Даже если бы вы носили два обручальных кольца, вы все равно не замужем. У вас взгляд незамужней женщины.

— А разве незамужние женщины смотрят как-то по-особенному? — удивилась Катерина.

— Конечно, — подтвердил мужчина. — Они смотрят оценивающе. А так смотрят только милиционеры, руководящие работники и незамужние женщины.

— А если я руководящий работник?

— Нет, вы работница, может быть, мастер, может быть, в последние годы вы стали двигаться по профсоюзной линии. Вас выдают руки. Работали или работаете на станке. Я в этом ничего зазорного не вижу. Я сам слесарь, правда экстра-класса. И в том, что вы не замужем, тоже нет ничего предосудительного. Я сам не женат.

— А вот это скорее говорит о ваших недостатках, чем о ваших достоинствах.

— Это ни о чем не говорит, — возразил мужчина. — Мне лично просто не повезло.

— Она, конечно, была стерва? — предположила Катерина.

— Нет, она была прекрасным человеком. Теперь она уже снова вышла замуж и счастлива.

— Значит, вы плохой человек?

— И я прекрасный человек. — Мужчина рассмеялся. — Вы знаете, у меня почти нет недостатков.

— А это? — Катерина щелкнула по воротничку своей кофточки.

— Это я люблю, — мужчина снова рассмеялся, — но только вне работы и под хорошую закуску. Я живу на проспекте Вернадского, недалеко Воронцовские пруды. Это прекрасно: сесть под березками...

— А вокруг гуляют дети, — вставила Катерина.

— Ни в коем случае, — заверил мужчина. — Мы выбираем места подальше от детей.

— Да и взрослым на это смотреть не очень приятно, — поморщилась Катерина.

— Ничего не вижу в этом плохого, — не согласился мужчина. — Никаких бутылок и банок мы после себя не оставляем. Просто это наше место. Я вас как-нибудь свезу туда.

Мы там собираемся раз в неделю. У меня есть приятель. Он язвенник. Ему нельзя. Так он просто приходит посмотреть и порадоваться за нас. Селедочка иваси, малосольные огурчики, черный хлеб, посыпанный солью...

— Черт возьми, вы так вкусно рассказываете, что мне самой захотелось и хлеба с солью, и селедочки.

— Молодец, — похвалил мужчина. — Ты нашего профсоюза.

— А мы, по-моему, на «ты» еще не переходили.

— Так перейдем, — пообещал мужчина.

Электричка притормозила у московского перрона.

— Счастливо, — попрощалась Катерина и пошла к выходу.

Она уже была на перроне, но мужчины рядом не оказалось. То ли он затерялся в толпе, то ли спешил домой. Катерина пошла медленнее, раздумывая — оглянуться или нет. Ей вдруг захотелось, чтобы он шел рядом. Но его не было. Ну, не повезло, с сожалением подумала Катерина, и тут возле нее остановилось такси.

— Прощу. — Мужчина распахнул дверцу. — Я тебя отвезу на такси.

— С чего бы это? — удивилась Катерина.

— Ты всегда задаешь столько вопросов? С чего, почему, зачем? А просто так. Могу я от-

везти понравившуюся мне женщину? У меня есть пять рублей.

— До моего дома хватит, а обратно нет.

— Ты всегда все считаешь?

— Всегда, — подтвердила Катерина.

— Теперь буду считать я, — заверил мужчина. — А как тебя зовут-то?

— Катериной. А тебя?

— Гога.

— Значит, Гога, — и Катерина вздохнула. — Только этого мне и не хватало.

Они доехали до ее дома. Гога вышел, открыл дверцу такси.

— Счастливо, — попрощался Гога.

— Счастливо, — ответила ему Катерина и пошла к своему подъезду. Жаль, что он не спросил номера телефона, подумала она. Но не спрашивать же самой! И она вошла в подъезд.

Все воскресенье Катерина занималась уборкой. Вымыла окна, за лето стекла стали такими, что на это ушла половина дня. Потом она протирала книжные полки, пылесосила, стирала, готовила на целую неделю, включив радиоприемники на кухне и в своей комнате, слушая все подряд: выпуски новостей, концерты, интервью, передовые статьи в обзоре печати, — и постоянно возвращалась мыслями ко вчерашней встрече. Гога запомнился. Ей нравился такой тип московских

мужчин, быстрых, разворотливых, бойких на язык. Их характер формировался в московских дворах, которые объединялись в небольшие укрепленные поселения, всегда готовые дать отпор пришельцам с соседних улиц. И даже вырастая, становясь начальниками, они сохраняли дворовую штанистость, умение не уступать по первому требованию. Они закалялись в дворовых и уличных драках. Катерина сразу отличала коренных москвичей среди рабочих: они работали быстрее деревенских, ценили время, скандалили с мастерами и нормировщиками, отстаивали правоту и, если им этого не удавалось, увольнялись, не боясь остаться без работы. Она замечала, что москвичи сторонились деревенских девушек, опасаясь их хватки: такая вцепится — не упустит! Побаивались деревенской расчетливости, запасливости. Большинство москвичей жили по принципу, будет день — будет хлеб.

Катерине нравились московские парни, но она, похоже, отпугивала их то ли своей серьезностью, то ли целенаправленностью. Да, попасть из окраинных общежитий в московские тесные компании было довольно сложно.

Весь воскресный день у Катерины было приподнятое настроение, может быть, поэтому она за одно воскресенье сделала столько, сколько делала обычно за два выходных дня. Она понимала, что понравилась этому Гоге.

Понравилась, как нравится женщина мужчине. Он ничего о ней не знал. Просто встретились и поговорили. Но вот так встречаются миллионы мужчин и женщин на улицах, в метро, на работе, в компаниях, потом встречаются снова и снова, и женщина и мужчина становятся мужем и женой. Так далеко она не загадывала, конечно. Иногда, задумываясь, какой у нее может быть муж, она почему-то представляла инженера или научного работника. В последние годы она больше обращала внимание на мужчин постарше, понимая, что теперь именно этот контингент будет отдавать ей предпочтение. Но нравились ей по-прежнему крепкие, уже сформировавшиеся мужчины под сорок, ей всегда нравились такие — и в двадцать лет, и в тридцать, и сейчас, уже почти в сорок.

Почему же он не спросил телефона? Почему я так поспешно пошла к подъезду? Конечно, он знает, где я живу, но он никогда не найдет меня в этом доме, в котором больше пяти-сот квартир. Конечно, я идиотка, думала она, ну что стоило сказать:

— До свидания. Я ваша должница. В следующий раз я вас отвезу на такси.

— А когда будет следующий раз? — спросил бы он.

— А вы позвоните.

— А куда я позвоню? Я не знаю телефона.

И тогда она бы сказала номер. Ее номер легко запоминался. В конце концов, могла бы и записать, при ней всегда были блокнот и авторучка.

Весь следующий день Катерина провела на комбинате, решая привычные вопросы. Смежники не поставили реактивы, на автобазе водители требовали снять заведующего гаражом и отказывались выезжать. Шоферы сидели на досках и загорали под сентябрьским еще горячим солнцем. Она смотрела на них и молчала.

— Скажи уж чего-нибудь, Александровна, — крикнул кто-то из шоферов.

— Ничего не скажу, потому что я пришла не на пляж и не в баню.

Шофера стали натягивать спецовки и рубахи. Заведующего гаражом она назначила недавно. Он пытался навести элементарный порядок, который развалил его предшественник. Когда все оделись, Катерина сказала:

— Я прочитала ваше письмо турецкому султану, вернее, султанше. Письмо яркое, но на одной странице восемь грамматических ошибок.

— Грамматика не главное в нашей работе, — возразили ей.

— О главном поговорим после работы. Назначайте собрание. А сейчас кончайте базар и выезжайте на линию.

— Не поедем, — загалдели водители. — Выполняй наше требование.

— Можете не ехать, — согласилась Катерина. — Я с вами ничего сделать не могу, даже уволить за прогул, вы же вышли на работу. — Катерина сделала паузу, она молчала довольно долго, водители ждали. Они понимали, что загнали ее в тупик, и наблюдали, как она выкрутится. — Я сделаю вот что, — решила Катерина. — Наше волокно ждут на ткацких фабриках, за простой они выставят комбинату штраф, и довольно большой. Я подам на вас в суд, и суд заставит вас выплатить этот штраф, — Катерина достала калькулятор, они недавно стали появляться, отечественные были громоздкие, но у нее был японский, миниатюрный. Она сделала расчеты и объявила: — Если по двадцать пять процентов от зарплаты, то в течение года вы все выплатите. Не думаю, что ваших жен обрадует, если целый год вы будете получать на четверть меньше.

На автобазе давно шла борьба водителей с заведующими. Больше года руководители автобазы на этом месте не задерживались. Катерина в первый же месяц выявила главного бунтаря — этому она научилась еще у директора галантерейной фабрики: выявить неформального лидера и выдвинуть его на какую-нибудь должность, так в свое время поступили с ней.

— Валентин, — сказала она, — Михайлов, это я к тебе обращаюсь.

Михайлов, удивленный тем, что директор комбината его знает, встал.

— Ой, не обрадуется твоя Лариса, что ты будешь платить вторые алименты. — Катерина знала, что Михайлов женат на женщине, которая работала в бухгалтерии комбината.

— Катерина Александровна, — сказал Михайлов, — это несправедливо — смешивать дела семейные с производственными.

— А что мне делать, если они перемешались? — вздохнула Катерина. — Так что ничем я вам, ребята, помочь не могу. Завбазой будет работать, не буду я менять через каждые два месяца руководителей. Но вот что я могу сделать: есть свободная должность начальника второй колонны. Давайте. Выберите из своих, начальник колонны на многое может влиять.

— Мы выберем! — пообещали ей.

— А чего тянуть-то, — добавила она. — Называйте фамилию, сегодня же я подпишу приказ.

— Михайлова! — выкрикнул один из шоферов.

— Замечательно. Валентин, принимай колонну.

Ну что, Валя, подумала она с удовольствием, теперь ты будешь отстаивать не только

интересы водителей, но и мои тоже. И подвела итог:

— Извините, у меня дела. Я должна идти.

— Все равно мы не выедем, — начали выкрикивать шофера. — Меняй и начальника базы!

— Нет, — отрезала Катерина. — Этого не будет. — И пошла к велосипеду. Комбинат занимал огромную площадь, расстояния между цехами были по триста метров. Катерина обратила внимание, когда была на атомном реакторе в Дубне, что там физики по бесконечным коридорам ездили на велосипедах. Когда ее утвердили директором, тоже купила велосипед, он хранился у вахтеров. Бывший ее директор по комбинату ездил на «Волге». Вначале, увидев ее на велосипеде, рабочие посмеивались, но за три месяца привыкли. Теперь по комбинату на велосипедах гоняли и главный инженер, и начальник охраны, и даже некоторые начальники цехов.

Катерина закрутила педалями. Кто-то выматерился за ее спиной.

В кабинете она начала просматривать сводки отчетов, но не могла отделаться от мысли: выехали ли водители. Не выдержала и позвонила в диспетчерскую.

— Выехали, — сообщил диспетчер.

Катерина обрадовалась. Когда в кабинет вошел Самсонов, она ему улыбнулась. Самсо-

нов подал заявление об уходе по собственному желанию. Она подписала и этой подписью вычеркивала его из своей жизни, как совсем недавно вычеркнул ее он. И слава богу, подумала она, скучная жизнь была у меня с ним.

Она отогнала машину на станцию технического обслуживания и оставила ее на ночь, директор станции обещал, что ее сделают в вечернюю смену. Домой Катерина возвращалась на метро. Она решила, что в следующую субботу поедет к Николаю и Антонине. И будет возвращаться на электричке в то же самое время, в том же вагоне. Если этот Гога не полный идиот, ему должна прийти в голову такая же мысль. Самый простой способ — восстановить ситуацию. Не обходить же пятьсот квартир и спрашивать женщину по имени Катерина.

Она зашла в универсам, в отделе самообслуживания побросала в тележку расфасованные куски колбасы, сыра, несколько банок рыбных консервов. Выбирать было особенно не из чего. У выхода она прихватила еще пакет с картошкой и двинулась к дому, сгибаясь под тяжестью груза.

И вдруг кто-то взял из ее рук пакеты. Рядом стоял Гога.

— Привет, — улыбнулся он. — А я уже часа два здесь околачиваюсь.

— Зачем? — спросила она почти автоматически, понимая, что задала глупый вопрос.

— Потому что мне хотелось тебя видеть.

— Ладно, тогда пошли. Я тебя познакомлю с дочерью.

— Так у тебя и дочь есть?

— А почему это тебя удивляет? Женщина в моем возрасте должна иметь детей. Это нормально.

— Может, у тебя и муж есть?

— А что это меняет? Ты же хотел меня видеть.

— Так, — предположил Гога, — значит, ты разругалась с мужем и теперь решила прочить его с моей помощью.

— Пошли, пошли, — засмеялась Катерина. — Ты же вчера определил, что я женщина незамужняя. Сейчас сможешь убедиться в точности своих догадок.

И она пошла к лифту. Гога, подхватив пакеты, вынужден был двинуться за нею.

В лифте она улыбнулась, рассматривая его озабоченное лицо. Она обрадовалась, что он нашел ее.

— Как тебя по отчеству-то? — спросила Катерина.

— Иванович. Вообще-то меня Георгием Ивановичем зовут.

— Я тебя не вообще, я тебя в частности буду представлять.

Катерина открыла дверь своей квартиры. Им навстречу вышла Александра с книгой в руках.

— Привет! — сказал ей Гога.

— Это мой знакомый, Георгий Иванович, — представила его Катерина.

— Александра, — представилась Александра. — Если я вам не нужна...

— Нужна, — прервал ее Гога. — Отнеси продукты на кухню.

Александра хмыкнула, но пакеты понесла.

Гога осмотрелся, заглянул в комнату Катерины.

— Ну как? — поинтересовалась Катерина.

— Годится. Судя по блеску стекол и ворсу ковра, убирала не больше суток назад. Готовилась к встрече со мной?

— Ты угадал, — подтвердила Катерина. — Угадывай дальше.

— Я думаю, что мы будем ужинать.

— Опять угадал. Только я минут десять отдохну.

— Отдыхай, — разрешил Гога.

Он прошел на кухню, открыл холодильник, изучил его содержимое, заглянул в настенные шкафы.

Зажег плиту, слегка прокалил сковородку, растопил на ней масло, бросил антрекоты.

На кухню заглянула Александра.

— Ты есть будешь? — спросил ее Гога.

— А если буду?

— Тогда порежь лук.

Александра несколько секунд поколебалась, но стала резать.

Гога почти профессионально, одним движением снял с селедки кожицу, поставил варить яйца, открыл банку печеночного паштета. В паштет пошел лук, подсолнечное масло, яйца уже охладились под струей воды.

— Что пить будем? — спросил Гога у Александры.

Александра открыла буфет. Там стояла початая бутылка вермута. Гога налил вермут в бокалы, разбавил его апельсиновым соком, бросил кубики льда. Александра попробовала.

— Даже интересно, — заметила она.

— Вполне, — согласился Гога.

Когда Катерина вошла на кухню, стол был уже накрыт. Гога ловко переложил антрекоты на тарелки.

— Прощу. — Гога пододвинул стул Катерине и сам сел только после того, как сели женщины.

— Тебя как мать зовет? — обратился он к Александре.

— Марусей.

— Ну и я тебя так буду звать, — решил Гога.

— А я вас Васек, — отозвалась Александра.

— Давай, — согласился Гога. — Как меня только не звали: Жора, Георгий, Гоша, Юрий, Гога.

— Гога — это очень интересно, — подтвердила Александра. — Вы с мамой вместе работаете?

— Нет, но жить будем вместе.

— Вы собираетесь на ней жениться?

— Да.

— И она согласна?

— Разумеется.

— А жить где будете?

— Здесь. Конечно, станет чуть-чуть теснее, но это же ненадолго. Ты выйдешь замуж. А у родителей твоего мужа вполне может оказаться большая квартира, и они выделяют вам комнату.

— А если он будет из Пскова? — спросила Александра.

— За псковских лучше не выходить замуж.

— А если это будет любовь?

— Ну, если любовь, то тогда... — Гога развел руками. — Перед любовью нет никаких преград. Решим эту проблему. У меня комната в коммунальной квартире. Или вы с мужем останетесь здесь, а мать переедет ко мне, или мы останемся здесь, а вы переедете в мою комнату.

— И когда вы все это решили? — засмеялась Александра.

— Только что.

— А вы давно знакомы с мамой?

— Двое суток.

И тут Александра захлопала в ладоши.

— Ты что? — удивился Гога.

— А мама утверждает, что любовь любовью, но надо хорошенько узнать человека. А чтобы принять правильное решение, нужно время.

— Мама права, — подтвердил Гога. — Когда сомневаешься: любовь это или не любовь, то нужно время.

— А вы, значит, не сомневаетесь?

— Я лично нет. А у тебя еще будет время. Шесть дней хватит?

— А почему шесть? — включилась в разговор Катерина.

— В следующее воскресенье я вас приглашаю на пикник. Вы согласны?

— Как, Александра? — обратилась к дочери Катерина.

— А что за компания будет? — поинтересовалась Александра.

— Научно-техническая. В основном кандидаты наук, молодые, — посчитал необходимым добавить Гога.

— Ну, если молодые, то я согласна, — сказала Александра.

— Я тоже, — добавила Катерина.

— Ты устала, отдыхай. — Гога надел кожаную куртку и пошел к выходу. Катерина вышла с ним на лестничную площадку и вызвала лифт.

— Дочь у тебя симпатичная, лучше нет, — подвел итог вечера Гюга.

— А что, заметно, что в доме нет мужчины? — улыбнулась Катерина.

— Конечно, когда в доме мужчина, всегда есть такой псиный запах.

— Правда? — удивилась Катерина.

— Конечно правда, — подтвердил Гюга. — У меня есть одна особенность: я всегда говорю правду. Ты в этом убедишься. Раньше было такое дело — привирал по мелочи, потом пришел к выводу — невыгодно, голову забивает, все время нужно помнить, что сказал этому, что не сказал.

— А этой? — вставила Катерина.

— С женщинами особенно, — согласился Гюга. — Они приметливые и все запоминают. Пока! Я тебе позвоню. Может, в кино сходим.

— Ты же телефона не записал!

— Я запомнил. Номер на табличке аппарата записан, — и Гюга назвал номер.

Катерина вернулась на кухню, и они с Александрой начали мыть посуду.

— Откуда он? — спросила Александра.

— Из электрички.

— Ты уже в транспорте стала знакомиться? — удивилась Александра.

— Так вот получилось...

— А кто он по профессии?

— Слесарь.

— Ну, слесарей у нас еще не было. А за кого он тебя принимает? Может, за приемщицу с фабрики-прачечной?

— Я думаю, он меня принимает за женщину.

— Слушай, мама, это забавно. Пусть он так и думает. Вот смеху-то будет, когда узнает правду! Ничего, пусть походит, он не зануда. Ты же его не обманывала, он сам ничего не спрашивал. Он тебе нравится?

— Не зануда, как ты говоришь, — неопределенно ответила Катерина.

— Значит, нравится, — решила Александра. — Тогда точно не говори. Отпугнешь. Чуть позже скажешь.

— Не знаю, — замялась Катерина.

— Я часто думала, почему ты не выходишь замуж? Ты ж симпатичная, даже красивая.

— И почему?

— Очень ты определенная и уверенная. И еще ты мужиков обрываешь, когда они какие-нибудь глупости говорят.

— А что, надо выслушивать глупости?

— Ну, как выясняется, мужики не такие уж и умные, во всяком случае большинство.

— А ты откуда про мужиков-то знаешь? — удивилась Катерина.

— Так я же всю жизнь среди мужиков, начиная с детского сада, школы, теперь в институте. Иногда такие глупости говорят, но я мимо ушей пропускаю.

— А как ты думаешь, Гога глупый?

— Он уверенный. Знаешь, кого он мне напоминает?

— Кого?

— Нашего учителя труда в школе. Наш Михалыч может все — и по дереву, и по металлу, и по аппаратуре. Наши ребята пытались его подкалывать. А он им прямо: возьми и сам сделай.

— Ну и что?

— А ничего. Не могут. Ни руками. Ни головой. Ты не отпугивай этого Гогу. Сколько у нас по дому дел накопилось!

— Ты очень меркантильная, — заметила Катерина.

— Мне до тебя далеко.

— В каком смысле? — насторожилась Катерина.

— В хорошем, — успокоила ее Александра.

На следующий день Катерина вспоминала Гогу несколько раз, но до воскресенья было еще далеко. Она забрала на станции техобслуживания свои «Жигули». Принимая машину, открыла капот, осмотрела двигатель, проверила уровень масла, завела, вслушалась. Ей рассказывали случаи, когда за ночь подменяли дефицитные детали. Двигатель работал безупречно. Она проверила в багажнике инструмент, запаску.

— Катерина Александровна, обижаешь. —
Директор станции наблюдал за ее действиями. — Не посмели бы, ты мой личный клиент.

— Береженого бог бережет, — ответила Катерина.

Александры дома не было. Катерина села в кресло, положила ноги на журнальный столик, так снимать усталость Катерина научилась у Людмилы. И тут зазвонил телефон. Она сняла трубку.

— Это Георгий Иванович. Здравствуйте.

— Здравствуйте, — ответила Катерина и замолчала.

— Это Гоша.

Она впервые слышала его голос по телефону и не узнала.

— Есть предложение, — заявил Гоша.

— Давай.

— Сходить в кино. Билеты я уже взял.

Ни за что, решила Катерина: ехать в центр, в переполненном метро, потом возвращаться. А если он зайдет после, она должна будет пригласить его на чашку чая. Вечер пропал.

— Кинотеатр рядом с твоим домом. — Гоша как будто почувствовал ее сомнения.

— Ну, не рядом, — возразила Катерина, все еще раздумывая, как ему отказать.

Кинотеатр в пяти минутах ходьбы, если через сквер. Его построили недавно, и Катерина в нем еще не была. Она согласилась. Сеанс начинался через час.

— Заходи, — разрешила Катерина.

— Я погуляю. Не люблю, когда ко мне врываются, и сам не люблю врывать. Я тебя встречу перед сеансом. — И Гоша повесил трубку.

Катерина подумала, что пока он не сделал ничего такого, что бы ее раздражило. А может быть, он постоянно думает: приятно мне или неприятно, обрадует или не обрадует, поставит в затруднительное положение или не поставит. Таких мужчин в ее жизни не было. Всегда она думала о мужчине.

Катерина не спеша собралась, надела кардиган, который только входил в моду. У нее улучшилось настроение. Ее ждали.

Гога ее встретил еще в сквере. Она протянула ему руку, он поцеловал ее. Молодой парень, пробежавший мимо, изумленно посмотрел на них.

В фойе кинотеатра они купили мороженое, потом лимонад. Она снова удивилась, как он мог почувствовать, что после мороженого ей захочется пить.

Катерина присмотрелась к пришедшим в кино. Были молодые пары, стариков почти не было: пенсионеры ходили на дневные се-

ансы, покупая более дешевые билеты. Было много женщин ее возраста, в основном с подругами. И она вдруг почувствовала некую гордость, что она не одна, не с подругой, а с мужчиной.

Как всегда, перед фильмом показывали киножурнал «Новости дня». Половина журнала была посвящена поездке Брежнева в Азербайджан — генсек с трудом спустился по трапу самолета, и было видно, что он не может отщипнуть от каравая кусочек. На экране крупным планом он был только один раз. Катерина увидела отсутствующий взгляд, старый человек двигал челюстью, будто пережевывал пищу. По наступившей тишине Катерина поняла, что весь зал рассматривает его так же, как и она. По Москве давно ходили слухи о неизлечимой болезни генсека, и все видели, что за эскортом машин, сопровождавших его, всегда ехал черный ЗИЛ с надстройкой — реанимационный автомобиль.

Потом показывали венгерскую комедию. Катерина комедий не любила, особенно эксцентрических, когда бросались тортами и падали в канализационные люки. Она закрыла глаза и проснулась к концу фильма на плече Гоши.

— Извини, — сказала она, — устала.

— Ты на двух работах работаешь?

— На одной, но ненормированный рабочий день.

— А где ты работаешь? Я же про тебя ничего не знаю.

— На химкомбинате. Я про тебя тоже ничего не знаю.

— В воскресенье все узнаешь, — пообещал Гоша. — Уже сейчас идет подготовка к показательным выступлениям.

— И кто готовится?

— Мои друзья.

— Вспомнила. Молодые кандидаты наук. Ты тоже кандидат наук?

— Я больше.

— Доктор наук?

— Я между кандидатом и доктором. А подробности — в воскресенье.

Они дошли до подъезда ее дома.

— Пойдем, чаем напою, — предложила Катерина.

— Спасибо. Отдыхай. Извини, если нарушил твои планы.

— Тебе спасибо. Хоть фильм и не посмотрела, зато выспалась.

— Я тебе содержание перескажу, — пообещал Гоша. — И вообще, мы можем поделить обязанности. Сначала я буду смотреть и пересказывать содержание, а ты спать. В следующий раз я буду спать, а ты перескажешь.

Гоша привлек ее к себе, слегка коснулся губами ее щеки и зашагал к троллейбусной

остановке. Через несколько шагов он оглянулся и помахал рукой. Она тоже подняла руку, но у нее это не очень получилось, и она поймала себя на том, что первый раз в жизни кому-то махала рукой.

Катерина открывала дверь квартиры, когда услышала, что звонит телефон. Перезвонят, решила она, но телефон звонил не переставая. А вдруг это он, подумала Катерина и бросилась к телефону. Но это звонила Людмила:

— Тебе заказывать билеты в Таллинн?

— Я же работаю.

— Выедем в четверг вечером, — пояснила Людмила. — Утром будем в Таллине. Пропускаешь один рабочий день. Зато три дня на море, а в воскресенье вечером вылетим на самолете.

— Не получится. — Катерина вспомнила о воскресенье, на которое намечались показательные выступления.

— А где ты была? — спросила Людмила.

— В кино.

Людмила замолчала, потом переспросила:

— В кино? А что смотрела?

— Какую-то венгерскую комедию, забыла название.

— С Сашкой, что ли? — допытывалась Людмила.

— Со знакомым.

— С Петровым?

— С новым. В воскресенье в электричке познакомилась.

— Кто такой? Давай основные параметры.

— Не хочется, — ответила Катерина. — Как-нибудь сама увидишь.

— Понятно, — решила Людмила. — Значит, несерьезно.

— Возможно, — согласилась Катерина.

— Ладно, вскрытие покажет. А я еду с Еровшиным.

— Может, не надо? И Еровшин, и этот режиссер — как ты их разведешь?

— Как-нибудь.

— Смотри, — предупредила Катерина. — Не отдохнешь, изнервничаешься, а если чего-нибудь не учтешь, потеряешь обоих.

— Не потеряю!

— Приедешь, расскажешь, как выкручивалась.

— А ты — как закручивалась, — рассмеялась Людмила. — Чао, бамбино!

Глава 13

После разговора с Катериной Людмила не то чтобы забеспокоилась, но задумалась. Как же все-таки действительно развести Еровщина и режиссера? Терять Еровщина ей не хотелось. Он был единственным мужчиной, на которого она могла надеяться. За двадцать лет их отношения стали почти супружескими, она его понимала по взгляду, даже когда он молчал. Она по-прежнему не знала, чем он занимается в своей конторе «глубокого бурения». Знала, что он стал генерал-лейтенантом. Семь лет назад вынул из коробочки две генеральские звездочки, бросил их в стакан с водкой — оказывается, существовал старый обычай обмывать звезды при получении очередного звания.

За двадцать лет они никуда вместе не выезжали, это была их первая поездка. Хотя всего на три дня, но это все-таки три разных туалета, вечерние платья, две пары туфель, боножки на каждый день, тапочки, ночная рубашка, халат, хотя бы одна шерстяная кофточка, косметика, духи, дезодорант, крем для

лица, крем для рук. Две коробки конфет — одна для себя, другая — если придется пойти в гости, даже в соседний номер, банка кофе.

Когда она все это разложила и прикинула, пришлось брать чемодан, оказавшийся довольно тяжелым. А Еровшин после операции на желчном пузыре избегал поднимать тяжести.

Еровшин должен был заехать к семи вечера. Он никогда не опаздывал больше чем на минуту. Людмила открыла окно, чтобы услышать, когда подъедет машина.

Не услышала в назначенное время, выглянула и увидела, что черная «Волга» уже стоит, а Еровшин в просторной длинной куртке с множеством карманов прогуливается по тротуару.

Она вышла с чемоданом и сумкой. Из машины тут же выскочил шофер, забрал у нее чемодан, положил в багажник. Мотор работал почти бесшумно. Шофер выставил на крышку мигалку, и они понеслись в крайнем левом ряду. Водители впереди идущих машин тут же перестраивались вправо. До вокзала они доехали за пятнадцать минут. Шофер внес ее чемодан и дорожную сумку Еровшина в купе. Людмила поразилась: в таких купе она еще не ездила. Когда она отдыхала на юге, то обычно брала билет в «СВ» — в спальный вагон на двоих. Это купе тоже было на двоих, но шире, со столиком и двумя мягкими креслами, с на-

стольной лампой и отдельным туалетом с умывальником. Мягкие диваны, обитые бархатом, были двухъярусными, наверх можно было забраться по приставной лестнице.

Людмила вышла в коридор и увидела пассажиров. Это были мужчины, полные, дородные, в возрасте, и женщины, тоже полные, и она, никогда не отличавшаяся худобой, была среди них самой стройной и самой молодой. Мужчины курили, и она тоже закурила сигарету, заметив, что все мужчины обернулись в ее сторону, когда она чиркнула зажигалкой.

Еровшин тоже вышел из купе. Он здоровался, и здоровались с ним.

— Ты их всех знаешь? — тихо спросила Людмила.

— Или я их знаю, или они меня.

— А кто этот пузатый?

— Командующий Прибалтийским округом.

— А этот, в коричневом костюме?

— Министр химической промышленности.

— Значит, Катькин начальник.

— Сейчас соображу. Есть еще министерство химического машиностроения... Да, он ее министр.

— Не повезло Катьке, — пожалела Людмила. — Поехала бы с нами, установила бы личные контакты.

— Пожалуй, — согласился Еровшин.

Из купе министра вышла женщина лет пятидесяти в костюме джерси, уже старомодном.

— Жена или любовница? — не выдержала Людмила.

— Определи, — улыбнулся Еровшин. — Ты же приметливая.

— Все-таки жена, — решила Людмила. — Костюмчик немодный, скорее всего, вторая жена. Когда женился, ему было пятьдесят, а ей около тридцати. Как же с ними заговорить?

— Так же, как со всеми, — посоветовал Еровшин.

Женщина достала пачку «Беломорканала» и закурила папиросу. Жена, теперь уже была абсолютно уверена Людмила. Женщина хлопала по карманам костюма. Людмила достала зажигалку, дала прикурить.

— Спасибо, — поблагодарила министерша. — Мой муж не любит, когда я курю на людях, но терпеть уже нет мочи.

— А моя подруга работает в министерстве вашего мужа.

Министр вроде бы и не прислушивался к их разговору, но все слышал.

— Что за подруга? — поинтересовался он. — В каком управлении?

— Она директор Новомосковского химкомбината.

— Тихомирова, что ли?

— Да, Катерина Александровна. Мы с ней в школе вместе учились. И по сей день дружим.

— Подтверждаю, — добавил Еровшин. — Я эту вашу директоршу знаю двадцать лет.

— Девятнадцать, — поправила Еровшина Людмила. — Она должна была с нами тоже поехать, но сказала, что много дел на работе.

— Да. — отозвался министр, — у нее сейчас реконструкция.

— Мы вас приглашаем на чай, — предложил Еровшин.

— Мы вас приглашаем.

— Обычно принимается первое предложение.

— Ладно, — согласился министр. — Тогда мы вас приглашаем на ужин в Таллине.

— Приглашение принято, — отозвался Еровшин.

— Я сейчас все приготовлю, — Людмила распечатала коробку конфет. У Еровшина был с собой коньяк, икра, уже нарезанный хлеб. Проводница принесла чай.

Женщины расположились в креслах, мужчины на диване.

Выпили по рюмке коньяку, поговорили.

— Ваша подруга — деловая женщина, — обратился к Людмиле министр. — И умна, как бес.

— Наслышана. — Одобрения в голосе министерши Людмила не почувствовала.

— Она не любит вашу подругу, — подтвердил министр.

— Как я могу ее любить или не любить — я ее никогда не видела!

— Мы дружим семьями с бывшим директором комбината, — пояснил министр. — Ведь я был первым директором комбината.

— Я знаю. Катерина рассказывала о вас.

— И что же она рассказывала? — усмехнулась министерша.

— Она говорила о вашем муже примерно в тех же выражениях — что он умен, как бес, обмануть его невозможно. И когда вы ее пригласили на обед, — обратилась Людмила к министру, — она рассказала вам все, ничего не утаивая.

— Это правда, — улыбнулся министр. — Я потом проверил каждое ее слово. Все сошлось. Свою комбинацию она выстроила блестяще. И вообще, хорошая карьера. Конечно, не без помощи академика.

— Да никогда академик ей не помогал! — воскликнула Людмила.

— Вы с ним знакомы? — поинтересовался министр.

— Конечно.

— И Изабеллу знаете? — спросила жена министра.

— Конечно.

— Постарела, волчица, — заметила министерша.

— Но хватка осталась, — сказала Людмила.

— Дело уже давнее, мы с ней были соперницами. — Министерша кивнула в сторону мужа. — Но выиграла я.

— И тогда она вышла замуж за академика? — догадалась Людмила.

— Через две недели.

— Катерине до нее далеко. Она по сей день не замужем. Один раз обожглась, теперь на холодную воду дует.

— Это на деловых качествах не сказывается, — заметил министр. — Если проведет реконструкцию комбината за два года, как обещала, возьму в министерство. С годик посидит в главке, а там, глядишь, замминистра станет.

— Не загадывай на три года, — предупредила министерша. — Неизвестно, что будет через год.

— А как ваш прогноз? — поинтересовался министр у Еровшина. — В вашей конторе информации больше, чем в любой другой.

— Я думаю, что на три года можно рассчитывать.

— Не думаю, — не согласился министр. — Очень уж поспешно ваш шеф перешел в ЦК.

— Поэтому я и говорю, что года на три рассчитывать можно, — подтвердил Еровшин.

— А вы как думаете? — кивнул министр Людмиле.

Она не все, но многое запомнила из прогноза, который составили ученые.

— Все будет зависеть от здоровья следующего, — Людмила заметила, что Еровшин прикрыл глаза, значит, он не очень доволен поворотом в беседе, но надо было заканчивать. — К сожалению, я не гадалка, — вздохнула Людмила. — Но и гадалка бы сказала, что всех нас ждут большие перемены.

Когда министерская пара ушла в купе, Людмила спросила у Еровшина:

— Я ничего лишнего не брякнула?

— Ты замечательно вела свою партию, — похвалил ее Еровшин.

— Вот видишь, я бы была замечательной генеральшей.

— Ты и так генеральша, — улыбнулся Еровшин, — если девятнадцать лет живешь с генералом.

— Послушай, еще до знакомства с тобой я дружила с курсантом военного училища. Он был на последнем курсе. Значит, прошло почти двадцать лет. В каком он может быть сейчас звании?

— Смотря в каком роде войск. Летчики, ракетчики за двадцать лет службы уже генералы.

— А из пограничников?

— Это наши войска. Подполковник, полковник...

Наверное, все-таки я неверную установку с самого начала взяла, подумала Людмила, вот и получилось, что всю жизнь около кого-то, а не вместе.

— О прожитой жизни думаешь? — усмехнулся Еровшин. Людмила знала его способность угадывать ее мысли. — Ни о чем не жалею. Ты немного могла изменить. Все запрограммировано. Помнишь, я тебе говорил — все записано в генах. Я каждый день иду мимо детского сада и всегда смотрю: вот мальчики лет пяти отнимают друг у друга игрушку. Один отбирает, другой отдает, а силы у них равные. И во взрослой жизни один будет отбирать, другой отдавать. Я смотрю и понимаю: эта кокетка, эта трудолюбивая мать, эта общественница.

— А я кто?

— Ты красавица. Таких, как ты, всегда хотят, но на таких побаиваются жениться.

— Не такая уж я и красавица, — не согласилась Людмила, — скорее, сексуальная. Меня хотят, а я уступаю, а надо, наверное, поспорить. Ну, чего уж теперь, будем так доживать.

— Ты еще можешь начать абсолютно новую жизнь. И я боюсь, что тогда я тебя потеряю.

— Не бойсь, — успокоила Людмила. — Я тебя никогда не брошу.

— Даже если я выйду на пенсию?

— А что изменится-то? Как будто мы ходим с тобой по гостям, по театрам? По театрам, правда, ходим, — поправилась Людмила. — Знаешь, что меня только раздражает? Я ничего про тебя не знаю.

— Такая у меня работа, — объяснил Еровшин.

— Да не надо мне про работу! Я про тебя хочу знать. Ну, подарки даришь, а вообще-то я с тобой, как с пришельцем из космоса. Откуда ты, каким ты был мальчиком? Я даже не знаю, был ли ты на фронте, по годам вроде бы должен и повоевать. Ну, расскажи о себе хоть что-нибудь!

— Что тебе рассказать? — задумался Еровшин. — Родители мои немцы. Родился я в городе Энгельсе, в республике немцев Поволжья. Мой родной язык немецкий. Правда, я говорил по-немецки, слегка окая, как все волгари, потом пришлось это выправлять, ты ведь тоже вначале говорила как псковская, а теперь, как коренная москвичка, акаешь.

— А Еровшин — это псевдоним?

— Это фамилия моего отчима. После девятого класса я оказался в Германии, отчим мой был чекистом. Поступил в Берлинский университет. Потом меня взяли в армию и направили на фронт.

— В какую армию?

— В немецкую, разумеется. Я дослужился до обер-лейтенанта, то есть до старшего лейтенанта у них и до майора у нас.

— Так ты был шпионом?

— Я был разведчиком... Когда наши победили, постарался попасть в плен к американцам. Из Германии перебрался в Аргентину, где пробыл пять лет. Там я провалился.

— Тебя предали?

— Нет. Я уже начал работать на американцев, и они меня раскрыли.

— И ты сидел в тюрьме?

— Нет. Устроился матросом на судно, шедшее в Китай. В Шанхае сошел на берег и через трое суток был в Москве.

— Значит, этот фильм вроде бы про тебя?

— Я рассказал эту историю сценаристу. Он что-то взял, что-то придумал свое. Да таких историй, похожих на мою, довольно много.

— А те наши, что не провалились, так и продолжают жить за границей?

— Так и продолжают, — подтвердил Еровшин. — А немцы, которые попали к нам и которых мы не раскрыли, продолжают жить у нас.

— Неужели и такие еще есть? — поразилась Людмила.

— Конечно есть.

— То, что ты мне рассказал, я никогда и никому не расскажу. Клянусь! — пообещала Людмила.

— Лучше, конечно, не рассказывать, — согласился Еровшин. — Хотя в свое время мои портреты были напечатаны почти во всех газетах мира. Давай ложиться.

— Я наверху, если не возражаешь.

— Боишься, что свалюсь? — рассмеялся Еровшин.

— Боюсь, — призналась Людмила.

— Не бойся. — Еровшин показал на довольно высокую планку, которая даже при резком торможении не позволяла пассажиру вывалиться.

— Я раньше никогда таких вагонов не видела, — призналась Людмила.

— Их на весь Советский Союз осталось всего восемь штук. Раньше умели ценить комфорт. Когда я куда-нибудь еду, всегда заказываю билет в такой вагон.

— А если в поезде нет такого вагона?

— Тогда я не еду.

Когда Людмила проснулась утром, Еровшин уже брился почти бесшумной бритвой на батарейках. Людмила выпила чаю, закурила сигарету и задумалась. Поезд прибывал в Таллин через полчаса, на перроне будет встречать режиссер. Он наверняка, когда привезет в гостиницу, захочет, чтобы она тут же легла с ним в постель.

— Ты о нем не думай, — подсказал Еровшин.

— О ком?

— О режиссере. Пусть думает он. Ему придется выкручиваться.

— Не поняла.

— Дело в том, что у него две семьи. Одна женщина еще с института — Женя, актриса, очень средненькая, он ее иногда снимает в маленьких ролях. Она родила ему сына. А когда он делал свою первую картину, в массовке снималась студентка. Короче, она родила от него двойню. Сейчас девочкам по десять лет. На первую половину экспедиции всегда приезжает первая жена с сыном. А вчера к нему приехала вторая жена с девочками.

Зачем же он приглашал меня на съемки, подумала Людмила.

— А он знает, что я сегодня приезжаю?

— Знает, если ты ему сообщила.

— Я не сообщала.

— Значит, не знает. Наверное, у него возникнут некоторые трудности. Сейчас в Таллине с гостиницами трудно. Обычно заказывают, как минимум, за неделю.

Людмила представила, что она сидит в фойе гостиницы, свободных номеров, конечно, нет. Хорошо, если ее поделят к какой-нибудь ассистентке, а то просто поставят раскладушку. Что же будет делать режиссер?

— Мужская месть? — взглянула она на Еровщина.

— Ну, совсем крохотная, — улыбнулся Еровшин.

Режиссер ждал на перроне. Он увидел Людмилу, поздоровался с Еровшиным и вдруг сказал ему:

— Надо было предупредить, что вы вдвоем.

— Извините, но ведь вы приглашали Людмилу Ивановну. Я сам был тому свидетелем.

— С местами в гостинице какой-то кошмар. — Режиссер сморщился, будто съел что-то очень горькое. — Извините, мы вам не могли достать люкс, но одноместный номер — вполне хороший.

— Можете не беспокоиться, — успокоил его Еровшин. — Я остановлюсь в нашей ведомственной гостинице.

— Замечательно! — обрадовался режиссер. — Тогда ваш одноместный номер мы можем выделить Людмиле Ивановне.

Людмила посмотрела на Еровшина. Тот полуприкрыл глаза.

— Нет, — покачала головой Людмила, — я, пожалуй, тоже остановлюсь в ведомственной.

Из-за спины режиссера возникли два рослых парня, подхватили чемодан Людмилы и сумку Еровшина. Еровшин и Людмила пошли по перрону. Режиссер пытался пристроиться рядом.

— Нам надо договориться о встрече, — предложил он Еровшину.

— Я приеду на съемку.

- Когда за вами прислать машину?
- Меня привезут.
- Мы сегодня снимаем на побережье.
- Я знаю. Буду в четырнадцать часов.
- В это время у нас перерыв на обед.
- Перенесите обед на час раньше.

Они вышли на привокзальную площадь. Тут же подкатила черная «Волга». Шофер распахнул дверцы перед Людмилой и Еровшиным. Еровшин сел рядом с Людмилой на заднее сиденье. Парни, что несли их вещи, сели в другую машину.

По узким улицам Таллина ехали медленно, потом, когда выбрались за город, машины набрали скорость.

Ехали молча. Людмила подумала, что вряд ли у нее сохранятся отношения с режиссером.

Ведомственная гостиница оказалась дачей на берегу моря. Рядом было еще несколько дач.

Их встретила женщина средних лет.

— Людмила Ивановна, ваша комната наверху.

Комната оказалась целым этажом с гостиной, спальней, ванной и туалетом. И мыло, и белые махровые халаты, и шампуни «Флорена» — все как в квартирах на Таганке и Садовом кольце в Москве. По-видимому, их закупили оптом для всех подразделений.

Людмила приняла душ, переделалась и спустилась вниз. Стол для завтрака был уже

накрыт. Еровшин залил кукурузные хлопья горячим молоком, это же проделала и Людмила. Еровшин выпил чашку кофе с поджаренным хлебом и джемом. Людмила не выдержала и съела несколько сосисок, очень уж соблазнительно выглядели, в Москве продавали белесые, безвкусные или очень соленые.

— Ты ведь была в Таллине! — заметил Еровшин.

— Была.

— Если хочешь посмотреть, что не видела на экскурсии, или походить по магазинам, можешь взять машину.

А ведь я ему никогда не говорила, что была в Таллине на экскурсии, подумала Людмила.

— У тебя дела? — спросила Людмила.

— Нет. Я хочу посидеть у моря, может быть, пройтись...

— Ты хочешь побыть в одиночестве?

— Я всегда радуюсь, когда ты рядом.

Они вынесли шезлонги и пледы. Еровшин читал пухлые иностранные газеты, Людмила взяла для себя детектив Агаты Кристи, изданный в Таллине на русском языке.

Но читать не стала, ей хотелось обсудить ситуацию.

— А первая жена знает о существовании второй?

— Знает, — подтвердил Еровшин.

— И как же они уживаются?

— Они оказались разумными женщинами. Первая жена понимала, что актриса она очень слабенькая и, если уйдет, ее никто не будет снимать даже в эпизодах. Поэтому все происходит, как должно происходить. Она приезжает на съемки, снимается в эпизоде, приходит на его премьеры в Дом кино как жена. Она как бы первая. Другая приезжает в экспедицию во вторую очередь, ходит в Дом кино с детьми, но только не на премьеру, а на показ для студийных работников. Кстати, детей он усыновил.

— А разве можно, не женясь, усыновить? — удивилась Людмила.

— Конечно можно.

— Какие же вы подлецы, мужики, — вздохнула Людмила, — оказывается, все вам можно.

— Как и вам!

— Мы такое себе не позволяем. Когда у женщины есть муж и есть любовник, муж никогда не знает о любовнике.

— Очень часто знает, — не согласился Еровшин. — Но смиряется, если любит. Я знаю одного академика, очень талантливый ученый, мировая величина. Он был женат, любил свою жену и влюбился в другую женщину. Он не мог бросить жену и не мог отказаться от любимой женщины. Он заболел, чуть не сошел с ума. И тогда эти женщины, которые тоже любили его, собрались, обсудили ситуацию и решили

жить втроем. Этот брак втроем продолжается уже двадцать лет.

— Они живут в одной квартире?

— У них две квартиры в одном доме.

— А я бы могла договориться с твоей женой?

— Вряд ли, — подумав, ответил Еровшин.

— Расскажи о ней, — попросила Людмила.

— Она умерла два года назад.

— И ты мне ничего не сказал об этом? — поразилась Людмила.

— Ты никогда меня не спрашивала о жене.

— Ты ее любил?

— Да.

— А меня?

— Да.

— Но почему я не родила от тебя ребенка?

— Ты этого не хотела. Ты всегда хотела выйти замуж. Ты и сейчас этого хочешь.

— Хочу. Наконец-то ты свободен.

— Я всегда был свободным.

— А если бы я родила от тебя сына?

— Сейчас ему было бы восемнадцать лет.

Он бы учился на первом курсе института.

— Который готовит шпионов?

— Никогда. Я бы ему этого не посоветовал. Он выбрал бы сам.

— А у тебя есть дети?

— Да. Две дочери. Одна в Москве, разведена с мужем. Другая в Лондоне, муж — дипломат. У меня трое внуков.

— Я бы хотела познакомиться с твоей дочерью.

— Я познакомлю.

— Она не догадывается, что у тебя есть я?

— Наверное, догадывается, но эту проблему мы с ней никогда не обсуждаем.

За их спинами послышался шум гравия. Людмила обернулась. Водитель, который привез их сюда, показал на часы.

Они приехали в санаторий, где снималась встреча советского разведчика и офицера из Люфтваффе на приеме у немецкого промышленника. Разведчик должен был передать сведения о том, что Германия буквально на днях может напасть на Советский Союз. Еровшин подошел к режиссеру.

— Похоже на то, как это было в сорок первом году? — спросил режиссер.

— Да, — подтвердил Еровшин. — У вас хороший художник по костюмам.

Художник по костюмам, молодая женщина, которая родилась через пять лет после окончания войны, смущенно улыбнулась.

— На местной студии хороший набор костюмов этой эпохи.

— Не оправдывайтесь, вы — замечательный художник.

Женщина посмотрела на Еровшина почти влюбленными глазами. Он еще действует на женщин, подумала Людмила с явным беспо-

койством. Теперь, когда он один, с ним надо чаще встречаться.

— Прогоните этот эпизод, — попросил Еровшин режиссера. — Я хочу почувствовать атмосферу.

— Атмосферу я создам на монтажном столе и в том ателье, когда зазвучит музыка, все оденется шумами, — снисходительно объяснил режиссер.

— И все-таки, — настаивал Еровшин.

— Репетиция! — скомандовал в мегафон режиссер. — Все по местам!

Массовка задвигалась. Лакеи разносили подносы с шампанским.

— Фонограмму! — скомандовал режиссер.

Начались танцы. На переднем плане танцевала пара: молодые, белокурые. Они это делали удивительно слаженно.

— Это сто двадцать седьмой кадр, — пояснил режиссер Еровшину и протянул ему режиссерский сценарий.

Людмила заглянула через плечо Еровшина. В сценарии были помечены все кадры, указаны общие, средние, крупные планы, их метраж.

— Замечания есть? — спросил режиссер.

— Да, — ответил Еровшин.

— Вы это можете сказать массовой, — разрешил режиссер.

Еровшин взял мегафон.

— Внимание! — Он отдал команду так отрывисто и четко, что массовка мгновенно затихла. — Все вы — лучшие люди Германии. Аристократия. Все вы знакомы друг с другом. Многие с детства. Улыбайтесь! Улыбайтесь. Улыбайтесь. Аристократы умели улыбаться.

«Эсэсовский офицер», крупный красивый эстонец, поднял руку совсем как на школьном уроке.

— Я вас слушаю, — обернулся к нему Еровшин.

— Я — оберштурмбанфюрер, я тоже должен улыбаться?

— Обязательно! Вы танцуете с баронессой, хозяйкой дома. Кто вы такой? Эсэсовец. Значит, из мясников или лавочников. Немецких аристократов в СС почти не было, как и русские аристократы предпочитали не служить в жандармерии. Для вас — большая честь танцевать с баронессой. — Еровшин опустил мегафон и, понизив голос, сказал режиссеру: — Я бы заставил его пробежать метров пятьсот, чтобы он пропотел. И пусть танцует потный, красный — с баронессой все-таки танцует. Он — плебей, и он не должен танцевать так хорошо. Хорошо танцевали армейские офицеры, их этому учили, а эсэсовцев ничему не учили.

— Но они были серьезными противниками, — возразил режиссер.

— Нет, — не согласился Еровшин. — Абвер был серьезным и профессиональным

противником, а эсэсовцы не успели стать профессионалами. Они просто гребли широкой сетью. Я возьму сценарий и сделаю свои пометки. Вы этот кадр будете снимать до конца смены, еще часов пять?

— За сегодня не управимся, — признался режиссер.

— Может быть, мне остаться и посмотреть? — спросила Людмила.

— Это малоинтересно, — заметил Еровшин. — Вначале они будут снимать эту танцующую пару — наверняка лауреатов какого-нибудь бального конкурса. Потом переставят свет на этого эсэсовца с баронессой. И каждый раз по три-четыре дубля.

— Откуда ты все это знаешь? — удивилась Людмила.

— Я уже консультирую девятую картину.

— И об этом ты мне никогда не рассказывал!

— Ты меня не спрашивала. Я предлагаю поехать в старый город, там много симпатичных кафе.

Людмила согласилась. Они пообедали в ресторане гостиницы «Виру», потом ходили по старому городу.

— Ты не любишь эстонцев? — поинтересовалась Людмила.

— Наоборот. Они упорные, самолюбивые, правда, немного провинциальные.

— Они что, провинциальнее москвичей? — удивилась Людмила.

— Конечно, — подтвердил Еровшин. — Эстонцы зациклены на своей принадлежности Европе. Они закомплексованы. Это признаки провинции. У меня много друзей среди эстонцев. А этого парня из массовки в эсэсовском мундире я оборвал потому, что он напыщенный дурак. Для него эсэсовец — представитель высшей расы. Он, вероятно, был еще мальчиком во время оккупации Эстонии. И эсэсовец для него — власть. А мы — оккупанты, азиаты.

— Но мы не захватили Эстонию!

— Ни ты, ни я Эстонию не захватывали, — уточнил Еровшин.

— Они нас не любят, — вспомнила Людмила свою туристическую поездку в Таллин. Когда они о чем-то спрашивали эстонцев по-русски, те отвечали по-эстонски.

— Нас не за что любить, — ответил спокойно Еровшин.

— А как же быть? — Людмиле не нравилось, что ее не любили, что ей не улыбались.

— Никак. Ни я, ни ты эту ситуацию изменить не можем. Но проходит время, и она меняется.

— Они нас не полюбят?

— Никогда, — усмехнулся Еровшин. — Пока живо это поколение. Даже если Россия

станет богатой, они нас не будут любить, не любят американцев во всем мире, но терпеть будут.

— А что так беспокоится министр? — вспомнила Людмила.

— Ты же сама ответила, — засмеялся Еровшин, — нас ждут большие перемены.

— А когда?

— Или этой осенью, или зимой следующего года. Брежнев безнадежно болен. Вместо него придет Андропов, поэтому он и ушел от нас. Но он тоже старый и больной человек. Скоро начнется большая схватка среди стариков. Они не уступят друг другу и вытолкнут наверх кого-нибудь из молодых. Тот вынужден будет ослабить гайки, и все пойдет вразнос. Вначале отвалится Польша или Чехословакия.

— Наши введут войска? — предположила Людмила. — Как раньше — в Венгрию и Чехословакию.

— Не введут, — успокоил Еровшин. — Мы уже запутались в Афганистане. Против нас весь мир. Наша империя должна распасться, как распались Римская, Британская. Если бы не революция семнадцатого года, Российская империя уже расчленилась бы. Она уже начала распадаться. Сталин задержал этот распад. Поэтому и Латвия, и Эстония, и Литва уйдут из империи. Возможно, и Украина.

— Украина — никогда, — не согласилась Людмила. — Мы же одинаковые — что русские, что белорусы, что украинцы.

— Мы очень разные, — ответил Еровшин. Он достал крохотный радиопередатчик и произнес: — Мы у Старого Томаса. Подъезжайте!

Через десять минут они уже ехали на взморье.

Вечером они сидели у телевизора. Кроме московской и таллинской программы, этот телевизор принимал Швецию, Финляндию, Норвегию, Данию.

— Эстонцы все это видят? — удивилась Людмила.

— Эстонцы видят финское телевидение, но здесь поставлена спутниковая антенна, и поэтому принимаются и другие европейские программы.

Еровшин показал на огромную тарелку, стоящую на металлическом каркасе. По шведскому телевидению шел американский вестерн. Еровшин переводил. Потом были новости. Еровшин перевел и новости.

— Ты знаешь шведский?

— Я хорошо знаю немецкий, а это все одна группа языков — германские. Поэтому я понимаю и шведский, и норвежский, и датский, и голландский.

— А эстонский?

— А это уже финно-угорская группа — финский, эстонский, венгерский, чувашский — этим я никогда не занимался.

И Людмила еще раз пожалела, почему она не родила от Еровшина ребенка. Он бы воспитал хорошего парня, который уже сейчас говорил бы, как минимум, на двух иностранных языках.

Еровшин поднялся к ней наверх, он был нежным и ласковым, и она почувствовала себя почти молодой. Если забеременею — рожу, решила она. Это будет мой ребенок! Она никогда не испытывала тяги к детям, но в последние годы ей интересно было разговаривать с Димкой Антонины, дарить ему мелочи, такие важные для мальчишки — хороший ножик, кварцевые часы последней модели.

В субботу они ужинали с министром и его женой, обменялись адресами, телефонами и обещаниями встретиться в Москве. Обязательно возьму с собой Катерину, когда поедем к министру, решила Людмила.

— Это будет удобно? — спросила она у Еровшина.

— Удобно, если заранее обговорить. Это я возьму на себя.

— Ни я, ни Тонька — ничего мы не добились в жизни, надо хоть Катьку подтолкнуть, — размышляла Людмила.

— Подтолкнем, — пообещал Еровшин.

В воскресенье она проснулась, как обычно, еще до шести. Еровшин спал. Людмила вскипятила кофе, поджарила хлеб в тостере и вышла на берег моря.

Сегодня у Катерины встреча с неизвестным ей мужиком, подумала Людмила. По голосу Катерины можно было понять, что этот неизвестный ей небезразличен. Кто он, Людмила, наверное, скоро узнает. Но может и не узнать. Катерина — тихушница, она редко рассказывала о своих мужиках, а знакомила еще реже.

Она приготовила Еровшину завтрак, села рядом, смотрела, как он ест.

— У Катерины появился новый мужик, — сообщила Людмила.

— Кто такой?

— Не знаю, — призналась Людмила, — но очень хотелось бы узнать.

— Завтра узнаем, — улыбнулся Еровшин.

Глава 14

Когда утром в воскресенье раздался звонок, Катерина привычно протянула руку к будильнику, чтобы выключить его. Но будильник продолжал звонить. Катерина проснулась окончательно и поняла, что звонят в дверь.

Пусть встает Александра, подумала она. Это, наверное, к ней, и Катерина укрылась одеялом. Звонок умолк, хлопнула дверь, в прихожей Александра разговаривала с кем-то.

— Мать, на пикник! — крикнула Александра.

— Какой пикник?

— Мы же договорились! — услышала она голос Гоги.

— Никуда не поеду, — заявила Катерина. — Сегодня воскресенье, хочу отоспаться.

— Отоспитесь на природе. Я взял надувные матрасы.

— Я не успела вчера в магазин, в холодильнике пусто, нам нечего взять на эту природу.

— Все куплено. Машина у подъезда.

— Мне нужно полчаса, чтобы собраться.

Катерина подумала, что сейчас он взорвется. Она наверняка бы уже заявила:

— Была бы честь предложена. Досыпайте!
Но Гога ответил совершенно спокойно:

— Буду ждать у подъезда.

Когда Катерина и Александра, все еще сонные, вышли из подъезда, то увидели «Волгу», Гогу, и плотного, похожего на тяжелоатлета, мужчину.

— Я Василий Иванович, по школьной кличке — Васек. А вы — Катерина и Александра?

Гога сел за руль. Воскресные улицы были свободными. Они выехали на Ленинградское шоссе, миновали пост ГАИ, и Гога увеличил скорость. Их машина легко обходила «Жигули», «Волги» и даже «мерседес» с дипломатическим номером.

— Движок с форсажем, — гордо заявил Васек. — Гога сделал.

— Мать, — заметила Александра, — у него масса достоинств. Водит машину, ремонтирует. Часть наших забот снимается сразу. Хорошо готовит, в этом мы уже убедились. Запасливый. Это я насчет шашлыка в маринаде.

— Это не все, — добавил Гога. — Еще я играю на гармошке, гитаре, балалайке, в преферанс, морской бой.

— Этого вполне достаточно, — успокоила Катерина. Она откинулась на сиденье, закрыла глаза. Ее везли за город, и ей ни о чем не

надо было думать. Пожалуй, это впервые за последние годы.

У Зеленограда за ними пристроились еще два автомобиля. Свернули на проселочную дорогу. Машина запрыгала по колее, и Гога снизил скорость. Машины оставили на обочине, прошли через кустарник и оказались на поляне. Вокруг были клены с уже покрасневшей листвой. Зеленые ели выделялись среди красной и желтой листвы.

С Катериной и Александрой здоровались молодые мужчины, были среди них и сорокалетние в поношенных и застиранных брезентовых куртках, свитерах. Распределение обязанностей было, по-видимому, привычным. Один нанизывал шашлык на шампуры, другие подносили сухие сучья. Открывали банки с консервами, резали хлеб. Расстелили на траве скатерть, выставили вино и водку. Катерина присматривалась к мужчинам, а мужчины явно присматривались к ней. Александру увел собирать сучья молодой бородатый парень, и Катерина слышала ее смех за деревьями. Катерина пыталась помочь мужчинам, но ее не допустили. Было сказано:

— Не женское это дело.

Потом все уселись вокруг скатерти, самый старший по возрасту, судя по седине и лысине, объявил день рождения Гоги открытым и произнес первый тост. Катерина поняла, что

все последние достижения Института электроники и вообще всей советской электроники стали возможными благодаря Гоге, и что он смело вступил в соревнование с американской электроникой.

— Гога, — шепнула Катерина сидящему рядом Гоге, — ты напрасно не сказал, что у тебя день рождения. Подарок за мной.

— Никакого дня рождения нет, — так же прошептал Гога. — Это показательные выступления. Я сказал ребятам, что приеду с женщиной, на которой собираюсь жениться. Обычно мы выезжаем без женщин, но когда кто-нибудь женится, то будущую супругу представляют.

— Чтобы потом ее никогда не брать? — пошутила Катерина.

— Да. Но она имеет право знать окружение, в котором проводит время ее муж. Я попросил ребят рассказать тебе о моих достоинствах.

— Да-да, у тебя ведь недостатков нет, как ты заявил в электричке.

— В общем, практически нет. Ты немного потерпи. Сейчас скажут еще несколько человек, а потом, как обычно, начнутся разговоры об интригах в институте.

— Я с удовольствием потерплю. С каждым тостом я все больше и больше тебя узнаю.

После каждого выпитого стаканчика количество заслуг Гоги увеличивалось. Один из кандидатов наук заявил, что он не защитил бы

диссертацию, если бы не приборы, которые сконструировал Гога.

— А ты чем занимаешься-то? — поинтересовалась Катерина.

— Вообще-то я хороший слесарь, даже можно сказать, очень хороший, может быть, даже лучше меня нет.

— Ты больше не пей, — попросила Катерина.

Но Гога продолжал:

— Есть у меня, конечно, и кое-какие конструкторские способности.

— А что, успехи нашей электроники так значительны?

— Не настолько... — признался Гога. — Мы их, конечно, догоняем. Но пока мы догоняем, они же не сидят на месте. Бывает иногда, что почти догнали, а они снова ушли вперед.

— А догоним когда-нибудь?

— Вряд ли.

Он все больше и больше нравился Катерине. Родить бы от него сына, подумала она, хорошего бы, наверное, парня воспитал, многому бы научил. Гога, Гога, где же ты был все эти годы, ведь ходил же рядом, и, может быть, не раз в одной электричке ездили? Хотя бы лет на десять раньше встретиться, я бы тебе уже даже двух сыновей родила.

Гога положил надувной матрац, накрыл его пледом, и Катерина легла, вслушиваясь

в разговоры. Они уже пошли о проблемах научно-исследовательского института. Конечно, были недовольны директором. Из обрывков она сложила биографию незнакомого ей директора. Когда-то был младшим научным сотрудником этого же института, потом секретарем парткома, защитил диссертацию, ушел в горком партии и оттуда уже вернулся директором института. Картина вполне обычная. От худших, но очень энергичных избавлялись, определяя их на партийную работу, через несколько лет эти худшие возвращались, но уже не работать, а руководить.

Еще Катерина подумала, что сейчас где-нибудь в лесу или на даче сидит такая же компания из рабочих или инженеров ее комбината и так же обсуждает ее действия. А может, и заговор зреет против нее, как здесь зарождался против незнакомого ей директора.

— А ты за кого? — спросила Катерина Гогу.

— Я с ними в одной компании.

— Но свою-то точку зрения имеешь? — допытывалась Катерина.

— Имею. Я всегда против тех, кто наверху.

— Почему? Кто-то должен быть наверху.

— К сожалению, те, кто сегодня наверху, не самые лучшие. Меня все время в партию уговаривают вступать. Как рабочего. Они боятся, что в партии будет слишком много интеллигенции. Им нужны рабочие. С ними

попроще. А мне противно, потому что именно партия развалила и развратила всю страну.

— Смотри на это, как на прививку от чумы.

Катерина не в первый раз пользовалась этой формулировкой. Тога задумался.

— Не очень понятно. Сделать прививку — значит внести себе вместе с вакциной немного чумы. Я слышал и другие аргументы. В партии должно быть как можно больше хороших людей, тогда будет легче бороться с подлецами. Но это утешение, попытка оправдать себя. Ведь ты поддерживаешь этих подлецов своими деньгами, выполняешь их устав, где меньшинство должно подчиняться большинству. А их всегда большинство. Они это умеют организовывать. Так что с прививкой не получается. Катерина, не вступай в партию. Рано или поздно всем им придется отвечать за сделанное.

— Не могут отвечать восемнадцать миллионов, — возразила Катерина.

— Ни судить, ни стрелять никого не надо. Я бы поступил по христианскому обычаю. Покайся. Каждый день во всех организациях перед работой выходят коммунисты и каются за все сделанное. Сколько лет был в партии, столько лет каешься и просишь прощения.

К ним подошла Александра. Она была оживлена, по-видимому, молодой кандидат наук произвел на нее впечатление. Участни-

ки пикника уже разбрелись по лесу, собирали в пакеты грибы.

— По грибы пойдём? — предложил Гога.

— Пойдём, — радостно согласилась Александра.

— Сейчас принесу тару. — Гога направился к машине.

— Надо ему сказать правду, — решительно заявила Катерина.

— А мы от него ничего не скрываем. Если женщина нравится мужчине, разве важны ее профессия, национальность, партийность? Это же все для анкет, а не для жизни. Я бы не хотела, чтобы Гога исчез. Он мне нравится. Он надежный, не то что некоторые.

— Кого ты имеешь в виду?

— Того же Петрова. Он даже звонить перестал. Почему?

— Я тебе как-нибудь расскажу, — пообещала Катерина.

К ним уже подходил Гога с пластмассовыми ведерками.

— В мешки грибы собирают дилетанты и варвары. Гриб нельзя придавливать. Всегда собирали в корзины, в туюски.

— Гога, — предупредила Катерина, — несмотря на всю твою пронизательность, я не та, за кого ты меня принимаешь.

— Конечно не та, — согласился Гога. — Ты лучше.

— Я серьезно.

— Она серьезно, — подтвердила Александра. — Она не из фабрики-прачечной, она крупный...

— ...руководитель промышленности, — улыбнулся Гога.

— Да, — подтвердила Катерина.

— Ты еще и депутат, конечно. Все руководители у нас депутаты.

— Да, — еще раз подтвердила Катерина.

— И они туда-сюда ездят по границам. И ты только вчера вернулась из Парижа.

— Не вчера, — поправила Александра. — Две недели назад.

— Не будем мелочиться, — сказал Гога. — День, неделя, плюс-минус — не имеет никакого значения.

— Я с тобой серьезно разговариваю, — сказала Катерина.

— Я тоже, — подтвердил Гога. — Ты серьезная женщина, я серьезный мужчина. Обо мне здесь так хорошо говорили, что ты, конечно, почувствовала некоторый комплекс неполноценности. Ты хочешь рассказать мне о своих достоинствах и достижениях. Обязательно поговорим. Сядем дома друг против друга: я тебе вопрос, ты мне ответ. Или будет один твой монолог на весь вечер. Я тебе обещаю. Мне очень интересно. А сейчас пошли по грибы. Втроем на одну жареху наберем. Зевать не надо, все

эти кандидаты и доктора наук в грибах понимают не меньше, чем в электронике. — И Гога поднялся.

Гога сухой палкой показывал Александре, где может быть гриб, и почти никогда не ошибался. Александра время от времени заглядывала: кто сколько собрал. У Катерины всегда оказывалось больше.

— Ну почему у тебя больше? — возмущалась Александра.

— Я все-таки деревенская, — Катерина посмеивалась. — Я свой первый гриб нашла в пять лет.

Катерина шла в стороне от Александры и Гоги. И Александра завела разговор.

— А Николай Ильич талантливый ученый?

— Тот, что с бородой? — уточнил Гога.

— С бородкой.

— Не очень.

— А как вы определяете? Он же защитил кандидатскую диссертацию и готовит докторскую.

— Кандидатские все защищают..

— И все-таки, — настаивала Александра, — какими критериями вы пользуетесь?

— Ну, вот ты берешь книгу, — начал объяснять Гога, — читаешь несколько страниц и понимаешь, что это, ну, пусть не талантливый писатель, но способный хотя бы. Берешь другую книгу, читаешь несколько страниц

и видишь, что графоман. И в кино так же, и в живописи, и в науке. Это почти всегда видно.

— А если человек упорный, он же может добиться иногда больше, чем талантливый, но неорганизованный.

— Не может, — ответил Гога. — Я когда-то занимался боксом. Подлезает под канаты, обмениваешься первыми ударами и через минуту понимаешь, он лучше тебя, даже не сильнее, весовые категории одинаковые, он моторнее, у него реакция лучше, у него лучше развито звериное начало. Я думаю, планирую, рассказываю, а он в это время меня бьет, у него такая реактивная автоматика. Я только не понимаю, зачем тебе знать — талантливый он ученый или нет. Главное — нравится он тебе или не нравится, хочешь ты с ним спать или не хочешь?

— Гога, — предостерегающе сказала Катерина; они не заметили, что она шла почти рядом с ними, — ты не забывай, что говоришь с ребенком.

— Ну мама, — рассмеялась Александра, — ну какой я ребенок, в моем возрасте у тебя уже была я.

— Я поторопилась. Учись на моих ошибках.

— Слушай маму, — поддержал Катерину Гога, — и советуйся с ней. Она тебе лучше объяс-

нит. Я, честно признаюсь, не всегда понимаю женскую логику: вроде бы мужик всем хорош, а женщина выбирает другого, какого-то замухрышку, и счастлива с ним.

— А какая мужская логика? Вот почему вам понравилась мама? Ведь в электричке были и другие женщины.

— Интересный вопрос, — посмеиваясь, заметила Катерина.

— Это трудно объяснить...

— А вы попробуйте, — настаивала Александра.

— Ладно, — согласился Гога. — Попробую. Она красивая.

— Красота — понятие относительное, — не согласилась Александра.

— Красота в моем понимании — функциональное совершенство.

— Не понимаю, — сказала Александра.

— Я посмотрел на нее и понял: твоя мать — совершенство. В ней есть все, что необходимо женщине, и ничего лишнего. Она — как красивый самолет.

— Первый раз меня сравнивают с самолетом, — заметила Катерина.

— Извините, девочки. Я не теоретик. Не могу я объяснить. Понравилась, и все. И как посмотрела на меня с головы до ботинок. Ботинки были грязные — ей это не глянулось, и отразилось на лице. И как она мне ответила.

Голос у нее замечательный. Из груди идет. Не кокетничала, отвечала на равных: ты ей пас, она тут же отбивает. Мне всегда нравились такие.

— Понятно, — сказала Александра, — вам всегда нравились стройные, русые, светлоглазые. У вас в школе, наверное, был с такой роман, но она вас отвергла.

— Нет, она меня не отвергла. Я на ней женился.

— Значит, у мужчин существует стойкий стереотип? — не отставала Александра.

— Конечно, — подтвердил Гога.

— Это я поняла, — сказала Александра. — Вы меня спросили: зачем тебе знать, талантливый он ученый или не талантливый, главное — нравится или не нравится, хочешь ты с ним спать или не хочешь? Насчет нравится я поняла, а вот насчет спать? Мужчина сразу об этом думает или потом, когда узнает поближе?

— Конечно, сразу, — сказал Гога. — Как только видишь женщину, так сразу об этом думаешь, а все остальное уже потом.

— Неужели мужчины такие примитивные? — поразила Александра.

— В общем — да, — согласился Гога.

— Значит, когда мужчина смотрит на меня, он смотрит снизу?

— Такая последовательность не обязательна, — возразил Гога. — Можно смотреть и сверху, но без низа никогда не обходится.

— И какие же критерии низа у мужчин? — спросила Александра.

— Все! — сказала Катерина. — Для первого урока достаточно.

Они вышли на поляну. Все уже собрались. Закипал грибной суп, на большом противне жарились грибы. И снова все расселись возле скатерти. Суп оказался вкусным, наваристым, грибы приятно таяли во рту. К ним подсел Васек. Александра налила ему вина.

— Пас, — Васек развел руками. — Я пил в прошлый раз, а вез Гога, сегодня пьет Гога, а везу я.

Один из ученых решил продолжить отмечание дня рождения и начал тост, но Гога его попросил:

— Я ей сказал, что это были показательные выступления. Больше не надо.

— Ты ей сказал только правду, всю правду и ничего, кроме правды? — потребовали ответа от Гоги.

— Клянусь! Я сказал ей только правду, всю правду и ничего, кроме правды.

Ему поаплодировали, выпили за присутствующих здесь прекрасных дам, за детей, за родителей.

Уже темнело. В костер подбросили сучьев. И пели под гитару. Пели о горах, о любви — обычный бардовский репертуар, вспомнили студенческие песни, армейские.

Катерина задремала, Гога укрыл ее пледом. Когда она проснулась, костер уже тушили, в большой пакет собирали пустые консервные банки, бутылки.

Выехали на Ленинградское шоссе уже в темноте. Васек обошел всех и вырвался вперед. Александра сидела на переднем сиденье, Катерина и Гога — на заднем.

— Насчет таланта, — напомнил Гога. — Смотри, как ведет машину Васек. Великолепно ведет. Он талант в вождении. Я так не могу. Но я понимаю в моторах, как очень немногие. Я тоже талант.

— Ты сколько сегодня принял? — спросила Катерина.

— А разве заметно? — удивился Гога.

— Совсем не заметно, — подтвердил Васек. — Он сегодня был очень сдержан. Сказывалось ваше благотворное влияние. Обычно он берет в два раза больше.

— Васек, — произнес Гога, — ты забыл один из главных принципов советских чекистов.

— Это какой?

— Болтун — находка для шпиона.

— А вы чекист? — удивилась Александра.

— Нет, — ответил за него Гога, — он хотел, но его не взяли.

— Почему?

— Чекист должен быть незаметным. Как все. А в нем сто тридцать килограммов веса.

На таких обращают внимание. Сказали: если похудеешь, возьмем. Но он не похудел.

— Это правда?

— Правда, — подтвердил Васек. — Но это было сразу после школы.

— И кем же вы стали?

— Военным.

— И в каком звании?

— Александра, — прервал ее Гога, — не задавай непродуманных вопросов. Такой большой, импозантный мужчина может быть только полковником.

— Почему же? — возразила Александра. — Может и генералом.

— Вообще-то я на генеральской должности, — заявил Васек.

— Пожалуйста, — попросила Александра, — становитесь побыстрее генералом. Тогда у меня будет хоть один знакомый генерал.

— Я постараюсь, — пообещал Васек.

Катерину и Александру подвезли прямо к подъезду. Прощаясь, Гога поцеловал Катерине руку. Александра обняла Гогу, поцеловала его и сказала шепотом:

— Гога, вы нам очень нужны. Не исчезайте.

— Понял, — заверил Гога.

Боже, подумала Катерина, сделай так, чтобы у меня с ним все было хорошо.

На следующее утро она встала, легко разбудила Александру, быстро позавтракала,

с пол-оборота завела машину. Вахтер, увидев ее, приложил, как всегда, ладонь к фуражке и поднял шлагбаум. Все главные специалисты: механик, технолог, инженер, экономист — не опоздали. Собрание начали вовремя.

Решали вопрос об установках, которые поставляли чехи. Они явно устарели. В Новосибирске делали уже и более современные, и более производительные. Но с чехами заключили контракты. Катерина позвонила Петрову — через его управление шли все соглашения и контракты. Он, в свою очередь, выходил на Министерство внешней торговли, а в случае необходимости — на Министерство иностранных дел или международный отдел ЦК КПСС.

Катерина понимала, что никто не обрадуется такой постановке вопроса, хотя отечественные установки обошлись бы и комбинату и министерству в несколько раз дешевле. Работники управления любили ездить в Чехословакию, командировки выпадали и работникам комбината. Катерина знала, что демагогические возражения будут на всех уровнях: и что надо крепить дружбу с братскими народами стран социалистического лагеря, и что надо выполнять контракты, и что эта проблема не только техническая, но и политическая. Чехи этим пользовались. Более современные установки они продавали на Запад, устаревшие — на Восток. Так было почти со всеми

чешскими товарами. Как-то в Праге Катерина спросила своего старого приятеля:

— А что будет, если однажды мы перестанем покупать ваше оборудование, вашу обувь, вашу одежду?

— Такого не будет, — рассмеялся он.

— Вот итальянцы нам предлагают самое современное оборудование, и по стоимости оно дешевле, чем ваше.

— Вам же придется платить в долларах. А нам вы платите в основном бартером. Вы нам нефть, мы вам оборудование.

— Но представь, что мы перейдем на мировые цены в конвертируемой валюте? — настаивала Катерина.

— Тогда и у вас, и у нас разразится катастрофа. Мы ничего не сможем поделывать, потому что с каждым годом становимся все менее конкурентоспособными. А вы ничего не сможете купить, потому что всю валюту вы продаете, покупая зерно, мясо. Вы покупаете практически всю еду. Значит, у вас станет падать производство, начнется безработица. Так что лучше ничего не трогать.

Катерина позвонила Петрову по прямому телефону, не через секретаря. Этот номер телефона знали немногие. Услышав голос Катерины, Петров сухо вато ответил:

— Слушаю вас.

— У меня проблемы с установками из Праги. Надо бы обсудить.

Петров молчал, он предполагал, о чем будет говорить Катерина.

— На следующей неделе во вторник, в десять утра, — предложил Петров.

— Завтра, — потребовала Катерина.

— Не получается.

— Мне не хотелось бы идти в обход тебя.

— Куда же ты пойдешь?

— Туда же, куда и ты ходишь. Я тебе благодарна за науку.

Петров ее действительно научил ориентироваться в сложной системе взаимоотношений государственных и партийных ведомств.

— Хорошо, — согласился Петров, — завтра в десять.

— В одиннадцать, — уточнила Катерина.

— Нет, у меня на это время встреча в Министерстве внешней торговли.

Дает понять, что все ее предложения через час будут известны в Министерстве внешней торговли, а еще через час — в международном отделе ЦК КПСС.

— Хорошо, — согласилась Катерина. — После тебя я зайду к Сайфуллину.

Сайфуллин в другом главке отвечал за внедрение и производство отечественных технологий.

— Проиграешь. — Петров все понимал мгновенно. — Ты ведь еще не волшебник, ты только учишься.

— Но я хорошая ученица?

— Хорошая, — согласился Петров. — Но прямолинейная. Приходи. Я тебе объясню нюансы. — И повесил трубку.

Катерина задумалась. Первый ход она проиграла. У Петрова в запасе почти сутки. За сутки многое можно сделать, чтобы если и не завалить, то притормозить любое предложение. Ну и я получу кое-какую информацию, которая мне может пригодиться. Вчера вечером позвонила Людмила и сообщила, что она познакомилась с ее министром и что она и Еровшин ужинали с министром и его женой и говорили о ней. Больше Людмила ничего не сказала, и они договорились встретиться сегодня после работы.

Катерина заехала к Людмиле. Они расцеловались и прошли на кухню. Людмила успела приготовить еду. Они выпили по рюмке водки.

— Рассказывай, — попросила Катерина.

Людмила любила рассказывать с подробностями. Катерина узнала и о старомодном костюмчике министерской жены, и о выражении ее лица при упоминании фамилии Катерины. Катерина давно научилась слушать, пропуская несущественное и сосредоточиваясь на главном. Главным было, что министр ее запомнил, не потерял интереса. Но этот интерес чисто прагматический — сможет ли она провести реконструкцию комбината? Главным был и

давний роман министра с Изабеллой. Она еще не знала, как это повлияет на ее отношения с министром, но понимала, что как-то повлияет. Судя по сегодняшней реакции Петрова, он сделает все, чтобы заблокировать ее предложение, и без помощи министра ей не обойтись. Еще Катерина отметила — в Людмиле после поездки с Еровщиным в Таллин появилось что-то новое: то ли уверенность, то ли спокойствие. В таком состоянии, по наблюдениям Катерины, всегда находились жены крупных начальников. В них не было ни страха, ни угодливости, они знали, что находятся под надежной защитой, у них прочный тыл.

— Что-то в тебе сегодня особенное, — заметила Катерина, — будто ты стала генеральшей.

— Я и так генеральша, — призналась Людмила, — если двадцать лет живу с генералом.

И вдруг Катерина догадалась.

— У Еровшина умерла жена?

— Еще год назад.

— И ты ничего об этом не говорила?

— Ты же не спрашивала.

— И что же теперь?

— Все то же самое. Ничего не меняется. Он живет со взрослой дочерью, которая разведена.

— Но у дочери, наверное, есть своя квартира. Может быть, есть смысл объединять

твою и ее, а дочери останется хорошая генеральская.

— Этот вопрос в стадии обсуждения. — Людмила перевела разговор: — Ты лучше расскажи о своем новом претенденте.

Катерина поняла по реакции Людмилы, что предложения о замужестве не было, и поэтому квартирный вопрос обсуждаться не мог.

Они еще выпили водки. Катерина решила, что переночует здесь, на тахте, позвонит Александре и предупредит ее. А свежую блузку на завтра возьмет у Людмилы.

— В подробностях! — попросила Людмила. — С самого начала знакомства. Что он сказал, что ты ему ответила?

Катерина рассказывала не торопясь, ей самой хотелось осмыслить происходящее.

— Не пьет ли? — насторожилась Людмила, когда Катерина закончила рассказ о пикнике.

— Вряд ли... Но под хорошую закуску и в хорошей компании не отказывается.

— Кто ж отказывается под хорошую закуску и в хорошей компании! Но все-таки не теряй бдительности в этом вопросе! — предупредила Людмила. — А сколько раз в день ты про него думаешь?

— Не считала... Но когда вижу нового мужика, всегда сравниваю с ним, или на похожих сразу обращаю внимание. На таких мосластых, вроде бы худых, но крепких, ты сама знаешь каких.

— Большая редкость нынче, — заметила Людмила. — Мужик пошел пухлый и жирный, даже молодежь.

— А у тебя кто-то из молодых появился?

— Не появился. Но интерес ко мне испытывают.

— Это понятно. Как старшеклассники к учительницам.

— Чего-чего, а научить я могу. Лучшую школу пройдут, но не обо мне речь. Когда ты засыпаешь, тебе хочется, чтобы он рядом лежал?

— Хочется, — призналась Катерина.

— А он чистоплотный?

— Да. Очень.

— А когда он небритый, как ты реагируешь?

— Он всегда бритый.

— А рубашки каждый день меняет?

— Я его всего четыре раза видела, и все в разных рубашках.

— А тебе хочется к нему прижаться, погладить?

— Хочется.

— Знаешь, это похоже на любовь.

— Такое у меня было только один раз, с Рудольфом. Мне все в нем нравилось.

— Нашла кого вспомнить! Это вычеркнуто и забыто.

— Меня это новое знакомство вначале забавляло, а теперь я каждый день жду его звонка.

— Мне аж завидно стало, — вздохнула Людмила. — За последние годы ничего такого со мной не случилось. Все повтор. Как по кругу. Этот на того похож, а этот на другого. Лучше Еровщина никого у меня не было. Он просто угадывает, чего я хочу.

— Он тебя знает, — предположила Катерина.

— Он угадывает. Сидим мы вечером в Таллине. Я ему говорю: «Поставь какую-нибудь музыку». Он берет кассеты, откладывает одну, вторую, третью, ставит четвертую, а это «Манчестер — Ливерпуль», ну, та музыка, что на погоде по телевизору. А я именно ее и хотела, очень мне нравится. Клянусь! Я аж обмерла. И всегда так: я думаю, а он уже об этом говорит.

— А ты угадываешь, что он думает?

— Я его понимаю. Когда он недоволен, когда ему приятно, когда у него что-нибудь болит. Но мысли угадать не могу. Ладно обо мне! Что с этим Гошей делать будем?

— Расскажу ему все, и пусть решает.

— Не торопись! Он в тебя влюбился. Это главное. Кто ты, неважно вроде бы. Но мужики не любят, когда женщина выше их стоит. Ведь он не захотел тебе поверить, когда ты ему пыталась рассказать правду про себя. Зна-

чит, это ему неприятно даже в шутку. Значит, он очень самолюбивый, будет хозяином положения.

— Всегда ведь кто-то выше, — возразила Катерина.

— То, что ты выше по работе, с этим он, может быть, смирится, но дома мужик хочет быть хозяином.

— А я что, возражаю? Да на здоровье! Будь хозяином, мне только легче.

— Ой, не отпугнуть бы, — засомневалась Людмила. — Давай подобьем бабки. Ясно, что он в тебя влюблен.

— Я думаю, что если и не влюблен, то я ему очень нравлюсь.

— Он холостяк. Живет один. Пусть делает предложение. Из Моссовета позвонят, и вас завтра же зарегистрируют. А потом признаешься, как я с Гуриным. Он ни разу не вспоминал, что познакомился со мною как с профессорской дочкой.

— Не хочу обманывать с самого начала. Не хочу оправдываться с самого начала.

— А какие оправдания? — возразила Людмила. — Только напор. Ты что, скрывала от него что-то? Ты ему сказала все про себя, когда вы были на пикнике? В чем ты виновата? У нас все равны — и рабочие, и министры, и слесари. Хочет, чтобы ты работу бросила, — бросишь!

— Я не брошу, — отрезала Катерина.

— И не бросай! Скажешь, что написала заявление об уходе, и будешь ходить грустная, понурая. Мужики отходчивы. Увидит, что ты сникла, и скажет, ладно, черт с тобой, будь директором!

Катерина рассмеялась. Она позвонила Александре, что не приедет домой и заночует у Людмилы.

— Что-нибудь случилось? — забеспокоилась Александра.

— Ничего не случилось. Выпили с Людкой. Не могу же я садиться за руль в таком состоянии.

— Оставь машину и приезжай! — предложила Александра.

— Устала, — призналась Катерина. — Не доеду. Хочу спать.

— А если Гога позвонит?

— Дай ему телефон Людмилы. Пусть перезвонит сюда.

Они уже ложились спать, когда зазвонил телефон. Людмила сняла трубку.

— Доброй ночи, Георгий Иванович, — почти пропела она. — Хотя какая ночь, просто вечер.

Людмила прикрыла трубку ладонью:

— Тебя. Приглашай. Пусть приезжает.

Катерина взяла трубку и сказала:

— Приезжай. Я сейчас тебе продиктую адрес. Познакомишься с моей школьной подругой.

Людмила прошептала:

— Очень хочу послушать, — и бросилась на кухню, где стоял параллельный телефон.

— Поздно уже, — признался Гога. — Пока приеду, надо будет уезжать, а то на метро не успею.

— Я тебе дам денег на такси.

— Я как в том анекдоте: румынские офицеры денег с женщин не берут.

— Я тебе одолжу до получки. Приезжай. У нас еще выпить осталось.

— Спасибо. Я не в форме. Устал. А я должен понравиться твоей подруге, чтобы она ничего против меня не имела. Я рад был услышать твой голос.

— Я тоже.

— Я позвоню завтра.

— Ты просто приезжай.

— Я приеду.

— Я тебя целую.

В трубке замолчали.

— Я это сделаю завтра, — наконец сказал Гога и повесил трубку.

— Замечательный голос, — откомментировала Людмила. — Интеллигентный! Никогда бы не сказала, что слесарь. Завтра пошли Александру погулять и ложись с ним. В любом случае это необходимо. Посмотришь, какой он мужик. И вообще, надо форсировать события.

— Как?

— Как бы между прочим, — посоветовала Людмила. — Расскажи, что тебя добиваются, предлагают выйти замуж.

— А если он скажет: ну и выходи, — предположила Катерина.

— Не скажет, — уверенно возразила Людмила. — Он скажет: а зачем за него выходить, выходи лучше за меня. Ты ему: хорошо, я согласна, завтра подаем заявление в загс. Он: подаем. Вы приходите в загс, а заведующая говорит: сегодня не пришла одна пара, вы люди взрослые, я вижу, вы любите друг друга, я могу зарегистрировать вас сразу, сегодня. Вы согласны? Ты первая говоришь: да. Ему ничего не остается, как тоже сказать — да! Все. Финита комедия!

— Так бывает только в сказках, — вздохнула Катерина. — И почему заведующая загсом должна нас сразу зарегистрировать?

— Потому что ты заранее договоришься в Моссовете с тем начальником, который курирует московские загсы, и он позвонит в твой районный.

— А почему он должен нарушать собственные распоряжения?

— Потому что ты его попросишь. Он не откажет. Скажешь, что уезжаешь в командировку. Если хочешь устроить свою жизнь до конца дней своих, надо идти на таран.

— Ничего нельзя планировать до конца дней наших, — возразила Катерина. — Может быть, через месяц терпеть друг друга не сможем. И разбежимся с облегчением.

— Возможно, — согласилась Людмила. — Со мной такое бывало. Но зато я себя никогда и ни в чем не упрекала. Знала, что сделала все возможное, а если не получилось, не моя в том вина.

Утром Катерина проснулась с тяжелой головой.

— Черт возьми, — выругалась она. — И как это мужики пьют каждый день? Как можно работать после этого!

— А они и не работают, — ответила Людмила.

Катерина приняла душ: горячий, холодный, снова горячий и снова холодный. Растерла тело махровым полотенцем, скрутив его в жгут. Выпила чашку крепкого кофе. Людмила ушла в свою химчистку. Катерина решила не заезжать на комбинат. Она позвонила и предупредила, что будет в министерстве.

Петров ее ждал. Он вышел из-за стола, улыбаясь, попытался ее поцеловать, Катерина уклонилась. Она успела почувствовать знакомый запах английского одеколona и хорошего американского табака. Они сели в кресла. Секретарь принесла кофе.

— Ты рассердилась на меня за тот конфуз с тещей? — вспомнил Петров.

— Нет, дело житейское.

— Прости меня, — попросил Петров.

— Прощаю.

— Сегодня мы можем встретиться? — спросил Петров.

— Мы уже встретились.

— Если не хочешь у Людмилы, у меня приятель уехал на работу в Берлин на три года и оставил мне ключи от квартиры.

— Я рада за тебя. Но у меня изменились обстоятельства. В меня влюбился мужчина. И я в него тоже...

— Когда же это произошло? За эти две недели?

— Да.

— А он из наших, из химиков?

— Он электронщик.

— Я его знаю?

— Нет.

Петров улыбнулся.

— Я готов ждать, когда ты разочаруешься.

— Я не разочаруюсь.

— Он молодой гений?

— Он не молодой и не гений.

— Тогда решим производственную проблему. В кино это, наверное, показали бы так, что молодой передовой директор борется с консерваторами. Она хочет внедрить лучшее отечественное оборудование, а консерваторы предпочитают плохое зарубежное. Ей все

отказывают, но она идет в ЦК нашей родной партии, ее поддерживают, и она, счастливая и улыбающаяся, входит на свое родное предприятие, где ее с плакатами встречают колонны передовых рабочих и работниц.

— Насколько я поняла, ЦК нашей родной партии против? — спросила Катерина.

— Против, — улыбнулся Петров. — И ЦК дружеской нам коммунистической партии Чехословакии тоже против.

— Неужели ты за сутки даже в Праге все обделал? — Катерина тоже улыбнулась.

— Ну извини. Я люблю Прагу, я люблю туда ездить. И не я один. Я только там живу по-человечески.

— Ты и здесь живешь очень неплохо, — возразила Катерина, — правительственный паек...

— Перестань, — отмахнулся Петров. — То, что я получаю в этом пайке, любой рабочий в Чехословакии может купить в своем обычнейшем магазине.

— В Чехословакии — да, — согласилась Катерина, — но наш стоит часами в очередях за куском колбасы, в которой больше крахмала, чем мяса.

— Но ты ведь не стоишь, — возразил Петров. — Тебе директор столовой готовит пакет, и шофер подносит его до двери квартиры.

— Мне никто ничего не готовит, и никто не подносит.

— Значит, будут готовить и подносить. И здесь нет ничего ненормального. Это просто высвобождает твое время, которое ты с большей пользой сможешь употребить на благо производства. Да, кстати, и военные против. Во всяком случае, они не будут ввязываться в ситуацию, где замешаны политические мотивы.

— Но хоть какие-то шансы выиграть у меня есть?

— Практически нет, — Петров развел руками. — Ну, проиграла ты. Бывает. Не всегда же выигрывать! Смирись!

— Нет, — отрезала Катерина. — Как говорил один мой знакомый, война не проиграна, пока полководец не отказался от решающего сражения.

— Это говорил Наполеон. — Петров усмехнулся. — Катя, не надо против меня сражаться. Я очень неудобный, хитрый и коварный противник.

— Я это знаю. А когда знаешь не только сильные стороны противника, но и слабые, шансы выиграть всегда остаются.

— А какие слабые? — заинтересовался Петров.

— Это ты скоро сам увидишь. Спасибо за кофе!

Петров проводил Катерину до двери. Она понимала, что проиграла. И никакого выхода

из этой ситуации не видела. Ни ее логика, ни доказательства никого не заинтересуют, все будут высчитывать: кто стоит за ней и кто против нее. За ней никто не стоял, кроме директора Новосибирского завода, на котором эти установки производили. Двое уже лучше, чем одна, но согласится ли он участвовать в борьбе, да и сможет ли понять все эти московские игры?

С Катериной здоровались, она почти автоматически отвечала. И когда в третий раз встретила юную девицу из секретарш, чей начальник, вероятно, отсутствовал, поняла, что ходит по одному и тому же коридору.

Конечно, надо уезжать отсюда, подумала она, но все решалось здесь, в министерстве. Она перебирала начальников главков, членов коллегии, заместителей министра, ей нужен был человек, который подтвердил бы, что она проиграла, или утвердил ее в надежде, что шансы еще остались. И тут она вспомнила о разговоре с Людмилой, пожалела, что не поехала в Таллин, ведь там, ужиная с министром, многое можно было ему внушить и сделать его если не сторонником, то хотя бы не противником ее проекта. Разговора с ним все равно не избежать, решила она, и, если он скажет, что ее затея бессмысленна, отступит.

Она зашла в приемную министра, поздоровалась с секретаршей, дамой после пятидесяти, не скрывающей своей седины, сказала:

— Мне нужно поговорить с министром.

Катерина давно поняла, как много зависит от секретарей, помощников и референтов. Им привозили сувениры, поздравляли на праздники, помнили дни рождений, говорили комплименты. Катерину этому научила Изабелла. Но секретаря министра она видела второй раз в жизни. Поможет, если станет сообщницей, подумала Катерина, поскольку в эти минуты в приемной никого не было, быстро пересказала ей суть своих затруднений. Секретарша посмотрела лист с записью на прием к министру.

— Подождите. — Она прошла к министру.

Катерина посмотрела на часы, автоматически засекая время. Секретарша вышла через две минуты. Значит, успела пересказать министру суть ее проблемы. Может, так оно и лучше, подумала Катерина. Откажется принять или назначит через неделю, значит, ее проблемы остаются ее проблемами.

— Проходите, — пригласила секретарша.

Министр встал, когда вошла Катерина, предложил ей сесть в кресло за небольшим столиком, сел сам. Петров подражает министру, подумала она, или они все кому-то подражают. Министр предложил Катерине сигарету, она взяла, министр щелкнул зажигалкой, Катерина закурила. Министр молчал, молчала и Катерина. Она вдруг почувствовала такую

усталость, что ей просто хотелось посидеть, выкурить сигарету. Но надо было начинать разговор, неизвестно, сколько минут ей выделил министр. Когда Катерина знала суть проблемы и знала, как ее решить, она с посетителями разговаривала предельно коротко. Вопрос — ответ, вопрос — ответ, спасибо за предложение, извините, ничем не могу помочь.

— Людмила рассказывала о Таллине? — неожиданно спросил министр.

По предположениям Катерины, он об этом должен был упомянуть в конце разговора.

— Рассказывала, — подтвердила Катерина. — Я сожалела, что не поехала с ними.

— Моя жена утверждает, что Людмила — не жена этого генерала с Лубянки.

— Не жена. Любовница. Но давняя, в этом году будет уже двадцать лет.

— Черт возьми, — восхитился министр. — Всегда завидовал таким мужикам! И жена, и любовница! И все по-хорошему. У меня никогда так не получалось.

— У вас это вторая жена, — сказала Катерина и добавила: — По предположению Людмилы.

— Она правильно высчитала, — признался министр. — Я остался вдовцом. И ухаживал за вашей родственницей. Кстати, как она? Я ее давно не видел.

— Выглядит Изабелла замечательно. Но у них свои проблемы. Академик в больнице.

— Что с ним? — поинтересовался министр.

— По-видимому, что-то с предстательной.

— Нормальная стариковская болезнь, — министр постучал по столу. — Слава богу, меня с этой стороны еще не ударило. — И сразу перешел на интересующую Катерину тему: — От кого Петров узнал о ваших планах?

— Сама сказала.

— Ну и зря! Он сам тебе кислород перекроет.

— Уже перекрыл, — призналась Катерина. — Не только на Старой площади, но и в Праге тоже.

— Военные тебя поддержат?

— Вряд ли. Из ЦК наверняка уже позвонили в Главное политическое управление, а те нажмут на моего генерала.

— Значит, тебя зажали. — Министр вздохнул.

— И никаких шансов у меня нет?

— Ну, атака твоя захлебнулась. Придется переходить к позиционным боям. Значит, так. Подключи сибиряков. Им терять нечего. Тебе надо выходить на уровень выше, чем вышел Петров.

— На Политбюро?

— Не обязательно. На секретаря, который отвечает за промышленность. А он?..

— Из Красноярска, — подсказала Катерина. Нынешний секретарь, вспомнила она,

был еще недавно директором Красноярского комбината.

— Правильно, — подтвердил министр. — Пусть новосибирцы выходят на него с помощью красноярцев. Сибиряки — мужики настырные. Пусть нажимают они, а ты пока уйди в тень. Да, у меня недавно для телевидения интервью брали, так корреспондент интересовался, нет ли у нас в отрасли молодых перспективных руководителей. Я назвал тебя. И молодая, и красивая, и перспективная, и с работниц начинала. Корреспондент обещал про тебя передачу сделать.

— Мне звонили с телевидения, — вспомнила Катерина. — Я думала, что они хотят обычную передачу про комбинат делать: что-то там крутится, вертится, работницы улыбаются.

— Улыбаться придется тебе. И так, улыбаясь, по голубому глазу, и скажи: от своего хорошего отказываются, плохое иностранное берут. Я бы даже фамилии назвал, кто тормозит. Я этого сказать не могу, а ты можешь.

— Так ведь придется назвать и Петрова, и нашего инструктора ЦК.

— И назови, — усмехнулся министр. Мими руками хочет укоротить Петрова, тут же поняла Катерина. — В ЦК грядут перемены. Я думаю, кому надо, тебя услышат.

— И запомнят, — вставила Катерина.

— Не исключено, — согласился министр. — Кто высовывается, того запоминают. И тут могут два варианта быть — или задвигают, или выдвигают. Не бойсь. Сегодня же созвонюсь с сибиряками, и начинай операцию.

— Вы во время войны не в штабах служили? — спросила Катерина.

— В штабах. Начальник штаба дивизии. Начинал в химзащите. А ты откуда знаешь? — удивился министр.

— Хорошо операцию планируете.

— Ты догадливая. Давай действуй. Передавай привет Изабелле.

— Вы бы сами позвонили, — подсказала Катерина. — Женщине это всегда приятно.

— Позвоню, — пообещал министр.

— Я запишу телефон?

— Я знаю. Ты мне сама время от времени звони. — Министр написал на листке номер телефона. — Это прямой, не через секретаря. Информируй, как будет развиваться операция.

В приемной уже сидело не меньше десятка ожидающих. Катерина поклонилась секретарше и прошептала:

— Спасибо. Я отслужу.

Приехав на комбинат, Катерина попросила секретаршу заказать телефонный разговор с Новосибирском.

С директором завода она была едва знакома, но он ее, по-видимому, запомнил, потому

что обрадовался, когда она назвалась. Катерина объяснила ему ситуацию. Директор завода задавал вопросы, она отвечала откровенно. Разговор затягивался. Катерина, которая всегда платила за междугородные разговоры с матерью из собственной зарплаты, посмотрела на часы. Привыкшая экономить на всем, она вдруг подумала, что на этом разговоре она сэкономит несколько миллионов рублей. И никто ведь спасибо не скажет. Заканчивая разговор, она спросила:

— Вы готовы ввязаться в эту драку?

— Конечно, готов, — ответил директор. — За двое суток я выйду на секретаря ЦК.

— Спасибо.

— Тебе спасибо. Ты, случайно, не наша, сибирская?

— Я псковская.

— Тоже неплохо, — заметил директор.

У Катерины улучшилось настроение. Все замечательно! Она не выиграла, но и не проиграла. Вечером придет Гога. Она еще не решила, как его звать — ни Гога, ни Гоша ей не нравилось. Пока, для себя, она называла его «он». Он придет. Хорошо бы ему рассказать об этой комбинации. Наверное, он бы ее похвалил. Почему мне хочется, чтобы меня похвалили, я давно не девочка, подумала она. В кабинет заглянула Аделаида:

— Звонят с телевидения.

Катерина взяла трубку. Звонили из редакции пропаганды. Они задумали снять серию очерков о руководителях предприятий. Ее рекомендовал министр. Съёмки завтра. Успею сделать причёску, подумала Катерина.

Она уехала с комбината до окончания рабочего дня, впервые с тех пор, как стала директором. Сначала заехала в парикмахерскую. Спустя час покупала в кулинарии антрекоты, потом в универсаме помидоры. Вспомнила, что в доме нет спиртного, и встала в очередь за водкой. Купила водку, коньяк и какое-то вино. До прихода Гоши убрала квартиру, сложила в стенные шкафы разбросанные вещи. Зазвонил телефон.

— Где ты? — заволновалась Катерина. — Скорее приезжай!

— Откуда ты знаешь, что это я? — удивился Гога.

— Объясню, когда приедешь. Я жду.

Она приняла душ, надела домашнее платье. Ну чего я волнуюсь, убеждала она сама себя. Все ведь можно предсказать. Они поужинают. Она выпьет рюмку водки, он выпьет три или четыре. Потом перейдут в ее комнату. Он будет спрашивать, она отвечать, или она спрашивать, а он отвечать. Наверное, он спросит, кем я работаю. Я отвечу:

— Директором.

А что же ответит тогда или спросит он? Ответа за него она не могла придумать. Он ведь не такой уж предсказуемый. А если не спросит? Как ему все рассказать? Хорошо бы ей позвонили с комбината, она бы отдала распоряжение, и он понял бы. Но с комбината ей никогда не звонили. Став директором, она предупредила всех специалистов, что звонить ей разрешается в трех ситуациях: при пожаре, при аварии с человеческими жертвами и в случае войны. За несколько месяцев ее директорства ей позвонили один раз. Она обругала, так как повод для звонка не имел отношения ни к одной из названных ситуаций. После этого ей звонить перестали.

Гоша вошел, обнял ее и стал целовать. Она чувствовала его нетерпеливые руки и наконец не выдержала сама, отстранилась, переводя дыхание, сказала:

— Иди в ванную, я постелю.

Катерина быстро застелила тахту свежими простынями, разделась, легла, укрылась с головой, подумала — какие глупости, откинула простыню. Он лег рядом. Ей показалось, что он намного горячее ее. По тому, как его руки скользнули по ней, легко, едва касаясь, поняла — он опытный, он думает о ней...

Потом они лежали рядом, его руки все еще продолжали ласкать ее, ей это было всегда

необходимо, но ни один мужчина так и не узнал об этом, а он понял.

— Ты замечательный.

— У меня таких, как ты, никогда не было. Ты совершенство.

— Как чувствительный прибор? — спросила она.

— Да, если ты не обидишься.

— Я не обижусь. Ты мне подходишь. Если ты предложишь выйти за тебя замуж, я тут же соглашусь. Если ты этого не захочешь, я все равно буду с тобой до тех пор, пока тебе будет интересно со мной.

— При первой же встрече они обговорили условия, — заметил Гога.

— Не при первой, — возразила Катерина. — И условий не было. Было согласие победенной стороны на все условия победителя.

— Про победителя не надо. Я не победитель, мне повезло. Мне давно так не везло. Извини. Я хочу поесть. Зверски хочу.

— Пошли. Я все приготовила. Я думала, мы начнем с еды.

— Мы начали с главного.

— Ладно, философ. Можешь пройти на кухню. А если хочешь, я принесу еду сюда. Ты это заслужил.

— Нет, — сказал Гога, — есть будем только за столом. Надо вырабатывать семейные традиции.

— Как скажешь, дорогой.

За столом он спросил:

— Ты давно разошлась с мужем?

— Я никогда не была замужем.

— А Сашка?

— Дети бывают и внебрачные. Это моя самая крупная награда в жизни. Я хотела за него выйти замуж, а он не захотел на мне жениться.

— Полный идиот, — сказал Гога. — Но понимать-то он понимает, что потерял?

— Я его больше никогда не видела.

— Но после него у тебя кто-то был?

— Нет. Никогда и никого. Только ты. Хотя обожди. Наверное, все-таки кто-то был, но я забыла. А то ты можешь подумать, что если она никому не была нужна, то зачем она и мне? Это ведь типичная мужская логика.

Гога встал, обнял ее и спросил:

— А что, если мы закончим еду чуть позже, а пока вернемся туда, откуда пришли?

— Я сама хотела тебе предложить, но я стеснительная.

— Больше никогда не стесняйся. Всегда говори: Гоша, пошли. Если я буду не рядом, ты мне можешь всегда позвонить на работу, я тебе дам телефон. И скажешь только одно слово: пошли. Я все брошу и через пятнадцать минут буду у тебя.

— А почему у меня, а не у тебя?

— И у меня, и у меня, — ответил он, бросаясь на тахту.

Катерина уснула мгновенно, как провалилась. Когда проснулась, ей показалось, что уже утро и она опаздывает. Было почти одиннадцать вечера.

— Сейчас придет Сашка, — вспомнила она.

Ей показалось, что он оделся мгновенно.

— У тебя, наверное, большой опыт одевания в экстремальных ситуациях, — предположила она. — И минуты не прошло.

— Минута? Пять секунд! Я засек время. Я же в армии служил. Но там больше одежды, да еще портянки надо было наматывать.

— Я почему-то думала, что ты служил на флоте.

— Почему?

— У тебя есть флотский шик.

— Я армейский. Я, пожалуй, пойду. Не хочу, чтобы Александра видела меня каждый день.

— Давай видеться у тебя, — предложила Катерина.

— Конечно. Но у нас в коммуналке ремонт. Я хочу тебя привести в чистую и уютную комнату.

— А почему ты не хочешь видеться с Александрой? Тебе она симпатична?

— Она мне нравится. Она похожа на тебя. Но молодые не терпят назойливости. Я хочу,

чтобы у меня с ней сложились очень хорошие отношения. Но я их буду строить по своей методике.

— Может, и мне расскажешь о своей методике? — предложила Катерина. — А то у меня с нею есть кое-какие сложности.

— Расскажу обязательно, — пообещал Гога и, поцеловав ее, вышел.

Александра вошла буквально через пять минут после его ухода. Катерина хотела спросить, не встретила ли она с Гогой, но не спросила. Если встретила, не выдержит и сама расскажет; если не встретила, то не стоит мешать его методике строить отношения с будущей, возможно, падчерицей. Александра пришла явно озабоченной. Ужинала молча. И вдруг спросила:

— У тебя был сегодня тяжелый день?

— Нормальный.

— У тебя очень усталый вид.

— А у тебя озабоченный. Если есть проблемы, можем обсудить.

— Проблема есть, — призналась Александра. — Но, может быть, все в ближайшее время рассосется.

— Если будет необходимо хирургическое вмешательство — скажешь. Я привыкла резать по-живому.

— Я это знаю. — Александра поцеловала ее и ушла в свою комнату.

Катерина прошла к себе, раздвинула тахту; стеля простыни, почувствовала запах его одеколона. Это был нормальный советский «Шипр». Привыкну, подумала она. И к его одеколону, и к папиросам «Беломорканал».

Утром она встала с очень ясной головой. Уже из кабинета позвонила инструктору ЦК, который курировал их отрасль.

— Вы будете поддерживать нас и новосибирцев? — задала она вопрос впрямую.

— Договора надо соблюдать, — ответил инструктор. — У нас с чехами договор.

— Он заканчивается в этом году.

— Заключение новых договоров через месяц. Решим эту проблему в Праге, — добавил инструктор.

Уже формировалась делегация в Прагу, куда входили и Катерина, и Петров, и инструктор, и представители Внешторга.

— Извините, — продолжила Катерина, — я и должна предупредить их заранее, что мы не продлим договор. Им надо ведь найти новых покупателей.

— Я вам не советую этого делать, — заметил инструктор. — И потом чешская установка очень хорошая. Я ведь тоже химик и понимаю в установках не хуже, чем вы.

Хуже, хотелось ответить Катерине. Инструктор заканчивал ту же «керосинку», что и Катерина, но ни дня не работал на производ-

стве. Он поступил в аспирантуру и стал секретарем парткома. После защиты диссертации его взяли в горком, оттуда в ЦК. Катерина максимально смягчила ответ.

— Я с вами не согласна и оставляю за собой право отстаивать свою точку зрения.

— Отстаивайте. Но не переусердствуйте. Катерина набрала номер телефона Петрова.

— Я подумала и осталась на прежней позиции.

— Жаль, — признался Петров. — Передо мной список делегации в Прагу, который я отправляю в ЦК на утверждение. Я тебя вычеркиваю. Все решим без тебя. — Петров положил трубку.

Вчера она решила не называть фамилию Петрова по телевидению. Назову, решила она после этого разговора.

Съемки должны были начаться через два часа. У нее оставалось время, чтобы пройти по цехам и наметить, что и где снимать.

Когда она возвращалась, то увидела голубой автобус ПТС — передвижной телевизионной станции. Кабели тянулись к ее кабинету.

Телевизионная камера и осветительные приборы были уже установлены. Рачков усадил Аделаиду в директорское кресло и установил свет. Плянул на часы.

— Директор никогда не опаздывает, — перехватив его взгляд, заметила Аделаида.

— Так уж никогда? — усомнился Рачков.

— Никогда, — подтвердила Аделаида.

Этот разговор Катерина услышала, входя в кабинет. Она сразу узнала Рачкова. Он мало изменился. Погрузнел, стал солидным, солидность подчеркивала седина. А у меня почти нет седины, подумала Катерина и поздоровалась с Рачковым.

— Здравствуйте. — Она протянула ему руку.

Рачков галантно поцеловал ее руку. Все очаровываешь, сукин сын. В последние годы мужчины стали целовать женщинам руки. Прагматичной Катерине это казалось дуростью. Одно дело целовать в салонах и на балах, другое — в сегодняшней жизни, она только что из цеха и вся пропахла химикатами.

Катерина достала из сумки пудреницу, зеркальце, губную помаду.

— Через две минуты я буду готова.

Рачков через микрофон предупредил:

— Прошу редактора и режиссера в кабинет директора.

Катерина прошлась пуховкой по лицу, подкрасила губы, одним взмахом расчески привела в надлежащий вид прическу, наблюдая за явно растерянным лицом Рачкова. Узнал все-таки, подумала она.

— Мы с вами где-то встречались? — Рачков улыбнулся. — Я ведь вас уже показывал?

— Думаю, что вы ошибаетесь. Здесь вас не было.

— Здесь я не был, — подтвердил Рачков. — Но ведь здесь вы не всю жизнь работаете?

— Не всю, но очень давно. Почти семнадцать лет.

— Вы не отдыхали в Сочи?

Не узнал, с сожалением подумала Катерина, обидно даже, я-то о тебе все эти годы помнила.

— В Сочи хоть один раз в жизни отдыхал каждый человек, — ответила Катерина.

— Разрешите представиться — Рачков Родион Петрович.

— Родион? — переспросила Катерина.

— Да. Нормальное русское имя.

— В юности вы, конечно, были Рудольфом, — предположила Катерина.

— Да, — Рачков был явно ошарашен. — Значит, мы с вами действительно знакомы?

— Это только предположение, — Катерина улыбнулась, — ведь не так давно были модны иностранные имена: Стас, Рудольф, Эдуард, сейчас модны родные — Родион, Иван, Никита, Денис.

В кабинет заглянула Аделаида.

— Извините, Катерина Александровна, звонили из Новосибирска. Директор завода вылетает сегодня, и завтра на утро назначена встреча с секретарем ЦК.

Катерина обрадовалась. Она посмотрела на Рачкова и поняла, что он вспомнил.

— Катерина! — изумился он.

— А что, разве я так изменилась?

— Нет, просто я не предполагал... Такая встреча! Через столько лет! Значит, ты всего добилась! Директор крупнейшего комбината в Москве.

— Директором я всего третий месяц...

— А какие еще изменения в жизни? — допытывался Рачков. — Семья, дети?

— С этим все в порядке.

В этот момент в кабинет вошли режиссер и редактор. Катерина вспомнила первую телевизионную съемку на галантерейной фабрике. Ничего, естественно, не изменилось. Так же за камерой стоял Рачков и режиссером была женщина, только более молодая, в джинсах и джинсовой куртке.

— Катерина Александровна, — объясняла режиссер, — у нас три камеры. Одну мы установим на гараже — это самое высокое место, и я вначале дам панораму по комбинату. В это время вы рассказываете об истории комбината и, так сказать, о его славных вехах. Потом я переключусь на камеру Рачкова. Когда на ней загорится красная лампочка, значит — вас снимают. И тогда редактор задаст вам вопросы.

— Какие вопросы? — забеспокоилась Катерина. — Вы их мне запишите!

— Не надо, — сказал редактор. — Когда человек не знает вопросов, он естественнее на экране, он задумывается, есть пауза.

— Все, что в данный момент снимается, вы увидите на контрольном мониторе, — добавила режиссер. — Как только вы начнете рассказывать о продукции комбината, я включу третью камеру, что в цехе. У вас ведь реконструкция идет, вы вставьте что-нибудь про научно-техническую революцию — сейчас это модно.

— Вставлю, — пообещала Катерина. — И даже фамилии назову тех, кто мешает этой революции.

— Вы молодчина, — похвалила ее режиссер. — Все понимаете!

— Технология нехитрая, — сказала Катерина. — Я готова.

Режиссер ушла в автобус на пульт. И тут спохватился редактор:

— Извините, я забыл галстук в автобусе. Нам нельзя без галстука в кадре. — И редактор побежал к автобусу.

— Я надеюсь, — воспользовался моментом Рачков, — мы наш разговор продолжим в другом месте. Я тебе позвоню.

— Не надо никаких разговоров, — отрезала Катерина. — И звонить не надо. Я не собираюсь быть телезвездой.

— При чем здесь телезвезды? — улыбнулся Рачков. — Нас ведь связывает...

— Нас ничего не связывает, — жестко обрвала Катерина.

На экране монитора появилась заставка редакции пропаганды. Затем пошла панорама по корпусам комбината, звукооператор махнул рукой, и Катерина начала рассказывать об истории комбината, упомянула о первом директоре, нынешнем министре.

Зажглась лампочка на камере у Рачкова, и редактор попросил Катерину рассказать о себе.

— Я не москвичка, — начала Катерина. — Я из лимитчиц, одним словом «лимита». Я псковская. Приехала в Москву, работала на галантерейной фабрике — сначала на сверлильных станках, потом слесарем-наладчиком, бригадиром, начальником цеха. Закончила химико-технологический институт, «керосинку», как говорят химики. Пришла на комбинат мастером, стала начальником цеха, технологом, главным технологом. Теперь вот директор комбината.

— Значит, вы прошли по всем ступеням? — спросил редактор.

— По всем, по всем, — ответила Катерина.

— Трудно было?

— Трудно, — призналась Катерина. — Но мир не без добрых людей, помогали... Подруги помогали.

Она назвала Людмилу и Антонину. Эту науку — благодарить и хвалить — она усвоила

у своего первого директора. Когда он делал на фабрике доклады перед праздниками, перечислял десятки фамилий. Катерина как-то спросила его:

— Зачем так много фамилий, не запомнят ведь.

— Главное, чтобы запомнил тот, кого благодарить и хвалить. Не скупись, Катерина, на похвалу. Лучше перехвалить, чем недохвалить.

Катерина упомянула директора галантерейной фабрики, Леднева, Киселеву, министра, академика, не забыла комбинатских, которые поддерживали и помогали.

Потом редактор задал вопрос о реконструкции, и Катерина произнесла несколько нужных слов о научно-технической революции и кратко изложила суть конфликта плохих чешских установок с хорошими новосибирскими.

— Неужели кто-нибудь против? — удивился редактор. — Государственная выгода очевидна же.

— А тут она противоречит личной выгоде некоторых, — осмелела Катерина. — Привыкли ездить в Прагу: хорошая колбаса, свежие продукты, дешевая одежда в магазинах, а не у спекулянтов, как у нас. В Новосибирске всего этого нет. И самое поразительное, что со-

противляются как раз те, которые должны помогать.

И она назвала Петрова и инструктора ЦК.

— Но мы объединили усилия с сибиряками. Вот только что, перед вашим приходом, звонил директор завода из Новосибирска. Он прилетает сегодня. И мы продолжим борьбу.

— Вы нам сообщите о победе?

— Или о поражении...

— Будем надеяться на победу, — округлился редактор.

По его поспешности Катерина поняла, что ни суть конфликта, ни его результат редактора не интересуют. На мониторе пошли планы цеха, лица работниц, снова панорама по корпусам комбината.

Во время интервью Катерина забыла о Рачкове. И вспомнила, только встретив его внимательный взгляд. Он уже снял наушники и наблюдал за ней из-за камеры.

Вырежут всю концовку, вдруг поняла Катерина, оставят только благостное.

— Спасибо, — поблагодарил редактор. — Вы были великолепны. Я сообщу, когда передача будет в эфире. — И пошел к выходу.

— Постойте, — остановила его Катерина. — И выслушайте меня. Прежде чем пойдет в эфир, я должна посмотреть передачу.

— Я постараюсь вам показать, — пообещал редактор. — Но иногда бывают незапланированные вставки в программу, о которых даже я не знаю.

Рачков выкатывал камеру из кабинета, звукорежиссер зачехлял магнитофон. Катерина подождала, пока они вышли, редактор двинулся за ними, посчитав, вероятно, что разговор закончен.

— У меня к вам еще есть вопросы, — остановила его Катерина и продолжила: — Во всей передаче меня интересует только концовка с фамилиями людей, которые мешают реконструкции комбината. Если ее вырежут, с вашего согласия или без вашего согласия, я устрою грандиозный скандал. В таких ситуациях всегда ищут крайнего, чтобы наказать его. Естественно, крайним будете вы.

— Конечно, — согласился редактор.

— Вам вынесут выговор по партийной линии или просто уволят. Поэтому оставляйте эту передачу. А вашему начальнику, как он у вас называется?

— Главный редактор.

— А главному редактору скажите, что Тихомирова — большая сука, которая способна на любой скандал. Поговорите с бывшим директором комбината, с бывшим главным механиком Самсоновым, они подтвердят. Запишите их фамилии. Я бы хотела расстаться

с вами по-дружески, потому что противник я очень неудобный — коварный и мстительный.

Катерина подумала, что она почти слово в слово повторила Петрова.

— Да, да, конечно, — подтвердил редактор. Катерина его явно напугала. Он привык, что телевидение любили, перед ним заискивали, оказывали услуги.

Пока редактор и Катерина разговаривали в кабинете, Рачков задержался в приемной.

— Да, — сказал он Аделаиде, будто только что вспомнил, — передачу в эфир могут поставить в любой момент, и вдруг мы не сможем застать вас на работе. На всякий случай дайте мне домашний телефон директора, я ей обязательно позвоню.

— Ради бога, не забудьте, — попросила Аделаида и написала на листке домашний телефон Катерины.

— Непременно, непременно, — заверил ее Рачков. — Очень интересная женщина, очень.

— Она у нас умница, — поддалась на лесть Аделаида. — У нас шутят, что ее улыбка стоит полмиллиона в валюте. Однажды вели переговоры о закупке оборудования, поставщик оказался упрямым, но, когда подключилась Катерина Александровна, он сбросил полмиллиона.

— Удивительная женщина! На такую женщину невозможно не обратить внимания. Улыбается — глаз не оторвать.

— Не влюбились ли вы? — кокетливо спросила Аделаида.

— Не решусь, — развел руки Рачков. — Замечательные дети, замечательный муж.

— Не дети, а только дочь, — поправила Аделаида. — И никакого мужа. Я думаю, у вас есть шансы.

— Вы вселили в меня надежду, — Рачков улыбнулся самой своей очаровательной улыбкой.

Когда Катерина вышла в приемную, Аделаида ей радостно сообщила:

— Мне кажется, оператор в вас влюбился.

— Так, — Катерина все поняла, — домашний телефон спрашивал?

— Да, — сдалась Аделаида. — Он сообщит, когда передача будет в эфире.

— Что еще спрашивал?

— Он почему-то решил, что у вас муж и дети.

— И вы ему сказали, что у меня только дочь и я не замужем?

— Да, — подтвердила Аделаида. — Вы так ему понравились. А на руке у него нет обручального кольца. Он явно не женат и очень симпатичный.

— Он симпатичный сукин сын. — И Катерина ушла к себе в кабинет. Успокойся, приказала она себе. Пусть только попробует сунуться! Получит сполна.

Зазвонил телефон. Катерине не хотелось ни с кем разговаривать, но Аделаида трубку не снимала. Катерина выглянула в приемную — Аделаиды не было. Пошла поплакать в туалете, поняла Катерина. Надо бы ее заменить, подумала она, но, пока воспитаешь и научишь работать нового секретаря, уйдут годы. Да и просчет Аделаиды только в одном: она очень хочет, чтобы я была счастливой, а счастье видит в замужестве, потому что сама никогда не была замужем.

Телефон надрывался. Катерина сняла трубку:

— Тихомирова.

— Катерина, ты пропустила два заседания комиссии.

Это звонил председатель комиссии по материнству и детству из Моссовета. Катерина работала в ней.

— Прости. Я отслужу.

— Есть срочное поручение от председателя.

— Лично мне?

— Комиссии. Но на вчерашнем заседании решено поручить тебе.

— Я на той неделе заеду, — пообещала Катерина.

— В понедельник выводы нашей комиссии должны лежать у председателя на столе. Приезжай сегодня же.

— А по телефону ты объяснить не можешь?

— Это не телефонный разговор.

— Что, государственная тайна?

— Да, — подтвердил председатель.

— Хорошо, — согласилась Катерина. — Завтра заеду.

— С утра, — поставил условие председатель.

— После обеда, — ответила Катерина.

Председатель знал, что спорить с ней бессмысленно, она всегда делала так, как считала нужным.

— Ладно, — согласился председатель. — Это дело, по всей вероятности, криминальное, может быть, придется подключить милицию.

— Подключу. — Катерина положила трубку.

Как депутат Моссовета, она принимала посетителей на своем участке раз в неделю. Жалобы были привычные. Текли крыши, а жилищно-эксплуатационные конторы их не ремонтировали; пили мужья, и жены просили места в лечебно-трудовых профилакториях; жаловались на автовладельцев, которые ставили машины на тротуары. На заседание ко-

миссии Моссовета Катерина ходила редко, их комиссия была бестолковой и крикливой, потому что в ней работали в основном депутаты-женщины.

Катерина прошла в комнату отдыха за кабинетом, включила кофеварку и закурила. Рачков, которого она так любила когда-то, показался ей сегодня амбициозным и стандартным, таких за эти годы она встречала часто. Она заранее знала, с чего они начинают разговор, что просят, что предложат. Но зачем он взял домашний телефон? Что он попытается сделать? Сейчас, когда у нее был Гога, она не хотела никого впускать в свою жизнь. А вдруг Александре захочется познакомиться со своим отцом? Она имеет на это право. Девочкой она часто спрашивала об отце, но уже несколько лет эта тема исчезла из их разговоров. Хорошо бы посоветоваться с Гогой, подумала она. И решила, что сегодня же ему все расскажет. Но вечером Гога позвонил и предупредил, что его не будет десять дней — он уезжает в командировку на рижский радиозавод.

Может, и к лучшему, подумала Катерина. За десять дней я решу все проблемы: и на комбинате, и с Рачковым, за это время он обязательно проявится.

Утром она встретилась с директором Новосибирского завода в бюро пропусков ЦК КПСС на Старой площади.

— Как вы все успели так быстро устроить? — спросила Катерина.

— Через свой обком партии. Нам повезло. Сработаем на конъюнктуре. В понедельник в ЦК совещание по научно-технической революции в промышленности. Им нужны факты: где тормозят эту революцию. Очередная кампания. Но эта кампания нам поможет.

Директор, сорокалетний, спортивный, как и она, из нового поколения директоров, все делал быстро. Быстро шел по коридорам, быстро выкурил сигарету перед приемной секретаря.

Секретарь, большой, спокойный, с грустным, почти лошадиным лицом, выслушал аргументы директора Новосибирского завода, перевел взгляд на Катерину.

— Все точно. Добавить нечего, — подтвердила Катерина. — Меня вчера снимало телевидение, я все это сказала, но боюсь — вырежут.

Секретарь снял трубку белого телефона с золотым гербом на диске — это была высокочастотная связь, ее еще называли кремлевской вертушкой, — набрал номер, поздоровался, назвал себя и сказал:

— Вчера телевидение снимало директора Новомосковского химкомбината Тихомирову. В понедельник у нас совещание по научно-технической революции, ты покажи этот материал в ближайшие дни. Нам нужно поострее.

Если надо, поднимите еще, чтобы были конкретные фамилии. А мы сделаем оргвыводы.

Катерина поняла, что секретарь разговаривал с председателем комитета по радио и телевидению. И что сейчас решилась судьба и Петрова, и инструктора ЦК. В интересах большой политики через несколько дней инструктора устроят в научно-исследовательский институт заместителем директора, и на этом его карьера закончится. Что станет с Петровым, она предположить не могла, наверное, отделается выговором, он ведь выкручивался и не из таких ситуаций.

— Спасибо тебе, — попрощался сибиряк. — Ты теперь в нашей команде.

— В какой? — уточнила Катерина.

— В нашей, — улыбнулся директор, — сибирской и уральской. Здесь днепропетровские, вообще украинские, молдавские пока держат верх, но прорываются все больше сибирские и уральские, возьмем и одну псковскую.

— Ладно, я согласна. Вы ребята шустрые, судя по тому, как быстро и точно сработали.

— И меткие, — улыбнулся директор. — Белке в глаз попадаем.

Директор достал сверток и протянул Катерине.

— Тебе сувенир.

— Что это?

— Дома посмотришь. Извини, у меня дела еще в Госплане, а вечером я вылетаю. Встре-

тимся теперь у нас, когда будем подписывать контракт.

Катерина развернула в машине сверток. В бархатном футляре лежало ожерелье из ярко-зеленого малахита. Верну, решила Катерина, слишком дорогой сувенир. Но не вернула. Вечером показала Александре. Та вертелась перед зеркалом, примеряя украшение к блузкам, кофточкам.

— Не отдавай, — умоляла Александра. — Будем носить по очереди. Это же самая дорогая драгоценность в нашем доме.

Александра была права. Драгоценностей в доме не было. Серебряные цепочки со знаком зодиака не в счет, такие носили все женщины. Драгоценностей Катерине никто не дарил, а сама купить не могла. И холодильник, и телевизор, и мебель покупала в кредит. На машину одолжила у пятерых и только недавно расплатилась.

— Ладно, оставлю, — успокоила дочь Катерина. — В первый и последний раз.

Вечером позвонил редактор и сообщил, что очерк пойдет завтра после программы «Время», в самое смотрибельное время.

Катерина включила телевизор заранее, поглядывая на часы. Она впервые видела себя на экране. Первая съемка на галантерейной фабрике не в счет, передача шла в прямой эфир и никогда не повторялась. Катери-

на себе понравилась. Александра была более критичной:

— Надо менять прическу, — заявила она. — Ты как будто дама из шестидесятых годов. Не прическа, а домик из начеса, да еще покрытый лаком. Сегодня в моде естественность.

— Переменю, — согласилась Катерина.

Ее увидели многие. Звонили знакомые и не очень знакомые. Восхищались ее смелостью. Она же ждала звонка от Петрова. Петров позвонил через неделю.

— Я звоню, чтобы попрощаться, — сказал он. — Я уже не член коллегии министерства и не начальник главка.

— И кто же ты теперь?

— Старший научный сотрудник НИИ химической технологии.

— Я тебя поздравляю. У тебя научный склад ума. Ты замечательный аналитик, я у тебя многому научилась. Я недавно разговаривала с редактором телевидения и заметила, что даже твоими словами пользуюсь.

— Какими же?

— Я ему сказала: не делайте из меня противника, потому что я противник неудобный и очень коварный.

Петров помолчал и спросил:

— Кто настоял, чтобы моя фамилия была упомянута в передаче? И не говори, что сама. Я же тебя знаю. Ты отходчивая, не мстительная. Скажи кто? Может быть, это наш послед-

ний откровенный разговор. Имею право на откровенность, я ведь тебе помогал, многое для тебя сделал.

— Да, — согласилась Катерина. — Помогал, пока тебе было выгодно, к тому же ты ничем не рисковал, рисковала я одна. А когда коснулось твоей выгоды, ты готов был меня уничтожить.

— Не понимаю. В этом деле нет твоей личной выгоды. Зачем тебе это надо?

— Выгоды личной нет, хотя, наверное, есть. Я дала слово поднять комбинат. Знаешь, у нас на Псковщине всегда была нищета, и советская власть немного дала. Нищета стала еще большей, раскулачили очень многих. Но когда началась война, нищие, обиженные ушли в партизаны. Знаешь почему? Потому что немцы нас не считали за людей. Я этого не видела, я ведь после войны родилась, мой отец мальчишкой был в партизанах, и моя мать тоже. Ты ведь меня не принимал всерьез. Симпатичная провинциалка, можно переспать, можно помочь при случае. Но можно и уничтожить. Ты объявил мне войну, я ушла в партизаны.

— Очень выпренно, — заметил Петров.

— Прости за выпренность. Но пожалуйста, не своди со мной счеты. Я неудобный, хитрый и коварный противник.

Катерина положила грубку и задумалась. Она представила, что всю эту ситуацию пе-

рассказывает Гоге. Все, без утайки. И то, что она была любовницей Петрова, и что министр подсказал ей назвать фамилию Петрова по телевидению, потому что Петров мог стать в ближайшее время одним из главных претендентов на должность министра, и что она действовала не менее беззастенчиво, чем Петров, только выйдя на более высокий уровень при помощи сибиряков. Что Гога может ответить? Она представила, как он внимательно слушает, а потом говорит:

— Я не могу представить себя тобой. Я могу представить только себя в этой твоей ситуации. Значит, я спал с женщиной по фамилии Петрова, которая мне помогала, без нее я не стал бы директором комбината. Но когда мои интересы с этой женщиной разошлись, я сделал все, чтобы ее уничтожить. И не потому, что я эту женщину ненавижу, а потому, что начальник или начальница решила свести с ней счеты и я согласился с этим. И я свожу счеты еще с одним человеком, по сути, уничтожаю его, потому что это якобы необходимо во имя большой политики, так называемой научно-технической революции, которой нет, ее выдумали, потому что все разваливается... А ты думаешь, что, если они проведут совещание, примут постановления, что-то изменится? Ничего не изменится — нужны не постановления, а средства, которые они дают только

военным. Нужно закупать современные технологии.

— Но в Праге — не современные технологии!

— Но в Новосибирске тоже, — возразил бы он. — Чуть лучше, и только, а завтра они так же устареют, потому что и они отстали на два-три поколения. Зачем же играть в предложенные ими игры, зачем? Не знаю, как ты себя чувствуешь, но я бы в этой ситуации чувствовал себя большой сволочью.

Не расскажу ему, решила Катерина. Никому не расскажу. Но он тоже должен понять. Я одна, я женщина, и, если бы не играла в эти игры, ничего бы не добилась, и в эти игры играют миллионы, потому что других игр нет. Выходить на Красную площадь, чтобы тебя посчитали сумасшедшей? Да не могу я этого. У меня дочь, у меня больная мать.

Гога позвонил из Риги поздно вечером. В ее ответах от что-то почувствовал.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил он.

— Ничего. Наоборот, все хорошо, даже очень хорошо.

— Мне показалось, что ты что-то скрываешь?

— Что?

— Что ты украла в магазине банку консервов, тебя поймали и сообщили на работу.

— Такое мне и в дурном сне присниться не может, — Катерина поняла, что он улавливает почти неуловимые оттенки ее настроения, а ей-то казалось, что она давно научилась скрывать свое настроение. — Мы тебя ждем и скучаем.

— Знала бы ты, как скучаю я! Я работаю по двенадцать часов, чтобы приехать хотя бы на сутки раньше. Латыши говорят, что они никогда не видели, чтобы русские так хорошо и много работали.

— Ты им сказал, что русские всегда много и хорошо работали?

— Я им сказал, но у них есть и другие факты. Они все равно считают нас оккупантами.

Не надо бы про это по телефону, подумала Катерина.

— Приедешь, расскажешь о впечатлениях.

— И ты тоже.

— Ты это о чем? — спросила Катерина.

— О том, что ты мне никогда не рассказывала о своих впечатлениях. Я не знаю, например, как ты относишься к Дали.

— Что это такое?

— Это такой замечательный испанский художник. Я купил альбом с репродукциями его картин.

— Я, наверное, темнее, чем ты думал... — сказала Катерина. — Я что-то слышала, но никогда не видела его картин.

— Теперь увидишь. Я тебя обнимаю и целую в родинку на правой груди.

— Ты что, с первого раза запомнил все родинки?

— Конечно, я их очень люблю.

— Родинку?

— Грудь. Правую. И левую. И...

— Ты мне об этом расскажешь, когда придешь. И за этот рассказ не надо будет платить деньги.

— Ты сэкономишь мои деньги?

— Я экономная и заботливая.

— Неужели мне так повезло?

— Тебе очень повезло. Я тебя обнимаю и с нетерпением жду возвращения...

Катерина до приезда Гоги старалась сделать все, что накопилось за эти дни. Как и обещала, заехала к председателю комиссии в Моссовет.

Председатель когда-то закончил педагогический институт, работал в комсомоле, потом в профсоюзе. Катерина знала многих, кто, закончив институты, ни дня не работал по специальности. Они становились комсомольскими, партийными, профсоюзными или советскими работниками. Получали указания, передавали их дальше. Сотни тысяч что-то контролировали, составляли сводки, справки, отчеты. Когда Катерина видела таких сытых, хорошо одетых чиновников, ее охватывал страх. Как же их всех прокормить, они же ничего не производят, а только потребляют!

Председатель озабоченно перебирал листки на столе. Нашел нужный.

— Мать, — у него сохранился комсомольский стиль общения, — в Москве развелось много тайных домов знакомств.

— Уже интересно, — заметила Катерина.

— Недавно милиция раскрыла один такой дом. Дело было поставлено с размахом. Женщины оставляли свои фотографии и пожелания, и мужчины тоже.

— Женщин, конечно, было больше?

— Я не знаю. Эти данные заносились в компьютер, ты представляешь, у них был даже компьютер.

— Нормально. Я недавно для бухгалтерии приобрела компьютер.

— Все услуги были платные. Завели, конечно, уголовное дело, как за получение нетрудовых доходов.

— Почему же нетрудовых? — возразила Катерина. — Люди же работали, подбирали. Так же можно привлечь к уголовной ответственности и работников бюро по обмену жилой площади.

— Ну, одно дело подобрать квартиру, другое — мужчину, это уже сводничество.

— Не вижу в этом ничего криминального, — возразила Катерина. — В России всегда были свахи, да и у других народов тоже.

— В общем, Моссовет должен высказать свою точку зрения на это явление. К тому же это явление распространяется. В Москве уже

организовано несколько клубов, которые называли «Для тех, кому за тридцать». Нашей комиссии поручили разобраться.

— А при чем здесь наша комиссия «Материнства и детства»? — спросила Катерина. — Это скорее для комиссии по геронтологии.

— Такой комиссии в Моссовете нет, — определил председатель. — Я тебе поручаю пойти в клуб завода «Штамп». Ты не замужем, тебе за тридцать, внедрись туда, как обычная клиентка, а потом напишешь отчет.

— Нет у меня для этих детективных глупостей времени, — отрезала Катерина. — Но в клуб я съезжу, может быть, мне при помощи компьютера тоже жениха подберут.

— А вот этого не надо, — предостерег председатель. — Депутаты Моссовета не должны попадать в сомнительные ситуации.

— Я не попаду, — пообещала Катерина.

Возвращаясь с комбината, Катерина заехала в клуб, предварительно позвонив директору. На входе стояли два старика с красными повязками на рукавах пиджаков. Они были при галстуках, в белых сорочках и благоухали одеколоном «Тройной». Клиенты, определила Катерина. Она поняла это по тому, как они осматривали женщин и не обращали внимания на мужчин. Женщины протягивали пригласительные билеты. Билета у Катерины не было.

— Я к директору, — объяснила Катерина.

— Все без билетов к директору, — ответил добровольный вахтер.

— Я из Моссовета.

— Сюда все идут: и из Моссовета, и из райсовета, и из Мосэнерго... Получишь приглашительный — приходи!

— Послушай, — разозлилась Катерина. — Ты-то как сюда попал? Здесь же клуб «После тридцати», а не после семидесяти, — и пожалела о сказанном. Лицо старика стало свекольным. Не дай бог, еще удар хватит, испугалась Катерина. Старик и сам испугался и начал считать пульс. В этот момент Катерина и прошла, понимая, что вряд ли за ней погонятся. Она нашла кабинет директора. Маленькая худенькая женщина устало объясняла дородным сорокалетним теткам:

— Девочки, ну нет билетов! Все планируется заранее. Вы записаны и получите приглашительные билеты в свое время.

— А сколько ждать? — спросила одна из женщин.

— Скорее всего, на новогодние праздники.

— А купить нельзя? С переплатой? — спросила вторая.

— У нас ничего не покупается и не продается. Когда придет приглашение, вы сделаете первый взнос и станете членами нашего клуба.

Тетки удалились в неудовольствии.

— Ничем помочь не могу, — сказала заведующая клубом Катерине, не глядя на нее,

укладывая папки в сейф. — Приходите после Нового года!

— Я из Моссовета, — представилась Катерина. — Я вам звонила.

— Извините, — заведующая сконфуженно улыбнулась. — Я готова ответить на ваши вопросы. Вот вы сами видели, какая потребность в таких клубах, как наш. Одиночество! Люди измучены одиночеством. Некуда пойти. На танцплощадку поздно, да и таких площадок почти не стало, все больше дискотеки, а там четырнадцатилетние мальчики и девочки. Где можно познакомиться друг с другом? На работе. Но есть чисто женские коллективы: фабрики, школы, поликлиники...

— В транспорте, — подсказала Катерина.

— Не успеете, — ответила заведующая. — Едете пять остановок. Одну-две присматриваетесь, потом надо сесть рядом, а вагон заполнен до предела. Встать рядом? Он нависает сверху, вы задираете голову. К тому же усталость, следовательно, замедленная реакция, а тут или ему выходить, или вам. Мы проводили социологические исследования. На знакомства на транспорте выпадает не больше пяти процентов.

— А как у вас происходит знакомство? — поинтересовалась Катерина.

— Мы ищем формы. Члены клуба заполняют анкеты, где сообщают данные о себе и пожелания, чего бы им хотелось.

— Притязания почти всегда завышены?

— Что вы! Занижены! То ли от неудач, то ли от комплекса неполноценности пожелания самые элементарные. Главное — чтобы не пил. Исходя из пожеланий, мы формируем столики. Обычно на четверых.

— В такой ситуации лучше бы, наверное, оставлять их вдвоем?

— Нет, — возразила заведующая. — Когда за столиком две женщины, они поддерживают друг друга. И мужчины тоже. Сближение идет результативнее.

— А вы все пожелания вводите в компьютер?

— Компьютер — это мечта. Мы пока бедные. Составляем картотеку. Пары сидят за столиками, танцуют. У нас работает почта. Например, у вас номер восемь, и вам приходит записка от номера шесть. Вы смотрите. Если нет противопоказаний — отвечаете.

— А что надо отвечать?

— Ничего. Вы получили записку от номера восемь. И пишете на листке: номеру восемь от номера шесть. Это сигнал, что вы готовы говорить.

— Или не пишу...

— Или не пишете, — согласилась заведующая. — Значит, вы не принимаете приглашения. Это все тайно.

— Интересно, давайте я внесу плату и участвую в игре.

— К сожалению, это невозможно, — возразила заведующая. — Клуб гарантирует, что все присутствующие не замужем и не женаты.

— Я не замужем. Могу показать паспорт.

— Ну что вы! Я вам и так верю! Пожалуйста! У нас одна заболела, и за столиком есть место. Вам, по-видимому, около сорока?

— Около, — призналась Катерина.

— Вам, конечно, нужен интеллигентный, с высшим образованием.

— Интеллигентность хорошо бы, образование не самое главное. А почему вы меня об этом спрашиваете?

— Сейчас поймете. Как вы относитесь к туризму?

— Никак!

— Это уже хуже. — Заведующая задумалась и заглянула в свои записи. — А как вы относитесь к классической музыке?

— Хорошо под нее засыпаю.

— А как вы относитесь к кинокомедиям?

— Тоже никак. Стараюсь не смотреть.

— Здесь есть совпадения, — заведующая поставила крестик.

— С кем?

— Сейчас узнаете. Возраст — пятьдесят, плюс-минус?

— Почему же? — возразила Катерина. — Лучше сорок, плюс-минус.

— Извините. Сорокалетние мужчины предпочитают тридцатилетних.

— А почему же учитываются только их предпочтения?

— Потому что их меньше, пока. На каждом вечере должно быть равное количество мужчин и женщин. Но женщин всегда оказывается больше. У меня есть данные, что некоторые мужчины перепродают свои приглашения женщинам в два-три раза дороже, нарушая нам и без того хрупкий баланс. Почему я вам задавала эти вопросы? Есть тут у меня один кандидат. Даже странно, что он к нам пришел. Пятьдесят один год. Как говорят французы, пятьдесят — это возраст женихов. Разведен. Кандидат наук. Заведует лабораторией. Ездит в зарубежные поездки.

— Это в смысле туризма?

— Ну что вы! По служебной линии. У него номер четыре, и он будет сидеть за столиком десять. Ваш номер будет девяносто третий. На номер четвертый претендует дама номер пятнадцатый. Она будет сидеть с ним за одним столиком. Конечно, я отчасти совершаю служебное преступление...

— Не надо ничего совершать, — тут же решила отказаться Катерина. — Я не хочу посягать на чужое.

— Никакого посягательства нет, — заверила ее заведующая. — Это, так сказать, предварительный расклад, но мы не исключаем целеустремленного выбора. По правилам нашего клуба вы можете заговорить с каждым,

а главное наше правило — в клубе все равны. На танец может пригласить как мужчина, так и женщина. Кстати, женщины более активны. — Заведующая протянула Катерине карточку с номером три и английскую булавку. — Я вам только советую снять значок депутата Моссовета.

— Почему?

— Мне трудно спрогнозировать реакцию — или это привлечет к вам внимание, или наоборот. Мы ничего не запрещаем, но мужчинам рекомендуем не надевать ордена, только орденские колодки.

— А как насчет драгоценностей у женщин?

— Здесь нет ограничений.

— Судя по услышанному, вы проделали огромную и нужную работу. — Поколебавшись, она все-таки задала вопрос: — Скажите, а вы замужем?

— Увы, — смутилась заведующая. — Сапожник всегда без сапог.

— Но, судя по вашей характеристике, вам нравится этот пятидесятилетний завлаб. Зачем же вы рекомендуете его другим? Никому не показывайте. Сделайте все, чтобы он стал вашим.

— Но это использование служебного положения! — возразила заведующая.

— Никакое это не использование. От этого никто не страдает. Он страдает. Он свобо-

ден. Да, на него есть претендентки, но и вы претендентка.

— Он предпочитает блондинок!

— Станьте блондинкой! Это ведь так просто. Если мне удастся с ним поговорить, я скажу, что он произвел на вас неотразимое впечатление.

— Я даже не знаю, что вам и ответить, — смутилась еще больше заведующая.

— А ничего отвечать и не надо.

— А если он вам и самой понравится?

— Я вам об этом скажу. — Катерина сняла депутатский значок и приколола вместо него карточку с номером девяносто три. В зале стояли столики с номерами, за которые рассаживались женщины и мужчины.

Через довольно мощные колонки передавалась музыка с магнитофона. Уже слышался женский смех. Недалеко от столика, за который села Катерина, возник скандал. Там оказались одни женщины, и к ним уже бежала разбираться заведующая. Заведующая оказалась женщиной решительной.

— Прекратите базар! — предупредила она. — Кто-то из вас не получил приглашение, а купил. Я за пять минут проверю по картотеке, и мы вас выведем с милицией. Все! Танцуйте, играйте в почту и не рыпайтесь, если хотите остаться.

За столиком Катерины сидели двое мужчин и полногрудая блондинка лет тридцати

пяти. Свою полногрудость она подчеркивала глубоким декольте, была тщательно причесана, с дорогим кольцом, золотым кулоном, усыпанным мелкими бриллиантиками. Хорошо упакована, отметила Катерина, я по сравнению с ней сушеная вобла. Женщина, осмотрев Катерину, улыбнулась ей: не соперница, вероятно, решила она. Мужчинам было лет по пятьдесят. В нормальных темных костюмах фабрики «Большевичка», галстуках в полоску и горошек, такие галстуки Катерина помнила с тех пор, как приехала двадцать лет назад в Москву. Они сохранились потому, что надевали их, вероятно, раза три-четыре в год по большим праздникам.

Мужчины открыли бутылку вина и налили в бокалы Катерине и блондинке. Катерина хотела было сказать, что она за рулем, но спохватилась — это бы ее сразу выделило, начались расспросы, она бы оказалась в центре внимания. Мужчины под столом осторожно открыли бутылку водки. Блондинка попросила плеснуть и ей, и сразу стала для них своей.

Катерина осмотрела сидящих за другими столиками. Было довольно много женщин за тридцать, были и пятидесятилетние, и шестидесятилетние. У многих мужчин на пиджаках приколоты орденские планки. Это они зря, подумала Катерина, после войны прошло почти сорок лет, даже если они войну закончили два-

дцатилетними, им было под шестьдесят, зачем же демонстрировать свой возраст.

На магнитофон поставили кассету с танцевальными мелодиям. Вечер начали с вальса. Катерину пригласил коренастый, плотный, лысеющий мужчина, ладонь у него была мозолистой, а пахло от него почему-то борщом и паленой шерстью. Наверное, гладил костюм и прожег, решила Катерина. И запах борща тоже скоро перестал быть секретом. Претендент в женихи быстро сообщил, что он вдовец, что у него трое детей, взрослая дочь замужем и живет отдельно, а сыновьям десять и двенадцать лет, сам он украинец и хорошо готовит.

— Сегодня вы готовили борщ? — спросила Катерина.

— Вы угадали, — обрадовался претендент. — Я готовлю ведерную кастрюлю на неделю, все-таки три мужика в доме. А вы кто? Есть ли у вас дети?

Но Катерина ответить не успела, музыка закончилась. В танце она успела рассмотреть кандидата наук под номером «четыре».

Он танцевал с маленькой рыжей женщиной, явно крашеной, в черном шелковом платье, которое было тесновато.

Номер четвертый явно пользовался спросом, и на медленный фокстрот его пригласила другая дама, очень высокая и худая. То ли Катерина не понравилась украинцу, то ли он хотел охватить как можно больше женщин

и сообщить им информацию о себе, но второй танец он танцевал уже с другой женщиной, а Катерину пригласил высокий, мощный, заметно пьяный мужчина лет под шестьдесят. Он приступил к делу сразу.

— Ты сегодня свободна?

— Да, — подтвердила Катерина.

— Давай смоемся отсюда! Я тут рядом живу, в пяти трамвайных остановках.

— Нам надо все-таки поближе познакомиться, — замялась Катерина.

— У меня и познакомимся. Я медик.

— Вы врач? — Катерина не могла скрыть удивления.

— Медики не только врачи. Я санитар и шофер со «скорой помощи».

— Тогда у вас масса возможностей для знакомств, — предположила Катерина.

— Так они же все больные, — возразил санитар-шофер. — Какое может быть знакомство, когда человек с приступом аппендицита или почечно-каменной болезни. Да и все очень быстро. Пока везешь одного, уже поступает другой вызов. Ну так что?

— Что? — переспросила Катерина.

— Ко мне поедем?

— Не поедем, — отрезала Катерина.

— Ну извини, — сказал санитар-шофер. — У меня принцип: быстрота, натиск, глазомер. Ты мне понравилась. Поедем, разберемся. Или до свидания?

— Тогда — до свидания.

— Ты особенно-то не задавайся, — предупредил санитар-шофер.

Катерина вернулась за столик и подумала, что пора уходить, но она обещала заведующей поговорить с кандидатом наук. Чтобы его не перехватили, она заранее направилась к его столику и, к удивлению рыжеволосой дамы в вечернем платье, пригласила его, как только включили магнитофон. На этот раз исполнялось танго.

Кандидат наук извинился, промокнул платком пот на лице.

— Давно не танцевал, — сказал он и спросил: — Вы химик?

— Вы меня знаете?

— Нет. По запаху. Вы, вероятно, сразу с работы. Ткани очень долго держат запахи.

— Неужели так заметно? — удивилась Катерина.

— Это чисто профессиональное. Я работаю в парфюмерной промышленности.

— Вы знаете заведующую клубом?

— Конечно. Я же заполнял анкету.

— Вы ей очень понравились.

— Мне нравится другой тип женщин, — сказал кандидат наук, но не добавил: вашего типа, как ожидала Катерина.

— Я знаю, вам нравятся блондинки, но половина женщин — крашенные блондинки.

— Меня заверили, что данные анкеты держатся в тайне. — Кандидат наук нахмурился, губы его сложились в узкую жесткую полосу.

Этот спуску своим сотрудникам не дает, подумала Катерина.

— Извините, — сказала Катерина. — Я неудачно начала разговор.

— Я тоже так думаю, — подтвердил кандидат наук.

С ним у меня шансы нулевые, подумала Катерина и пожалела ту женщину, на которой остановит внимание этот претендент. И еще подумала, как хорошо, что у нее есть Гога и не надо ходить сюда и ждать, что выберут тебя, потому что выбирают они, их меньше, чем нас. И прелестные, образованные, интеллигентные, домовитые, нежные женщины готовы на все, чтобы в их доме поселился мужчина, потому что надеются на его заботу, помощь, нежность. И вряд ли они все это найдут здесь, среди вдовцов, неудачников, алкоголиков, которых бросили жены.

Танго с кандидатом наук она дотанцевала молча, прошла в кабинет заведующей.

— Чаю хотите? — предложила заведующая.

— Хочу, — призналась Катерина.

Заведующая налила чаю.

— Какие у вас впечатления?

— Дело хорошее, нужное, — ответила Катерина. — Шансов выйти замуж здесь я думаю, немного.

— Почему же? — не согласилась заведующая. — Мы работаем всего три месяца, и уже было шесть свадеб. Мы их здесь и отмечали. А как вам кандидат наук?

— По-моему, нормальный мудака, — ответила Катерина и поняла, что подобрала явно не то выражение. — Характер жуткий, зануда, к тому же у него явная сердечная недостаточность.

— Он вам об этом сказал? — удивилась заведующая.

— Это я сама определила. Он трех танцев не выдержал. И губы синеватые при общей бледности. За ним ухаживать надо будет уже года через три, горшки выносить.

— Все мы под Богом ходим, — заметила заведующая.

— Спасибо за прием. — Катерина поднялась.

— Неужели никто из мужчин на вас не произвел впечатления?

— Никто. Да и не могло этого быть. Я сейчас в состоянии влюбленности в одного... даже не знаю, как и назвать: парень — не подходит, мужик — тоже, товарищ — еще хуже... Он господин, скорее.

— Из иностранцев? — спросила заведующая.

— Из наших.

— На работе познакомились?

— В электричке.

— Как интересно! Он сам подошел или вы ему сигнал подали?

— Сам. А как можно сигнал подать?

— Посмотреть, улыбнуться, спросить о чем-то. Самое трудное — с чего начать. Многие наши женщины задают вопрос: с чего начать? Какую первую фразу сказать? В дальнейшем мы организуем курсы, где будут консультировать психологи, сексологи. Будем читать лекции о хороших манерах.

— Познакомиться — не такая уж и проблема, — ответила Катерина. — Проблема — удержать. Сплошные ведь разводы.

— К сожалению, это так, — согласилась заведующая.

— Всяческих вам успехов, — пожелала ей Катерина.

Она вышла из клуба и облегченно вздохнула. Этот способ знакомства явно не для нее. Слава богу, что у меня есть Юга, снова подумала Катерина. Через два дня он приедет, и, если все будет хорошо, на Новый год она устраивает свадьбу. Она стала подсчитывать, кого из друзей позовет, но спохватилась: не сглазить бы.

Глава 15

В субботу к Людмиле, как было заведено, зашел доктор наук.

Обычно Людмила подавала кофе, потом он говорил:

— Стели перины.

И шел в душ. Так произошло и на этот раз.

— Не хочется, — отказалась Людмила.

— Есть проблемы?

— Есть. Замуж хочу.

— Мы эту проблему решили. Мы не будем жениться, штамп в паспорте ничего не меняет в жизни.

— Для меня меняет, — ответила Людмила. — Штамп в паспорте — это взаимные обязательства.

— В чем?

— Во всем.

— У тебя появился новый мужчина?

— Старый. Кстати, он никогда не исчезал.

— Он предлагает тебе руку и сердце?

— Его рука и сердце у меня давно. Завтра начинаются переговоры. Я думаю, он предло-

жит мне выйти за него замуж. Но мы с тобой уже достаточно давно связаны, и я должна с тобой посоветоваться.

— Подождем все-таки результатов твоих переговоров, — предложил доктор наук. — Ты мне позвони, когда они закончатся.

— Ты позвони сам. Вдруг я приду в расстроенных чувствах и меня придется утешать.

— Позвоню, — доктор наук встал. — У меня есть работа. Пойду займусь делом.

Он потоптался у двери. Обычно Людмила целовала его на прощанье и открывала дверь. На этот раз открывать ему пришлось самому.

Людмила не врала. После поездки в Таллин Еровшин звонил ей почти каждый вечер. Сегодня он позвонил и пригласил в воскресенье к себе домой, чтобы познакомиться с дочерью.

— В двадцать часов, — уточнил Еровшин.

В воскресенье Людмила приняла душ и, распахнув дверцы гардероба, рассматривала платья — что бы надеть. Зазвонил телефон. Она сняла трубку.

— Добрый вечер, Людмила Ивановна. Это Татьяна, дочь Еровшина. Папа предупредил, что вы будете к восьми. Не могли бы вы приехать на полчаса раньше?

— Требуется помощь?

— То, что требуется, мы уточним на месте, — сказала Татьяна.

Много курит, как ее мать, определила Людмила, голос грубоватый. И она подумала, что вечер не обещает быть легким, но борьбу не стоит откладывать.

— Я приеду, — ответила она коротко.

Людмила надела маленькое черное шерстяное платье, настоящее французское, от Шанель, и легкие сапоги, положила в пакет туфли, надела утепленный модный английский плащ и вышла из дома. Она легко поймала такси.

— В центр. На Патриаршие пруды...

Пруды давно переименованы в Пионерские, но она, как и все москвичи, называла их по-старому.

Ее встретила женщина ее лет, может быть, года на два моложе, в халате и тапочках. Увидев Людмилу, она смутилась.

— Извините, я не рассчитывала, что вы приедете так быстро.

Она провела Людмилу в гостиную, обставленную старинной мебелью. Может быть, даже антиквариат, подумала Людмила. Где-то в глубине квартиры звучала музыка. «Битлы», определила Людмила и вспомнила о внуке Еровщина, которому недавно исполнилось четырнадцать лет.

Татьяна быстро переделась в полотноное светлое платье, легкие домашние туфли, села напротив Людмилы. На столе стояла серебряная папиросница. Татьяна достала из нее сигарету, предложила Людмиле. Это была «Ява».

— Извините, — сказала Людмила и достала из сумочки «Мальборо». — Я привыкла к американским.

Они закурили, и Татьяна глянула на часы.

— Генерал задерживается? — спросила Людмила.

— Да. Но не на много. На двадцать минут.

— Нам бы хватило и этих двадцати минут, — сказала Людмила.

— Не знаю, — ответила Татьяна. — Я все привыкла делать основательно.

— Получается? — спросила Людмила.

По-видимому, дочь Еровшина не устраивало начало разговора, и она перешла к сути:

— Я понимала, что в жизни отца после смерти мамы может появиться женщина.

— Если под женщиной вы подразумеваете меня, — Людмила улыбнулась, — то я появилась в жизни вашего отца двадцать два года назад, еще при жизни вашей матери. В декабре будет двадцать два года, — уточнила Людмила.

— Простите, — сказала Татьяна, — сколько же было вам лет?

— Восемнадцать. Я была совершеннолетней.

— Но вы были замужем?

— Я не была замужем, — ответила Людмила. — Но давайте сразу решим: мы не подруги, вы не священник, а я не грешница, к тому же у меня нет настроения исповедоваться.

— Я понимаю.

Татьяна явно была растеряна. Заранее продуманный разговор рушился. Она не удержалась и все-таки задала вопрос:

— И все эти годы вас устраивало ваше положение?

— Вполне, — призналась Людмила.

— Но теперь, когда нет мамы, вы, вероятно...

— Мы эту проблему с вашим отцом не обсуждали.

— Значит, все эти годы вы все знали о маме, о нашей семье?

— Нет, я знала, что вы есть, но не больше. Ваш отец не из болтливых.

— Вы живете с родителями?

— Я живу одна. По-видимому, вас что-то волнует, поэтому вы попросили меня приехать пораньше? Насколько я понимаю, вас, вероятно, волнует проблема квартиры?

— В общем, да. Я с сыном прописана в новом районе Чертаново, отец здесь. Но живем мы здесь давно, после моего развода.

— Вы хотите спросить, не собираюсь ли я перебраться в эту квартиру?

— Да, именно это меня очень волнует.

Людмила выдержала паузу. Татьяна загасила сигарету и тут же закурила новую.

Людмила молчала.

Ей очень хотелось бы жить в центре Москвы и в такой замечательной квартире, но это

будет решать Еровшин, и шансов перебраться у нее практически нет.

— Мое предложение следующее, — продолжила Татьяна. — Нашу квартиру в Чертаново и вашу вы с отцом могли бы обменять на хорошую трехкомнатную в новых районах или очень хорошую двухкомнатную в пределах Садового кольца.

— Я думаю, это преждевременный разговор, — прервала ее Людмила. — Ваш отец пока не предлагал мне выйти за него замуж.

— Судя по нашему с ним разговору, он склоняется к этому, — сказала Татьяна.

— Я к этому пока не склоняюсь.

Им пришлось прекратить разговор, потому что в комнату вошел внук Еровшина, уже рослый парень в джинсах и ковбойке.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Это Людмила Ивановна, знакомая дедушки, — сказала Татьяна.

— Вадим, — представился внук и внимательно осмотрел Людмилу. Это было демонстративно оценивающее осматривание.

Людмила заметила не до конца затянутую молнию на джинсах и сказала:

— Застегни ширинку.

Мальчик дернулся, покраснел и поспешно затянул молнию.

— Спасибо, — сказал он и спросил: — Простите, вы в какой сфере работаете?

— Твой дед мне рассказывал, что ты собираешься поступать в Институт международных отношений? — спросила Людмила.

— Да, — подтвердил внук. — Мой отец заканчивал этот институт. Я, вероятно, продолжу семейные традиции.

— Так вот, представь, что ты уже дипломат и тебя представляют незнакомой даме. И ты сразу спрашиваешь, в какой сфере она работает. А дама — баронесса фон Бек и ни в какой сфере работать не может, да и не должна.

— Но вы ведь не баронесса фон Бек? — возразил внук.

— Я как раз из фон Беков, только прибалтийских, давно обрусевших.

Людмила говорила почти правду. Ее прабабка была замужем за обедневшим прибалтийским бароном, который купил имение в Псковской области, разорился в конце прошлого века и женился на красногородской мещанке. В семье Людмилы это на всякий случай тщательно скрывалось, но фотографии в старинном кожаном альбоме сохраняли.

— Простите, — сказал внук, — я неправильно построил разговор.

— Начни сначала, — посоветовала Людмила.

— Я рад был с вами познакомиться. Вы прекрасно выглядите.

— Уже лучше, — заметила Людмила.

Они услышали, как открылась дверь квартиры. Внук бросился встречать деда. Людмила слышала их разговор.

— Людмила Ивановна уже пришла, — сообщил внук. — Я с ней познакомился.

— Ну и как? — поинтересовался Еровшин. — Какие первые впечатления?

— По-моему, большая заноза. Палец в рот лучше не класть, мгновенно отхватит.

— Не знаю, не пробовал, — улыбнулся Еровшин.

Ужинали они в просторной кухне молча. Главное, по-видимому, предполагалось после ужина. Внук при деде тоже присмирел. Потом перешли в гостиную. На маленьком столике стоял японский кофейник, который автоматически включался, если кофе остывал. Внук пожелал всем спокойной ночи и ушел в свою комнату. Татьяна и Людмила закурили. Еровшин давно бросил курить.

— Судя по напряженному состоянию моей дочери, — сказал Еровшин, — вы без меня обсуждали какую-то сложную проблему.

— Квартирную, — сообщила Людмила, потому что Татьяна молчала.

— Мне моя квартира нравится, — признался Еровшин.

— Мне тоже, — сказала Людмила.

— Так в чем же проблема? — спросил Еровшин.

— Проблемы нет, есть предложение Татьяны.

— С интересом выслушаю.

Татьяна молча курила.

— Татьяна предлагает поменять мою однокомнатную и ее двухкомнатную на трехкомнатную или очень хорошую двухкомнатную в центре, куда мы переедем, а Татьяна с Вадимом останутся здесь. Она здесь выросла, ей здесь нравится.

— Мне тоже нравится, — настаивал Еровшин. — И я не хочу куда переезжать.

— Ты и не будешь переезжать, — объяснила Татьяна. — Я и Вадим прописываемся в этой квартире, а вы в новой, но жить вы будете по-прежнему здесь. А мы пока поживем в новой.

— Пока я не умру?

— Ты нас всех переживешь, — сказала Татьяна.

— Тогда зачем все эти обмены и прописки? — пытался понять Еровшин.

Татьяна предпочла промолчать.

— Прокрутим твою ситуацию, — предложил Еровшин. — Вы прописываетесь в этой квартире, а живете в новой. Но однажды я ухожу на пенсию, теряю возможность влиять на ситуацию, и в один прекрасный день вы с Вадиком — а к этому времени он может жениться, у него родится ребенок — решаете,

что будет справедливо въехать в вашу квартиру, вы же здесь прописаны, а мы должны будем отсюда съехать. А не съедем, так нас вывезут с милицией.

— Ты же знаешь, я этого никогда не сделаю, — обиделась Татьяна.

— Не уверен, — возразил Еровшин. — Когда ты развелась со своим мужем, ты вышвырнула его из квартиры.

— Этого не было, — вскипела Татьяна. — Я предложила ему три варианта размена, он не согласился, тогда я разменяла квартиру принудительно.

— Себе хорошую двухкомнатную, а ему комнату в коммунальной квартире.

— Но я осталась с сыном, — возразила Татьяна. — Может быть, ты не знаешь, но у него снова трехкомнатная квартира.

— Почему же не знаю? Знаю. Кооперативная. Я ему помог деньгами.

— Почему ты ему должен был помогать? — возмутилась Татьяна. — Он для меня никто и звать никак.

— Во-первых, ты разменяла его квартиру. Во-вторых, он отец моего внука, и я хочу, чтобы у мальчика сохранились хорошие отношения с отцом.

— Я решаю, какие отношения будут с ним у Вадика, — отрезала Татьяна.

— Это будет решать Вадим, — заметил Еровшин. — Насколько я знаю, он это уже

решил. У них замечательные отношения, и если ты попытаешься их испортить, ты испортишь отношения со мной.

— Это рассматривать как предупреждение?

— Да, — подтвердил Еровшин.

— Хорошо. Доведем этот диалог до конца. Я не понимаю, почему Людмила Ивановна должна иметь преимущества по сравнению с нами: с твоей дочерью, твоим внуком, твоими законными наследниками.

— Людмила Ивановна тоже станет законной наследницей. Она должна получить компенсацию за то, что выходит замуж за старика.

— Но ты не был старик, когда начал жить с ней. И вообще я поражена, как ты столько лет мог вести двойной образ жизни.

— Для разведчика двойной образ жизни — норма, — усмехнулся Еровшин.

— Но ты давно не разведчик. Ты нормальный аппаратчик.

— Подведем итоги, — спокойно прервал ее Еровшин. — Людмила переезжает в эту квартиру. И никакого объединения квартир делать не надо. Через пять-шесть лет Вадим женится, квартиру Людмилы, она кооперативная, переведем на Вадима. Ты останешься в своей двухкомнатной. Вадим, если захочет, может продолжать жить здесь, во всяком

случае, до конца учебного года ему не стоит переходить в новую школу.

— Замечательный разговор, — опомнилась Людмила. — Вот только меня не спросили, хочу я этого или не хочу.

— Ты хочешь того же, что и я, — ответил Еровшин. — В стратегических вопросах. В тактических у нас, конечно, могут быть расхождения. Я, например, хочу сейчас виски с содовой, — и Еровшин налил себе виски, — а ты, предположим, мороженого. Кстати, ты хочешь мороженого?

— Хочу, — сказала Людмила.

Еровшин посмотрел на Татьяну. Отец и дочь смотрели друг на друга. Первой опустила глаза Татьяна. Она выдержала паузу в несколько секунд и пошла на кухню за мороженым. Будет сражаться до конца, подумала Людмила, но я тоже не лаптем делана.

Людмила попробовала мороженого, посмотрела на часы и спросила Еровшина:

— Где у вас удобнее ловить такси?

— Ловить ничего не надо, — Еровшин снял телефонную трубку, набрал номер: — Это Еровшин, пожалуйста, машину по моему домашнему адресу.

Через пятнадцать минут Еровшин встал. Прощаясь, Людмила протянула Татьяне руку. Татьяна помедлила, но все-таки протянула свою. Милость оказала, подумала Людмила и тихо попросила:

— Татьяна, не заводись. Нам дружить надо, или ты проиграешь...

Черная «Волга» уже стояла у подъезда. Водитель вышел и распахнул перед Людмилой дверцу. Она поцеловала Еровщина и села в машину.

— В конец Ленинского проспекта, — сказала Людмила.

— Я знаю, — ответил шофер и назвал улицу и номер ее дома.

Катерина въехала на территорию комбината, как всегда, рано.

Она любила это утреннее время, когда была в кабинете одна. Через полчаса соберутся главные специалисты. Она посмотрела на лист календаря, ее рабочий день еще вчера был спланирован почти без зазоров.

Ровно в десять в кабинет заглянула Аделаида и сообщила:

— Вам звонят с телевидения.

Катерина взяла телефонную трубку и услышала голос Рачкова:

— Катерина!

— Катерина Александровна, — поправила Катерина.

— Нам надо встретиться.

— Незачем нам встречаться.

— Я хочу видеть свою дочь.

— Это не твоя дочь.

— Это моя дочь. Она родилась в июне.

— И ты об этом вспомнил через двадцать лет?

— Я не знал об этом.

— Не знай и дальше.

— Я ее все равно увижу.

— Каким образом?

— Я приеду к тебе домой, я встречу ее в институте, я имею на это право. И я хотел бы с тобой это обсудить.

— Подожди. Я посмотрю свое расписание.

Он все равно придет, подумала она. Этот вопрос надо решить раз и навсегда.

— Хорошо, — сказала она. — Встретимся в пять часов, у меня будет минут двадцать.

— Где?

— Там же, где встречались в последний раз, двадцать лет назад.

— Ты имеешь в виду площадь Восстания?

— Я имею в виду скамейку на Суворовском бульваре напротив Дома журналистов.

— Очень романтично.

— Скорее прозаично. В четыре у меня встреча в министерстве на Новом Арбате, а от министерства до этой скамейки я дойду за пять минут. — И Катерина повесила трубку.

У нее все вдруг разладилось. Она раздраженно и сварливо отчитала главного бухгалтера, которая была не так уж и виновата. Обо-

рвала работницу, которая пыталась перехватить ее во дворе. В министерстве нахамила новому начальнику главка (он пришел вместо Петрова), хотя он был не виноват — новый человек на новом месте многого еще не знал. Начальник главка стерпел ее ехидные замечания по поводу его компетенции, но наверняка запомнит все это и со временем ответит ей тем же хамством. Что это со мною случилось, подумала она с некоторой даже растерянностью и поняла: она не хочет встречи с Рачковым.

Пока шла до бульвара, несколько успокоилась. Ее поразило, что за двадцать лет здесь ничего не изменилось. Так же играли в шахматы старики, и вокруг них так же стояли пенсионеры, анализируя каждый сделанный ход. Может быть, это были те же старики, которых она видела двадцать лет назад, хотя те, наверное, уже умерли. Это были другие старики. Двадцать лет назад их не могло быть на бульваре, они еще были крепкими пятидесятилетними мужиками!

Один из стариков учил ходить внука. На одной из скамеек сидели две юные женщины и качали в колясках детей. Вполне возможно, что та девочка, которую двадцать лет назад здесь учил ходить дед, выросла, вышла замуж, родила дочку и качает ее сейчас, читая толстый журнал.

Их скамейка была занята молодой парой. Катерина вспомнила, как она просила Рачкова найти врача, который бы согласился сделать аборт. А тот отвечал, что это ее женские дела и что этим должна заниматься их поликлиника, она даже вспомнила его слова: «В конце концов, у нас самая лучшая и бесплатная медицина в мире». И как он побежал к троллейбусу и даже не оглянулся.

Рачков увидел ее сразу. Он курил и о чем-то сосредоточенно думал. Был он в модном плаще. Красив, подумала Катерина. В таких влюбляются и двадцатилетние. На коленях Рачкова лежал букет роз. Удар нанесу сразу, решила она и, не здороваясь, спросила:

— Ты сегодня один? Без мамы?

— Мама умерла восемь лет назад, — ответил Рачков.

— Извини. И давай закончим этот разговор. Собственно, мы его закончили двадцать лет назад.

— Я хочу видеть свою дочь. — В сказанном было столько решимости, что Катерина растерялась.

— Поздно спохватился. Какая она тебе дочь? Ты ее не воспитывал. Встретив, даже не узнаешь.

— Да, я виноват, — согласился Рачков. — Да, я был глупый, молодой. Если бы ты мне сообщила, что родилась дочь, может быть, все было бы по-другому.

— Ничего по-другому не было бы!

— Девочке нужен отец, — заявил Рачков.

— Девочке? — Катерина рассмеялась. —

Девочка скоро выходит замуж.

— Откуда у тебя такая ожесточенность?

— От жизни.

— Ты ведь всего добилась.

— Да, — согласилась Катерина. — Кое-чего добилась благодаря тебе.

— Здесь-то я ни при чем, — возразил Рачков.

— Именно благодаря тебе, — подтвердила Катерина. — Я тебя и любила, и ненавидела. Мне хотелось доказать в первую очередь тебе, что не важны никакие богатые родственники, что я могу добиться всего сама. Я мечтала закончить институт, получить квартиру. Я этого добилась. Не сразу, конечно. Когда я получила квартиру, у меня был соблазн позвонить и пригласить в гости тебя и твою маму. Чтобы вы увидели, как вы ошиблись. А потом я про тебя забыла. Был когда-то Рудольф Рачков, красивый парень с телевидения, мало ли что было и прошло. И хорошо, что я тогда не вышла за тебя замуж. Бог ли, судьба ли уберегли меня, но я прожила замечательную жизнь.

Она хотела сказать, что благодаря тому, что не вышла замуж, наконец-то встретила мужчину своей жизни. Но не сказала — а вдруг это его ожесточит, тогда уж наверняка он захочет встретиться с Александрой отдельно или

придет к ним домой, когда там будет Гога. Она попробовала представить себя на месте Гоги, который узнает, что когда-то, двадцать лет назад, она уже обманула одного парня, представилась дочерью академика, а теперь обманула и его, разыграв роль работницы с химкомбината. Я бы на его месте решила, что эта женщина патологическая лгунья. Но я всегда хотела, чтобы как лучше, я не очень решительная. Насчет нерешительности не пройдет. Рачков наверняка уже узнал, как я расправилась с директором комбината и села на его место. Да и не только с директором.

Что же делать, что делать, думала Катерина. Мне нужно совсем немного времени, чтобы все рассказать Гоге. Рассказать все, ничего не утаивая. А сейчас пусть Рачков думает, что все может устроиться по-хорошему, почти по-семейному. Гога приезжает завтра, он наверняка сегодня вечером позвонит, завтра я его встречу и сразу все расскажу.

— Хорошо, — согласилась Катерина. — У меня до конца недели много дел. Позвони в воскресенье. Но не думаю, что Александра обрадуется твоему появлению через двадцать лет. — Катерина, не прощаясь, встала и пошла по бульвару, шоферу она сказала, чтобы он ее ждал у кинотеатра «Повторный». Она не хотела, чтобы хоть кто-нибудь знал о ее встрече с Рачковым.

Вечером Гога не позвонил. Утром Катерина уехала на комбинат. После пяти она была уже дома. Она поставила телефон рядом с собою. Гога позвонил ровно в семь вечера.

— Где ты? — спросила Катерина. — Я к тебе приеду.

— Я звоню из автомата рядом с твоим домом.

— Поднимайся быстрее!

Катерине казалось, что время остановилось. Наконец она услышала шум поднимающегося лифта. Лифт остановился на ее этаже. Но в дверь не звонили. Наверное, соседи, подумала она, и тут раздался звонок. Катерина распахнула дверь. Гога вошел с поднятыми руками. В одной сверток, перевязанный шелковой лентой, в другой большой букет астр.

Катерина обняла его и целовала, целовала, целовала, а он так и стоял с поднятыми руками. Катерина отпрянула, увидела его нелепую позу, рассмеялась, взяла цветы, сверток.

— Это вам с Александрой, — сказал Гога.

— Есть хочешь? У меня все готово.

— Хочу. — Гога снял свою кожаную куртку, повесил ее.

Катерина отметила белизну рубашки, она даже почувствовала запах крахмала. Ботинки сверкали, на брюках безукоризненная складка, ремень из хорошей кожи.

— Сполосну руки, — сказал Гога.

Катерина бросилась за свежим полотенцем, и, когда он закончил мытье рук, она с поклоном подала полотенце.

Гога покосился на нераскрытый сверток, и Катерина поняла, что ему очень хочется, чтобы она развернула его.

— Я сейчас, — заспешила Катерина. — Очень хочется посмотреть, — и начала развязывать ленту. В свертке было два футляра: один побольше, другой поменьше.

— Это тебе, — Гога показал на футляр побольше.

Катерина открыла футляр. На черном бархате лежало янтарное ожерелье.

— Изумительно! — произнесла она. — Я никогда такого не видела.

— Авторская работа, — сообщил Гога.

— Потрясающая работа! Такое могла подобрать только женщина.

— Извини, художник — мужчина. К сожалению, лучшие творцы, портные и ювелиры — всегда мужчины.

Катерина открыла второй футляр. Это тоже было янтарное ожерелье, но из шлифованного янтаря.

— Я сволочь, — призналась Катерина. — Мне нравятся оба.

— Ты можешь выбирать. Но когда я был в мастерской художника, то попросил его подобрать для молодой женщины и для юной.

— Я, конечно, юная?

— Ты юная, молодая, красивая, умная.

Катерина обняла его, поцеловала, но он не отпускал ее:

— Когда придет Александра?

— После восьми обещала.

Гога посмотрел на часы.

— У нас есть время, — прошептала ему на ухо Катерина.

Он поднял ее на руки и внес в комнату.

Уходя на работу, Катерина застелила чистое белье и не стала складывать тахту, в последние дни тахта то с трудом раскладывалась, то с трудом складывалась. Гога, увидев тахту, процитировал:

Постель была расстелена,

И ты была растеряна...

— Нисколько. Это про других. — Катерина сбросила платье.

Он смотрел, как она раздевается, и она не стеснялась его. Катерина легла, закрыла глаза и забыла про все.

Они уже лежали рядом, приходя в себя, когда Катерина услышала шум и стук двери лифта.

— Это может быть Александра! — Катерина вскочила, набросила платье, свернула белье, попыталась сложить тахту.

Она не складывалась. Гога успел одеться и стал ей помогать. Тахта не складывалась.

Тогда он с силой рванул ее, что-то хрустнуло, и тахта сложилась.

— Сломал, — прошептала Катерина.

— Сам сломал, сам и починю, — так же шепотом ответил Гога.

Они сели на тахту. Катерина слышала, как открылась дверь квартиры.

— Мать? Ты дома? — спросила Александра.

— Я дома. Георгий Иванович приехал.

Они сидели на тахте, Катерина бросилась к телевизору, включила его.

— Заходи, — позвала Катерина. — Мы с Георгием Ивановичем телевизор смотрим. — Но, к ее ужасу, на экране возникла сетка настройки.

— Со мной Никита. Я его провожу и скоро вернусь.

Они прислушались — в передней явно шла перебранка.

— Меня не надо провожать, — возражал юношеский, еще ломкий голос.

— Нет, надо! Я поеду с тобой.

— Никуда ты не поедешь! Пропусти меня, — требовал юноша. — Не пропустишь, я применю силу.

— Пожалуй, требуется мое вмешательство, — сказал Гога и вышел в переднюю, где стоял невысокий, худой парнишка, недавний школьник.

— Это Никита, — представила его Александра.

— Георгий Иванович, — представился Гога и спросил: — Куда едем?

— Никуда, — отрезала Александра.

— Правильно, — ответил Гога. — Уже поздно. Поедешь завтра.

— До свидания, Георгий Иванович.

Никита направился к двери, но Гога его перехватил:

— Подожди пять минут в кухне, пока я ее изолирую, — подтолкнул Никиту на кухню и закрыл за ним дверь.

— Я поеду с тобой, — сказал он Александре, — только объясни, в чем дело?

— Его бьют, — выговорила Александра.

— За что?

— За меня.

— Объясни коротко и внятно.

— Я раньше дружила с Валеркой Копыловым. Даже и не дружила, так, несколько раз целовались, а потом в меня влюбился Никита.

— А ты?

— И я тоже. Я его очень сильно люблю. Так теперь Копылов с ребятами его бьют. Подкарауливают, всячески издеваются, требуют, чтобы он от меня отказался.

— А он?

— Он не отказывается. Ходит с синяками.

— Молодец! Ты думаешь, его и сегодня подкараулят?

— Обязательно. Они видели, что он меня поехал провожать. Их пятеро. Все ребята здо-

ровые. Я хотела в милицию сообщить. Мама запретила, говорит: не вмешивайся, сами разберутся. А как разобраться? Он один, а их пятеро.

— Значит, и он должен взять четверых, чтобы и их было пятеро.

— Их боятся все.

— А ты с Копыловым этим объяснилась?

— Конечно. Я сказала, что не люблю его и никогда не любила. А они все равно подкарауливают Никиту. Пятеро на одного. Это подло!

— Ну, пятерых мы сразу не найдем. Но я, Васек...

— Васек — это хорошо, — обрадовалась Александра. — Он такой здоровый!

— Никита, — перечислял Гога. — Уже трое...

— Я, — предложила Александра.

— И ты, конечно, — согласился Гога. — Но ты у нас будешь в резерве главного командования.

Из своей комнаты вышла Катерина.

— Давайте ужинать, — предложила она.

— Давайте, — согласился Гога. — Никиту тоже надо покормить.

— Конечно, — сказала Катерина, прошла в кухню и сказала Никите: — Я через десять минут позову вас всех, посидите пока у телевизора.

Никита вышел в переднюю, тихо надел куртку. Александра осторожно открыла дверь.

Чтобы не привлекать внимания шумом лифта, они побежали вниз по лестнице. Гога за ними едва поспевал.

— Подождите! Я позвоню из автомата. Двушка у кого есть?

— Десять копеек, — Александра протянула монету.

— Ищи двушку, — сказал Гога, — гривенник жалко.

— Гога, — сказала Александра, — мы идем защищать честь и достоинство человека, а это дорого стоит.

— Тоже верно, — согласился Гога и направился к телефонной будке, взяв десять копеек.

Александрe показалось, что он разговаривает долго и что-то у него не получается.

— Через двадцать минут Васек нас будет ждать у метро «Речной вокзал», — сказал Гога, выйдя из будки.

— Откуда он поедет? — спросила Александра.

— Он на машине.

Когда они подошли к метро, Васек их уже ждал. Никита с уважением посмотрел на огромного Васька.

— Сколько их? — спросил Васек.

— Пятеро, — ответила Александра.

— Значит, так, — решил Васек. — Мы с Гошей берем на себя четверых, ты, Никита, скуешь одного. Повисни на нем, чтобы он у нас под ногами не болтался.

— А я? — спросила Александра.

— Ты будешь в засаде, — решил Васек, — и выйдешь для объявления ультиматума о безоговорочной капитуляции.

И они двинулись к дому, где жил Никита.

— Кто он? — шепнул Никита Александре.

— Полковник.

При подходе к дому Васек произвел перегруппировку. Теперь впереди шел Никита, за ним — Васек и Гога, за ними — Александра.

Никита вошел во двор, его тут же схватили за руки двое, и уже подходили еще трое. Ребята были плотные. Они встали кругом. Один толкнул Никиту, он налетел на другого, тот отшвырнул Никиту следующему. Мальчишку перебрасывали, как мяч, по кругу.

Васек вышел из темноты:

— Ребята, а это нехорошо, — пятеро на одного.

— Я согласен, это нехорошо, — подтвердил Гога.

— Деды, — усмехнулся Копылов (он был самым мощным и высоким), — уходите и будете здоровыми и счастливыми, или...

— Что — или? — спросил Васек.

И тут же получил удар в пах, но успел среагировать, перехватил ногу Копылова, вывернул ее. Ребята оказались спортивными: наверняка занимались боксом, а может быть, и модным каратэ. Но и Васек и Гога выросли

в московских дворах, имели боевой опыт в драках — и один на один, и вдвоем против разъяренной коблы с чужой территории, которая применяла в драке и ножи, и кастеты.

Васек прямым правым отключил вскочившего Копылова, и тот стал оседать.

— Ты полегче, — попросил Гога Васька. — Они еще хлипкие.

— Пригнись!

Гога едва не пропустил удар, поймал руку нападающего, присел и перебросил его через себя. Никита вцепился в одного из ребят, тот бил с остервенением, стараясь ребром ладони попасть по почкам, но Васек с высоты своего роста опустил кулак на голову Никитино-го противника, и тот сел на асфальт. Теперь все пятеро были побеждены.

— Ладно, — злобно пробормотал Копылов, — до следующей встречи.

— Ребята, не надо, — предупредил Васек, — если вы соберете весь микрорайон, я приведу сюда Кантемировскую дивизию. Давайте каждый заниматься своим делом: среди вас медики — должны лечить, а не калечить, это моя профессия — калечить.

И тут из арки вышла Александра.

— До свидания, Никита. — Она подошла к Никите и поцеловала его. — Ребята, — произнесла она нежно, — считайте это разминкой, но если кто-то когда-то хоть одним паль-

цем — заранее вызывайте «скорую помощь» из Склифа. В следующий раз вы так легко не отделаетесь.

Они подождали, пока Никита войдет в подъезд, и пошли к машине Васька.

— Вас довести? — предложил Васек.

— Мы прогуляемся, — ответил Гога.

Александра и Гога шли по вечерней Москве.

— Гога, мы маме об этом расскажем?

— Не надо.

— Но мне очень хочется рассказать. Меня всю так и распирает.

— Не надо.

— Но ведь вы поступили как настоящий мужчина.

— Я поступил как нормальный мужчина, — возразил Гога. — Если надо защищать, мужчина должен защищать. Это нормально. Ты же не будешь хвалить женщину, которая постирала белье и сварила обед. Это нормально.

— Но мама говорит, что надо хвалить. Человеку это приятно, а женщине особенно приятно. Когда меня за что-нибудь хвалят, у меня настроение улучшается, я сразу становлюсь добрей.

— Пожалуй, вынужден согласиться, что твоя мать права. По моим наблюдениям, она очень неглупая женщина.

— По моим тоже, — Александра улыбнулась. — Гога, а почему вы не стали учиться дальше? Вы могли бы стать руководителем.

— А что, разве все должны быть руководителями?

— Ну не все, конечно, — согласилась Александра. — Но это дает личности возможность реализовать себя с наибольшей полнотой. Вот мама, например.

— А что мама?

— Мама так считает, — нашлась Александра.

— Я думаю, единого решения здесь нет, — не согласился Гога. — Кому этого хочется, тот пусть будет, но ведь этого не всем хочется.

— Я думаю, этого всем хочется, — возразила Александра. — Все хотят быть знаменитыми, все хотят, чтобы их уважали, все хотят иметь больше, чем имеют, только не все в этом признаются.

— Давай разберем возможности, — предложил Гога. — Возьмем директора нашего института. Кстати, мы с ним в одном классе учились. Ты думаешь, он ест не тот хлеб, что и я? Или не ту колбасу? Или дышит не тем воздухом, что и я? Или живет с какими-то особенными женщинами? С женщинами, правда, кому как повезет. А если ты ее любишь, то твоя женщина лучше всех женщин мира. Какие еще возможности? Его увозят на машине, а я езжу на автобусе и метро. Так у него уже был инфаркт, а у меня нет. Знаменит ли он? Ну, его все знают в нашем институте, но ему далеко до Чарли Чаплина — того весь мир знает. Глав-

ное, Александра, не в этом, главное — быть счастливым.

— А что такое счастье?

— Счастье — это свобода и уважение. Счастье — это когда ты можешь то, чего не могут другие.

— Не понимаю.

— Объясняю: вот есть такой парень в балете — Марис Лиэпа. Он может то, чего не могут другие. И что бы о нем ни говорили, он может, а другие — нет. Спортсмен поднимает штангу в пятьсот килограммов. Он это может, а другие — нет. Я слесарь, механик, токарь, специалист по точной механике. То, что я могу, другие не могут. У меня приятель Мишка Линьков. Он — закрыщик экстра-класса. К нему очередь на три месяца. Его очень уважают, у него большие возможности, он никем не руководит, и он счастлив.

— Вас послушать, так не надо и в институт поступать, — возразила Александра. — За три месяца выучилась на портниху — сиди и шей.

— И не надо поступать, — подтвердил Гога. — Если у тебя есть призвание к портновскому делу, сиди и шей. И будешь счастлива. Вот ты Никиту любишь?

— Люблю, — призналась Александра.

— А вот он не станет инженером, а будет простым таксистом, ты что, его любить будешь меньше?

— Конечно, не меньше, — согласилась Александра, — но инженер как личность все-таки интереснее.

— У нас инженеров почти два миллиона. Думаешь, они все личности? Личность — товар штучный.

Александра рассмеялась.

— Ты чего? — удивился Гога.

— Ничего. Мне с вами очень интересно. Так выходит — вы счастливый человек?

— Я — счастливый, — подтвердил Гога. — Я люблю свою работу, своих друзей, Москву, твою мать. Кстати, твоя мать тоже не достигла чего-то сногшибательного. Ну и что, если она простая работница? Я от этого ее люблю совсем не меньше.

Александра посмотрела на Гогу. Он улыбнулся ей.

Катерина их встретила молча.

— Мамочка, не сердись, мы просто прогулялись, — сообщила Александра.

— Вот сейчас об этой прогулке вы и расскажете.

— Только без допроса с пристрастием, — попросил Гога.

— Это решу я, — отрезала Катерина. — Мой руки, и пошли ужинать.

Гога зашел в ванную, из-за прикрытой двери он не слышал, о чем говорили Александра

и Катерина, но, когда он сел к столу, ему не понравилось окаменевшее лицо Катерины.

— Этого не надо было делать, — произнесла Катерина.

— Не понял, — сказал Гога.

— Я ей все рассказала, — призналась Александра. — Я от мамы ничего не скрываю, мы с ней как подруги.

— Так вот, как подруге, как уже взрослой подруге, я тебе скажу следующее: женщина свои проблемы должна решать сама, без привлечения кулачных бойцов. Кулачная расправа — не выход, ударить можно и словом. Это иногда больнее.

— А если слов не понимают? — возразила Александра.

— Значит, плохо объяснила, значит, дала повод думать, что может быть и по-другому. Если любишь Никиту, зачем кокетничаешь с Копыловым? Возражений не принимаю, потому что я это видела сама.

И тут зазвонил телефон.

— Это тебе, — кивнула Катерина Александре. — Какой-то идиот уже звонил дважды и вешал трубку.

Александра сняла телефонную трубку.

— Опять повесили, — сообщила она и вернулась к столу.

Но Катерина не могла остановиться. Она повернулась к Гюге.

— Но как мог ты, взрослый мужчина! Теперь эти мальчишки будут думать, что прав тот, кто сильнее.

— Нет, — спокойно возразил Гога. — Теперь они будут думать, что против любой силы всегда могут найтись силы, более мощные.

— Тогда, — резко сказала Катерина, — в будущем, уж будь любезен, без моего разрешения силовые методы не применять.

— Но тогда и ты учти на будущее, — тихо и медленно произнес Гога, — если еще раз ты когда-нибудь позволишь себе разговаривать со мною в таком тоне, то я здесь больше никогда не появлюсь. Заодно уж знай, что решать я всегда буду сам, и вообще запомни, что старшим в доме буду я. На том простом основании, что я мужчина и вся ответственность за вас теперь на мне.

— Мать, — заметила Александра, — пока я не вышла замуж и за меня никто другой не взял ответственности, я согласна.

— Прости, — сказала Катерина Гоге. — Я так за тебя переволновалась, ведь тебя же могли избить. Прости, я больше не буду.

— Пожалуйста, — попросил Гога, — никогда не повышай на меня голоса. Когда на меня повышают голос, я зверею.

— Не буду. Я всегда тебе буду улыбаться.

— Ну, всегда не надо, — смутился Гога.

— Не надо всегда, — согласилась Катерина. — От улыбок появляются морщины.

И тут позвонили в дверь.

— Это только к тебе, — сказала Катерина. — Я никого не жду.

Александра пошла открывать дверь.

— Здравствуйте, — услышали Катерина и Гога мужской голос в передней. — Я к Катерине Александровне, а вы Александра?

— Да, я Александра. Проходите. Мы ужинаем.

Александра и Рачков вошли на кухню. В руках у Рачкова был букет из трех астр — такие продавали в переходах метро, и коробка конфет.

— Здравствуйте, — сказал Рачков.

— Здравствуйте, — ответил Гога. Катерина промолчала.

— Катерина Александровна, — обратился Рачков, — вы меня представите или мне представиться самому?

— Это Рачков, — произнесла наконец Катерина — Родион Петрович, телевизионный оператор из Останкино. Мой давний знакомый. Настолько давний, что, встретив, не узнал.

— Но, может, это не его вина, — предположила Александра. — Может быть, ты так изменилась?

— Ну, не настолько, чтобы не узнать...

— Фактор неожиданности, — объяснил Рачков. — Я и предположить не мог, что вы достигли таких высот.

Катерина смотрела на Рачкова, но ничего не отвечала. Пауза затягивалась.

— Может быть, коньячку? — предложил Гога.

— С удовольствием, — ответил Рачков.

Гога достал коньяк. Рачков посмотрел на этикетку.

— Армянский. Лучшие коньяки — армянские, — сказал Рачков.

— Это легенда, — заметил Гога. — В Армении есть и хорошие, и плохие коньяки. В Грузии есть очень хорошие коньяки и в Азербайджане тоже.

— Мусульмане не могут делать хорошие вина, у них нет традиции, — снисходительно пояснил Рачков.

— Традиции — это хорошо, — сказал Гога. — Но есть еще и передовые технологии.

Катерина слушала мужчин и лихорадочно соображала, что она должна сделать сейчас, в эти минуты, иначе будет поздно. Рачков обязательно заговорит о передаче, о телевидении, тема хорошего и очень хорошего коньяка быстро исчерпается. И он вспомнит, как снимал ее на галантерейной фабрике и сейчас, на комбинате. Единственный выход — попросить его уйти, может быть, выгнать, но Гога тоже может уйти с ним. И Рачков ему все расскажет. Надо что-то предпринять, думала Катерина, хотя почему она должна что-то скрывать? Раньше

боялась признаться, что она простая работница, а сейчас — что директор комбината. Она отвлеклась и не услышала вопроса Рачкова. Все смотрели на нее и ждали ответа.

— Что? — спросила Катерина.

— Вам понравилась передача? — переспросил Рачков.

— Да, — односложно ответила Катерина, пытаясь придумать, куда бы повернуть разговор от телевидения.

— Мне очень понравилась, — добавила Александра, — особенно когда оператор подсмотрел, как женщины поспешно подкрашивают губы, чтобы быть в кадре красивыми. Мать, по-моему, была суховатой и очень напористой.

— Вы не правы, — возразил Рачков, — Катерина Александровна была просто прелестьна.

— Какая передача? — удивился Гога. — Тебя что, снимали на телевидении?

— Да ерунда! — отмахнулась Катерина.

— Почему же ерунда? — возразил Рачков. — Передача отмечена как лучшая на неделе. Я был на летучке. Вы очень понравились нашему руководству. А главный редактор, выступая, назвал вас образцом современного руководителя. Уже решено сделать о вас документальный фильм. У вас замечательная биография — от простой работницы — до директора комбината...

— Кто директор-то? — не понял Гога.

— Катерина Александровна, конечно, — объяснил Рачков.

Гога посмотрел на Катерину, она опустила глаза.

— Да, конечно, — сказал Гога и спросил у Рачкова: — А вы давно на телевидении работаете?

— Скоро серебряный юбилей буду отмечать.

— Значит, вы у самых истоков стояли? — заинтересовалась Александра.

— Ну, не то чтобы у самых, но тем не менее вовремя разглядел, что телевидению принадлежит будущее. А со временем оно просто перевернет жизнь человечества. Не будет газет, журналов, книг, кино, театра...

— А что же будет? — удивилась Александра.

— Телевидение. Одно сплошное телевидение!

— Газеты, может быть, — согласилась Александра. — Кино тоже, все сейчас смотрят фильмы по телевидению и, у кого есть, на видео. Но литература?! Никогда!

— А вот вспомните мои слова через двадцать лет!

— Через двадцать лет все будет по-другому. Это уже будет двадцать первый век! — Александра грустно улыбнулась. — Я уже старая буду.

— Это дурацкое недоразумение, — Катерина положила свою руку на руку Гоги. — Я тебе потом все объясню.

— Конечно, конечно, — пробормотал Гога.

— А вы были когда-нибудь на телецентре? — спросил Рачков Александру.

— Нет, конечно.

— Приходите завтра же.

— А как?

— Я закажу пропуск.

— Что-то я себя паршиво чувствую, — сказал Гога, вставая. — Пойду домой, лягу спать пораньше.

— Останься, — Катерина тоже встала. — Нам надо поговорить.

— Поговорим, поговорим, — пообещал Гога.

Катерина перекрыла дверь кухни.

— Я тебя никуда не пущу.

— У нее сегодня плохое настроение, — объяснил Гога Рачкову, отодвигая Катерину в сторону. — С нею в данный момент лучше не связываться. Пока.

— Останься, — попросила Катерина.

— Не могу, — ответил Гога.

Катерина услышала, как хлопнула дверь. Надо его задержать, подумала она, но у нее не было сил броситься вдогонку. Катерина села и, ни к кому не обращаясь, произнесла:

— Он больше не придет. Он больше никогда не придет.

— Извините, я чего-то не понимаю. Кто этот человек?

— А разве ты когда-нибудь и что-нибудь понимал? Господи, откуда ты взялся? Ты приносишь мне одни несчастья!

— Да что я сделал-то? — недоумевал Рачков.

— Мам, я тоже ничего не понимаю, — опешила Александра.

— Я тебе сейчас все объясню, — пообещала Катерина. — Кстати, познакомься с этим джентльменом.

— Я уже познакомилась с Родионом Петровичем.

— Ты еще раз познакомься. Это твой отец!

— Как отец? — не поняла Александра. — Он же погиб еще до моего рождения.

— Да нет, как видишь, жив, здоров и довольно упитан. — И обратилась к Рачкову: — А теперь уходи и близко не подходи к моему дому. А Александре я расскажу все как было.

— Только — как было, — предупредил Рачков. — Что не я обманул, а меня обманули. И что от меня скрыли рождение дочери.

Александра с изумлением посмотрела на мать.

— Быстро уходи, — предупредила Катерина Рачкова и взяла со стола нож.

— Вы сегодня действительно в плохом настроении. — Рачков встал, наклонил голо-

ву. — Я надеюсь на продолжение разговора и на следующие встречи.

Катерина молча закрыла за ним дверь, прошла в свою комнату, легла на тахту и укрылась пледом. Она слышала, как в комнату вошла Александра, как под села к ней.

— Поговорим? — предложила Александра. — Может, тебе легче станет.

— Завтра, — попросила Катерина и почти мгновенно уснула.

Утром она проснулась за несколько секунд до того, как зазвонил будильник. Она не стала будить Александру. На улице было холодно, трава на газонах покрылась инеем. Через два дня ноябрьские праздники, вспомнила Катерина. Она любила этот праздник. Обычно с самого утра включала телевизор — шли концертные программы. В основном почему-то пели и танцевали дети. Потом показывали Красную площадь. Войска, построенные для парада. Она любила смотреть парады.

Катерина вышла из дома, открыла машину, отключила сигнализацию, завела двигатель. Надо бы прогреть, подумала она, температура минусовая, но прогревать не стала, а резко тронулась с места, вырулила на шоссе, на одном из перекрестков проскочила на красный свет, чего никогда раньше не делала.

На комбинате был короткий день. Обычно перед праздником она звонила знакомым, друзьям, начальникам управлений министерств, с которыми была связана по работе, в Моссовет, в горком партии. Список она составила заранее. В списке было почти сорок телефонных номеров. Она отложила список и никому не стала звонить.

Обычно Катерина заходила в отдел главного технолога, свой бывший отдел, поздравляла, женщины резали торт, мужчины открывали бутылки с вином. Праздник отмечали во всех отделах и цехах. Катерина сказала Аделаиде, что неважно себя чувствует, подарила ей заранее купленную коробку конфет и уехала с комбината. Но дома делать было нечего — Александра придет поздно. Катерина притормозила у телефона-автомата и позвонила Тихомировым, вспомнив, что академика должны были выписать из больницы. Трубку взяла Изабелла.

— Уже дома, — сообщила она. — Может, заедешь? Его только на праздники отпустили. Сразу после ноябрьских заберут на операцию. Он очень боится.

— Я могу сейчас приехать, — предложила Катерина.

— Приезжай, — обрадовалась Изабелла.

В гастрономе на первом этаже высотки Катерина купила дорогой французский коньяк, огромную коробку конфет.

Катерина вошла в квартиру, обнялась с Изабеллой, поцеловала академика. За последние годы он усох и превратился в старика.

— Ты давно не смотрела карту Тихомировых? — спросил академик.

— Давно. Лет пять.

Они прошли в кабинет. Лист картона за многие годы пожелтел и выцвел, но академик цветными фломастерами подновил его. Катерина нашла свой кружок. В нем было записано: К. Тихомирова — директор, депутат. Кружок был обведен красным фломастером. Академик ввел новую классификацию. Достигшие руководящих высот и званий были в красных кружках, не достигшие — в синих, дети — в зеленых. От красного кружка Катерины шла стрелка к зеленому, куда была вписана Александра. На картоне было уже больше сотни кружков и только пять красных, в их число входили академик и Катерина. Академик расспросил о министерстве, о комбинате и ушел в свой кабинет.

— Надо привести свои дела в порядок, — объяснил он. — Операция — как бой на фронте, никогда не знаешь, чем закончится.

— Операция пустяковая, — утешила его Катерина. — Миллионы мужиков через нее проходят.

— Будем надеяться, — бодро произнес академик, а на глаза его навернулись слезы.

Боясь показаться слабым и беспомощным, он поспешно вышел.

— Боится, — вздохнула Изабелла. — И я боюсь. У него же диабет.

— А что анализы? — спросила Катерина.

— Плохие...

Катерина открыла коньяк, они с Изабеллой выпили.

— Министр звонил, — сообщила Изабелла.

— Мне показалось, что он хотел бы с тобой встретиться, — сказала Катерина.

— А мы встретились. Пообедали в ресторане. Но это все в прошлом. А что у тебя? С Петровым не помирилась?

— Нет.

— Людмила звонила, рассказывала, что у тебя кто-то появился.

— Появился и исчез.

— Не упускай! Тебе же на следующий год тридцать девять. А сорок лет — бабе век. Это народная мудрость.

— Ну а в сорок пять — баба ягодка опять.

— Это утешение для слабых. Я давно заметила: русские пословицы в основном предупреждающе беспощадные, но есть и для утешения.

— Какие?

— «Семь бед — один ответ» — это утешительная, а «жене спускать — добра не видать» — это предупредительная. «Хоть бы в ще-

ку бил, да щегол был» — это утешительная. Я об этом когда-то даже диссертацию хотела писать. Если сама виновата — в ногах валяйся, проси прощения. Мужики отходчивы.

— Попробую, — сказала Катерина и подумала, что она и попробовала бы, да не знает как. Поехала бы к нему, но куда ехать, она не знала ни его адреса, ни даже фамилии... Не обращаться же в справочную: пожалуйста, адрес Георгия Ивановича. Фамилия? Не знаю. Год рождения? Не знаю. От сорок второго до сорок шестого. Таких тысяч сто на Москву наберется. Половину отбросить на стариков и младенцев — пятьдесят тысяч. В год можно проверить тысячу адресов. Пятьдесят лет искать. Катерина верила в единственное: он сам позвонит. Не сразу. Не сегодня. Вероятнее всего, в праздничные дни. Позвонит и поздравит. Это же хороший повод позвонить. Она бы таким поводом обязательно воспользовалась.

— Недавно Родион появился, — сообщила Катерина.

— Кто такой?

— Ну, Рудольф, Сашкин отец. С телевидения. Передачу про меня он снимал.

— Как интересно! — Изабелла наполнила рюмки. Катерина отметила, что коньяка в бутылке осталось совсем немного.

— Расскажи, как встретились?

— Никак. Он меня вначале не узнал.

— А потом? У тебя что-то шевельнулось? Ты же была в него влюблена.

— Ничего. Нормальный московский стареющий плейбой. Красивый, правда, еще.

— А может, попробуешь?

— Не могу. Я даже не думала, что он такой глупый.

— Умных мужиков не так и много, — заметила Изабелла.

— Министр умный.

— Этот — да, — согласилась Изабелла.

— Академик умный.

— Не очень, — не согласилась Изабелла. — Хороший, скорее. И хваткий. Если честно, я тебя не очень понимаю. Ты же всегда в заводских коллективах работала, кругом — мужики. Ты красивая, с хорошей фигурой. Ты что, принца ждала?

— Я ничего не ждала. Все некогда было. Сначала училась, потом по должностям шла. На их освоение время требовалось. А на любовь нужно иметь свободное время.

— Не так уж и много надо времени, — возразила Изабелла и почти шепотом сказала: — У меня любовник появился. Молодой, жадный, из меня деньги тянет. Я ему водку покупаю, обед готовлю. Он приходит, выпивает, обед съедает и трахает меня, даже не снимая ботинок.

— Зачем тебе это надо?

— Затем, что у меня этого уже скоро не будет, даже за деньги. Мне скоро шестьдесят.

— Еще не вечер, — возразила Катерина. — Я недавно была в клубе знакомств — называется «Кому за тридцать».

— Расскажи! Женщины моего возраста есть?

— Немного, — честно ответила Катерина.

— Вот видишь, — Изабелла грустно улыбнулась. — У меня все кончается. Не упусти ты своего.

— Но это не самое главное, — возразила Катерина. — Есть работа, друзья, дети.

— Но у меня и этого нет, — вздохнула Изабелла. — Ни работы, ни детей. Я всегда была только женщиной. А теперь и это заканчивается. — Изабелла попыталась встать, но не смогла. Катерина подняла ее и повела в спальню, чувствуя, что и сама нетвердо держится на ногах.

Она уложила Изабеллу в постель. У нее кружилась голова, и она легла рядом с Изабеллой. В спальню заглянул академик:

— Напились, что ли?

— Напились, — подтвердила Изабелла. — Напейся и ты.

— Вы мне не оставили!

— Возьми в баре.

— Не буду. Мне нельзя.

— Можно, — сказала Изабелла. — Уже можно. Тебе уже все можно.

— Объясни, — потребовал академик.

Но Изабелла уже уснула. Катерина проснулась около двенадцати ночи. Позвонила Александру.

— Мама, что случилось? Я уже всех обзвонила. Мамочка, приезжай скорей. Я уже решила морги обзванивать.

— Я жива. Никто не звонил?

— Гога не звонил.

— А кто звонил?

— Родион Петрович.

— Ты его послала?

— Пока нет. Отложила до твоего правдивого рассказа.

— Приеду — расскажу.

Катерина сварила себе крепкого кофе, выкурила сигарету. Изабелла продолжала спать. И академик спал в своем кабинете, укрывшись старым пледом.

Катерина тихо вышла. Ехала она нормально, со средней скоростью, зная по опыту, что милиция в основном обращает внимание на тех, кто едет или слишком быстро, или слишком медленно.

Подъехав к дому, посмотрела на свои окна — в них горел свет. А вдруг он пришел, подумала Катерина. Ее встретила сонная Александра.

Катерина сбросила плащ и прошла в свою комнату. Александра обиженно заметила:

- Когда задерживаешься, надо звонить.
- Ты звонишь, когда задерживаешься?
- Я тебя не понимаю.
- Я тоже, — ответила Катерина.

Александра села рядом с ней и ужаснулась:

- От тебя пахнет водкой!
- Коньяком, — ответила Катерина.
- Ты вела машину в таком состоянии?
- Нет, машина меня вела.
- А почему ты хамишь?
- Я отвечаю, как обычно отвечаешь ты.
- Может быть, поговорим? — предложи-

ла Александра.

- Я не хочу.
- А я хочу услышать о своем отце.
- Он не твой отец.
- Но ты же сама меня с ним познакомила.
- Это он хотел, чтобы я познакомила его

с тобой.

- А ты что, не уверена, что он мой отец?
- Я уверена в противоположном.
- Ты не хочешь со мной разговаривать?
- Ты сегодня очень проницательна.

Обиженная Александра ушла в свою комнату. Утром Катерина не встала. Впереди было три дня праздников. Ей стало все безразлично. Она подумала, что надо позвонить парторгу и уточнить, нет ли проблем с рабочими на праздничную демонстрацию. Раньше те, кого выдвигали на демонстрацию, считали

это честью для себя, а в последние годы рабочие отказывались идти, возникали конфликты. А, пусть разбираются сами, равнодушно подумала она и снова заснула.

Александра тоже спала, встала к полудню и обнаружила, что мать спит и завтрак не приготовлен. Она, помня вчерашний разговор, сказала весело и заботливо:

— Доброе утро, мамочка! Мы будем завтракать?

— Я не буду, — буркнула Катерина.

— А что бы поесть? Холодильник пуст. Нет даже яиц.

— Сходи купи, — ответила Катерина. — Извини, я хочу спать.

Сквозь сон Катерина слышала, как Александра раздраженно гремела посудой на кухне, потом сильнее, чем обычно, хлопнула дверь.

Катерина засыпала, просыпалась от телефонных звонков, ее поздравляли знакомые и подчиненные. Она благодарила, поздравляла в ответ и вешала трубку. Она ждала, что позвонит Гога, но он не звонил. Может быть, уехал за город? А если он никогда не позвонит? И она вдруг поняла, что у нее кончилась жизнь. Нет, она еще будет лет пятнадцать ездить на комбинат, потом уйдет на пенсию. Александра выйдет замуж и переедет к Никите. Катерина случайно услышала, как они обсуждали эту проблему. Никита считал, что

Александра должна переехать к ним — они с матерью жили в трехкомнатной квартире. Александра предлагала совершить сложный обмен: разменять их квартиру и квартиру матери Никиты на одну двухкомнатную для них и по однокомнатной для матерей. Александра уже решала ее судьбу. А что? Ее жизнь прожита, и она доживет в однокомнатной.

Катерина встала вечером, открыла банку рыбных консервов, достала коньяк, налила половину стакана и выпила. От того, что она не ела целый день, опьянела мгновенно, снова легла и тут же уснула.

На следующий день было седьмое ноября. В десять часов она включила телевизор. Прозвучали кремлевские куранты. На экране возникла Красная площадь. На Мавзолее поднимались руководители партии и правительства. Брежнев стоял в центре. Его показали крупным планом. Неподвижное, застывшее лицо. Не жилец, подумала Катерина. Об этом она думала и в прошлом году, и в позапрошлом. А он все жил.

Она посмотрела парад. Прошли военные академии, училища, проехали ракетные установки, потом началась демонстрация. Несли портреты Брежнева, портреты членов Политбюро. Операторы показывали оживленные лица демонстрантов, в какой-то из колонн представителей трудящихся шли рабочие ее комбината.

Катерина прошла на кухню, вылила в стакан остатки коньяка, выпила, нашла плавленый сырок и стала медленно его жевать.

— Пить начала? — услышала она голос Александры.

— Почему начала? Я отмечаю праздник. Сейчас с утра сто миллионов мужиков в России перед завтраком для улучшения настроения пропустили по полстакана.

— Но ты же не мужик!

— Но я выполняю мужскую работу. Руководжу огромным комбинатом, таскаю картошку, выбиваю ковры, ремонтирую стиральную машину, вбиваю гвозди, сверлю дырки дрелью, зарабатываю на семью. Я веду мужской образ жизни и свободное, тем более праздничное, время имею право провести тоже по мужскому образу и подобию.

— Коньяк кончается, — предупредила Александра. — Побежишь за следующей бутылкой?

— Пока не побегу. Есть еще кубинский ром, портвейн и бутылка водки. На два дня праздников мне хватит.

Катерина налила в стакан апельсинового сока, положила несколько кубиков льда, залила ромом, положила в тарелку яблоки и отнесла все это к себе в комнату.

Некоторое время она смотрела телевизор. По первой программе пели и танцевали дети,

по второй шел фильм из времен революции. Она выпила ромовый коктейль и уснула.

На следующий день она допила ром.

— Остановись, — просила ее Александра, — тебе же завтра на работу.

— Я не пойду на работу, — заявила Катерина.

— Как не пойдешь? — поразились Александра.

— Очень просто. Обычно после праздников у меня на работу не выходит человек по двести. Это уже норма.

На следующий день Катерина на работу не пошла.

— Может быть, вызвать врача? — предложила Александра.

— Зачем? Я здорова.

Когда Александра вернулась домой из института, Катерина спала. К еде она не притронулась. Водку и портвейн Александра, уходя, спрятала в стиральную машину.

Катерина слышала, что Александра звонит Людмиле. Потом она позвонила Антонине.

Они приехали после работы. Катерина проснулась и увидела Людмилу, Антонину и Николая, стоящих напротив нее. Катерина заплакала.

— Перестань, — грубовато потребовала Людмила. — Сама знаешь, Москва слезам не верит. Тут не плакать, а действовать надо.

— Как? — спросила Катерина.

— Попробуем разобраться, — заявил Николай. Он выпил после работы и поэтому был обстоятелен и рассудителен. — Ты его любишь, что ли?

— Люблю, — призналась Катерина.

— Это уже сложнее, — решил Николай. — Значит, выбросить и забыть не хочешь?

— Не могу.

— Он тебе предложение сделал? — спросила Антонина.

— Почти сделал.

— Почти не считается, — обрадовался Николай.

— Помолчи, — оборвала его Антонина. — Чему ты радуешься-то?

— Я не радуюсь, я пытаюсь разобраться, — обиделся Николай.

— Значит, он не звонит и не приходит?

— Не звонит и не приходит.

— Так пойдя ты, — предложил Николай. — Наступи на горло своей девичьей гордости.

— Мы не знаем, где он живет, — пояснила Александра.

— Нет проблем, — заявил Николай. — На это существует Мосгорсправка. Как его фамилия?

— Я не знаю его фамилии.

— Ну, мать, ты даешь! — воскликнула Людмила. — Даже фамилии не знаешь.

— Как будто ты всегда фамилию спрашивала! — возразила Катерина.

— Справедливое замечание, — согласилась Людмила. — Фамилию мы обычно узнаем в последний момент. Это все потому, что у нас не принято пользоваться визитными карточками. Там, на ихнем Западе, когда знакомятся, сразу визитную карточку вручают. А в ней все написано: и адрес, и телефон, и должность, и где работает, так что лапшу на уши не повесишь.

— Может, есть смысл еще подождать? — предположил Николай.

— Почти неделю жду.

— Беру тайм-аут для обдумывания сложившегося положения, — объявил Николай и сказал Александре: — Пойдем на кухню, у меня есть к тебе несколько вопросов.

— Не больше ста граммов, — предупредила Антонина. — Ты уже дважды взял на грудь, я тебя на себе не поташу.

— Почему ты меня оскорбляешь? — обиделся Николай.

— Я не оскорбляю, я предупреждаю.

На кухне Николай повздыхал и спросил у Александры:

— Сто граммов найдется? У меня после ста голова проясняется и приходят самые неожиданные решения.

Александра принесла припрятанную водку:

— Сто граммов в стакане — это сколько?

— Учись, все в жизни пригодится. — Николай налил в стакан водки и показал Александру. — Ровно сто, плюс минус два грамма.

Подруги продолжали разговор.

— А у тебя с ним близкие отношения были? — спросила Антонина.

— Были, — призналась Катерина.

— Смотри, как бы не залетела, как тогда с Рудольфом, — напомнила Антонина.

— Если залетела, буду рожать.

— Тогда это любовь, — согласилась Антонина. — Давайте будем искать. Только надо придумать как.

— Я придумала, — сообщила Людмила и прошла на кухню.

— Выйдите, — попросила она Николая и Александру, — мне надо поговорить тет-а-тет. — И начала набирать номер телефона.

Она вернулась к подругам и сообщила:

— Через двадцать минут подъедут специалисты по розыску пропавших.

— Или скрывающихся, — заметил Николай.

— Они и по этим специалисты, — заметила Людмила.

Через двадцать минут в дверь позвонили. Александра открыла. Вошел Еровшин и молодой мужчина.

— Здравствуйте, Александра, — сказал Еровшин.

— Здравствуйте. А вы меня знаете? — удивилась Александра.

— Со дня рождения. Даже раньше, за месяц до твоего рождения.

— Какой-то косяк пошел мужчин, которые меня знают со дня рождения. Неделю назад появился джентльмен, который утверждал, что он мой отец.

— Рачков из Останкина, что ли?

— Значит, это правда, что он мой отец?

— Это тебе только мать может подтвердить. И генетические тесты. Американцы это определяют с абсолютной точностью.

— У нас уже тоже, — заметил молодой мужчина и представился: — Петр Петрович.

Еровшин и Петр Петрович прошли в комнату Катерины.

— Здравствуйте, Катерина. — Еровшин поцеловал ей руку.

— Здравствуйте, Антонина. — И Антонине Еровшин поцеловал руку.

Антонина смутилась и спрятала руки за спину.

В комнату заглянул Николай.

— Значит, сами нашлись? — обрадовался он.

— Коля, — попросил Еровшин, — ты поразвлекай женщин, а мы с Катериной поговорим на кухне.

— С удовольствием, — ответил Николай. — Там на столе стоит початая «Столич-

ная» завода «Кристалл». Рекомендую. Со знаком качества.

— Непременно, — заверил Еровшин.

Катерина, Еровшин и Петр Петрович прошли в кухню.

— Катерина, — начал Еровшин, — я знаю, что его зовут Георгий Иванович, но не исключено, что в паспорте записано Юрий Иванович и Егор Иванович. Ты паспорт его видела?

— Нет, конечно.

— В следующий раз не стесняйся посмотреть, — посоветовал Еровшин.

— Следующего раза не будет... А как вы это представляете? Пока мужчина спит, я залезаю ему в карман пиджака?

— Ничего зазорного в этом нет, — спокойно ответил Еровшин. — Но это все шум — сейчас нужна информация, а не советы. Людмила говорила, что он слесарь и занимается электроникой. Здесь какая-то нестыковка. Может быть, объяснишь?

— Насколько я поняла, он создает приборы, с помощью которых ученые что-то исследуют и защищают диссертации.

— Значит, научно-исследовательский институт. Когда вы с ним ходили или ездили по городу, вы ведь о чем-то говорили. Вспомни! Какие-нибудь такие фразы: здесь я жил в детстве, здесь я ходил в школу.

— Нет. Мы об этом не говорили.

— А ты с его слов знаешь, что он занимается электроникой?

— Не только. У них целая компания. Они выезжают на пикники, по грибы, на рыбалку. Когда мы были на пикнике, там были настоящие кандидаты и доктора наук. Молодые в основном.

— На любом пикнике, да и вообще в мужской компании в основном говорят о женщинах, о службе в армии и о работе. Все это мужиков объединяет. О чем говорили на пикнике?

— Что мы отстаем в электронике. Что у них недавно заменяли ЭВМ «Минск», я забыла порядковый номер, эти допотопные шкафы, на современный японский компьютер.

Петр Петрович делал пометки в блокноте.

— Вот вы сидите, разговоры идут справа от вас, слева и напротив, и все в пределах слышимости. На что вы обратили внимание в их разговорах, что вас заинтересовало?

— Что в универмаге «Москва» выбросили женские сапоги «Саламандра», все мужики лаборатории побежали покупать своим женам. А один метался между полок в растерянности. Он хотел купить сапоги любовнице, но не знал ее размера. Все очень смеялись.

Петр Петрович открыл свой кейс и достал книгу-карту, быстро перелистал ее и показал Еровшину.

— Ленинский проспект, универмаг «Москва». В двухстах метрах от него — институт электроники.

Еровшин кивнул и набрал номер телефона.

— Институт электроники, Ленинский проспект. Георгий Иванович, слесарь, механик, приборист, посмотри допуски секретности...

— Да, — вспомнила Катерина, — он ездил в Ригу в командировку на завод ВЭФ. Вернулся четвертого ноября...

— Возраст? — спросил Петр Петрович.

— От сорока до сорока трех.

— От тридцати восьми до сорока пяти, — сообщил в телефон Петр Петрович. — Жду!

— Вы не сказали, куда позвонить, — напомнила Катерина.

— Он знает, — ответил Еровшин, — у них телефон с определителем номера.

— А если из телефона-автомата?

— Все телефоны-автоматы тоже имеют номера.

— Может быть, выпьете, — предложила Катерина. — Чаю или водки?

Петр Петрович посмотрел на Еровшина.

— Немного водки, — согласился Еровшин.

Катерина налила Еровшину и Петру Петровичу, поставила рюмку и себе, но Еровшин отодвинул ее:

— Сейчас тебе надо быть трезвой.

По радио передавали грустную симфоническую музыку.

— Кто умер? — испугалась Катерина.

— Почему вы решили, что кто-то умер? — удивился Петр Петрович.

— С двух часов по радио грустная музыка, — объяснила Катерина. — И комедию по телевидению заменили на симфонический концерт. Это всегда так, если какой-нибудь крупняк умирает. В последний раз так было перед похоронами Сулова.

— Если это так, в программе «Время» сообщат. — Петр Петрович выпил, аппетитно захрустел огурцом.

Зазвонил телефон, Петр Петрович снял трубку.

— Да. Да. Да. Записываю. Скоков Георгий Иванович, сорок второго года рождения, Малая Бронная, двенадцать, сорок вторая. Да, да. Спасибо.

Петр Петрович протянул листок с данными Юги и пояснил:

— Телефоны не работают. В доме ремонт. Меняют телефонный кабель.

— Я поеду, — сказала Катерина.

Еровшин задумался. И тут Катерина услышала звук зуммера. Еровшин достал из нагрудного кармана пиджака плоский приборчик, на котором мигала лампочка, а на крохотном табло светилась цифра один.

Петр Петрович тут же набрал номер телефона и протянул Еровшину трубку.

— Да, — сказал Еровшин. — Понятно. Будем через пятнадцать минут, — и положил трубку. — Знаешь что, тебе не нужно ездить, — обратился он к Катерине. — В такой ситуации начнется выяснение, кто виноват, слово за слово — и потом будет еще труднее поправить. Поедет Николай. Мы его подвезем и по дороге проинструктируем. И он привезет его сюда. Здесь ты на родной территории, рядом будет Людмила, она в любой ситуации сориентируется.

— Он не поедет ко мне, — произнесла Катерина.

— Поедет, — сказал Еровшин. — Такие женщины, как ты, на каждом шагу не валяются. Зови Николая!

Николай вошел в кухню.

— Мы его нашли, — сообщил Еровшин. — Но у тебя будет сегодня сложная и ответственная задача — доставить его сюда. Мы посоветовались и пришли к выводу, что только ты сможешь это сделать.

— Задание понято.

— О подробностях предстоящей операции поговорим в машине.

— Я готов. — Николай налил себе водки, выпил и щелкнул каблуками ботинок.

Николая высадили у дома на Малой Бронной, где жил Гога.

— Напор и уверенность! — напутствовал Еровшин. — В таких ситуациях аргументы

не так уж и важны. Действуй по принципу «сам дурак!».

— Не понял, — удивился Николай.

— Поясняю. Он говорит, что его обманули. Ты говоришь — сам обманулся.

— Такие факты есть, — подтвердил Николай.

— А главный довод — поехали, там разберемся!

— А если не поедет?

— Тогда звони Катерине, пусть приезжает сама.

— А если попытается скрыться?

— Попытайся остановить.

— А если он применит силу?

— И ты примени тоже.

— А если нас заберут в милицию за драку?

— Очень хорошо. Катерина приедет его выручать. А тебя Антонина.

— Ладно. Попытаюсь обойтись без драки.

— Попытайся, — согласился Еровшин. — Извини, у нас чрезвычайная ситуация, мы должны ехать. Удачи тебе.

— И у вас чтобы все было хорошо, — пожелал Николай. — А главное — здоровье.

Николай поднялся на пятый этаж пешком — лифт не работал — и остановился отдышаться. Пять этажей в старом доме равнялись по высоте восьми в новом — за счет высоких потолков. Он нажал кнопку звонка, дверь ему

открыла старуха, даже не спросившая, кто он и к кому пришел. Вспомнив напутствие Еровщина о напоре и уверенности, Николай приказал старухе:

— Стоять!

Старуха обернулась и с интересом посмотрела на Николая.

— Скоков Георгий Иванович, он же Гога, Гоша, Юрий, Егор, здесь проживает?

— Гоша здесь. Но к нему лучше завтра зайдите.

— Причина?

— Пьет он. Последние года три не пил, а вот сорвался.

— Приведем в норму, — пообещал Николай и скорее приказал, чем попросил: — Проводите меня до его комнаты.

Уверенность и напор произвели впечатление на старуху. Она довела Николая до комнаты Гоги. В коридоре шел ремонт, приходилось не идти, а пробираться между бочками с побелкой, ведрами, вынесенной из комнат мебелью.

Николай вошел в комнату Гоги не постучав. Напор и уверенность — снова напомнил он себе. Сейчас Гога, конечно, удивится, начнет спрашивать: кто, да что, да почему? Он ему скажет: поехали, по дороге разберемся. Но план Николая начал рушиться с первых же секунд. Гога сидел за столом и пил пиво. Он осмотрел Николая, тот осмотрел Гогу и поду-

мал: из-за чего такой сыр-бор? Не гигант, не красавец, не моложав. Гога жестом пригласил Николая к столу и налил ему водки.

— Я пиво, — сказал Николай.

— Потом, — сказал Гога.

Николай выпил водки, Гога налил ему пива. Николай выпил пива.

— Гоша, — Гога протянул Николаю руку.

— Николай.

Они пожали друг другу руки. Гога налил пива себе и Николаю. Выпили. Закусили очищенной таранью.

— Редкая по нынешним временам рыба, — заметил Николай.

— Согласен. Как погода?

— С утра был дождь, но для этого времени года достаточно тепло.

— Что происходит в мире?

— Стабильности нет. Террористы захватили самолет компании Эр-Франс.

— Нехорошо. Террор — не метод борьбы. Ты кто?

— Я Николай, муж Антонины, которая подруга Катерины и Людмилы. В общем, я один мужик на трех баб.

— Не много на одного?

— Не в том смысле. Ведь и мебель перевозить, и тяжелый груз, и ремонт всякий — все на мне. Я не то чтобы жалуясь, но еще один мужик мне в помощь не помешал бы.

— Зачем ты приехал? — поинтересовался Гога.

— За тобой. Поехали к Катерине.

— Почему она не приехала?

— Почему-почему? По кочану. Телефон у тебя не работает. Дома ты или нет — неизвестно. Ну приехала бы она. Она гордая, ты гордый. Разругались бы вдрызг. А так сядем за стол переговоров. Рядом подруги, они подтвердят.

— Что она меня обманула?

— Она тебя не обманула, — вздохнул Николай, налил себе водки, выпил и продолжил: — Ты или глуховат, или глуповат.

— Пока никто мне об этом не говорил. Так чего же я не расслышал или не понял?

— Передаю со слов Катерины. Я на пикнике не был.

— Не был, — подтвердил Гога.

— Она тебе сказала: Гоша, я ведь не та, за кого ты меня принимаешь. Было такое?

— Да, — подумав, снова подтвердил Гога.

— А ты ответил: конечно, ты не работница, а крупный руководитель промышленности? Это было?

— Пожалуй, было, — согласился Гога. — Я еще сказал: ты еще и депутат, может?

— Да, — ответил Николай, — Моссовета. Но на следующих выборах не исключено, что ее выберут и выше.

— Понятно, — буркнул Гога. — Для нее социальный статус выше, чем личный статус.

— Я не знаю, что такое статус. Но я знаю этих девок с восемнадцати лет. Повезло одной Антонине, моей супруге.

— В чем?

— В том, что она вышла замуж, что у нее семья, дети, замечательный муж.

— Это ты?

— Да, я, — подтвердил Николай. — А Люд-ке и Катьке не повезло. Катька влюбилась, но один подлец бросил ее, потому что узнал, что она лимитчица и простая работница. Она влюбилась в тебя и испугалась, что ты ее бросишь, потому что она директор и депутат.

— Для меня это не имеет никакого значения. Но почему она не сказала мне все прямо и открыто?

— Она тебе сказала, ты не понял.

— Могла повторить, чтобы не попадать в двусмысленную ситуацию.

— Я ей тоже об этом сказал. Она мне говорит: Коля, когда? Он то меня в постель тащит, то в командировку уезжает, то, только я собираюсь рассказать, Сашка приходит.

— Некая правда в этом есть, — согласился Гога. — И что же делать?

— Поедем.

— А как я сохраню лицо? — спросил Гога.

— Побреешься.

— Я не об этом. Как я ей все объясню? Где я был целую неделю?

— А ты не объясняй. Да тебя и спрашивать никто ни о чем не будет.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— Тогда — едем. Я только переоденусь. Гога надел белую сорочку, темный костюм и стал завязывать галстук. Пальцы его не очень слушались.

— Завяжи мне галстук, — попросил Гога.

— Я не умею, — признался Николай. — Мне сын завязывает.

— Научу, — пообещал Гога и со второй попытки завязал галстук.

Они вышли на улицу.

— Не считаешь ли ты, что мы немного нетрезвые? — спросил Гога.

— Очень немного, — ответил Николай.

— Предлагаю прогуляться и протрезветь.

— Предложение принято.

Они пошли в сторону Садового кольца, но Николая качнуло.

— Я сегодня слишком много взял на грудь, — объяснил Николай.

— Предлагаю такси.

— Предложение принято.

Гога довольно быстро поймал такси.

Когда в квартире раздался звонок, подружки сидели на кухне. Катерина попросила Людмилу:

— Открой!

Но дверь открыла Александра.

— С возвращением! — сказала она.

— Спасибо, — ответил Гога и подхватил пошатнувшегося Николая.

— Я сказал — доставлю и доставил, — сообщил Николай.

— Скорее все наоборот, — заметил Гога, — но я не настаиваю.

В переднюю вышли Людмила и Антонина.

— Где же ты так набрался? — Антонина бросилась к Николаю.

— Не было закуски.

Из кухни вышла Катерина.

— Ужин готов, — сказала она.

И все прошли на кухню. Александра принесла из комнат стулья.

— Пересядьте, пожалуйста, — попросил Гога Людмилу. — Обычно здесь сижу я.

— Я, между прочим, раньше здесь сижу, — возразила Людмила.

— С сегодняшнего дня это отменяется. Теперь здесь буду сидеть я.

Гога занял место во главе стола и пригласил:

— Прошу всех к столу.

— Нам пора, — вдруг сообщила Антонина и, не дав сесть Людмиле, подтолкнула ее к выходу. Николай встал, доедая на ходу котлету.

Гога вышел в переднюю.

— Давайте дружить домами, — предложил Николай.

— Принимаю предложение, — ответил Гога, — и выдвигаю встречное: дружить семьями.

Поддерживаемый Антониной и Людмилой, Николай вышел на лестничную площадку.

Катерина и Гога вернулись в кухню. Пости-яли молча.

— Я бы съел супчику, если есть, — попро-сил Гога. — Неделю не ел горячего.

— Я тоже сегодня без обеда, — вздохнула Александра.

Они сели за стол. Катерина налила всем суп. Я кормлю семью ужином, подумала Кате-рина, глядя на Гогу и Александру. И как хоро-шо, что она рассказала Александре о ее отце. Она ничего не утаила от дочери. И как она и Людмила представились дочерьми академи-ка и целый месяц играли эти роли. И как Ро-дион Петрович, а он тогда был Рудольфом, встретил ее на галантерейной фабрике, и как она пряталась в туалете. Ее поразила реакция Александры — она хохотала.

— Что здесь смешного? — удивилась Ка-терина.

— Мать, но это же очень смешно. И как он тебя снимал на комбинате через двадцать лет и не узнал. Это совсем как в кино. Это очень смешно.

— И смешно, как я хотела сделать аборт и он не пришел мне на помощь?

— И слава богу, — ответила Александра. — Иначе бы я не родилась. А так он получит взрослую дочь, красавицу.

— Ничего не сделав для этого.

— Да плевать, — заявила Александра. — Нормальный козел.

— И ты будешь с ним поддерживать отношения?

— Не знаю. На телевидение я, конечно, схожу. Но он не показался мне умным. Нес какую-то ахинею про телевидение.

— Он эту ахинею нес и двадцать лет назад.

— Мать, это не наши с тобой проблемы.

— А какие наши?

— Я бы хотела, чтобы ты помирилась с Гошей. Он мне нравится. С ним как в сберкассе — надежно, выгодно, удобно...

— Я его люблю, — сказала Катерина.

— Я рада за тебя, — ответила Александра. — Но я, кажется, разлюбила Никиту.

— Нельзя быть такой непостоянной, — заметила Катерина.

— Почему? — удивилась Александра. — Когда я полюблю всерьез и надолго, я буду постоянной, а пока могу быть и непостоянной, это моя жизнь, и я буду жить как хочу, а не так, как считают другие.

Александра посмотрела на Гогу и улыбнулась ему, Гога также улыбнулся. И вдруг Александра вскочила из-за стола:

— Сейчас же программа «Время». — И бросилась в комнату, чтобы включить телевизор.

Катерина вдруг почувствовала неожиданную неловкость от того, что они остались

вдвоем. Надо ведь о чем-то говорить. О своей работе? Но вряд ли это ему интересно. О книгах? Но в последние годы она почти ничего не читала. У них не было ни общих воспоминаний, ни общих друзей. Не слишком ли поздно начинать новую жизнь? Я в него влюблена, но я о нем ничего не знаю. Но миллионы мужчин и женщин знакомятся в электричках, в метро, на улицах, вечеринках и живут долго и счастливо.

— А что, сегодня снова тебя будут показывать по телевидению? — спросил Гога.

— Сегодня весь день передавали симфоническую музыку, все эстрадные концерты отменили.

— Значит, у Родины большое горе, — объяснил Гога. — Пойдем посмотрим.

Теперь они втроем сидели перед телевизором.

Наконец зазвучали позывные вечерней информационной программы «Время», и на экране возник Игорь Кириллов. Он выдержал положенную паузу и начал читать печально и торжественно:

— От Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР.

И снова была пауза.

— Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Вер-

ховного Совета СССР, Совет Министров СССР с глубокой скорбью извещают партию и весь советский народ, что 10 ноября 1982 года в 8 часов 30 минут утра скоропостижно скончался Генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза, председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев.

И на экране телевизора возникла фотография старого человека с пятью звездами Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда, с золотым значком ветерана партии, с флажком депутата Верховного Совета, с юбилейной медалью к столетию Ленина, с тремя медалями лауреата самых высоких литературных премий.

— Любил значки, — прокомментировала Александра и спросила: — Юга, а почему старики так любят всякие значки носить?

— Чтобы уважали.

Катерина осуждающе посмотрела на дочь. Не тот момент для подобных обсуждений. Александра не заметила ее взгляда.

Диктор Кириллов сделал необходимую паузу и продолжил:

— Медицинское заключение о болезни и причине смерти Брежнева Леонида Ильича. Брежнев Леонид Ильич, 1906 года рождения, страдал атеросклерозом аорты с развитием аневризмы ее брюшного отдела, стенодирующим атеросклерозом коронарных артерий,

ишемической болезнью сердца с нарушением ритма, рубцовыми изменениями миокарда после перенесенных инфарктов. Между 8 и 9 часами 10 ноября 1982 года произошла внезапная остановка сердца.

При патолого-анатомическом исследовании диагноз полностью подтвердился.

— Гога, — спросила Александра, — а кто вместо него может быть?

— Кто-нибудь из них. И снова лет на двадцать.

— Боже мой! — вздохнула Александра. — Какая тоска на двадцать лет! Я пошла к себе читать про другую, более интересную жизнь. Никита дал мне американский детектив. Спокойной ночи!

И Александра ушла. А Кириллов торжественным и печальным голосом читал обращение ЦК к партии и народу. Это был десятилетиями отработанный ритуал, который совершался не в церквах, а на всех телевизионных и радиостанциях страны.

Прагматичная Катерина, слушая привычные заклинания о том, что «партия и впредь будет проявлять всемерную заботу об упрочении союза рабочего класса, колхозного крестьянства и родной интеллигенции», думала о том, что уже завтра начнутся изменения в ЦК и правительстве.

Этого момента ждали все. Все ждали смерти больного, полупарализованного, с явны-

ми признаками маразма старика. После него должна начаться новая, другая жизнь.

— Будет большая заваруха, — вдруг сказал Гога.

— Но почему? — возразила Катерина. — Придет новый руководитель, наведет порядок.

— Я думаю, — объяснил Гога, — года два-три оставшиеся наверху старики будут, вцепляясь в глотки, бороться друг с другом за первое место и умирать от инсультов и инфарктов, потому что борьба за выживание — не для стариков. А потом придет более молодой и попытается отремонтировать систему.

— И очень хорошо, — подтвердила Катерина.

— Я служил в авиации, и наш старшина эскадрильи всегда говорил: не трогай технику, и она не подведет. Система исчерпала себя, если ее начнут ремонтировать, она рухнет. Нас ждут большие перемены.

Ничего не рухнет, подумала Катерина. Будут, конечно, перестановки, кто-то из старых уйдет, кто-то придет из новых. Но аппарат, который все и всегда решал, останется, и останутся связи, которые она нарабатывала двадцать лет.

Катерина подошла к окну. В доме напротив светились все окна, хотя обычно в это время многие уже спали. В каждом доме в этот час обсуждали, предполагали, надеялись, что

наступят изменения. Какие именно — не знали, но то, что они наступят, может быть и не сразу, были уверены все. Но никто не знал и даже не мог предположить, что всего через несколько лет все они будут жить в другом государстве, при другой системе и другой власти. И, отмечая десятилетие их свадьбы, Катерина скажет:

— Гоша, а ведь ты оказался прав!

— А я всегда прав, — ответит он.

— А что же будет дальше?

— Еще два-три года заварушки.

— А потом?

— А потом мы будем богатыми и счастливыми.

— Ну, богатой я уже вряд ли буду, а счастливая я уже сейчас. А как ты думаешь, про что мы будем говорить еще лет через десять?

— Я думаю, о лекарствах: насколько они подорожали или подешевели.

— Грустный прогноз. А что-нибудь повеселее?

— Я думаю, — ответит Гога, — мы будем говорить о том, как хорошо мы жили...

март, 1994 г.

Литературно-художественное издание

Валентин Черных
МОСКВА СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ

Ответственный редактор *Елена Суворова*
Художественный редактор *Егор Саламашенко*
Технический редактор *Татьяна Харитоновна*
Корректор *Людмила Виноградова*
Верстка *Ольги Пугачевой*

Подписано в печать 20.06.2005.
Формат издания 75 × 100^{1/32}. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28,98. Тираж 4000 экз.
Заказ № 947.

Издательство «Ред Фиш».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197342, Санкт-Петербург, наб. Черной речки, д. 15, литер А.
E-mail: amphora@mail.ru

Отпечатано с готовых фотоформ
в ФГУП ИПК «Лениздат» Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

ОСР Давид Титневский. сентябрь 2021 г., Хаيفا

Вряд ли в нашей стране найдется человек, который не смотрел и не любил бы фильм «Москва слезам не верит». История провинциальной девушки Кати, приехавшей покорять Москву, знакома уже не одному поколению российских телезрителей.

А вот литературному произведению

«Москва слезам не верит» повезло гораздо меньше.

Мало найдется читателей, которые с уверенностью могли бы сказать, что им знакомы герои и события, не вошедшие в кинофильм. А жаль Валентин Черных — известный российский автор и сценарист (фильмы «Любовь земная», «Любить по-русски», «Выйти замуж за капитана» и другие) — блестяще умеет увлечь читателя неожиданным развитием сюжета или несколько иной, непривычной характеристикой полюбившегося персонажа.

Обложка:

К/ф «Москва слезам не верит», реж. В. Меньшов

© Киноконцерн «Мосфильм», 1979 г.

www.amphora.ru

9 785901 582565

ISBN 5-901582-56-X

